А. Г. ГЕРЦЕНШТЕЙН

ТЕОРИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЫНКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. МОСКВА 1928

А. ГЕРЦЕНШТЕЙН

A G Gerzenshtein

Teoriia.

ТЕОРИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЫНКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

А. МЕНДЕЛЬСОНА

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

HF
1007
.G28

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА — 1928

Отпечатано в Тверской
Гостипографии имени
К а р л а М а р к с а.
Тираж 3.000 экз.
Главлит № А—3854.
Заказ № 23.
ИКА 127.

ПАМЯТИ

ЕФИМА РИШИНА,

даровитого юноши, с которым связывали меня годы совместной студенческой работы.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

В своей книге тов. Герценштейн подытожил результаты большой работы, проделанной им в связи с проблемами, разрабатывающимися в семинаре по теории воспроизводства и кон'юнктуры в Институте Народного Хозяйства им. Плеханова. Тема работы—теория капиталистического рынка; содержание—систематическое рассмотрение проблем, связанных с теорией рынка, критический анализ постановок вопроса предшественниками Маркса и его эпигонами, развернутый анализ проблемы внешнего рынка с точки зрения предлагаемого автором критерия—„принципа балансового равновесия".

В части критической работа тов. Герценштейна была облегчена многочисленными высказываниями Маркса по поводу теорий предшественников, а также марксистскими работами, подвергшими критике сэевски-апологетическую трактовку проблемы Туган-Барановским и сисмондистски-народническую интерпретацию Розы Люксембург. Автором выдержан абстрактный характер трактовки проблемы. Этим работа выгодно отличается от ряда современных работ на экономические темы, где колонки цифр и статистические ряды подавляют теоретическую мысль. Несмотря на некоторую сложность формулировок, усугубляемую местами длиннотами в построении фраз, книга написана свежо и ярко. Для занимающихся проблемами теоретической экономии работа тов. Герценштейна представит интерес, как систематическая трактовка комплекса проблем, связанных с проблемой рынка, так и по своеобразию ряда формулировок, хотя в ней и имеются некоторые спорные, а отчасти представляющиеся нам неверными утверждения (как напр., характеристика взаимоотношений Маркса и Кенэ; принцип балансового равновесия в применении к анализу внешнего рынка в условиях капиталистического хозяйства). В качестве работы, написанной на школьной скамье, „Теория капиталистического рынка" свидетельствует о недюжинных способностях автора в области абстрактного анализа.

Тов. Герценштейн в своем исследовании оперирует моделью классического капитализма, не касаясь теоретических проблем капитализма позднейшей формации, усложненного монополистическими образованиями эпохи финансового капитала; он не касается также проблем экономики переходного периода в их специфическом своеобразии. Но значение работы от этого не уменьшается, так как через познание классического капитализма в его конкретной данности и в теоретическом отображении в системе Маркса лежит путь к познанию современного капитализма эпохи загнивания и подход к пониманию сложного комплекса экономической формации переходного к социализму советского хозяйственного строя.

А. Мендельсон.

ОТ АВТОРА.

Послевоенный период в новых разрезах и сочетаниях с исключительной остротой выдвинул перед экономической жизнью и теоретической мыслью основную проблему буржуазного общества — проблему рынка. Никогда еще за все время классового господства буржуазии эта проблема не стояла так грозно и неотвратимо, превращаясь в огромный вопросительный знак над завтрашним днем капитализма. В этой книге нет, однако, анализа современной капиталистической конкретности в ее неустойчивом стабилизационном оформлении. Сумма вопросов, поднятых и освещенных в работе, ограничивается теоретической трактовкой процесса накопления общественного капитала, что является необходимой основой соответствующего анализа, осуществление которого автор намечает в дальнейшем. Как известно, последняя крупная попытка охватить в целом противоречивое движение капитализма была выполнена Розой Люксембург, выдвинувшей модернизированную сисмондистскую концепцию невозможности реализовать внутренними силами капиталистической системы произведенную в ней прибавочную стоимость. Ортодоксальная марксистская мысль подвергла систематической критике учение Розы Люксембург и показала всю его логическую несостоятельность и историческую неоправданность. Параллельно этому, стремление отстоять развитые в «Накоплении капитала» взгляды — назовем хотя бы работы Я. Пилецкого—«Две теории империализма», Ю. Борхардта — «Накопление капитала» и Ф. Штернберга—«Империализм»—несомненно свидетельствует о разложении еще не успевшей по существу сложиться люксембургианской школы.

частью благодаря крайней вульгаризации, частью благодаря прямому или скрытому отказу от некоторых существенных догматов ее учения.

Предлагаемая вниманию читателя книга была написана в основном на студенческой скамье Института Народного Хозяйства им. Плеханова и лишь в последней своей части—«Капитализм и внешний рынок» (напечатанной в несколько сокращенном виде в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика», №№ 8 и 9 за 1927 г.) выполнена в связи с общей работой автора в Институте Мирового Хозяйства и Мировой Политики при Коммунистической Академии.

Автор.

Москва 30/VI—27 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОБЛЕМА РЫНКА.

Абстрактная теория капиталистического рынка ставит перед собою задачу свести к простейшему выражению те отношения и зависимости, на основе которых происходит постоянное возмещение составных частей производственного капитала—с одной стороны и постоянное возмещение потребительского фонда различных классов капиталистического общества—с другой. Она устанавливает регулятивные принципы процесса реализации совокупного товарного продукта в замкнутой системе капиталистического хозяйства. Основные законы, по которым совершается этот процесс, должны быть целиком выведены из внутренней природы самого капиталистического способа производства, предполагающего в качестве об'ективных социально-экономических условий своего существования: 1) всестороннее развитие товарной формы общественного богатства; 2) исторически сложившееся противопоставление рабочей силы на одном полюсе средствам производства на другом; 3) систематическое производство товарных масс с единственной целью получения прибыли. И лишь после того, как из внутренней природы капиталистического способа производства будут последовательно развиты и затем синтетически об'единены основные законы реализации общественного продукта, необходимо продолжить нить теоретического анализа, как в направлении большей конкретизации и детализации процесса движения этого продукта внутри капиталистического круга хозяйства, так и в направлении исследования причин и форм обмена веществ между капиталистическим хозяйством и окружающей его некапиталистической социальной средой. Путь идет от абстрактного к конкретному. Постепенное углубление исследования введением в круг абстрактного анализа ряда усложняющих факторов и отношений должно дать в результате объяснение наблюдаемого в действительности движения общественного капитала. Реальность познания определяется в конечном счете степенью соответствия наших представлений внешнему миру. Этот общий критерий значимости и истинности человеческого познания вполне применим и к теоретической экономии.

Открывая изучение законов воспроизводства и накопления исследованием замкнутой системы капиталистического хозяйства, которой в исторической действительности не существует, но с которой необходимо начать анализ в целях об'яснения этой действитель-

ности, требуется прежде всего дать научное определение самого понятия рынок.

Очень часто в политической экономии это понятие конституируется не с точки зрения функциональной роли рынка в процессе воспроизводства общественного капитала, а с точки зрения его пространственных связей с этим процессом [1]).

Такое определение является неправильным.

Политическая экономия изучает исторически сложившуюся социальную форму материального процесса производства: она имеет дело не с пространственными отношениями, а с общественными отношениями людей в производстве. Рынок интересует ее не как политико-географическое, а как социальное понятие — область, где сплетаются экономические противоречия и интересы. Но непрерывность кругового движения вещей (продуктов труда) в товарно-капиталистической системе хозяйства предполагает непрерывность установления специфических общественных отношений купли-продажи. Постоянное воспроизводство этих отношений, охватываемых общим понятием рынок, включается составным моментом в процесс воспроизводства капитала. Здесь решающее значение приобретают не обособленные индивидуальные явления обмена, а крупные, характерные по своей вещественной направленности, акты реализации, суммирующие в себе массы однородных меновых сделок. В систематическом перемещении определенных натуральных частей общественного продукта между отдельными социальными группами и внутри последних заключается функциональная роль рынка в товарно-капиталистическом хозяйстве. Поэтому рынок необходимо конституировать, как совокупность определенных социально-значимых отношений купли-продажи, на основе которых происходит превращение товарной формы общественного продукта в денежную и денежной формы в товарную. Но в чем, собственно, состоит проблема рынка, вокруг которой уже свыше столетия работают, сменяя друг друг, несколько поколений экономистов? Где лежат ее узловые пункты?

Над всей хозяйственной жизнью современности тяготеет какой-то тяжелый загадочный рок—борьба за рынки. В капиталистическом хозяйстве продукты производятся исключительно для продажи, и наличие более или менее широкого рынка сбыта товаров является основным условием развития капиталистической промышленности. Рынок служит связующим звеном между общественным производством и общественным потреблением, которым всякий раз завершается цикл воспроизводства капитала путем уничтожения конечных продуктов этого цикла—индивидуальных жизненных средств, и которое ограничивается в своем об'еме не размером непосредственных физи-

---

[1]) Таково, напр., определение М. Туган-Барановского: «Совокупность пунктов сбыта данного товара называется его рынком» («Периодические промышленные кризисы». 1923, стр. 155).

ческих потребностей в продуктах потребления, а величиной наличной покупательной способности различных социальных слоев капиталистического общества. Эта конкурентная борьба за рынок принимает различные формы и ведется различными способами, на последовательно сменяющих друг друга ступенях эволюции капитализма. При промышленном капитализме она носит не тот характер, что при торговом, при финансовом не тот, что при промышленном. Но как бы ни менялись формы и способы борьбы за рынки, красная линия ее — неизменно нарастающая острота самого процесса борьбы.

Конечно, рынок старше капиталистического способа производства: он предшествует ему и логически и исторически. Ремесло, являющееся по своей внутренней цельности классической формой простого товарного хозяйства, также опирается на рынок. Но есть одно глубокое и почти внешне-осязаемое различие в отношении между рынком и производством в обеих, преемственно связанных, системах хозяйства. В ремесленном хозяйстве, исторической колыбелью которого является средневековый город, рынок давит на производство; спрос, как общее правило, идет не позади, а впереди предложения, стимулирует и развивает его. Сбыт производимых продуктов мелким городским и деревенским покупателям, размеры и характер спроса которых могут быть традиционно предвосхищены заранее, отличается удивительной устойчивостью и постоянством. Могут пройти годы и десятилетия, сойти в могилу одни и народиться другие, а уровень цен на внутреннем городском рынке, охраняемом бдительным оком цеха, остается неизменным [1]). В основе такого соотношения между спросом и предложением лежит определенная организация производства, направляющим импульсом развития которого является удовлетворение личных потребностей самих производителей. Нет погони за прибылью, нет накопления ради накопления, нет независимого от наличия реального спроса расширения об'ема производства. Интересы потребления господствуют и служат движущей пружиной роста производительных сил простого товарного хозяйства.

---

[1]) Анализируя условия этой устойчивости сбыта, Зомбарт дает им следующую формулировку: «Спрос должен быть в качественном и количественном отношении обеспечен и не изменен, т.-е. постоянно должен пред'являться на одинаковое количество одинаковых предметов» («Современный капитализм» Т. I, 156). Качественная устойчивость спроса обусловливается устойчивостью вкусов и потребностей покупателей промышленных продуктов—«наблюдаемое в продолжении столетий деление «народа» на издавна сложившиеся сословия духовенства, дворянства, крестьян и горожан обусловливает... постоянный спрос, который в качественном отношении тем неизменнее, чем меньше меняются в пределах этих групп нравы и обычаи». Количественная устойчивость спроса «будет только в том случае, если количество произведенных товаров не будет возрастать в более быстром отношении, чем покупательная способность населения». Ту же оценку характера спроса в период, предшествующий развитию крупной капиталистической промышленности, дает и другой вдумчивый исследователь—Дж. Гобсон. Он пишет: «Торговля по большей части велась на небольшом прочном местном базисе с известными постоянными покупателями» («Эволюция современного капитализма», стр. 37).

Ремесленный строй производства чуждался конкуренции подобно тому, как Адам—яблока познания. Сословные отношения, охватывавшие подобно железным кольцам своеобразную пирамиду социальных группировок европейского средневековья, определяли раз и навсегда место человека в обществе и его долю в национальном продукте. Психология хозяйственной жизни кристаллизуется вокруг знаменитой идеи о справедливом вознаграждении. Исходя из нормирующей идеи «справедливого вознаграждения», в которой так четко отражаются закрепленные традицией привычные формы экономического мышления, цехи определяют цены на производимые товары, гильдии фиксируют уровень заработной платы, землевладельцы устанавливают размеры присваиваемой ренты. Место свободного договора занимает авторитет, место свободного соревнования—обычай. Вся эта окостеневшая система людского общежития находила свое историческое оправдание в примитивной технической основе ремесленного способа производства.

Нечто глубоко противоположное мы имеем в капиталистическом хозяйстве. Что с первого взгляда резко бросается в глаза,—это постоянные затруднения и осложнения в ходе реализации производимых товарных масс. Конкуренция, постоянные колебания цен, повседневные заминки, сезонные циклы, общие периодические торгово-промышленные кризисы, связанная со всем этим широкая растрата производительных сил—таковы типические черты капиталистического процесса [1]). Общественное предложение товаров лишь в исключительные моменты падает ниже уровня общественного спроса. Наоборот, производство во всякой сложившейся капиталистической стране обычно всегда настойчиво давит и напирает на рынок, предложение характеризуется неотразимой тенденцией идти впереди внутреннего спроса, и систематически дает себя знать то более, то менее остро выраженная потребность втянуть в круг данного национального хозяйства все новые и новые области сбыта товаров.

Относительная узость рынка приводит не только к ожесточенной борьбе за размещение произведенных товаров. Она имеет и другую важную сторону — препятствует полной активизации имеющихся в обществе производительных сил. Внутренняя связанность и взаимозависимость отдельных отраслей капиталистической промышленности, сведенных к общему единству применением механической двигательной силы, служит материальной основой почти сказочной способности современного производства расти и расширяться. В противоположность мало гибким докапиталистическим формам производства современная крупная машинная индустрия характери-

---

[1]) Специальная комиссия. работавшая под руководством государственного секретаря торгового департамента Соединенных Штатов Гувера над изучением факторов и размеров непроизводительных растрат в американской промышленности, пришла к выводу, что в среднем в исследованных ею шести крупнейших отраслях около 50% затраченных материалов и энергии не дают никаких полезных результатов. В числе других причин этого явления немаловажную роль играют моменты, связанные с реализацией товаров.

зуется замечательной эластичностью: она скачкообразно увеличивает и уменьшает свой об'ем в зависимости от потребностей момента. Но эта могучая потенциальная способность производительных сил к расширению постоянно тормозится трудностью сбыта товаров на рынке.

Как продать свой товар?—вот основная задача каждого предпринимателя. Существенно при этом, что реализация товарного продукта должна быть осуществлена в определенных лимитах времени и в границах определенных уровней цен. Первые детерминируются вещественной природой реализуемых товаров, потребительная ценность которых имеет известную градацию сроков сохраняемости; вторые — совокупностью конкурентных отношений, вынуждающих всякого предпринимателя авансировать свой капитал, лишь при условии регулярного получения по крайней мере обычной нормы прибыли. Именно поэтому рынок является своего рода центральным, фокусом современного хозяйственного процесса, сосредотачивая вокруг себя и простые расчеты торговца, и интересы научной мысли и острые политические конфликты. От орудия рекламы до рекламы брудием— такова сложная гамма капиталистических методов борьбы за рынок.

Идущие по линии реализации препятствия, на которые наталкивается процесс воспроизводства, не остаются стационарными в ходе исторической эволюции капитализма. С пространственным распространением буржуазного способа производства и его углублением в старых странах буржуазной культуры трудности сбыта товаров прогрессивно возрастают. Анализ изменения состава населения по профессиям показывает, что во всех странах капитализма происходит исключительно быстрое увеличение различных торговых учреждений и занятых в них лиц [1]).

Темп прироста социальных групп в области распределения обгоняет темп прироста их даже в такой быстро прогрессирующей сфере капиталистического хозяйства, как тяжелая индустрия. Так, напр., в Соед. Штатах Сев. Америки количество людей, занятых в торговле, возросло за десятилетие с начала войны в восемь раз по сравнению с количеством людей, занятых в производстве. Удельный вес оптовой и розничной торговли, связанной с различными видами торговой

---

[1]) Хорошо разработанные сводные данные приводит по этому вопросу Д. А. Гобсон в своей работе „Эволюция современного капитализма". В Соед. Штатах Сев. Америки затрачиваемый потребителем доллар распределяется следующим образом: при покупке готового мужского платья на долю производства падает 55%, а на долю распределения — 45%. При покупке обуви, соответствующие данные — 64% и 36% (См. Ю. Гирш „Успехи организации Американского хозяйства", изд. „Время", 1926 г. стр. 211). На ряду с развернутой рекламной системой американский капитализм начал в последнее время успешно практиковать новые методы интенсифицирования конечного потребительского спроса. Это—организованный сбыт в кредит прочных (капитальных) предметов потребления: автомобилей, грамофонов, роялей, швейных машин и т. п. С помощью такой продажи в рассрочку, охватывающей обычно 12—18 мес., известная часть будущего дохода населения мобилизуется и закрепляется, как покупательная сила для оплаты определенных товаров внутреннего производства, и тем самым расширяются границы отечественного рынка для этих товаров.

агентуры, повышается — и это лучший показатель того, что современный строй народного хозяйства жизненно требует для реализации своих продуктов такой сложной посреднической организации, расходы на которую несет в конечном счете потребитель.

Элементарный характер ремесленной техники делал возможным а иногда и просто необходимым прерывистость ремесленного процесса производства.

И здесь капитализм дает нам нечто противоположное Если технические условия организации труда в современной капиталистической промышленности вынуждают непрерывность в движении процесса производства, .то общественные условия разделения труда обеспечивают постоянную возобновляемость этого процесса. Технические основы организации труда все в большей и большей мере освобождают крупную капиталистическую промышленность от условий пространства и времени и тем самым создают материальную возможность равномерного и постоянного производства товарных масс, приобретающего характер автоматизма. В свою очередь, общественные основы разделения труда все в большей и большей мере заменяют последовательность трудовых фаз во времени одновременностью их сосуществования в пространстве и обеспечивают тем самым процесс производства товаров как процесс, в котором конец одного цикла непосредственно переходит в начало другого, и все они вместе образуют связанные между собою звенья одной бесконечной цепи.

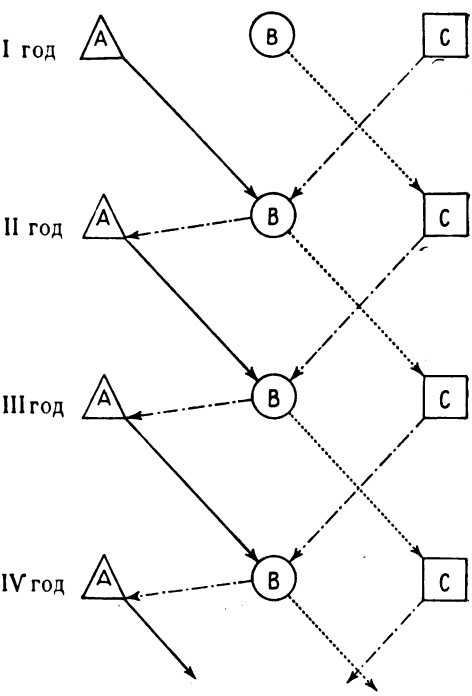
Это всестороннее разделение общественного труда находит свое отчетливое выражение в формах движения вещественных продуктов труда. Присмотримся поближе к этому движению, внутренние законы которого должна установить теория накопления капитала.

Совокупный общественный продукт всеми своими натуральными частями, кроме тех, которые непосредственно вновь включаются в очередной производственный цикл, постоянно выходит из различных отраслей промышленности и движется в сфере обращения, сосредоточиваясь здесь отдельными, обусловленными их вещественной формой, группами товаров. Сумма всех обращающихся товаров составляет товарный капитал общества—определенную и постоянно меняющуюся, как по размерам, так и по составу, часть всего общественного капитала, охватывающего на ряду с товарной еще денежную и производительную формы.

В замкнутом домашнем хозяйстве индивидуальные жизненные средства непосредственно поступают из сферы производства в сферу потребления. В простом товарном хозяйстве эта непосредственность связи в значительной степени уничтожается в силу существования обмена между отдельными производственными единицами. В капиталистическом хозяйстве еще больше увеличивается расстояние между производством и потребителем, так как всестороннее разделение труда легко создает впечатление самодовлеющего значения обращающихся средств производства и тем самым искривляет реальную перспективу хозяйственного процесса. На капиталистическом рынке

одновременно существуют рядом друг с другом средства производства и средства потребления. Именно этот момент постоянного сосуществования в пространстве внешне стирает различие их функциональных назначений и накладывает отпечаток самостоятельности и независимости на движение тех и других. Но в действительности, за этой внешней самостоятельностью, скрывается глубокая внутренняя зависимость, сказывающаяся в самой общей форме уже в том, что средства производства и средства потребления закономерно совершают свое движение на рынке в прямо-противоположных направлениях.

Круговорот веществ в целом народного хозяйства.



Нижеследующая схема намечает основные линии обращения общественного продукта в целом народного хозяйства. Группа I об'единяет отрасли производства средств производства для изготовления средств производства, группа II—отрасли производства средств производства для изготовления средств потребления, группа III—отрасли производства средств потребления.

Продукт первой группы поступает во вторую, подвергается здесь переработке и затем уходит в третью. На деньги, вырученные от продажи I своих товаров II-ой и II своих товаров III, I и II группы покупают у III предметы личного потребления.

В то время, как средства производства, переходя через посредство рынка из одной отрасли промышленности в другую и, совершая т.о. свое последовательное движение во времени, постепенно изменяют свою физическую природу и становятся средствами потребления,—средства потребления, в свою очередь, все снова и снова возвращаются ко всем исходным пунктам своего образования и служат основным жизненным условием всего этого процесса становления. Если средства производства постепенно развиваются в средства потребления, то сами средства потребления постоянно питают процесс этого развития. Для простоты предположено, что производственные периоды всех трех групп одинаковы по своей продолжительности. В этом случае средства производства, изготовленные в I группе, лишь к концу третьего года превратятся окончательно в различные средства потребления и будут выброшены на рынок.

Но если средства производства постепено трансформируются в средства потребления, то это не означает, что капиталистическое общество проедает свой материальный производственный аппарат, ибо в условиях нормальной хозяйственной деятельности оно систематически воспроизводит все его составные части и притом обычно на расширенной основе. Таковы самые поверхностные и общие контуры внутренней связи кругооборота веществ в целом капиталистического хозяйства. Рассматриваемый в постоянном и непрерывном движении весь кругооборот веществ выступает, как единый процесс постоянного возобновления материальных условий личной и общественной жизни капиталистической системы.

Итак, непрерывность процесса воспроизводства в целом капиталистического хозяйства требует непрерывности кругового обращения совокупного товарного продукта, охватывающего как движение средств производства, так и движение средств потребления на внутреннем капиталистическом рынке. А непрерывность обращения совокупного товарного продукта на внутреннем рынке требует, в свою очередь, непрерывность образования достаточного платежеспособного спроса на все составные вещественные части этого продукта. Иными словами, непрерывность функционирования общественного капитала в промышленности обуславливается постоянством образования реального спроса на продукты этой промышленности. Здесь мы подходим вплотную к проблеме капиталистического рынка, которая суммирует в себе следующие вопросы:

1. Чем обуславливается величина всего капиталистического рынка, или, иными словами, общая сумма внутреннего спроса на продукты капиталистической промышленности?—Это проблема об'ема внутреннего капиталистического рынка, взятого в целом.

2. Какие факторы определяют степень реализуемости отдельных частей совокупного товарного продукта и—обратно—степень образования излишков на внутреннем рынке?—Это проблема емкости внутреннего рынка?

3. К чему сводится зависимость между рынком средств производства и рынком средств потребления внутри капиталистического хозяйства?—Это проблема связи между общественным производством и общественным потреблением при капитализме.

Таковы три переплетающиеся между собою в один запутанный клубок составные части общей проблемы капиталистического рынка.

Исключительная трудность проблемы рынка об'ясняется в значительной степени тем, что правильное разрешение ее требует в качестве основной методологической предпосылки решительно отказаться от индивидуально-хозяйственной точки зрения и также решительно перейти на точку зрения всего капиталистического хозяйства в целом. Проблема рынка резюмируется, по существу, в проблеме общественного спроса. Теория рынка должна об'яснить законы реализации товаров в капиталистическом хозяйстве, т.-е. раскрыть принципы, по которым происходит оплата и возмещение составных натуральных элементов общественного продукта. Но под углом зрения отдельного

частного хозяйства, из тысячи тысяч которых соткана производственная основа капиталистического процесса, поставленная проблема абсолютно неразрешима. И здесь нет ничего удивительного. Поскольку деньги выступают, как всеобщая форма связи между отдельными агентами капиталистического хозяйства и всесторонне опосредствуют товарный обмен веществ, точка зрения частного хозяйства необходимо сводит всю проблему реализации к денежному моменту и емкость капиталистического рынка отождествляет просто с богатством покупателей. Деньги рассматриваются, как единственное начало, с о з д а ю щ е е спрос, а факторы, действительно лежащие в основе общественного спроса и определяющие в каждый данный момент его формы и размеры, совершенно ускользают при таком подходе к проблеме из поля зрения. Но, помимо того, точка зрения частного хозяйства по самой природе своей является точкой зрения хаоса и случайности. Проникнуть во внутреннюю зависимость вещей и уловить за пестрой мозаикой беспрерывно повторяющихся и перекрещивающихся меновых явлений типические правильности и строгие закономерности ей не дано так же, как не дано гетевскому Вагнеру способности какого-либо целостного обобщения неустанно собираемых им из различных областей науки мелочных фактов.

Ежедневно происходит реализация множества разнообразных товаров, но при индивидуалистическом подходе остается совершенно непонятной прочная связь и обусловленность покупок и продаж в рамках годового производства и распределения национального продукта. И только последовательно проведенная точка зрения совокупного общественного хозяйства дает возможность преодолеть до конца кажущуюся эпизодичность менового процесса и свести индивидуальное к типическому, частное—к общему, отдельное и случайное—к некоторому высшему всеохватывающему единству. Только синтетический охват может привести к положительным научным результатам. Чтобы построить логически законченную теорию рынка, надо воспринять в ц е л о м кругооборот вещей в капиталистическом хозяйстве. Последнее должно быть конструировано, как особый организм, имеющий свои самостоятельные, часто противоречащие интересам отдельных хозяйственных единиц, законы. Как известно, на эту новую социальную точку зрения впервые стал Франсуа Кенэ, теория воспроизводства которого составляет внутреннюю идейную ось всего физиократического учения. Несмотря на ошибочность физиократической концепции, великая заслуга этих смелых и оригинальных мыслителей заключается в том, что они впервые внесли в науку метод анализа экономического процесса по принципу отыскания законов причинной связи и впервые же попытались, взвесив и измерив элементы этого процесса, об'единить полученные числовые данные во внутренне организованную систему цифр.

Совершенно ясно, что теория воспроизводства общественного капитала является необходимой научной основой теории капиталистического рынка, а эта последняя—основой теории кризисов. Но за марксовыми схемами воспроизводства, бросившими поразительно

яркий свет на вещественные связи и стоимостные отношения капиталистического процесса, стоит во весь рост старик Кенэ. Если р е ш е н и е м проблемы Маркс совершил переворот в истории политической экономии, то в методах п о д х о д а к этой проблеме он лишь следовал Кенэ.

Подобно Кенэ, Маркс мыслит не индивидами, а классами, не отдельными личностями, а социальными массами. Подобно ему, он в целях временного упрощения анализа отвлекается от денежной формы и с огромной степенью творческой сосредоточенности сводит внешне разрозненное и кажущееся произвольным движение товаров на капиталистическом рынке к законосообразным перемещениям крупных составных вещественных частей совокупного товарного продукта по определенным линиям процесса реализации. Наконец, опять-таки подобно Кенэ, он не удовлетворяется одной лишь качественной характеристикой общественного воспроизводства, но дает последнему совершенно точное количественное выражение своей гениально простой шестичленной формулой, охватывающей основные функциональные зависимости элементов капиталистического хозяйства и намечающей идеальный прообраз установления законов социального процесса в форме числовых соотношений. Намечая лишь общие контуры обмена веществ в разрезе целостного капиталистического хозяйства, схема в чрезвычайно выпуклой форме характеризует центральные средоточия процесса реализации товаров, его основные узловые пункты.

В противоположность художнику, экономист не создает истин, но лишь открывает их. Марксова теория воспроизводства с редкой проникновенностью открыла с т р о г о е е д и н о о б р а з и е капиталистического процесса, как в отношении числовой зависимости между с о с у щ е с т в у ю щ и м и частями совокупного товарного продукта, включенными в отдельный цикл воспроизводства, так и в отношении числовой зависимости между п р е е м с т в е н н о с в я з а н н ы м и и однородными по своей вещественной форме частями товарного продукта, созданными в следующие друг за другом воспроизводственные циклы. Именно это обстоятельство охвата схемой и закономерностей равновесия хозяйственной системы в пространстве и закономерностей равновесия во времени необходимо особенно подчеркнуть.

Но тем самым был, наконец, найден ключ к познанию статики и динамики капиталистической системы хозяйства во всей ее внутренней полноте. Силой абстрактной мысли Маркс обобщил беспорядочную хронику менового оборота в стройную систему покупок и продаж. Подобно тому, как в действиях и противодействиях отдельных лиц, составляющих общество, он увидел логику классовых отношений, в кажущейся произвольности рыночных сделок он уловил логику процесса обращения капитала. Впервые после Кенэ реализация совокупного национального продукта была представлена как е д и н ы й связный процесс, который все снова и снова закономерно пробегает с каждым следующим кругооборотом обществен-

ного капитала по одним и тем же линиям, расположенным в определенном направлении относительно отдельных отраслей капиталистического производства и замыкающим собою всю сферу капиталистического обращения товаров. Воздвигнутое на новых архитектурных началах здание теоретической экономии нашло в схемах свое блестящее завершение.

Но смысл и значение схем далеко не исчерпывается познанием законов реализации товаров в капиталистическом хозяйстве. Врожденная широта марксова ума сказалась в том, что он внес в свои четкие обобщающие формулы воспроизводства такие крупные моменты внеисторического характера, которые составляют фундамент всякого общественного хозяйства и которые выступают при капитализме в своеобразных формах, отражающих капиталистическую структуру производственных отношений. Вещественные и личные факторы производства, труд, необходимый для поддержания существования работников и избыточный труд, сумма годового продукта и сумма годовых затрат, размер производства и потребления—все это такие стойкие общезначимые категории социального процесса, которые в любом обществе должны быть тем или иным путем приведены в известное соотношение между собою для того, чтобы сохранить постоянное или хотя бы подвижное равновесие совокупного общественного хозяйства. В социалистическом хозяйстве, где железный закон трудовых затрат, лежащий в основе равновесия всякой социальной формации, превратится из гнетущей внешней необходимости в руководящее правило экономической деятельности, отношения и зависимость процесса воспроизводства станут восприниматься, как определяющие нормы, на основе которых будет строиться сводный баланс общественного производства и потребления. Там, где общественное производство в целом регулируется сознательной волей и строится не анархически, а с ватерпасом, с метром, с отвесом в руках, схемы приобретают практическое значение, охватывая в связную систему приведенные к единому трудовому знаменателю суммарные коэффициенты основных элементов социальной экономики. Политическая экономия превращается из науки в искусство, и схемы воспроизводства становятся готовыми служебными формулами, в которых легко укладываются и стройно организуются итоги и перспективы годовой хозяйственной работы. Подставляя на место алгебраических обозначений марксовых формул соответствующие статистические величины, мы получаем до предельности сжатую, лапидарную и вместе с тем исчерпывающую характеристику состояния хозяйства в данный момент и его реальных возможностей в следующий. Конечно, сознательное регулирование общественного производства не может удовлетвориться лишь теми суммарными сопоставлениями внутри общественной продукции, которые даны в схемах, и несомненно потребует целой системы подсобных детализированных балансов, фиксирующих отдельные стороны экономического процесса[1]). Но

[1]) Ср. В. Базаров. «Капиталистические циклы и восстановительный процесс» «Плановое Хозяйство». 1927, стр. 5—15.

все эти частные ответвления самых различных вариаций будут располагаться и концентрироваться вокруг своего внутреннего центра—общей формулы равновесия народного хозяйства.

Однако в том разрезе, в каком эти схемы нас сейчас интересуют, необходимо сказать, что строгую законосообразность капиталистического процесса реализации Маркс чрезвычайно выпукло наметил лишь в самых общих чертах и не развернул на основе своих схем теории капиталистического рынка, что естественно предполагало бы исследовать связи между формулированными и вещественными и стоимостными отношениями капиталистического процесса и социальной механикой спроса и предложения, дать систематическую разработку вопроса о потреблении при различных условиях воспроизводства и проследить значение внешнерыночного спроса в ходе исторического движении капитала. В результате ряда отдельных попыток продолжить нить, вырванную смертью из рук Маркса, налицо более или менее правильный анализ различных сторон этой многогранной проблемы, но цельной и законченной теории рынка у нас еще не имеется.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Исходной точкой теоретического анализа служит простое воспроизводство общественного капитала, отличительной чертой которого является непроизводительное потребление всей массы ежегодно создаваемой прибавочной стоимости. Соответственно этой специфической непроизводительной направленности общественного производства существует определенная структура распределения между отдельными отраслями промышленности совокупной рабочей силы, производящей составные части общественного продукта. Совокупная прибавочная стоимость заранее воплощается в самом процессе производства в соответствующие об'ективным условиям простого воспроизводства вещественные элементы, которые частью служат для последующего производства предметов капиталистического потребления (М I), а частью (М II) систематически выключаются в процессе реализации из хозяйственного кругооборота с тем, чтобы больше туда не возвращаться. Отрасли промышленности, изготовляющие предметы капиталистического потребления, должны ежегодно производить товаров на сумму, равную сумме всей получаемой классом капиталистов прибыли, ибо весь капиталистический доход затрачивается с единственной целью удовлетворения индивидуальных жизненных потребностей присваивающих его социальных групп. Так как в этих условиях совершенно отсутствует превращение какой-либо части национального дохода в производительную форму национального капитала (средства производства и рабочая сила), то сумма производительных сил общественного хозяйства остается неизменной в каждом следующем цикле процесса воспроизводства. Капиталистический процесс производства и обращения движется все время в кругу одного и того же радиуса, хотя рабочий класс получает лишь часть вновь созданной им в течение года новой стоимости, и его недопотребление уравновешивается максимальным непроизводительным потреблением буржуазии. Отсутствие материального фонда накопления обусловливает стационарность об'ема вещного и людского аппарата. Инерция застоя тяготеет над всей социальной системой.

Чем же определяется размер капиталистического рынка в этих условиях постоянного простого воспроизводства всего общественного капитала? Из каких частей складывается сумма общественного спроса при отсутствии накопления капитала?

Если необходимой методологической предпосылкой разрешения проблемы рынка является строго проведенная точка зрения целостного общественного хозяйства, связывающая случайные меновые акты в стройную систему покупок и продаж, то ее необходимой логической предпосылкой должно быть совершенно отчетливое представление о вещественной и стоимостной структуре совокупного товарного продукта. Один лишь синтетический подход при анализе воспроизводства капитала еще недостаточен. Наряду с ним надо ясно понимать, из каких натуральных частей состоит этот продукт, и как делится он по стоимости.

Совокупный товарный продукт распадается по своему вещественному составу на средства производства и средства потребления, а по своему стоимостному составу на элементы национального дохода и элементы национального капитала.

Так как капиталистический процесс покоится на основе всесторонне развитого разделения общественного труда, то материальные ингредиенты каждого отдельного товара производятся одновременно рядом друг с другом в смежных отраслях капиталистического производства. В то самое время, как в одном месте средства производства и сырые материалы становятся тканью, в другом месте они уже вновь существуют, как таковые, а в третьем—еще только становятся средствами производства и сырыми материалами. Поэтому материальным результатом каждого цикла капиталистического воспроизводства является сосуществование совокупного общественного продукта в многоразличных вещественных формах, образующих две крупные и несходные по своему функциональному назначению группы,—об'ективная предпосылка непрерывности всего хозяйственного кругооборота в целом. Так как, с другой стороны, всякий индивидуальный товар состоит не только из вновь созданной стоимости, откристаллизовавшейся в этом товаре, но и из стоимости, перенесенной на него в процессе производства, то сумма стоимости продукта годового труда никогда не совпадает, но всегда меньше общей суммы стоимости всего годового продукта труда. Вторая сумма, точно выражающая всю стоимость имеющегося в конце каждого цикла воспроизводства совокупного общественного продукта, включает в себя как первую сумму (V+M), так и всю сумму перенесенной на продукт в течение данного цикла воспроизводства уже существовавшей в обществе капитальной стоимости (C).

Этого отчетливого представления о двойственности вещественного состава общественного продукта, замкнутого в трехчленную формулу (постоянный капитал, переменный капитал, прибавочная стоимость) не с'умела выработать себе вся предшествовавшая Марксу политическая экономия, и нет поэтому ничего удивительного, что проблема капиталистического рынка оказалась ей не под силу. Вся домарксова политическая экономия считала, что размер капиталистического рынка ограничивается размером общественного потребления, а этот последний—размером совокупного

общественного дохода. Как для классиков и Сисмонди, так и для Кирхмана и Родбертуса, несомненно, что равновесие между совокупным товарным предложением и совокупным товарным спросом обуславливается строгим соответствием между величиной всего национального продукта и величиной всего национального потребления. Капиталистическая промышленность может беспрепятственно реализовать на внутреннем рынке товаров на сумму, не превышающую суммы произведенного за предшествующий период времени дохода, который является об'ективной крайней границей расширения капиталистического производства [1]).

Эта общность точки зрения, с которой все они смотрели на чрезвычайно сложный процесс реализации, независимо от своих резких расхождений по ряду других вопросов проблемы накопления капитала, об'ясняется тем, что все они совершенно некритически принимали знаменитый тезис Адама Смита о распадении всякого товара и, следовательно, всего совокупного товарного продукта исключительно на элементы общественного дохода.

Как известно, Смит никогда не отрицал, что в цене всякого реализованного на рынке товара должна быть необходимо оплачена часть, приходящаяся на затраченные в процессе производства этого товара средства производства. Но только, по его мнению, стоимость этих средств производства не является каким-либо особым элементом товарной цены, наряду с указанными уже им элементами дохода, а точно также необходимо распадается, в свою очередь, на элементы общественного дохода, созданного при изготовлении данных средств производства. Т. о., хотя строго определенная доля цены каждого товара и должна естественно возместить истраченную на производство этого товара капитальную стоимость, но сама эта капитальная стоимость уже составляет чей-либо доход и поэтому не может быть теоретически конструирована, как самостоятельный и неразложимый ингредиент товарной цены. В результате подобного софистического рассуждения постоянный капитал исчезал из поля зрения исследователя, растворяясь без остатка в народном доходе. Но тем самым создавалась невозможность положительного решения проблемы накопления, которая, подобно гробу Магомета, повисала между небом и землей.

Скептицизм есть начало всего нового и значительного в истории человеческой мысли. Подвергнув сосредоточенному критическому

---

[1]) Насколько эта неправильная мысль укрепилась в экономической литературе, показывают, напр., следующие цитаты: «Производство противостоит доходам в таком же положении, как спрос предложению... Эти доходы в течении определенного периода соответствуют производству. Оба покрывают друг друга: доходы как раз достаточны, как мы уже знаем, для того, чтобы купить продукцию» (Кассель, «Теория кон'юнктур». 1925, стр. 93). И еще: «Что всякое производство в конечном счете ограничивается индивидуальной способностью потребления, что стало быть, в конце концов, все продукты служат для удовлетворения личных потребностей. понятно само собой». (В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. I, стр. 66).

анализу этот удивительный догмат Адама Смита, долгое время сковывавший мысль экономистов, Маркс сумел разгадать тайну капиталистического процесса реализации. Мы не будем останавливаться здесь на изложении его критики, которую так блестяще продолжила и закончила Роза Люксембург, но попытаемся только воспроизвести то странное и неправильное представление о реализации капиталистического продукта, какое естественно складывалось у сторонников этого тезиса, когда они пытались мысленно охватить процесс общественного производства в целом.

Если считать, что цена всякого товара сводится без остатка к элементам дохода, то последовательное перемещение какого-либо товара из одной фазы производства в другую вплоть до его окончательного изготовления и перехода в сферу потребления должно было представиться, как последовательное распадение всей стоимости этого товара между различными общественными классами в форме общественных доходов. Все капиталистическое производство, рассматриваемое под таким насквозь искривленным углом зрения, выступает, как постоянное производство и воспроизводство одного только дохода, систематически распределяющегося по своим определенным внутренним законам между составными классами капиталистического общества и оплачивающего вслед затем в процессе реализации всю массу созданного в предшествующем цикле товарного продукта. Т. о. размер внутреннего рынка дан размером национального дохода, а возможность свободной реализации капиталистического продукта—условиями равномерного распределения этого дохода. Сложный и запутанный процесс реализации наивно сводился к простому обмену общественного продукта на общественный доход, а пределы роста капиталистической промышленности непосредственно ограничивались железным кольцом общественного потребления. Логический промах в анализе стоимости товара имел роковое последствие для решения проблемы накопления.

Смит лишь едва наметил всю эту концепцию, ибо проблема рынка вообще не была поставлена им, как проблема sui generis. Наиболее отчетливо свою точку зрения по этому вопросу он высказал в следующих словах:

«Обращение всякой страны как бы распределяется на две различные отрасли: обращение, совершающееся между торговцами и обращение между торговцами и потребителями. Ценность товаров, обращающихся между разными торговцами, не может превышать ценность товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, потому что все, что покупается первыми, в конце концов назначается для продажи последним [1]).

Однако, полное и чрезвычайно тщательное развитие эта концепция получила в учении Сисмонди, показавшего экономистам из рук вон скверную манеру подставлять этику на место науки, точку зрения развития производительных сил подменять точкой

---

[1]) «Богатство народов», стр. 171. «Прибой». 1924 г.

зрения мелко-буржуазной справедливости, а вместо критики от разума действовать критикой от чувства. Именно Сисмонди совершенно отчетливо формулирует то положение, что

«Национальный доход должен определить национальный расход, последний должен в потребительском фонде поглощать совокупную (Курсив мой. *А. Г.*) выручку производства; полное потребление обусловливает равное или более значительное воспроизводство, а из воспроизводства возникает доход. И в другом месте: «если бы на годовой доход не покупалось бы все (Курсив мой. *А. Г.*) годовое производство, часть последнего осталась бы непроданной, она загромоздила бы магазины производителей, парализовала бы их капиталы, и производство пристановилось бы» [1]).

Вслед за Сисмонди и Родбертус—экономист с исключительной силой абстрактной обобщающей мысли и умением чрезвычайно глубоко и оригинально ставить теоретические проблемы—пишет почти в тех же выражениях:

«Национальный доход известного периода будет всегда совпадать с ценностью национального продукта, произведенного на всех ступенях в течение того же самого периода» [2]).

Эту теорию о совпадении общественного производства с общественным потреблением воспринял целый ряд крупных и мелких экономистов [3]) и к характеристике современной буржуазной политической экономии необходимо сказать, что она все еще целиком ее разделяет, хотя уже, кажется, прошло не мало времени с тех пор, как Маркс показал нелепость смитовского тезиса.

Теория эта неверна в двух отношениях. Если бы вся сумма национального продукта реализовалась только в национальном доходе, то оставалось бы совершенно непонятным, каким образом регулярно реализуются, и кем, собственно, оплачиваются постоянно воспроизводимые в каждом следующем кругообороте капитала необходимые для восстановления технического аппарата средства производства, которые не могут ведь оплачиваться из фонда национального дохода, затрачиваемого на покупку предметов потребления. С другой стороны, если бы вся сумма национального дохода обращалась бы только на покупку предметов личного потребления, то было бы опять-таки непонятным, каким образом происходит накопление капитала, которое предполагает превращение определенной части капитализируемого национального дохода в форму добавочных средств производства, никогда не входящих, конечно, в состав личного потребления. Как первое, так и второе из этих существеннейших затруднений общей проблемы капиталистического воспроизводства оказались совершенно непреодолимыми для всех экономистов от Смита до Родбертуса включительно.

---

[1]) Симонд-де-Сисмонди. «Новые начала», стр. 54, перевод Эфруси.

[2]) К. Родбертус Ягетцов. «Капитал»—четвертое социальное письмо к Ф. Кирхману, стр. 203.

[3]) Ср. Е. Бергман. «Исторический очерк теории экономических кризисов». 1898.

Что касается первого затруднения, то они или вообще полностью обходили его, сводя совокупный товарный продукт лишь к сумме предметов индивидуального потребления и с редкой близорукостью упуская из вида наличие и обращение средств производства, или же, в лучшем случае, крайне наивно разрешали его простым утверждением, что в процессе обмена национального продукта на национальный доход происходит не только оплата произведенных предметов потребления, но также и возмещение всей стоимости израсходованных в производстве средств и орудий труда.

Смит и Рикардо, например, прямо заявляют, что все национальное производство целиком потребляется, а Сэй, с присущей ему ограниченностью недалекого апологета строит на этой странной ошибке великих мыслителей всю свою «теорию услуг». Родбертус, со своей стороны, с исключительной ясностью видит, что в капиталистическом хозяйстве постоянно и одновременно производятся как средства производства, так и средства потребления, и дает незабываемое по силе и сжатости описание движения общественного продукта на различных ступенях капиталистического производства. Но он оказывается не в состоянии примирить своей верной точки зрения на двойственный характер вещественного состава совокупного общественного продукта со своей неверной, заимствованной у Смита, точкой зрения на стоимостный состав этого продукта, жертвует первой ради второй постольку, поскольку, переходя от анализа производства капиталистического продукта к анализу его реализации, с удивительной легкостью забывает о средствах производства, как элементе товарного обращения, и формулирует многосторонний процесс реализации, исключительно как простое распределение всей массы созданных предметов личного потребления между составными отраслями капиталистической системы производства. Хотя он сам неоднократно утверждает в различных местах своих «Социальных писем», что окончательно распределяется лишь часть национального продукта, но это не мешает ему постоянно представлять себе реализацию капиталистического продукта, охватывающую и средства производства и средства потребления, в форме процесса распределения этого продукта, касающегося в действительности лишь вещественных элементов общественного дохода, составляющих в совокупности фонд национального потребления. Отождествление реализации продукта с распределением дохода—таков финал Родбертусовских рассуждений о воспроизводстве. Наконец, тот же Сисмонди, поскольку он вообще не забывает о средствах производства,—что случается с ним буквально на каждом шагу,—считает, что он разрешил всю загадку, непродуманно заявляя, что «совокупный ежегодный доход нации предназначен для обмена на совокупность ежегодного производства, благодаря этому обмену каждый обеспечивает себе потребление, восстановляет затраченный капитал (?!), дает место новому спросу и вызывает его для нового воспроизводства» [1]).

---

[1]) С. Сисмонди. «Новые начала». 1897, стр. 54.

Совершенно очевидно, что если односторонне мыслить реализацию капиталистического продукта, только как обмен товаров на доходы, то в действительности никак нельзя понять, из каких источников неизменно восстанавливается истраченный в процессе производства общественный капитал. Одно из двух: или реализация общественного продукта включает в себя еще какой-то другой момент наряду с обменом некоторой части его на доходы, или же в обществе вообще отсутствуют ресурсы возмещения истраченной капитальной стоимости. Считать, что на рынке происходит лишь обмен товаров на доходы, и утверждать при этом, что тем самым и восстанавливается затраченный капитал, значит расписываться в своей собственной теоретической несостоятельности,

Что касается второго затруднения — каким образом возможно накопление общественного капитала, необходимо предполагающее превращение определенной части капитализируемой прибавочной стоимости в материальные элементы производственного процесса, если весь национальный доход должен всегда затрачиваться лишь в фонд личного потребления, то—как мы еще увидим в дальнейшем,— вся домарксова политическая экономия даже не сумела заметить этого затруднения, поскольку она, в лице классической школы, представила процесс капиталистического накопления, как простое превращение всей капитализируемой части прибавочной стоимости в форму одного только переменного капитала, а процесс вызванного капитализацией расширения производства,—как простое увеличение потребления добавочных масс рабочего класса. И если даже Сисмонди не согласен с подобными апологетическими выводами классиков и неустанно повторяет, что накопление капитала сопровождается сокращением потребления рабочего класса, то по существу это его верное указание нисколько не оправдано его исходной точкой зрения на составные части цены товара, исключающей постоянный капитал из круга теоретического анализа. В этом указании больше от непосредственного наблюдения капиталистической эмпирики, чем от правильного логического проникновения во внутренние отношения капиталистического процесса.

В действительности, ни совокупное национальное производство данного года не должно постоянно совпадать по стоимости с размером национального дохода предшествующего года, ни размер национального дохода любого года не должен соответствовать совокупной стоимости предметов личного потребления этого же года. Сумма национального дохода всегда меньше стоимости совокупного национального продукта и—за исключением простого воспроизводства—всегда больше стоимости потребительской части этого продукта. Если попытаться одной формулой охватить количественные взаимоотношения между этими тремя категориями капиталистического процесса, то вместо сисмондистского равенства между всеми тремя, она примет следующий вид:

$$A > B > C,$$

где через *A* обозначена сумма стоимости национального продукта, через *B* величина национального дохода и через *C* стоимость предметов личного потребления.

Разница между *A* и *C* точно выражает стоимость всей массы ежегодно воспроизводимых средств производства. В условиях простого воспроизводства сумма национального дохода (*B*) совпадает с совокупной стоимостью продуктов личного потребления, так как никакого накопления капитала не происходит. Это не значит, конечно, что национальный доход выражен только средствами потребления. Его конкретный предметный состав образуется всегда, как средствами производства, так и средствами потребления. Но при отсутствии капитализации прибавочной стоимости стоимость произведенных в обществе средств потребления равняется стоимости обусловленного количеством затраченного за год в производстве живого труда национального дохода. Целостное расходование последнего исключительно на индивидуальное потребление включает в себе, между прочим, и обмен той его части, которая овеществлена и представлена в средствах производства на соответствующую величине сношенного во втором подразделении (II) постоянного капитала часть изготовленной здесь массы продуктов потребления. Равенство между годовым доходом и стоимостью годового потребления — основная черта простого воспроизводства.

В условиях же расширенного воспроизводства размеры национального дохода превышают размеры общественного потребления, так как часть дохода превращается в добавочные средства производства. Но так как обычно не вся сумма накопления поступает в производственное потребление, то совокупный доход при расширенном воспроизводстве больше размеров непроизводственного потребления общества на величину, уменьшенную той определенной долей его, которая уходит в личное потребление новых групп рабочего класса, вовлекаемых в процесс труда. Полученный остаток должен быть воплощен в средствах производства (орудиях труда, сырых и вспомогательных материалах), которые и служат основой расширения производственного аппарата в следующем цикле.

Простое воспроизводство—это та решающая критическая линия хозяйственного процесса, находясь ниже которой общество характеризуется сокращением, а выше—ростом об'ема материальных производительных сил. Но фондом, за счет которого может совершаться рост производительных сил капиталистического общества, является национальный доход, точнее, собственно, определенная часть его—прибавочная стоимость, ибо если рабочий класс и помещает часть своей заработной платы в промышленные акции (напр., в С. Ш. С. А.), то серьезного значения это обстоятельство иметь не может. Вот почему, если увеличивается разница между размером национального дохода и размером национального потребления, то налицо хозяйственный прогресс, при том непременном, конечно, условии, что свободные избытки дохода уходят не на изготовление военного снаряжения, а на социально полезные производственные цели. Если

эта разница стремится к нулю, то налицо тенденция общественного хозяйства к застою, к консервированию стационарного равновесия. Наконец, если не только сводится к нулю разница между национальным доходом и национальным потреблением, но и уменьшается разница между совокупным национальным продуктом и национальным потреблением, то налицо несомненно хозяйственный регресс, т. е. процесс систематического невосстанавливания израсходованных средств производства и проедания основного капитала общества. — Эти три случая исчерпывают все основные вариации движения материальных производительных сил.

Но во всех этих случаях обращающийся на внутреннем рынке товарный продукт поступает не только в сферу личного, но и в сферу производительного потребления и, следовательно, процесс реализации не ограничивается обменом продукта на доход. Громадная заслуга Маркса заключается в данном вопросе прежде всего в том, что он поистине «открыл» рынок средств производства, сняв с него шапку-невидимку, делавшую его странно неприметным даже для таких исключительно глубоких и сосредоточенных мыслителей, как Смит, Рикардо, Родбертус. Маркс *вдвигает* рынок средств потребления в пределы всего национального рынка и *отодвигает* границы этого последнего на величину стоимости всех средств производства, движущихся одновременно и параллельно со средствами потребления в сфере капиталистического обращения товаров. Сумма общественных расходов, осуществляемых на капиталистическом рынке в форме товарных покупок, всегда *больше*, чем сумма общественных доходов, так как определенная часть рыночных расходов совершается из фонда общественного капитала. Этот фонд при простом воспроизводстве складывается из амортизационных отчислений во всех отраслях народного хозяйства и из превращенных в деньги оборотных частей постоянного капитала, а при накоплении капитала — еще из затрачиваемой на покупку средств производства прибавочной стоимости.

Конечно, здесь, — как и во всех, впрочем, других случаях, — сказалась не только гениальность мыслителя, но и та эпоха, в которую он жил. Если Смит, Рикардо и Сисмонди — не говоря уже о менее крупных и вдумчивых экономистах — не в состоянии оказались отчетливо формулировать вещественные связи и стоимостные отношения капиталистического процесса так, как это сделал Маркс, то, помимо относительной слабости их логического мышления, здесь сказалась и относительная недоразвитость капиталистического производства.

Пристальный анализ исторического развития процесса товарно-капиталистического обращения показывает, что основной тенденцией этого развития является огромное расширение рынка средств производства по сравнению с рынком средств потребления. Развитое капиталистическое производство опирается в основном не на личные потребности отдельных общественных классов, пред'являющих спрос в размере получаемых ими долей национального дохода, а на

органические потребности самого производственного процесса, естественно вырастающие в ходе постепенного изменения его внутренних технических условий. Наоборот, как в ремесленном хозяйстве, так и в капиталистическом хозяйстве на первых ступенях его исторического развития, сфера обращения средств потребления имеет преобладающее значение в пределах внутреннего рынка, и спрос на продукты промышленности выступает преимущественно в форме потребительского спроса, опирающегося на элементы общественного дохода. Наряду с некритическим заимствованием смитовского тезиса, эта относительная историческая недоразвитость капиталистического производства об'ясняет нам те, подчас странные заблуждения, в которые экономическая мысль домарксова периода впадает всякий раз, лишь только она пытается дать хотя бы в самых общих чертах трактовку процесса реализации капиталистического продукта.

После всего сказанного о различии натуральных частей общественного продукта, о составе его по стоимости и о соотношении потребления и дохода при простом и расширенном воспроизводстве, мы можем непосредственно перейти к ответу на те три основные вопроса проблемы рынка, которые были формулированы в первой главе.

Выше мы поставили вопрос: чем определяются размеры внутреннего рынка в условиях простого воспроизводства общественного капитала?—Теперь мы можем ответить на этот вопрос, не повторяя лишний раз общеизвестных комментариев к числовым соотношениям марксовых схем, но сосредотачивая свое внимание лишь на самых существенных моментах.

Так как при простом воспроизводстве общественный доход регулярно уходит целиком в фонд личного потребления, и общественный капитал остается в силу этого по своей величине неизменным, то совершающееся в процессе рыночного кругооборота размещение совокупной массы средств потребления между отдельными отраслями капиталистической промышленности происходит пропорционально участию этих отраслей в производстве новой годовой стоимости ($V + M$), а размещение всей массы средств производства — пропорционально участию этих отраслей в перенесении прежней капитальной стоимости (C) на совокупный продукт труда. Следовательно, в то время, как величина доли каждой отрасли в производстве национального дохода определяет в очередном за данным цикле размер ее потребительского спроса, а распадение этой доли на заработную плату и прибавочную стоимость—числовое соотношение между различными формами потребительского спроса (спрос на предметы рабочего и капиталистического потребления), величина доли каждой отрасли в перенесении на продукт труда стоимости постоянного капитала определяет размеры ее производственного спроса в соответствующем хозяйственном цикле. Значит размер капиталистического рынка даже при простом воспроизводстве не совпадает с размером общественного дохода, ибо наряду с теми формами спроса, в основе

которого лежат элементы общественного дохода, существуют на внутреннем рынке и такие формы спроса, в основе которых лежат элементы общественного капитала. Об'ем внутреннего рынка при отсутствии накопления капитала обусловлен суммой созданного годового дохода плюс сумма изношенной и амортизированной в течение года части стоимости средств производства.

Однако, несмотря на то, что в условиях простого воспроизводства вся масса ежегодно производимой прибавочной стоимости потребляется непроизводительно и никакого накопления капитала не происходит, на внутреннем рынке,—как это с первого взгляда ни странно, — легко может образоваться избыток или недостаток тех или иных продуктов по сравнению со спросом на них. Это станет нам совершенно ясным, если мы вспомним законы сохранения равновесия в сфере обращения при простом воспроизводстве. Вместе с тем это даст нам возможность ответить на второй из поставленных вопросов о емкости капиталистического рынка на отдельные части произведенного продукта.

Процесс реализации общественного продукта совершается одновременно и параллельно в трех направлениях.

Одна часть общественного продукта реализуется путем обмена капитала на капитал. Это—составные вещественные ингредиенты постоянного капитала в отраслях производства средств производства *(с I)*. Уголь обменивается на железо и машины; машины на уголь и железо; железо—на машины и уголь. Постоянный капитал в одной потребительной форме обменивается здесь на постоянный капитал в другой потребительной форме. Эта часть общественного продукта ни одним рублем не оплачивается из фонда общественного дохода, ибо как раз в факте этих взаимных обменов и состоит ее реализация. Основным условием ее полного внутрирыночного размещения является пропорциональное распределение капитала и труда между теми промышленными отраслями, сферы производства средств производства, продукты которых взаимно возмещают друг другу составные материальные элементы их постоянного капитала. Это первый комплекс пропорциональностей — пропорциональностей чисто производственных. Другая часть общественного продукта реализуется путем обмена капитала на доход. Это — основная магистраль всего процесса товарного обращения: здесь происходит постоянный обмен веществ между обеими крупными сферами общественного производства. Переменный капитал и прибавочная стоимость первого отделения $(I\,v + m)$ обмениваются на постоянный капитал второго отделения $(II\,c)$. Встречное движение этих вещественных частей общественного продукта в сфере товарного обращения реализует не только один лишь производственный спрос общества, как это имеет место при обмене капитала на капитал, но и его индивидуальный потребительский спрос. Здесь ценностно-определенная масса средств производства противостоит ценностно-определенной массе средств потребления, и

при простом воспроизводстве для сохранения равновесия всей системы обе эти массы должны быть равны между собою $[(v + m) I = c II]$. Размер первой определяет величину потребительского спроса капиталистов и рабочих первого отделения, а размер второй— величину производительного спроса капиталистов второго отделения. Потребительский спрос—это очень важно здесь отметить— выступает всякий раз не как автономное, не связанное с производственными условиями экономическое явление, а как составной момент, органически и неотъемлемо включенный в общий процесс движения вещественных частей общественного продукта и детерминированный в своих размерах стоимостью части товаров, изготовленных в отрасли производства средств производства. Совпадение спроса и предложения в этом разрезе области товарного обращения опять-таки предполагает определенное соответствие между подлежащими обмену друг на друга группами товаров, выходящих в сферу обращения из обоих отделов общественного производства. Это—другой комплекс пропорциональностей, пропорциональностей производственно-потребительского характера. Наконец, в третьей сфере товарного обращения выступает исключительно потребительский спрос. Здесь реализуется та часть общественного продукта, которая входит в потребление рабочих и капиталистов отраслей, производящих предметы потребления. Сюда включается как обмен между самими капиталистами этих отраслей, осуществляемый путем взаимного перемещения вещественных частей их дохода (m II), так и обмен между капиталистами и занятыми здесь рабочими, оплачивающими известную долю созданного в этом отделе общественного продукта своей заработной платой (v II). Вполне понятно, что реализация всей этой части общественного продукта также предполагает определенную систему ценностных пропорций. Это—третий комплекс пропорциональностей, пропорциональностей чисто потребительского характера.

Но так как весь капиталистический процесс производства, взятый в целом, является единством, в котором все части взаимно связаны и функционально обусловлены, то процесс товарного обращения, в котором происходит в указанных выше формах встречного и одностороннего движения реализация совокупного капиталистического продукта, не разлагается просто механически на эти три комплекса пропорциональностей, но предполагает вполне определенное строгое внутреннее соответствие между самими этими комплексами. Так, без дальнейшего раз'яснения понятно, что определенным размерам производства совокупного постоянного капитала в первом отделе общественного производства (c I) должны соответствовать определенные же размеры производства переменного капитала и прибавочной стоимости в этом отделе $[(v + m) I]$. В основном это числовое соотношение определяется техническими пропорциями между живым и мертвым трудом в процессе производства. То же относится и ко второму отделу общественного производства, ибо и здесь существует определенное сочетание живого и мертвого труда и, сле-

довательно, определенное интимное отношение между той частью продукта этого отделения, которая уходит в первое отделение, и той, которая здесь остается. Если же мы возьмем основную магистраль всего товарного обращения—постоянный обмен веществ между обоими крупными разделами общественного производства,—то нетрудно понять, что каждый из двух суммарных элементов этого встречного движения—средства производства с одной стороны и средства потребления с другой—находятся не только в определенном числовом соотношении между собою, но—что не менее важно для понимания проблемы реализации—и в определенном числовом отношении к тем, однородным по своим вещественным формам частям национального продукта, которые были произведены вместе с ними в одном и том же производственном процессе, и которые, перераспределяясь через рынок, получают иное функциональное назначение в следующем цикле воспроизводства общественного капитала.

Следовательно, в каждом цикле воспроизводства реализация совокупного национального продукта предполагает целостную систему стоимостных пропорций, как внутри каждой из этих сфер единого процесса товарного обращения, так и между этими сферами, а действительное осуществление этих пропорций требует предшествующего производству данного цикла всесторонне-координированного пропорционального размещения средств производства и рабочей силы по отдельным отраслям промышленности. Если же предшествующее началу производства товаров распределение личных и вещественных факторов по различным сферам производства будет непропорциональным, то при реализации произведенного в таких условиях товарного продукта на внутреннем рынке окажется избыток тех или иных товаров сравнительно с платежеспособным спросом на них. Нехватка реального спроса на продукты капиталистической промышленности произойдет не потому, что сумма выброшенных на рынок товаров превышает по своей стоимости имеющуюся в распоряжении общества сумму национального дохода (она всегда должна ее превышать), а потому, что нарушена та стройная система внутренних ценностных соотношений, которая замыкает в себе весь процесс капиталистической реализации. Недостаток емкости рынка для той или иной группы товаров служит формой проявления диспропорциональности в общественном производстве. Мы видим, т. о., что даже при полном потреблении всего национального дохода и совершенном отсутствии капитализации прибавочной стоимости, еще не исключается об'ективная возможность появления избыточного товарного продукта, точно так же, как и наличие такой капитализации (как мы увидим ниже), еще не влечет за собою непременно и автоматически образования избыточного продукта на внутреннем рынке, как это утверждают все скептики накопления капитала от Сисмонди до Розы Люксембург.

Каково, наконец, соотношение между производством и потреблением в условиях простого воспроизводства? Если сумма материальных

производительных сил не увеличивается, если при неизменяющейся сумме производительных сил не повышается степень производительности общественного труда, и если при стационарном состоянии производительности общественного труда постоянно сохраняется как средняя длина рабочего дня, так и отношение между его необходимой и прибавочной частями—условия, целиком предполагаемые систематическим повторением простого воспроизводства,—то:

1. Об'ем общественного потребления не расширяется, так как движение процесса воспроизводства не вызывает ни увеличения массы продуктов потребления, ни расширения круга потребителей, оплачивающих эти продукты своими доходами, общая сумма которых в этих условиях остается всегда одной и той же.

2. Уровень общественного потребления не повышается, так как стоимость единицы продукта не падает и, следовательно, покупательная сила национального дохода не возрастает.

3. Количественное соотношение между размерами рынков средств производства и средств потребления не изменяется, так как остается постоянным, как отношение между той долей общественного продукта, которая поступает в производительное потребление, и той, которая поступает в личное, так и отношение между той частью доли общественного продукта, идущей в личное потребление, которая направляется к классу капиталистов, и той, которая поступает в распоряжение рабочего класса.

Итак, систематическое повторение простого воспроизводства означает систематическое воспроизводство вещественных связей и общественных отношений капиталистического хозяйства в одних и тех же формах, размерах, пропорциях, ибо в результате этого монотонного движения по кругу все возвращается всякий раз на то же самое место,—как в известной сказке, в которой в конце каждого столетия люди и вещи неизменно находятся там, где они были в конце предшествующего столетия. Но тем самым всесторонний технический прогресс, огромный рост общественного производства и обращения, непрерывная цепь экономических коллизий и политических конфликтов, вечное и напряженное движение вперед,—словом, все то, что составляет характернейшую черту социальной жизни нашей эпохи в сравнении с национальной замкнутостью и ограниченностью прежних веков, было бы совершенно исключено, и капиталистическая форма хозяйства действительно приобрела бы внутреннюю устойчивость и непреодолимую прочность исторической окаменелости. Инерция застоя в производстве парализовала бы социальный прогресс и сковала бы рост классовых антагонизмов—движущую пружину преодоления капитализма.

К счастью для человечества этого нет. Непреложной тенденцией развития капиталистической формы хозяйства еще в большей мере, чем всех предшествующих ей исторических форм, является расширение материального поля и повышение уровня производства. Простое воспроизводство является для нее случайностью, расширенное воспроизводство—законом. Но не следует ли отсюда, что анализ условий

простого воспроизводства теряет тем самым какое-либо научное значение?

Отнюдь нет. Суммирующееся из разнообразных товаров капиталистическое богатство—как и всякое другое богатство—сохраняется лишь путем постоянного и регулярного обновления его изнашивающихся частей. Подавляющая масса народного труда ежегодно затрачивается не на изготовление дополнительных элементов роста общественного богатства, а на реставрирование уже существующих в хозяйстве капитальных ценностей в их многостороннем вещественном оформлении [1]). Всякое очередное расширение капиталистического производства ведет к возрастанию размеров национального продукта, но огромная часть этого продукта все снова и снова уходит на то, чтобы с одной стороны, восстановить некоторую долю уже имевшейся прежде суммы производительных сил, а с другой—воспроизвести прежний фонд общественного потребления Лишь сравнительно незначительная часть выходит из сферы обращения в качестве материальной основы расширения производства в следующем цикле и включается в хозяйственный кругооборот как добавочные средства производства и средства рабочего потребления. Но это значит, что размещение крупнейшей части национального продукта всегда совершается по законам простого воспроизводства. В каждый цикл расширенного воспроизводства простое воспроизводство входит составным стержневым компонентом—исходным пунктом увеличения материального поля производства и повышения его уровня. Различие между простым и расширенным воспроизводством сводится в основном к различию характера соотношения между составными вещественными ингредиентами общественного продукта: при простом воспроизводстве сумма вновь созданной годовой стоимости целиком уходит в сферу личного потребления, при расширенном—часть ее из'емлется из фонда индивидуального потребления и присоединяется к материальному производственному аппарату общества.

---

[1]) Дж. Ст. Милль пишет: «Большая часть тех составляющих богатство ценностей, которые ныне существуют в Англии, произведена человеческими руками в течение последних двенадцати месяцев. Очень мала та часть этого огромного богатства, которая существовала лет десять тому назад; из нынешнего производительного капитала страны едва-ли существовало тогда что-нибудь. кроме домов на фермах и фабричных зданий, да немногих из нынешних кораблей и машин. Да из этих домов, кораблей и машин разве очень немногие просуществовали бы и десять лет, если бы не употреблялся в это время новый труд на их поправку.... Почти все роды капитала по своей натуре неспособны долго сохраняться. Есть только несколько, и при том очень мало произведений, способных иметь очень долгое существование. Уэстминстерское аббатство с небольшими починками продержалось несколько столетий; некоторые греческие статуи существуют более 2.000 лет; пирамиды, быть может, вдвое или втрое больше.... Возрастание капитала подобно возрастанию населения. Каждый, кто рожден—умирает; но каждый год число рождающихся больше числа умирающих; поэтому население постоянно возрастает, хотя ни одного из лиц, составляющих его, не существовало на свете до времени вовсе недалекой старины» (Д. Ст. Милль. «Основания Политической Экономии». 1909, стр. 107).

Так как в основе процесса реализации постоянно лежат отношения обмена, то законы, подчиняющие себе движение этого процесса, находят свое простейшее выражение в форме числовых зависимостей между ценностными величинами составных вещественных частей национального продукта. Как при простом, так и при расширенном воспроизводстве законы реализации суть в конечном счете законы числа. Но в условиях расширенного воспроизводства логическая структура этих числовых зависимостей существенно изменяется, ибо в них должен найти теперь свое выражение тот новый тип сочетания и взаимодействия хозяйственных элементов, который складывается на основе новой направленности всего капиталистического процесса в целом. Вызванное стремлением к накоплению перераспределение производительных сил и соответствующая ему перегруппировка в соотношении различных производственных отраслей создают подвижное равновесие системы на иной материальной основе. Формула равновесия общественного хозяйства при накоплении капитала не может не отличаться от формулы при отсутствии накопления.

Но если, как мы сказали выше, крупнейшая часть национального продукта постоянно замыкается отношениями простого воспроизводства и в условиях расширенного воспроизводства, то это отнюдь не значит, что в этих условиях существуют две самостоятельные системы законов реализации капиталистического продукта.

Вовсе нет. Это означает, что та система законов, которая управляет капиталистической реализацией при расширенном воспроизводстве, синтезирует в некотором высшем единстве как законы реализации простого воспроизводства, охватывающие определенную часть национального продукта, так и те новые законы, которые регулируют процесс накопления национального дохода. К анализу этой усложненной системы законов мы и переходим.

Удовлетворение социальных потребностей непосредственно не является направляющим моментом и определяющей целью буржуазного производства. Движущим импульсом капиталистического процесса служит стремление к прибыли и притом не к ограниченной и постоянной, а к прогрессивно возрастающей массе прибыли. Всестороннее развитие денежной формы общественного богатства, которое принесли нам последние столетия, является необходимой исторической основой этой своеобразной капиталистической целеустремленности, ибо сама природа этого богатства такова, что присвоение его заранее исключает ограничения как об'ективного порядка в смысле возможности его тезаврирования, так и суб'ективного порядка в смысле какой-либо предельности норм накопления его отдельными хозяйствующими суб'ектами. Расширенное воспроизводство общественного богатства существует, понятно, почти на всех ступенях экономического развития. Но при капитализме, во-первых, изменяется социальный способ расширения производства (прибавочный труд, как общий источник расширенного воспроизводства, «противостоит рабочим в виде чужого дохода»), и, во-вторых,

чрезвычайно повышается по сравнению с предшествующими эпохами темп этого процесса. Постоянное, внутреннее, почти инстинктивное стремление каждого капиталиста к увеличению массы присваиваемой им прибыли определяет характер капиталистического процесса: капиталист не потребляет всей ежегодно получаемой им прибыли, а капитализирует некоторую часть ее, т.-е. систематически обращает на расширение промышленности известную долю получаемого им дохода, что создает в следующем цикле воспроизводства капитала источник получения добавочного дохода. Расширенное капиталистическое воспроизводство есть превращение некоторой определенной части общественного дохода в производительную форму общественного капитала—т.-е. увеличение суммы личных и вещественных производительных сил капиталистического хозяйства.

Классический анализ накопления индивидуального капитала Маркс дал в первом томе своего бессмертного труда. Центром тяжести нашего анализа является накопление не индивидуального, а общественного капитала—проблема, которую Маркс наметил лишь в самых общих чертах, но нигде, однако, не свел своих взглядов по этому вопросу в ту форму логической цельности и художественной законченности, в которой выступают перед нами другие части его стройной теоретической конструкции. Между тем накопление общественного капитала представляет столько своеобразия по сравнению с накоплением индивидуального капитала, что на этой основе возникает ряд вопросов специфического порядка.

Накопление индивидуального капитала является составным элементом накопления общественного капитала. Но это последнее—не простая арифметическая сумма накоплений индивидуальных капиталов. Достаточно хоть несколько вникнуть в смысл происходящих здесь процессов, чтобы в этом убедиться. Следующие друг за другом циклы оборотов индивидуального капитала охватывают каждый последовательный переход его из производственной формы в товарную, из товарной—в денежную и из денежной—вновь в товарную. В результате каждого цикла сфера обращения приносит капиталисту определенную сумму прибыли, основой которой служит произведенная в его предприятии и реализованная на рынке масса прибавочной стоимости. От накопления этой прибыли, притекающей к капиталисту в абстрактной денежной форме, постепенно образуется новый денежный капитал, который раньше или позже—здесь определяющее значение имеют технические условия и об'ем производства данного капиталиста—расходуется на закупку всех элементов, необходимых для очередного расширения размеров его предприятия. Так как капиталистический процесс таит в себе тенденцию к непрерывности, то движение каждой индивидуализировавшейся части общественного капитала характеризуется не простым вращением всей суммы данного капитала между сферой производства и обращения,—что необходимо вызывало бы периодические перерывы в функционировании капитальной стоимости,—а одновременным существованием каждого

индивидуального капитала во всех тех трех формах, которые промышленный капитал вообще усваивает в своем движении и которые совершают свои кругообороты одна рядом с другой.

«Одна доля капитала—постоянно сменяющаяся—постоянно воспроизводится, существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая доля существует в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья—в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал» [1]). Между всеми этими тремя формами единого бытия индивидуального капитала существует тесная круговая порука, ибо беспрепятственное движение каждой формы из одной фазы в другую является необходимым условием беспрепятственности фазового движения двух остальных форм и в свою очередь обуславливается этим последним. Для всякого индивидуального капитала существует свой тип числовых пропорций между величинами стоимости этих форм и полное осуществление их дает оптимум функционирования данного капитала. Всякое очередное накопление индивидуального капитала имеет своим регулирующим моментом этот момент внутренних числовых пропорций, ибо только при определенном соотношении между производственной, товарной и денежной формами данного капитала мыслимо превращение приносимой им прибыли в добавочную сумму производственных элементов (СП+Р). Но хотя сохранение этих числовых пропорций, как при простом, так и при расширенном воспроизводстве данного капитала, является необходимым условием его свободного функционирования—оно (это сохранение) зависит не от самого этого капитала, а от движения тех других капиталов, с которыми данный капитал входит в постоянное соприкосновение, ибо беспрепятственный кругооборот всех трех форм существования всякого индивидуального капитала требует определенной созвучности и согласованности в движении как тех капиталов, продукты которых систематически включаются в процесс его воспроизводства, так и тех, воспроизводство которых само требует его продуктов. Что для одного капиталиста является превращением денежной формы его капитала, суммирующей и капитализированную прибавочную стоимость, в дополнительные элементы производительной формы, составляющие материальную основу расширения размеров его предприятия, то для другого капиталиста является простым превращением в денежную форму товарной формы его капитала.

Накопление на одном полюсе предполагает реализацию на другом. И это, очевидно, реализация увеличившейся в своем вещественном и стоимостном об'еме товарной массы, ибо дело идет не о простом воспроизводстве капитала, создающего количественно неизменный спрос на эту товарную массу, а о воспроизводстве его в расширенном масштабе. Но это значит, что накопление капитала в одной отрасли промышленности предполагает одновременное и парал-

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. II, стр. 33.

лельное накопление в других отраслях. Здесь с исключительной ясностью заявляет о себе общественная природа процесса накопления капитала. Процесс накопления, взятый не в ограниченных рамках индивидуального капитала, а в развернутом социальном масштабе выступает как целостный хозяйственный механизм имеющий свои особые внутренние закономерности, которым с железной необходимостью подчиняется всякий индивидуальный капитал,— отдельная точка из всей суммы движения которых складывается глубоко своеобразная конъюнктурная кривая, в которой периодически сменяют друг друга под'ем, кризис и депрессия.

Но какова бы ни была форма которую усваивает кривая накопления общественного капитала в своем непрерывном движении, и анализ своеобразия которой не входит сейчас в нашу задачу, материальным результатом этого движения является прогрессирующее возрастание совокупного товарного продукта—суммы различных по своему вещественному составу товаров, выбрасываемых в постоянно увеличивающихся в силу капитализации национального дохода размерах из всех составных отраслей капиталистической промышленности [1]). Но ведь расширение размеров товарного продукта, выбрасываемого на внутренний капиталистический рынок, настойчиво требует расширения размеров этого рынка. Увеличению общественного предложения товаров должно соответствовать параллельное увеличение реального общественного спроса на последнее. Именно здесь и возникает та сложная теоретическая проблема, вокруг которой уже свыше столетия работает экономическая мысль,—проблема накопления капитала. Попытаемся прежде всего совершенно отчетливо поставить эту проблему. Сравнение с условиями реализации при простом воспроизводстве даст основу для такой постановки.

Выше мы видели, что так как при простом воспроизводстве общественного капитала вся масса национального дохода целиком

---

[1]) Поскольку в центре нашего анализа стоит проблема реализации капиталистического продукта, для нас не имеет никакого значения, насколько производительно с народно-хозяйственной точки зрения происходит накопление капитала. В капиталистическом хозяйстве рост производительных сил принимает форму накопления капитала, но не всякое накопление капитала означает действительный рост общественных производительных сил. Если прибавочная стоимость не уходит целиком в фонд личного капиталистического потребления, а в известной своей части капитализируется, то это создает добавочные источники прибыли для соответствующих групп капиталистов. Но единственным реальным критерием роста производительных сил народного хозяйства является не факт получения прибыли сам по себе, а характер потребления капитализируемого национального дохода. Процесс накопления в период империалистической войны сопровождался огромным увеличением богатства отдельных слоев капиталистического класса—с одной стороны, и катастрофическим сокращением реальных элементов общественного капитала—с другой. Как ни существенна проблема производительного потребления национального дохода, она почти не разработана в марксистской литературе. Ее значение настойчиво подчеркивает в своих книгах П. Маслов. Некоторое внимание уделяет ей М. Нахимсон (Спектатор) во втором томе своей работы «Мировое хозяйство до и после войны».

уходит в фонд личного потребления, то размеры общественного производства не расширяются. Поскольку в подобных условиях как сумма цен обращающихся на внутреннем рынке товаров, так и количество этих товаров остаются величинами постоянными, реализация совокупного товарного продукта никогда не требует расширения внутреннего спроса, но требует лишь такого пропорционального распределения национального производства, при котором стоимость суммы произведенных продуктов потребления была бы равна сумме всех ежегодно создаваемых доходов, а стоимость суммы произведенных средств производства—сумме ежегодно расходуемой и амортизированной капитальной стоимости. В условиях простого воспроизводства товарная форма продукта производства каждого отдельного капиталиста, выступая на стороне общественного предложения и превратившись в деньги, выступает вслед затем на стороне общественного спроса т. о., что все три элемента стоимости проданного товара (C+V+M) создают—каждый строго адэкватно своим размерам—три соответствующие формы общественного спроса: спрос на средства производства, на средства рабочего и на средства капиталистического потребления. При пропорциональном распределении национального производства стоимость суммы каждой из трех, отличных по своей вещественной форме, частей общественного продукта будет соответственно совпадать с общественной суммой каждого из трех имеющихся во всяком отдельном товаре элементов стоимости. Вопрос об источниках спроса (откуда берется спрос?) на какую-либо часть национального продукта—в том числе и прибавочную стоимость—не представляет здесь никаких особых затруднений. При голом восстановлении израсходованных в процессе труда средств производства и полном потреблении всего национального дохода капиталистическое производство прочно покоится на реальных общественных потребностях. Спрос на капиталистический продукт, представляющий в этих условиях постоянную и устойчивую величину, внутренне предпослан производству этого продукта. Что касается в частности реализации прибавочного продукта, то хотя и при простом воспроизводстве целью всего процесса являются не интересы трудящихся масс, а получение прибыли, но сама прибыль становится, в свою очередь, простым средством удовлетворения индивидуальных жизненных потребностей капиталистического класса, расходуется как доход, и неудивительно, что спрос на прибавочный продукт естественно и органически вытекает здесь из самих внутренних условий движения общественного хозяйства. Это не значит, конечно, что каждый капиталист в условиях простого воспроизводства потребляет тот прибавочный продукт, который создан в пределах его собственного предприятия. Совершенно очевидно, что и при простом воспроизводстве масса ежегодно создаваемой прибавочной стоимости овеществляется в самом процессе труда, как в средствах потребления (II), так и в средствах производства (I). Но только эти средства производства предназначаются не для производства добавочных средств производства и добавочных средств рабочего потребле-

ния, а для производства в следующем цикле такой же массы средств капиталистического потребления. Поэтому эти средства производства выступают просто как реальный товарный фонд личного спроса известной группы капиталистического класса (I) на определенную часть той доли национального продукта, которая произведена во II подразделении, предназначена для капиталистического потребления, в то время как другая часть этой доли продукта уходит в потребление той группы капиталистов, которая организует производство предметов общественного потребления. Реализация совокупной прибавочной стоимости осуществляется в кругу самого капиталистического класса цепью взаимных покупок и продаж, в которых все представители этого класса принимают участие в конце каждого цикла воспроизводства, и которые направлены на удовлетворение их личных потребностей в предметах потребления. Если только сохранены указанные выше три типа пропорциональностей, то каждая часть изготовленного продукта находит себе место в общественном хозяйстве, не нарушается равновесие всей системы и обеспечивается повторение производства и потребления в тех же масштабах.

Совсем иной характер принимает реализация национального продукта в условиях накопления общественного капитала, обусловленного капитализацией некоторой части произведенной прибавочной стоимости. Так как капитализация прибавочной стоимости предполагает строго-соответствующее размерам капитализации с о к р а щ е н и е личного потребления класса капиталистов, то процесс общественного накопления выступает на первый взгляд в таком своеобразном аспекте, что сумма спроса каждого отдельного капиталиста не совпадает с суммой его предложения, а м е н ь ш е ее как раз на всю величину капитализируемой им прибыли. Если рассматривать следующие друг за другом циклы простого воспроизводства, то нетрудно заметить, что размеры спроса каждого капиталиста в начале цикла меньше, чем размеры его предложения в конце цикла. Он спрашивает на сумму C+V, а предлагает на сумму C+V+M. Но если сумма его предложения к концу цикла превосходит сумму его спроса д л я ц е л е й п р о и з в о д с т в а в начале цикла, то ведь, с другой стороны, его о б щ и й спрос в конце каждого цикла как раз покрывает его собственное предложение, ибо наряду со спросом на C+V, т.-е. на средства производства и средства рабочего потребления (здесь для нас не имеет значения, что капиталист не сам пред'являет непосредственно спрос на средства рабочего потребления), он пред'являет еще спрос на предметы своего личного потребления на сумму, равную полученной им прибыли. Следовательно, в условиях простого воспроизводства разница между размерами т о в а р н о г о капитала, выброшенного на рынок к концу цикла и размерами п р о и з в о д и т е л ь н о г о капитала, взятого с рынка, к началу цикла, оплачивается на основе с а м о р е а л и з а ц и и, т.-е. оплачивает, так сказать, самое себя путем перемещения в процессе обращения между самими капиталистами тех вещественных форм, в которых она воплощена. Наоборот, при накоплении капитала создается такое—

в действительности, конечно, неверное—впечатление, что капитализируемая прибыль является совершенно л и ш н и м элементом в стройной системе реализации, так как, поскольку капиталисты отказываются затратить ее на свое личное потребление, она не стоит ни в какой внутренней органической связи с обращающимся на рынке товарным продуктом. Размещающаяся легко в условиях простого воспроизводства, она как будто не находит себе места в условиях накопления капитала. Но если сумма спроса каждого капиталиста в процессе реализации национального продукта меньше, чем сумма его предложения на всю величину капитализируемой им прибыли, то как об'ективно возможно в подобных условиях р а в н о в е с и е между совокупным общественным спросом и совокупным общественным предложением? Раз не вся прибыль расходуется, как доход, на покупку средств капиталистического существования, то как же балансируются в народном хозяйстве все его элементы? Не будет ли спрос при накоплении капитала всегда м е н ь ш е чем предложение товаров?—Этим, однако, затруднения, выдвигаемые проблемой накопления капитала, далеко еще не исчерпываются.

Если нам еще совершенно неясно сейчас, как балансируется общественное предложение товаров общественным спросом на последние в условиях накопления капитала, т.-е. как укладывается капитализируемая часть прибавочной стоимости в общую систему покупок и продаж, охватывающих реализацию капиталистического продукта, то, подходя к поставленной проблеме несколько с иного конца, мы вновь попадем в полосу затруднений. Рассматривая вопрос не со стороны «устройства» непотребляемой прибыли, а со стороны размещения промышленной продукции, мы опять убеждаемся, какие осложнения по сравнению с простым воспроизводством вносит момент накопления.

Действительно, обусловленное капитализацией прибавочной стоимости накопление общественного капитала является особой социально-исторической формой процесса расширенного воспроизводства. Но расширенное капиталистическое воспроизводство с естественной необходимостью влечет за собою всякий раз прогрессирующий рост массы выбрасываемых на внутренний рынок продуктов. Кто же является покупателем этого все увеличивающегося с каждым следующим циклом расширенного воспроизводства количества промышленных продуктов, если кругом, кроме капиталистов и рабочих, нет никаких других социальных групп с самостоятельными источниками дохода, и если спрос рабочих строго ограничен при этом величиной получаемой ими заработной платы, а капиталисты сознательно сокращают свой личный спрос с целью капитализации присваиваемого ими дохода? Производство увеличивается; но где же найдет оно рынок для сбыта изготовленных фабрикатов?

Накопление капитала предполагает, таким образом, два, казалось бы, совершенно противоречащие нормальным условиям равновесия целостного общественного хозяйства момента: его необходимой предпосылкой является соответствующее размерам капитализации национального дохода с о к р а щ е н и е личных расходов класса капи-

талистов, его необходимым следствием—прогрессирующее расширение промышленной продукции. При всем этом норма накопления общественного капитала не остается величиной постоянной, а имеет определенную тенденцию к повышению. С развитием капитализма неуклонно возрастает часть капитализируемой прибавочной стоимости в отношении к той ее части, которая уходит в потребление. Но это значит, что каждое повышение нормы накопления вызывает дальнейшее относительное сокращение личного спроса самих капиталистов на полюсе национального рынка и неуклонное возрастание товарного предложения на полюсе национального производства.

Mutatis mutandis! Если в условиях простого воспроизводства излишек продуктов на внутреннем рынке имеет своей единственной причиной непропорциональное распределение личных и вещественных товарообразователей по отдельным отраслям общественного производства, то в условиях расширенного воспроизводства образование излишка капиталистического продукта выступает, казалось бы,—даже совершенно независимо от момента непропорциональности—как внутренняя органическая неизбежность, обусловленная уже одним фактом направленности капиталистического процесса в сторону накопления.

Наконец, если мы даже оставим на время в стороне проблему реализации общественного продукта при накоплении общественного капитала, то еще один момент становится в этих условиях загадочным. Это—момент взаимоотношения в ходе накопления производства и потребления вообще, независимо от тех или иных необходимых количественных пропорций между обмениваемыми товарами.

При простом воспроизводстве об'ективной основой капиталистического процесса является общественное потребление. Конечно, это потребление носит определенно выраженный антагонистический характер, ибо создаваемый ежегодно национальный доход распределяется неравномерно между рабочими и капиталистами. Но поскольку национальный доход целиком направляется на удовлетворение индивидуальных жизненных потребностей различных общественных групп, капиталистическое производство находит свое об'ективное оправдание именно в этом заключительном моменте потребления и в силу этого приобретает определенную социальную значимость. Настойчивое давление реальных общественных потребностей—как по линии реставрирования израсходованных средств производства, так и по линии восстановления жизненных сил социального коллектива—накладывает строгие контуры на движение капиталистического процесса и дает соответствующую установку всему общественному производству. Не потребление идет за производством, а производство идет за потреблением и постоянно находит в нем свою устойчивую основу и свой внутренний смысл. Но как раз этого внутреннего смысла, создаваемого все снова и снова оживающим рядом реальных общественных потребностей, мы не находим при накоплении капитала. В самом деле. Ведь обусловленное накоплением капитала расширение

размеров общественного производства не вызывается, очевидно, ни растущими потребностями рабочего класса, ни растущими потребностями капиталистов, и следовательно, вообще не имеет своей исходной точкой давление общественных потребностей. Оно происходит вовсе не потому, что в обществе существует недопотребление, которое необходимо удовлетворить, а просто потому, что в условиях ожесточенной конкуренции каждый капиталист вынужден во что бы то ни стало увеличивать об'ем своего предприятия, улучшать его техническую базу, выбрасывать на рынок умноженное количество продукции. Но если момент реальных общественных потребностей не создает необходимости в систематическом расширении капиталистического производства, если, следовательно, капиталистическое производство имеет основой своего непрерывного движения вперед не постоянное напряжение внутренних потребностей самого капиталистического коллектива,—то в чем тогда лежит об'ективный общественный смысл капиталистического процесса накопления? Где та об'ективная равнодействующая, которая превращает инстинктивное суб'ективное стремление отдельных капиталистов к накоплению ради накопления в нечто социально значимое и сообщает общественному потреблению функцию прямого или косвенного контроля над капиталистическим производством? Быть может, оправдание и необходимость постоянного расширения капиталистического производства надо искать не в самой капиталистической форме хозяйства, а где-либо извне ее? Читатель замечает, что мы ставим здесь тот самый вопрос, который так сильно мучил Розу Люксембург, и который она так упорно выдвигала в своей известной работе

Формулируем те основные вопросы, которые необходимо возникают в связи с проблемой накопления капитала.

1. Если размеры спроса каждого капиталиста на продукты общественного потребления сокращаются на величину всей капитализируемой им прибыли, то как укладывается эта часть прибыли в логически замкнутую систему покупок и продаж, охватывающих процесс рыночной реализации и поддерживающих равновесие между совокупным общественным спросом и совокупным общественным предложением в пределах данного цикла расширенного воспроизводства?

2. Если об'ективным материальным результатом накопления общественного капитала является прогрессирующее возрастание массы промышленных продуктов, то откуда возьмется регулярный добавочный платежеспособный спрос, который должен систематически балансировать добавочное предложение товаров в каждом следующем цикле расширенного воспроизводства?

3. Если накопление общественного капитала не вызывается постоянным давлением реальных общественных потребностей и отсутствует, следовательно, «нормальная» естественная связь между производством и потреблением, то в чем об'ективный общественный смысл этого непрерывного стихийного роста размеров капиталистического производства?

Нетрудно заметить, что эти вопросы представляют собою три стороны одной и той же проблемы—проблемы отношения прибавочного продукта ко всем другим элементам капиталистического процесса воспроизводства и его особой функциональной роли в капиталистической системе хозяйства. Ответ на них завершает абстрактный анализ накопления капитала, проектированный на замкнутую систему капиталистического общества, и вплотную подводит нас к новому вопросу—насколько действительное историческое движение капитализма соответствует полученным в результате элиминирования усложняющих конкретных факторов теоретическим выводам. Но прежде, чем обратиться к положительному марксистскому решению поставленных вопросов, необходимо оглянуться на пройденный экономической мыслью вековой путь сомнений и усилий найти ключ к расшифровке возникающего здесь сложного экономического ребуса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТРИЦАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАКОПЛЕНИЯ

Проблема реализации прибавочного продукта поистине сфинксова загадка, о которую один за другим спотыкаются крупнейшие умы теоретической экономии. На протяжении целого столетия теоретизирующие скептики с удивительной настойчивостью, — но не всегда одинаково отчетливо,—обособляют от всех других частей товарного продукта совокупную прибавочную стоимость и стремятся доказать об'ективную органическую невозможность ее реализации внутренними силами споляризованного в двухклассовую систему капиталистического хозяйства. Сисмонди, Мальтус, Кирхман, Воронцов, Николай —он, Роза Люксембург последовательно ищут в пределах капиталистического общества источники платежеспособного спроса на капитализируемый национальный доход и также последовательно приходят в результате своих поисков к отрицательным выводам. Где найти круг платежеспособных покупателей прибавочной стоимости? Как осуществить накопление, если огромная часть современного общества ограничена минимумом средств существования? Каким образом поместить на внешний рынок непотребляемую самими капиталистами долю прибыли?—Вот вопросы, которые неизменно стоят в центре их теоретического внимания.

Каждый из них прокладывает свой путь в сложном лабиринте экономической мысли, но все они тесно связаны между собою общностью основной теоретической позиции: так как капитализируемая прибыль не находит себе места в сфере национального кругообращения товаров, то накопление капитала не может совершаться в форме замкнутого самостоятельного процесса.

Эта отрицательная точка зрения далеко не у всех высказана с достаточной степенью ясности и законченности. Очень часто вопрос о возможности накопления подменяется вопросом о темпе накопления. Принципиальное отрицание мыслимости расширенного воспроизводства уживается с компромиссными выводами ограничить его стремительный размах. Но, несмотря на подобную теоретическую невыдержанность, для всех этих мыслителей характерно глубокое сомнение в возможность прогрессивного роста капитализма. В противоположность другим историческим типам хозяйства капитализм не обладает необходимой способностью к самостоятельному, подчиненному своим собственным законам, росту материальных производительных сил, потому что процесс расширенного воспроизвод-

ства систематически наталкивается на фатальную ограниченность собственного рынка. Если одни из этих теоретиков видят в капиталистическом строе вообще нечто совершенно случайное и нисколько не оправдываемое с точки зрения их субъективных представлений о действительно нормальном общественном хозяйстве, то другие, хотя и обнаруживают несравненно более глубокое понимание исторической закономерности экономических формаций, но все же отказывают капиталистическому строю во внутренней жизнеспособности развития. С большей или меньшей отчетливостью все они ставят движение капиталистического процесса в зависимость от некапиталистических хозяйственных факторов и отношений. Противоречивость и антагонистичность буржуазного хозяйства понимаются, как органическая невозможность его самодовлеющего движения. Непрерывная погоня за внешними рынками—как прямое следствие имманентного отсутствия собственных средств для оплаты производимого прибавочного продукта.

Сисмонди берет исходным пунктом всей своей теоретической конструкции тезис о необходимости строгого соответствия между суммой национального производства и суммой национального дохода и логически развертывает этот тезис в следующие три основных закона процесса воспроизводства, которые он нигде систематически не обобщил, но которые всюду служат ему опорными и руководящими точками экономического анализа: 1) общественный доход должен постоянно расти в той самой мере, в какой растет общественное производство, 2) спрос на рынке со стороны потребителей должен предшествовать предложению со стороны производителей, 3) расширению капиталистического производства должно быть предпослано расширение спроса на наемный труд, который своими доходами оплатит добавочную массу промышленных продуктов. Имея постоянно в голове эти три незыблемых закона «нормального» воспроизводства, он с большой проникновенностью вскрывает и регистрирует присущие капитализму противоречия и показывает, что все историческое развитие этого способа производства ни в малейшей степени не соответствует установленным им законам.

Всесторонне анализируя реальные отношения капиталистического хозяйства, он крупными выпуклыми штрихами отмечает свойственные этому строю глубокие экономические антагонизмы. Капитализм проникает в сельское хозяйство и вызывает здесь гибель мелких самостоятельных производителей, «которые сами работали и довольствовались достатком». Он ставит на их место кадры наемного деревенского пролетариата и, «вынужденные ограничиваться самым необходимым, сельские рабочие не могут оказывать такого поощрения городской промышленности, какое оказывали ей прежде богатые крестьяне» [1]). Капитализм широко развивает концентрацию промышленности, социальным результатом чего является уменьшение

---

[1]) «Новые начала политической экономии», перевод Б. Эфруси, стр. 288. 1897 г.

числа собственников. Правда, крупные капиталисты пред'являют значительный спрос на предметы роскоши, но роскошь, которою пользуются эти единицы, «гораздо меньше поощряет промышленность, нежели достаток, которым раньше пользовались сто семейств» [1]). Наконец, капитализм вызывает тенденцию к постоянному усовершенствованию общественной техники—усовершенствованию, сопровождающемуся ростом безработного населения и соответствующим уменьшением уровня народного благосостояния.

Таким образом, 1) отделение мелкого городского и деревенского производителя от материальных условий его производства, 2) концентрация капиталистической собственности, 3) постоянное вытеснение рабочих машинами и возникающая на этой почве острая конкуренция в среде рабочего класса, способствующая понижению заработной платы,—все эти основные процессы, характеризующие развитие капиталистического строя, необходимо вызывают постоянное уменьшение народного дохода и его централизацию в руках крупных капиталистических предпринимателей при прогрессирующем росте размеров общественного производства. Сложный исторический процесс развития продукта в товар и товара в капитал односторонне воспринимается Сисмонди как простое разорение и пауперизация народных масс. Отсюда—вспомните его исходный тезис!—он делает тот вывод, что расширение производства в капиталистическом хозяйстве постоянно парализуется сокращением опирающегося на доходы национального спроса, и что естественным выходом из этого неразрешимого конфликта может быть только внешний рынок, на котором происходит реализация избыточных на внутреннем рынке продуктов накопления капитала. Он вместе с классиками принимает тот примитивный закон процесса капиталистической реализации, согласно которому стоимость национального продукта должна совпадать с размером национального потребления. Но в то время, как классики мыслят накопление капитала, как гармоничный двусторонний процесс, в котором увеличению производства на одном плюсе хозяйства всегда соответствует увеличение потребления на другом—ведь по их мнению капитализируемая часть прибавочной стоимости превращается исключительно в доход рабочего класса—историческое развитие капитализма представляется им, как автоматическое осуществление, в то время как Сисмонди оно представляется, как систематическое нарушение этого основного закона реализации. Отсюда классики за социальной значимостью капитализма не видят его внутренних противоречий, а Сисмонди за внутренними противоречиями этого способа производства не видит его социальной значимости. Отсюда столь характерное для классиков требование максимально ускорить темп накопления общественного капитала, а для Сисмонди столь же характерное требование ограничить теми или иными методами эконо-

---

[1]) Ibid., 209.

мической политики темп капиталистического накопления [1]). Отсюда для классиков невозможность, а для Сисмонди неизбежность общего товарного перепроизводства. Отсюда, наконец, для классиков представление о капиталистическом процессе, как процессе безграничном, а для Сисмонди—как о процессе, историческое развитие которого ограничено периферией внешних рынков, вовлекаемых через посредство товарооборота в круг капиталистических отношений производства, и тем самым постепенно теряющих свою роль «реализаторов» капиталистического продукта.—Мальтус [2]), который вообще дал очень мало для разрешения капитальной проблемы рынка и к которому примыкает подчас отчаявшийся найти источники спроса на прибавочный продукт Сисмонди [3]), считает, что «так как при быстром накоплении капитала спрос должен скоро стать незначительным по сравнению с предложением», то для постоянного поддержания уровня общественного спроса на достаточной высоте капиталистическая промышленность непременно требует расширения спроса со стороны тех, кто не производит, а лишь потребляет—т.-е. требует не только сохранения, но и прогрессивного роста непроизводительного потребления. Если на одном полюсе общественного хозяйства производство постоянно превышает потребление, то для свободного балансирования товарного предложения необходимо, чтобы на другом полюсе хозяйства потребление постоянно превышало производство. Так как для Мальтуса осталась совершенно неясен об'ективный смысл процесса реализации, как своеобразного экономического процесса, в основе которого лежит принцип всестороннего обмена равных товарных стоимостей, то он наивно думает, что проблема рынка есть проблема «богатых покупателей». Схватывая лишь внешнюю форму процесса реализации, он упускает из виду, что здесь решающее значение имеет не просто момент оплаты капиталистиче-

---

[1]) Наряду с целым рядом других противоречий капитализма Сисмонди отчетливо видит, что механические изобретения, вызывая рост производительности труда, влекут за собою увеличение массы производимых продуктов. Его вывод?—«Право, в виду стольких страданий, можно было бы хоть в данный момент отказаться от поощрения изобретений, которые в состоянии лишь увеличить эти страдания». (Ibid., стр. 214).

[2]) T. R. Malthus. Principles of Political Economy. London. 1820. Chapt. VII. Есть выдержки в русском переводе в серии «Теоретическая экономия в отрывках» под ред. А. Мендельсона и И. Трахтенберга «Проблема рынка и кризисов». «Плановое Хозяйство». 1926, стр. 164—179. Р. Люксембург в своем «Накоплении» дает исчерпывающий анализ мальтусовой теории рынка.

[3]) Вспомним: «Если основной вопрос полит.-экономии заключается, как я предполагаю, в равновесии между производством и потреблением, если, кроме того, неизбежным следствием прогресса техники, промышленности и цивилизации является то, что каждый рабочий производит больше ценностей, чем потребляет, и производители, следовательно, не в состоянии сами все потребить, то при каждом увеличении производственных сил необходимо соответственное увеличение потребления со стороны класса людей, которые ничего не производят и производство которых не может служить для продажи. Именно к такому выводу пришел Мальтус» (С. Сисмонди. «Новые Начала и т. д.», стр. 272–273).

ского продукта, а момент возмещения его составных вещественных частей. Реализация капиталистического продукта сводится к круговому обмену товарных капиталов, создающих в процессе обращения взаимный спрос друг на друга. Последовательно проведенная точка зрения целостного общественного хозяйства отчетливо показывает, что хотя всякое возмещение принимает форму денежной оплаты, но далеко не всякая оплата является возмещением, и что чрезвычайно важно, имеет ли внутренний спрос на капиталистическом рынке своей основой самостоятельный товарный фонд, денежной формой которого этот спрос является, или же он просто обязан своим возникновением перераспределению определенной суммы национального дохода, дающему ассигновку на получение через рынок соответствующей части уже произведенного в обществе товарного продукта. Из всех скептиков капиталистического накопления Мальтус, кажется, меньше других понял, что рынок и производство образуют в действительности некоторое внутреннее единство, и что рынок вовсе не лежит вне производства, как это представляется при недостаточно ясном понимании процесса товарного обращения в капиталистическом хозяйстве. Вот почему он в большей мере, чем кто-либо из других скептиков, противопоставляет категории рынка и производства и помещает приросший продукт накопления капитала не на внешний рынок подобно его соратнику по борьбе с классической школой—Сисмонди, а в сферу непроизводительного потребления паразитарных социальных слоев. Кирхман[1]) со своей стороны начисто отрицает какую-либо об'ективную возможность накопления капитала, ибо обусловленное капитализацией национального дохода общественное накопление с естественной необходимостью вызывает прогрессирующее расширение производства продуктов массового потребления. И так как национальный уровень реальной заработной платы рабочего класса обычно низок, то рабочие не в состоянии оплатить своими доходами постоянно увеличивающихся с каждым следующим кругооборотом общественного капитала добавочных товаров. Неравномерное распределение общественного дохода между классом рабочих и классом капиталистов с одной стороны детерминирует незначительную платежную силу рабочих, а с другой—создает материальную основу усиленного накопления, постоянно наталкивающегося на кризис сбыта, так как рабочие не могут, а капиталисты не хотят покупать изготовленных продуктов. Исходя из этого, он возражает против всякого сбережения капиталистами своей прибыли, т.-е. против какой бы то ни было капитализации национального дохода, видит основную причину современных экономических коллизий—кризисов в недостаточном развитии различных форм утонченного капиталистического потребления и предлагает перестроить всю систему буржуазного хозяйства

---

[1]) См. К. Родбертус. «Социальные письма», особенно II и IV, а также историю полемики у Р. Люксембург.

на лукуловских принципах неограниченного расширения производства предметов роскоши и наслаждения. По существу, он стоит на той точке зрения, что в капиталистическом хозяйстве мыслимо лишь постоянное повторение простого воспроизводства, и что всякое расширение масштаба общественного производства на основе накопления капитала неизбежно приводит к острому торгово-промышленному кризису перепроизводства. Если Сисмонди видит единственный выход во внешнем рынке, а Мальтус в расширении непроизводительного спроса «третьих лиц» капиталистического общества, то Кирхман считает, что ежегодно создаваемая прибавочная стоимость должна овеществляться в разнообразнейших предметах рафинированного капиталистического потребления. И если Сисмонди стоит за умеренный темп накопления капитала, а Мальтус—за безграничное накопление, то Кирхман одним ударом решает всю сфинксову загадку, отрицая целесообразность и возможность какого то ни было накопления вообще. Поверхностный Кирхмановский анализ проблемы рынка ничего положительного и серьезного не дал политической экономии. Но сформирование им своей точки зрения имело то значение, что дало толчок критическому выступлению автора знаменитых «Социальных писем», в которых было брошено так много больших и свежих мыслей по самым различным вопросам экономической науки.—Воронцов и Николай—он ставят проблему капиталистического накопления в связи с мучившим их вопросом о самостоятельности русского исторического процесса, принимают в основном концепцию духовного отца всей этой галлерии скептиков—Сисмонди и вносят в нее некоторые своеобразные изменения и дополнения. Именно в их учении—оставляя в стороне народнических писателей меньшего калибра—концепция внутренней несостоятельности и экономической регрессивности нашего капитализма нашла свое законченное теоретическое и статистическое обоснование. Воронцов считает, что в современном капиталистическом хозяйстве глубоко нарушено естественное равновесие между производством и потреблением в силу всесторонней товарности хозяйства с одной стороны и исторически сложившегося отделения средств производства от непосредственных производителей—с другой. При этом он думает, что сама по себе товарность хозяйства еще не в состоянии нарушить этого равновесия. В условиях простого товарного хозяйства равновесие—несмотря на момент товарности—достигается тем, что каждый производитель есть и потребитель и, наоборот,—каждый потребитель является вместе с тем и производителем. Изготовленный им товар это сумма трех элементов общественного потребления, понимая последнее в широком смысле слова, т.-е. включая сюда как потребление орудий производства, сырых и вспомогательных материалов, так и его индивидуальное потребление. В процессе обмена самостоятельный мелкий товаропроизводитель реализует свой товар, а затем вновь расчленяет полученную сумму денег, авансируя ее на закупку трех вышеуказанных элементов, органически связанных с процессом производства. Но при капитализме в цену товара входит новый

элемент — *прибыль*, которая не только не стоит в какой-либо внутренней органической связи с другими составными элементами общественного производства, но вообще совершенно не нужна для реальных потребностей последнего. Этот новый элемент цены делает невозможным процесс капиталистической реализации товаров. Прибыль «не находится в органической связи с производством, она есть феномен, связанный с последним не технико-естественными условиями, а внешней социальной его формой. Производство... для своего продолжения нуждается в материалах, орудиях труда, средствах содержания рабочих, а поэтому само потребляет лишь соответствующую часть продуктов; а излишек их, образующий прибыль, не находит себе помещения в постоянном элементе промышленной жизни — в производстве продуктов—и должен искать других потребителей, до известной степени случайных. Он может найти таких потребителей, но может не найти в требуемом количестве—в таком случае мы будем иметь избыток снабжения рынка товарами» [1]). Не может ли, однако, эта прибыль быть реализована в личном потреблении самих капиталистов? Принимая тезис Сисмонди о необходимости соответствия производства и дохода, Воронцов много раз возвращается к вопросу о капиталистическом потреблении, но, в противоположность Кирхману, он думает, что «сколько бы они (капиталисты. *А. Г.*) не ели, не пили и не плясали, всей прибавочной стоимости им не извести», так как размерам индивидуального потребления поставлены довольно тесные и мало эластичные пределы. Настойчиво подчеркивая в своих работах этот момент несоответствия между производительной способностью капиталистической промышленности и поглотительной способностью капиталистического организма, он с подкупающей простотой стремиться доказать, что здесь именно и заключено основное противоречие капиталистического хозяйства, приводящее к постоянному образованию нереализуемого товарного продукта на внутреннем капиталистическом рынке.

«Не скромность и воздержание фабрикантов служат причиной излишка продуктов, а ограниченность или недостаточная эластичность человеческого организма, не успевающего расширять свои потребительные способности с той быстротой, с какой растет прибавочная стоимость. Итак, Ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в затруднительности для владеющих классов потреблять весь свой доход» [2]).

Продолжая цепь своих доказательств, он приходит к выводу о вполне понятной для капиталистического класса необходимости применять самым энергичным образом разнообразные методы по «истреблению» избыточного продукта, который все снова и снова приносит им каждый следующий кругооборот процесса накопления. Здесь мыслим или постоянный вывоз товаров в некапиталистическую среду с целью обмена их на сырые материалы, производимые некапиталисти-

---

[1]) В. В. «Очерки теоретической экономии». 1895, стр. 159—160.
[2]) Ibid, стр. 161—179.

ческими производителями, или же—так как этот метод постоянно теряет свое значение, поскольку отсталые страны одна за другой становятся на путь капиталистического развития—международный заем, который принудительным внеэкономическим путем навязывается молодой стране, и в силу которого она должна на занятые деньги покупать у стран капиталистической культуры прибавочную стоимость, овеществленную в различные средства производства, или, наконец, как весьма плодотворный метод — милитаризм, балансирующий равновесие между спросом и предложением внутри капиталистической формы хозяйства путем огромного, неизменно прогрессирующего непроизводительного потребления создаваемого прибавочного продукта [1]). Иными словами, Воронцов серьезно думает, что все многообразие реальных взаимоотношений капитализма с окружающей его мирохозяйственной средой и вся сложность современной империалистической политики, опирающейся на милитаризм, имеют своей внутренней целью и движущим началом систематическое «истребление» капиталистической прибавочной стоимости. Эту теорию об органической невозможности включить элемент капиталистической прибыли в процесс внутрирыночной реализации совокупного товарного продукта Воронцов выдвинул еще в восьмидесятых годах XIX века и попытался тогда же, исходя из нее, наметить судьбы капитализма в России—проблему, так сильно и глубоко поставленную Герценом в его замечательных публицистических статьях. Затем он несколько раз дополнял и обновлял свою теорию, последний раз выступил с ее изложением уже после выхода в свет монументального труда Розы Люксембург, что несомненно дало ему толчек к этому несколько странному на первый взгляд выступлению, и—если верить его собственному заявлению—вообще остался до конца на своих старых народнических позициях, хотя марксисты еще в девяностых годах разгромили все теоретические обоснования народничества [2]), а жизнь, со своей стороны, безжалостно рассеяла все их мелкобуржуазные иллюзии, решив по своему вопрос о самобытности русского исторического процесса.—Николай —он решает сложную проблему капиталистического рынка несколько иным путем. Если Воронцов и так и этак бьется над тем, чтобы как-нибудь пристроить—вернее истребить—совершенно излишний, по его мнению, для внутренних потребностей капиталистического хозяйства элемент

---

[1]) См. «Производство и потребление в капиталистических обществах». 1913 г. В этой работе он подробно развивает способы реализации избыточного прибавочного продукта, находясь несомненно под влиянием Розы Люксембург, книга которой не задолго перед тем вышла на немецком языке. См. также его более раннюю работу «Судьбы капитализма в России». 1882, особенно главу первую.

[2]) Работы Н. Ленина («К характеристике экономического романтизма» и Развитие капитализма в России») и Г. Плеханова («Наши разногласия» и «Обоснование народничества в трудах господина Воронцова») являются до настоящего времени не превзойденными образчиками экономической марксистской критики мелкобуржуазной точки зрения на процесс превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое и на дальнейшее развитие капитализма.

прибыли и приближается в значительной степени к Кирхману в своем отрицании возможности накопления капитала, то Николай —он, хотя и приходит к одному с ним выводу, что капиталистическое производство не имеет прочной основы на русской почве, не настаивает вовсе на принципиальной невозможности реализации прибавочного продукта в пределах капиталистического хозяйства.

Сосредоточив всю силу своего незаурядного исследовательского дарования на анализе исторического хода развития переформенного русского хозяйства, он ясно видит те крупные сдвиги в отношениях собственности и характере производства, которые влечет за собою эволюция капитализма, и обобщает противоречивость и сложность наблюдаемых здесь явлений в знакомую нам уже от Сисмонди теорию прогрессивного сокращения внутреннего рынка страны. Пределы развития капитализма он видит в имманентно присущих ему тенденциях, так как «капиталистическая форма не знает иного потребления, кроме платящего, между тем, как она сама стремится ограничить платежную способность населения... вследствие уменьшения возможности приложения труда по мере развития капитализма, по мере отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, по мере освобождения рабочих сил, которые вследствие экспроприации не находят себе приложения, по мере истощения земель, по мере ухудшения условий земледельческого труда» [1]). Он переносит центр тяжести всей проблемы с плоскости казуистических доказательств логической невозможности накопления капитала в плоскость конкретно осязаемых социально-экономических последствий исторической эволюции капитализма и решительно сводит все эти последствия в концепцию внутренней ограниченности роста национального рынка, на основе которого стоит и развивается крупная капиталистическая промышленность. В своей теории он весьма своеобразно сочетает марксов всеобщий закон капиталистического накопления, который ему, как переводчику первого тома «Капитала», был, конечно, очень хорошо известен, с сисмондистскими взглядами на соотношение производства и потребления в буржуазном хозяйстве. — Наконец, завершая вековую работу экономической мысли, Роза Люксембург делает самую замечательную попытку логически и исторически обосновать принципиальную невозможность накопления общественного капитала в пределах капиталистической формы хозяйства. Пытливый и творческий ум, она внутренне перерабатывает в стройную и оригинальную конструкцию учение всех своих предшественников, развивает до крайней степени их отрицательное отношение к возможности самодовлеющего накопления капитала и не останавливается перед прямой критикой Маркса, когда в результате самостоятельного исследования приходит к выводу, что намеченное им в общих чертах решение проблемы отнюдь не совпадает с выработавшимся у нее представлением. Она предпочитает быть апостолом духа, чем фана-

---

[1]) Николай —он. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» С.-П-рг. 1893. Стр. 318—324.

тиком буквы, будучи внутренне глубоко уверена, что если данная ею оригинальная трактовка спорного вопроса и расходится с марксовыми текстами, то она во всяком случае целиком отвечает общему критическому направлению его учения и сообщает неотразимую прочность его выводам о неизбежности исторического крушения капитализма. Тем интереснее для нас уловить моменты идейного созвучия между ней и всеми прочими теоретизирующими скептиками накопления капитала [1]).

Прежде всего, развиваемая ею с предельной силой убедительности теоретическая концепция совершенно свободна от той выпуклой мелкобуржуазной складки, которая столь характерна как для Сисмонди, так и для идейных представителей русского народничества. Если Сисмонди и народники смотрят на вещи с нескрываемой пугливой настороженностью разоряемого победным шествием капитала мелкого буржуа, если Мальтус с неприкрытой циничностью оформляет в своем учении жизненные требования крупных землевладельцев, то Люксембург первая из всех скептиков воспринимает проблему накопления капитала под ясно выраженным углом зрения сознающего свои социальные задачи пролетариата. Как выразительница интересов нового исторического класса, она каждой буквой своей боевой книги зовет к преодолению капитализма, но, конечно, не в целях восстановления отжившего строя мелкого товарного производства. На ее знамени — не царство мелкобуржуазной ограниченности, а подлинное коммунистическое общежитие.

Но для нас в данной связи важна не столько ее классовая точка зрения, сколько внутренний смысл выдвигаемого ею учения. В этом отношении она целой головой выше своих предшественников уже хотя бы по одному тому, что прекрасно воспользовалась всеми теми решающими критическими замечаниями, которые сделал по их адресу Маркс. В противоположность всем другим скептикам, она чрезвычайно отчетливо ставит проблему накопления в разрезе совокупного народного хозяйства и в фокусе своего сосредоточенного теоретического внимания всегда имеет реальное единство общественного капитала. Правда, и другие крупные представители теоретического скептицизма очень далеки от того, чтобы исходить из условий воспроизводства и накопления индивидуального капитала. Но говоря об общественном капитале, они обычно ограничивались точкой зрения внешних связей, существующих между его частями, не проникая в круг их функциональных зависимостей. Это последнее

---

[1]) Интересно, что в ранней экономической работе, написанной почти за пятнадцать лет до «Накопления» и посвященной анализу исторического развития польской промышленности и борьбе польской буржуазии за русские рынки («Промышленное развитие Польши» С.-П-рг. 1899). у Р. Л. отсутствует хотя бы малейший намек на развитую ею впоследствии теорию накопления, и в частности, принимается то самое политико-географическое деление внутреннего и внешнего рынков, против которого она спорила в «Накоплении».

обстоятельство об'ясняется в значительной степени тем фактом, что для всех них осталась загадкой внутренняя структура общественного продукта, впервые раскрытая Марксом. Иное у Люксембург. Наряду с последовательно проведенной точкой зрения совокупного хозяйственного процесса, она — опять-таки в полном согласии с Марксом,—решительно преодолевает как односторонность своих предшественников в понимании вещественных форм капиталистического продукта, так и их заблуждение в анализе его стоимостных частей: она никогда не забывает, что материально капиталистический продукт распадается на средства производства и средства потребления, а стоимостно—на элементы капитала и элементы дохода. Словом, все те непреодолимые препятствия методологического и логического порядка, о которые постоянно спотыкались ее предшественники, для нее вообще не существуют, и все-таки она категорически утверждает, что проблема остается проблемой, хотя казалось бы, что весь момент проблематичности стоит и падает с ошибками Смита-Сисмонди, и что заимствованные ею у Маркса теоретические предпосылки должны найти свое естественное завершение в шестичленной марксовой формуле, охватывающей реализацию капиталистического продукта как при простом, так и при расширенном воспроизводстве. На этом обстоятельстве необходимо поставить особое ударение, так как именно в упорном подчеркивании нерешенности основного вопроса накопления, несмотря на все внесенные Марксом в анализ существеннейшие положения, и кроются оригинальность и своеобразие люксембургианского подхода к проблеме.

Что же, собственно говоря, ее смущает? То, что смущало без исключения всех ее предшественников: реализация капитализируемой части прибавочной стоимости. Ее интересуют не принципы распределения прибавочной стоимости в пределах класса капиталистов, совершающегося в ходе менового оборота, количественные пропорции которого даны социальными отношениями собственности, выдвигающими в качестве регулирующего момента распределения общую среднюю норму прибыли, но те законы, которые управляют процессом образования реального внутреннего спроса на производимую в форме товаров и направляемую на расширение промышленности прибавочную стоимость. Развивая своеобразную теорию реализации, она воздвигает на ее основе концепцию империализма, который—как она совершенно правильно считала—должен быть выведен из внутренних условий процесса воспроизводства общественного капитала.

Но невозможность реализации прибавочного продукта воспринимается ею иначе, чем прежними экономистами. У ее предшественников проблема реализации капитализируемого дохода, составляющего материальный фонд расширенного воспроизводства, осложнялась и переплеталась с нерешенным предварительным вопросом о реализации составных частей общественного продукта в рамках простого воспроизводства. Они тщетно пытались об'яснить законы накопления общественного капитала, не имея хоть сколько-нибудь правильного научного представления о законах простого воспроизводства этого

капитала. Больше того. Им самим было недостаточно ясно, что речь идет о двух, хотя и тесно связанных между собою, но все же различных теоретических проблемах, и они смешивали их в одну общую проблему о рынке сбыта продуктов капиталистической промышленности вообще, инстинктивно или сознательно ставя всегда ударение на той стороне этой проблемы, которая непосредственно затрагивала реализацию прибавочного продукта. Проблема спроса вообще постоянно сливалась у них с проблемой необходимого для расширения размеров производства добавочного спроса. Сводя весь капиталистический процесс реализации к регулярному обмену товаров на доходы, они фундаментально извращали действительную механику восстановления натуральных частей общественного продукта и естественно оказались неспособны справиться со сложным теоретическим ребусом накопления. Законы накопления капитала могут быть выведены лишь на основе законов возмещения его составных элементов. Не поняв последних, скептики роковым образом обрекали на неудачу все свои подчас интересные и оригинальные конструкции.

Для Люксембург законы возмещения общественного продукта в условиях простого воспроизводства совершенно ясны, ибо она знает, что процесс реализации не сводится к простому обмену продукта на доход, а представляет в действительности сложное единство трех форм обмена (обмен капитала на капитал, капитала на доход и дохода на доход), осуществляемого в сфере товарного обращения. Размер капиталистического рынка не ограничивается размером народного потребления. Общественный продукт вовсе не должен целиком оплачиваться из фонда национального дохода. Сумма товарного предложения даже при полном равновесии общественного хозяйства во много раз превышает сумму потребительского спроса.— Всего этого Люксембург никогда не забывает. Вот почему проблема формулируется у нее не так, как у ее предшественников: возможно ли систематическое накопление капитала, если личное потребление постоянно отстает от роста производства в силу ограничения покупательных сил общества присущими капитализму методами распределения национального дохода? Нет, проблема ставится и формулируется в ее учении совершенно иначе. Если предположить замкнутую капиталистическую форму хозяйства, то откуда исходит в этих условиях прогрессивно возрастающий платежеспособный спрос, в котором должна реализоваться воплощенная в средствах производства и средствах рабочего потребления капитализируемая прибавочная стоимость, и наличие которого делало бы необходимым постоянное расширение общественного производства?—Вот основной вопрос, разрешению которого она посвятила всю свою книгу.

Игнорирует ли она так упорно подчеркиваемое предшествующими экономистами противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе? Нисколько. Но так как она чрезвычайно далека от сисмондистской теории необходимости строгого соответствия размеров производства и потребления, то несомненный эмпирический

факт отставания потребления от роста производства вовсе не имеет для нее того значения решающего и неоспоримого аргумента в защиту учения о невозможности накопления капитала, как для ее предшественников. Поэтому осью, вокруг которой оформляется все ее учение, является не противоречие между производственными возможностями и потребительскими способностями капиталистического хозяйства, а противоречие более широкого и важного порядка—противоречие между заложенной в самой основе капитализма тенденцией накоплять и полным отсутствием источников внутренняго спроса на накопляемый прибавочный продукт в его двойственном вещественном составе (средства производства и средства рабочего потребления). Она стремится, во-первых, отыскать ту особую часть общественного механизма покупок и продаж, которая осуществляет размещение капитализируемой прибавочной стоимости, и, во-вторых, проанализировать, насколько возникающий в результате действия этой части механизма добавочный спрос действительно оправдывает (вспомните знаменитый вопрос: для кого?) систематическое расширение капиталистической промышленности.

Для нее одинаково неприемлем как абсурдный вывод Мальтуса—искусственно расширять спрос третьих лиц капиталистического общества, так и наивное предложение Кирхмана—превращать весь прибавочный продукт в предметы капиталистического потребления. Ни то, ни другое не является по существу выходом из намеченного ею затруднения. Первое—потому, что класс землевладельцев об'ективно не в состоянии создавать добавочного общественного спроса, так как он вообще не имеет самостоятельных источников дохода; второе—потому, что потребление всей прибавочной стоимости целиком снимает самую проблему накопления, так как в этих условиях никакого добавочного спроса реализация капиталистического продукта и не требует, поскольку весь прибавочный продукт оплачивается при простомвоспроизводстве самими капиталистами и весь же ими потребляется. Наоборот, для нее совершенно ясно, что капитализируемая часть совокупной прибавочной стоимости по своим вещественным формам должна быть заранее исключена как из потребления капиталистов, так и из потребления всех тех социальных групп, которые существуют за счет капиталистического дохода, и должна, следовательно, реализоваться каким-то иным способом и при посредстве иных платежных источников. Трактовка проблемы, данная Сисмонди и его последователями—русскими народниками, опять-таки не может ее удовлетворить. Во-первых, и те и другие постоянно упускают из виду, что наряду с рынком средств потребления существует рынок средств производства и что накопляемая прибавочная стоимость реализуется не только в индивидуальном, но и в производительном потреблении. Не усвоив того, что рост личного потребления вовсе не должен соответствовать масштабу расширения производства, поскольку определенная часть капитализируемой прибыли вообще целиком из'емлется из фонда общественного потребления и обращается на внутреннем рынке в форме разнообразных средств

производства, они бессознательно сами создавали себе в ходе анализа такие нарочитые трудности, которых в реальном процессе реализации не существует, и надуманность которых значительно затемняла и искажала основной вопрос об источниках добавочного спроса. Именно это неумение постигнуть законы реализации товаров вело к непониманию эмпирических фактов исторической динамики капитализма. В процессе развития капиталистического хозяйства все б о л ь ш а я часть производимого товарного продукта возмещает постоянный капитал общества, и все м е н ь ш а я—переменный. Изменение органического состава общественного к а п и т а л а влечет за собою закономерное изменение ценностного состава общественного п р о д у к т а. Ставя знак равенства между суммой производства и суммой потребления, сисмондисты совершенно не понимали, что если размер совокупного национального производства увеличивается б ы с т р е е размера национального потребления, то это вовсе не означает, что капиталистическая промышленность о б г о н я е т свой внутренний рынок, ибо постоянно растущая процентуально часть национального продукта не оплачивается вовсе из фонда общественного дохода. Эту крупнейшую роковую ошибку своих предшественников автор «Накопления капитала» видит с полной отчетливостью и критически отмечает ее в своей работе.

Но наряду с заблуждением в анализе соотношения капитала и дохода был еще один существенный момент, который заставлял Р. Люксембург критически отнестись к мелкобуржуазному направлению экономического скептицизма. Ведь никто из сисмондистской школы никогда собственно категорически не утверждал, что накопление общественного капитала абсолютно невозможно в пределах капиталистического хозяйства. Именно в этом кардинальном вопросе Люксембург никак не могла найти у своих единомышленников необходимой ясности и законченности. Все они—и особенно Сисмонди и Николай —он—ставят, по существу, ударение не на том, что расширенное воспроизводство в пределах капиталистической формы хозяйства логически невозможно, а скорее на том, что в процессе исторического развития капитализма прогрессивное сокращение внутреннего рынка вызывает непреодолимые трудности для реализации растущего общественного продукта. В представлении сисмондистов эта мысль получала веское фактическое обоснование в хозяйственных кризисах. Последние рассматривались не как периодические моменты промышленного цикла, а как постоянные явления, сковывающие движение накопления общественного капитала. Анализ процесса накопления почти на каждом шагу сводился к сопровождающемуся мелкобуржуазными сентенциями подчеркиванию критических точек кон'юнктурной кривой. И если оставить в стороне бесчисленные недомолвки и неясности, то теоретики сисмондистской школы отрицают скорее не возможность накопления вообще, а возможность присущего капитализму у с и л е н н о г о т е м п а накопления, необходимо обостряющего с их точки зрения несоответствие между производственной способностью национальной промышленности и покупательной

силой национального рынка. Это особенно отчетливо сказывается в учении Сисмонди, горячо настаивавшего на закреплении умеренного и ограниченного масштаба развития производительных сил буржуазного хозяйства.

Такое половинчатое непоследовательное решение капитальной проблемы рынка не могло быть принято Р. Люксембург с ее острым аналитическим умом. Она пластически ясно ставит вопрос: мыслима ли вообще—совершенно независимо от социально-экономических последствий развития капитализма и отражения этого развития на состоянии общественного потребления—реализация прибавочного продукта внутренними силами капиталистического хозяйства? Осуществим ли без наличия внешнего спроса кругооборот общественного капитала, лишь только он выходит за границы простого воспроизводства при каком угодно—даже самом минимальном—темпе накопления?—Здесь не отрицается значение нормы накопления для последующей реализации товаров, но совершенно правильно заостряется принципиальная сторона проблемы.

Исправляя вслед за Марксом методологические и логические предпосылки учения своих предшественников, она своим резким отрицательным ответом на этот центральный теоретический вопрос несомненно выступает самой ортодоксальной и самой последовательной из всех скептиков накопления капитала. Никто с такой категорической прямолинейностью и строго выдержанной непримиримостью не защищал положения об об'ективной логической невозможности накопления общественного капитала в пределах капиталистической системы хозяйства, как Роза Люксембург.

Блестящий анализ исторической эволюции капитализма развернут ею не с той целью, с какой проводили его другие скептики и в первую голову Сисмонди и Николай — он. Последние исследовали социальные условия развития капитализма с целью показать, что капиталистическая промышленность в своем напряженном движении вперед шаг за шагом наталкивается на острые грани сокращающегося внутреннего рынка, и что, следовательно, с естественной необходимостью возрастает день за днем зависимость от внешнего рынка—понятие, которое они не попытались даже точно конструировать с экономической точки зрения. Иное у Розы Люксембург. Так как по ее мнению накопление капитала вообще невозможно в пределах капиталистического хозяйства, то она наперед связывает прибавочную стоимость с платежеспособным спросом исторически предшествующих капитализму социальных формаций и стремится доказать, что вся история капитализма есть история его постоянного взаимодействия с некапиталистической хозяйственной средой, принимающего различные формы, но всегда имеющего своим основным движущим мотивом необходимость реализовать в этой среде капитализируемую часть совокупной прибавочной стоимости. Конечно, некапиталистическое хозяйство важно не только как рынок сбыта прибавочной стоимости, но и как область огромных сырьевых запасов и источник дешевых рабочих рук. Тем не менее, «реализаторская функция»

некапиталистической среды подчеркивается с особенной силой. И в мотивировке этой роли последней именно и сказывается оригинальность Р. Люксембург по сравнению с ее единомышленниками. Не потому с ее точки зрения в рамках капитализма невозможна целостная реализация общественного продукта, что неравномерное распределение национального дохода постоянно ограничивает потребительные силы общества, а потому, что в пределах этой формы хозяйства имеются источники спроса исключительно лишь на ту часть совокупного товарного продукта, которая возмещает постоянный и переменный капитал. И не потому капиталистическая промышленность настойчиво нуждается во внекапиталистической хозяйственной среде, как внешнем рынке сбыта произведенных товаров, что внутренний рынок постепенно суживается, а потому, что на внутреннем рынке вообще — так сказать с порога — невозможно разместить составные части накопляемого прибавочного продукта— вещественные предпосылки процесса расширенного воспроизводства.

Можно формулировать это различие аргументации еще следующим образом. Избыточный продукт на внутреннем рынке систематически возникает в силу того, что капиталистическое производство имеет неотразимую тенденцию расти быстрее, чем растет общественный доход, из фонда которого должны быть оплачены все части совокупного товарного продукта—говорят сисмондисты. Избыточный продукт на внутреннем рынке систематически возникает не в силу того, что производство растет быстрее доходов, ибо крупная часть общественного продукта вообще не реализуется за счет доходов, а потому, что сумма общественного предложения постоянно больше суммы общественного спроса на всю величину капитализируемой прибавочной стоимости, размеры которой целиком определяют размеры образующегося избыточного продукта—говорит Р. Люксембург.

Если сисмондисты выдвигают на первый план теорию разрушения капитализмом собственного внутреннего рынка путем сплошной пауперизации самостоятельного прежде населения, то люксембургианцы ставят ударение на моменте ассимиляции покупающей по их мнению прибавочную стоимость некапиталистической социальной среды путем ее классовой поляризации. Для первых границей реализации прибавочной стоимости является низкий уровень народного дохода, для вторых—уже один только факт превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое.

Но если оставить в стороне различие классовых симпатий, исходных точек анализа и методов решения проблемы и непосредственно обратиться к конечным теоретическим выводам, то несомненно, что из всех своих предшественников Люксембург тем не менее ближе всего к Сисмонди: здесь она расходится с ним не корнями, а ветвями. Именно Сисмонди впервые остро поставил проблему реализации в центре теоретической экономии, указал на внешний рынок, как на единственный выход из затруднений по продаже прибавочного продукта, и предвосхитил,—хотя и не в достаточно ясной форме,—ее основной и решающий вывод, что границы

исторического развития капитализма совпадают с границами внешних рынков [1]). Оба они настойчиво выделяют прибавочную стоимость из всех других составных частей общественного продукта и утверждают, что ее реализация вызывает трудности совершенно особого порядка. Оба отрицают мыслимость сохранения равновесия капиталистического хозяйства в условиях расширенного воспроизводства при отсутствии широкого кольца внешних рынков. Оба не понимают действительного своеобразия связи между производством и спросом в капиталистическом обществе, считая, что реальный общественный спрос должен предшествовать расширению размеров производства и тем самым экономически оправдывать это расширение. Наконец, оба, хотя и с помощью различных теоретических доводов, но наиболее отчетливо и резко отказывают капитализму в способности своими собственными силами развивать общественное производство.

Можно без всякой парадоксальности утверждать, что своим четким отрицательным отношением к возможности самостоятельного накопления капитала Р. Люксембург глубже выразила внутреннюю идею сисмондизма, чем сам учитель, ибо она решительно отмежевывается как от той досадной непоследовательности, которую он допустил, сосредоточив основную часть своего внимания на вопросе темпа накопления вместо того, чтобы заострить его на вопросе принципиальных возможностей накопления, так и от этой мелкобуржуазной уступчивости, которую он проявил в борьбе с классической школой, приняв, в конце концов, с целым рядом оговорок и оглядок основной тезис ее,—что капиталистическая промышленность сама создает рынок для сбыта своих продуктов. Автор «Накопления капитала» не знает подобной половинчатости и непоследовательности. В ее книге чувствует не только огромная сила теоретического убеждения, но редкая страстность, уверенность, прозелетизм. Продолжая вековую идейную традицию экономического скептицизма в вопросах накопления, она сообщает своему учению столь

---

[1]) До тех пор пока нация имеет в своем распоряжении такой обширный рынок, что она может быстро и выгодно сбывать все свои продукты, каждое новое изобретение составляет благодеяние, потому что оно не вызывает уменьшения количества рабочих, а лишь увеличивает количество труда и продуктов. Но наступает пора, когда весь цивилизованный мир составляет как бы один рынок и нет никакой возможности приобретать новых покупателей. Спрос всемирного рынка равняется тогда определенному количеству продуктов, и этот рынок все промышленные нации оспаривают друг у друга. Если одной нации удается сбыть большое количество продуктов, то это происходит в ущерб другой нации» (С. Сисмонди. «Новые начала», стр. 198—199). В полном соответствии с этими мыслями Р. Люксембург пишет: «Положение становится совершенно ясным, если мы на мгновение предположим, что развитие капитализма зашло так далеко (soweit vorteschritten), что на земном шаре все, что изготовляется людьми, производится исключительно капиталистически, т.-е. только капиталистическими частными предпринимателями в крупных предприятиях с помощью современных наемных рабочих. Тогда отчетливо выступает невозможность капитализма». Einführung in der Nationalöekonomie. 1925. S. 293).

характерные для всякого дисциплинированного ума черты непримиримого радикализма и подкупающей цельности.

Расширяя область нашего знания, политическая экономия тем самым расширяет и область нашего действия. Практическая борьба с империализмом подвела Розу Люксембург вплотную к необходимости вскрыть его экономические корни, а научное об'яснение империализма должно было служить новым дополнительным орудием освободительной пролетарской борьбы. На передовых линиях этой борьбы под ураганным огнем контр-революции она и пала с боевым знаменем в руках. И если развернутая в ее книге теория рынка и неверна, то кто может отрицать, что ее блестящая работа дает могучий толчок теоретической мысли, заставляет глубже задуматься над закономерностью современной империалистической фазы и с необычайной силой освещает процесс империалистической экспансии капитала?

Ход развития общественной мысли определяется ходом развития общественной жизни. Всякий раз как капитализм в той или иной культурной стране подходит к моменту решительной ломки столетиями выработавшихся экономических форм или же намечает какой-либо крупный этап в своем историческом движении, теоретическая мысль получает очередной плодотворный толчок. Все снова и снова вторгается она в тайны капиталистического процесса, чтобы разрешить, наконец, его основную жизненную проблему—проблему накопления капитала. Сисмонди выступил в бой против классиков под непосредственным впечатлением первого промышленного кризиса капиталистической эры и той потрясающей нищеты, которая подобно чумной эпидемии охватила в первые десятилетия XIX века широчайшие трудовые слои английского общества. Полемика между Кирхманом и Родбертусом должна быть поставлена в прямую связь с первичными процессами развития немецкого капитализма, английским кризисом 39-го,—мировым кризисом 48-го года и начавшимся к тому времени социально-политическим движением рабочего класса. Экономические теории народничества были выдвинуты с прямой целью доказать невозможность капиталистического развития России, так как именно в то время иностранный капитал особенно сильно и жестоко сокрушал примитивные формы русской хозяйственной жизни с их еще кое-где сохранившейся первобытной свежестью общинного уклада и быстро создавал себе широкий внутренний рынок. Наконец, работа Розы Люксембург «Накопление капитала» обязана своим появлением новому резко выраженному этапу в развитии капитализма—империализму, теоретическое обоснование и осознание которого эта книга по мысли автора должна была дать.

При этом одно обстоятельство здесь особенно интересно. Каждый из этих страстных идейных турниров начинается вылазкой тех, кто относится пессимистически к судьбам развития капитализма и завершается победой тех, кто держится противоположного мнения по этому вопросу. Классики, несмотря на всю ошибочность своих теоретических построений, оказались в выигрыше против Сисмонди;

Родбертус без особого труда опрокинул ребяческие выводы Кирхмана; Плеханов, Ленин и Туган-Барановский одержали блестящую победу над русским народничеством; ортодоксальная марксистская мысль подвергла систематической критике концепцию Р. Люксембург (Бухарин, Крицман, Дволайцкий и другие) и раскрыла ее логическую несостоятельность и историческую неоправданность. Скептики всегда начинают атаку, но им никогда не под силу отстоять свои теоретические позиции. На всем протяжении истории этой проблемы экономическая мысль берет своим исходным пунктом более или менее ясно выраженное отрицание внутренних возможностей накопления, встречает противоположное течение мысли, отступает перед ним, возвращается к исходному пункту и отсюда, обогатившись всеми результатами предшествующего спора, с новыми силами и с новыми аргументами стремится доказать фатальную невозможность реализации прибавочного продукта в кругу капиталистического хозяйства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ РАСШИРЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ

При всем том богатом разнообразии оттенков, которые усваивает на протяжении столетия критикующая мысль скептиков, в основе ее лежит непонимание одного чрезвычайно существенного положения,—что процесс расширенного капиталистического воспроизводства включает в себе при некоторых вполне определенных условиях воспроизводство расширенных отношений спроса на продукты капиталистической промышленности. Это положение само по себе в достаточной мере элементарно, но именно оно необходимо составляет центральную внутреннюю идею теории капиталистического рынка. И вся трудность построения правильной теории рынка заключается не столько в том, чтобы доказать это положение, сколько в том, чтобы всесторонне связать его с лежащими на поверхности процесса товарного обращения и внешне противоречащими ему (этому положению) фактами капиталистической действительности.

Основная теоретическая трудность, о которую постоянно спотыкается анализирующая мысль скептиков—как укладывается капитализируемая прибавочная стоимость в систему внутрирыночных покупок и продаж, если при этом, с одной стороны, происходит соответствующее размерам капитализации сокращение личного спроса класса капиталистов, а с другой—сохраняется ограничение потребления рабочего класса суммой выплаченной заработной платы—разрешается на основе марксовой теории воспроизводства с исчерпывающей ясностью.

В самом деле. Совершенно бесспорно, что необходимой об'ективной предпосылкой накопления капитала является относительное уменьшение величины потребляемого классом капиталистов дохода. Фондом, из которого извлекаются элементы расширенного воспроизводства, служит создаваемая в результате хозяйственного цикла прибавочная стоимость, связанная теми или иными вещественными формами. Чем большая часть ее уходит в личное потребление капиталистов и живущих за счет присваиваемых последними доходов социальных слоев, тем меньшая часть остается для накопления. Вот почему степень сокращения капиталистического потребления при данных размерах произведенной прибавочной стоимости прямо-пропорциональна норме накопления капитала. Но

одновременно с относительным уменьшением личного спроса класса капиталистов увеличивается при расширенном воспроизводстве реальная потребность народного хозяйства в различных вещественных ингредиентах (машины, строительные материалы, сырые и вспомогательные материалы) и рабочей силе, и, следовательно, вполне закономерно расширяется платежный общественный спрос на все эти товарообразующие элементы. Процесс накопления предполагает не простое превращение прибавочной стоимости в систематически тезаврируемый денежный капитал (это—лишь временный момент в кругообороте общественного капитала), а обращение сбереженных капиталистами доходов на закупку необходимых для расширения об'ема производства материальных и личных факторов. Это значит, что накопление капитала по своей внутренней природе необходимо вызывает на полюсе общественного спроса не одностороннее уменьшение его общей величины, а определенное перераспределение суммы спроса между его тремя составными формами.

Теперь капиталисты пред'являют на внутреннем рынке спрос на величину бо́льшую, чем прежняя совокупная стоимость постоянного капитала (как это было в условиях простого воспроизводства), так как им необходимо не только возместить и обновить старый постоянный капитал, но вместе с тем включить в процесс производства новый постоянный капитал. С другой стороны, рабочие также пред'являют на рынке спрос на величину бо́льшую, чем прежняя совокупная стоимость переменного капитала, так как, поскольку при накоплении капитала требуется обычно расширенное количество рабочих, возрастает за счет повышения общей суммы заработной платы их спрос на продукты массового потребления. Реальное накопление общественного капитала неизменно сопровождается увеличением суммы покупок различных товаров, которые должны быть изготовлены прибавочным трудом, затраченным в течение предшествующего хозяйственного периода. Как при переходе от простого воспроизводства общественного капитала к расширенному, так и при каждом следующем расширении масштаба воспроизводства происходит закономерное перераспределение общественного спроса в сторону увеличения спроса на средства производства и предметы рабочего потребления при параллельном относительном сокращении личного спроса капиталистического класса.

Но этому закономерному перераспределению общественного спроса для осуществления накопления капитала должно соответствовать определенное перераспределение общественного предложения товаров. При простом воспроизводстве общественного капитала распределение производительных сил внутри капиталистического хозяйства таково, что сумма стоимости товаров, производимых в отраслях капиталистического потребления, совпадает с суммой капиталистического дохода. Остаток, образующийся за вычетом из всего товарного продукта тех его частей, которые восстанавливают постоянный капитал общества и поступают в распоряжение занятых

слоев рабочего класса, покрывает непроизводительное капиталистическое потребление.

Это — типическая черта хозяйственного процесса при отсутствии накопления. Но может ли в условиях расширенного воспроизводства сохраниться такая структура распределения производительных сил? Мыслимо ли превращение соответствующей части прибыли в капитал как при переходе от простого воспроизводства к расширенному, так и при повышении общественной нормы накопления, если во всех отраслях промышленности продукция будет возрастать равномерным темпом? Конечно, нет. Одни отрасли должны снизить уровень своего производства, другие—повысить его, чтобы осуществить накопление. Ведь материальным условием накопления капитала является не просто превышение всей суммы произведенных в предшествующий период продуктов над всей суммой как индивидуально, так и производственно потребленных в этот период продуктов, но такое превышение, которое создавало бы об'ективную возможность начать следующий цикл общественного воспроизводства в расширенных масштабах. Поэтому одного только сокращения личного спроса класса капиталистов и одновременного расширения их спроса на средства производства и рабочего спроса на средства потребления еще недостаточно для действительного увеличения об'ема общественного производства. Последнее требует не только наличия непотребленной прибавочной стоимости вообще, но наличия ее в вполне определенных по своей физической природе товарных продуктах. Меновой оборот размещает эти вещественные предпосылки накопления капитала между составными отраслями народного хозяйства и тем самым создает исходный пункт движения на расширенной основе. Следовательно, изменению соотношения различных форм общественного спроса, вызванному капитализацией национального дохода, должно соответствовать такое предварительное изменение распределения производительных сил в целом народного хозяйства, чтобы определенная часть совокупного прибавочного труда уже наперед овеществлялась не в предметах капиталистического потребления, а в добавочных средствах производства и добавочных средствах рабочего потребления. Если товары, из которых складывается годовая прибавочная стоимость, не соответствуют по своему хозяйственному назначению в той или иной части реальным требованиям данного цикла накопления капитала, то при растущем спросе состояние внутреннего рынка даст соединение перепроизводства, с одной стороны, недопроизводства—с другой. Как при простом воспроизводстве, здесь требуется закрепление известного комплекса пропорций при распределении личных и вещественных товарообразователей по определенным отраслям капиталистического производства. Но из сказанного ясно, что характер этих пропорций существенно отличается от того характера, какой они носили при простом кругообороте капитала: подвижное равновесие общественного хозяйства устанавливается здесь на основе нового типа сочетания составных элементов хозяйственной системы. В своих схемах Маркс

достаточно ясно показал, к чему сводятся те функциональные изменения, которые вносятся в общественную формулу простого воспроизводства фактом накопления капитала, и мы можем не останавливаться на арифметической иллюстрации этого процесса. Важно то, что при существовании предварительной всесторонней согласованности в размещении суммы производительных сил народного хозяйства полностью реализуется созданный в этих условиях совокупный общественный продукт и входящая в него составной частью капитализируемая доля прибавочного продукта целиком укладывается в пределы внутрирыночных покупок и продаж, направляясь, с одной стороны, в фонд индивидуального потребления добавочных групп рабочих, а с другой — в фонд расширенного производственного потребления растущей капиталистической системы.

Но откуда будет постоянно исходить добавочный платежеспособный спрос, который должен в каждом следующем цикле расширенного воспроизводства все снова и снова балансировать добавочное предложение товаров?

Ответ на этот вопрос дан по существу всем предшествующим ходом рассуждения. Если следующие друг за другом циклы расширенного воспроизводства движутся в условиях постоянной внутренней пропорциональности между всеми элементами хозяйственной системы, то сумма добавочного товарного продукта, в котором овеществляется известная часть совокупного прибавочного труда рабочего класса как по своим стоимостным размерам, так и по своим вещественным формам, вполне соответствует тому добавочному общественному спросу, который естественно создается самим фактом накопления капитала. Так как накопление капитала является не только расширением общественного предложения товаров, но и расширением общественного спроса на последние, то возможность реализации прибавочного продукта в конце периода воспроизводства детерминируется условиями распределения производительных сил народного хозяйства в начале этого периода. Структура распределения средств производства и рабочей силы в данном цикле, обусловливающая вещественный состав прибавочной стоимости, должна находиться в определенном соответствии с системой связанных между собою норм накопления различных отраслей в следующем цикле, чтобы общественный продукт без всякого остатка разместился на внутреннем рынке. Производство текущего года служит в этих условиях рынком для производства предыдущего года и само находит свой рынок в производстве последующего года.

Так как процесс накопления означает возрастание размеров уже функционирующего капитала, продажа прибавочной стоимости для каждой отдельной сферы производства является необходимым предварительным моментом накопления капитала. Но та вещественная

форма, в которой прибавочная стоимость выходит в качестве товара из данной сферы—будут ли то средства производства или средства потребления—служит основой расширения производства в смежных с ней сферах. Реализация прибавочной стоимости одними отраслями народного хозяйства предполагает расширение производства в других, но это последнее может иметь место лишь в той мере, в какой уже реализована созданная здесь прибавочная стоимость и существует определенный платежный фонд для совершения дополнительных (по сравнению с необходимыми в целях сохранения прежнего размера производства) товарных покупок. В условиях замкнутого внутреннего рынка накопление должно происходить одновременно и параллельно во всех отраслях, обоюдно открывающих друг другу рынок сбыта произведенных продуктов. Взаимный обмен созданных прибавочных стоимостей, составляющий одно из слагаемых совокупного процесса обращения товаров, охватывает, с одной стороны, превращение прибавочной стоимости в прибыль, а с другой—обратное превращение вырученной прибыли частью в предметы потребления капиталистов, частью в необходимые элементы расширенного воспроизводства (покупки средств производства и косвенно средств рабочего потребления для добавочных рабочих) [1]).

Скептики накопления капитала считают, что для расширенного капиталистического производства необходим, так сказать, с порога некапиталистический спрос. В учении Сисмонди и русских народников этот неправильный взгляд об'яснялся, во-первых, недостаточным пониманием двигательного начала капиталистического процесса, в котором момент потребления выступает не как цель, а как средство увеличения капитала, и, во-вторых, игнорированием факта прогрессивно возрастающих затрат на постоянный капитал, благодаря чему из поля зрения выпадал спрос на средства производства, а накопление односторонне изображалось, как простое увеличение предметов личного потребления. Охватить теоретической мыслью сложный круг экономических явлений, из которых складывается возмещение составных частей общественного продукта, оказалось им не под силу. Неудивительно, что они не понимали законов реализации товаров в капиталистическом хозяйстве и отрицали за капитализмом внутреннюю способность самостоятельного развития. Но в концепции Розы Люксембург, которой до прозрачности были ясны вещественные связи и стоимостные зависимости капиталистического процесса, такой взгляд является совершенно неоправданным.

Расширение внутреннего спроса не исходный пункт общественного накопления, а органический результат этого процесса. Накопление в пределах данного цикла открывает рынок для сбыта прибавочной стоимости предшествующего цикла. Промышленное движение капитала не только увеличивает сумму товарного продукта, но вместе с тем

---

[1]) Мы отвлекаемся здесь от того, что реализованная прибыль распределяется не пропорционально массам произведенной прибавочной стоимости, а пропорционально величине занятых в каждой сфере капиталов.

расширяет специфические общественные отношения капиталистического хозяйства, на основе которых совершается реализация произведенного продукта. При капиталистическом строе добавочный платежеспособный спрос не выступает, как необходимая предпосылка и стимулирующий толчек капитализации национального дохода. Наоборот, вынужденная постоянной конкуренцией капитализация национального дохода, развивая внутренние потребности народного хозяйства в различных товарных элементах, вызывает на рынке платежеспособный спрос то в более, то в менее интенсивных формах. Общественный спрос является функцией процесса воспроизводства: циклическое движение общественного капитала в закономерно сменяющих друг друга фазах под'ема и упадка непосредственно вызывает периодическое расширение и сокращение размеров внутреннего рынка на производимые товары. Если не понять функциональной зависимости спроса от состояния производства, то, при об'яснении очередного под'ема капиталистической промышленности вслед за кризисом и депрессией, приходится стать на точку зрения случайности и выводить условия хозяйственного под'ема из факторов, лежащих в н е процесса кругообращения капитала. Вот типичный пример подобного, чрезвычайно распространенного взгляда на вещи.

«Попытаемся теперь представить себе начало промышленного цикла. Это начало н е в ы т е к а е т из законов самого этого цикла, а может быть мыслимо в виде случайного события, которое неожиданно сильно расширяет к р у г п о т р е б и т е л е й для важнейшей отрасли промышленности, изготовляющей средства потребления, например, для хлопчатобумажной, игравшей такую роль до семидесятых годов XIX века» [1]).

Это чисто сисмондистское [2]), имеющее, к сожалению, прочность научного предрассудка об'яснение совершенно не выдерживает критики, ибо при капитализме производство, как общее правило, идет впереди потребления, предложение товаров движет и развивает спрос на последние, накопление капитала само увеличивает об'ем национального рынка, поглощающего при сохранении пропорциональности производства весь изготовленный продукт. В противоположность подобной неправильной сисмондистской точке зрения на связь явлений в капиталистическом хозяйстве, Маркс очень ясно понимал

---

[1]) К. Каутский. «Финансовый капитал и кризисы». Сборник «Основные проблемы политической экономии», 2-ое издание, стр. 464. Курсив наш.

[2]) Вот что писал по этому поводу Сисмонди в статье, посвященной изложению спора с Рикардо: «Все общественные явления тесно связаны друг с другом; между ними существует такое же взаимодействие, как между различными колесами часов, но, как и в часах, для этого взаимодействия необходимо, чтобы двигательная сила действовала там, где следует. Если вместо того, чтобы ждать толчка, который должен явиться в виде спроса на труд, производство предшествует этому спросу, то это тоже самое, что отодвинуть какое-либо колесо в часах вместо того, чтобы их завести; весь механизм тогда расстраивается, движение останавливается» (См. С. Сисмонди «Новые начала», стр. 283. См. также стр. 264).

производную и подчиненную роль спроса в процессе кругооборота общественного капитала.

«Границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами; с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производственного потребления [1]).

Нижеследующая таблица дает некоторое представление об изменении размеров производственного и личного потребления в ходе промышленного цикла.

Размеры потребления в Германии на душу населения [2]).

Годы	Каменный уголь	Чугун	Цинк, свинец, медь	Сырец хлопок	Рис	Кофе	(В клг.) загр.
1896. . .	1.502	123	5,86	4,85	2,41	2,46	0,17
1897. . .	1.576	133	6,31	5,36	2,35	2,53	0,17
1898. . .	1.614	136	6,94	6,30	2,51	2,80	0,15
1899. . .	1.693	154	6,96	5,71	2,58	2,81	0,17
1900. . .	**1.802**	**162**	**7,24**	**5,48**	**2,00**	**2,85**	**0,14**
1901. . .	1.744	137	6,50	5,73	2,13	3,01	0,16
1902. . .	1.687	140	6,69	5,79	2,23	2,95	0,15
1903. . .	1.803	164	7,10	6,28	2,25	3,08	0,15
1904. . .	1.877	166	7,75	6,41	2,61	3,00	0,17
1905. . .	1.861	174	8,03	6,52	2,41	2,96	0,17
1906. . .	2.065	198	7,60	6,28	2,73	3,02	0,17
1907. . .	**2.196**	**209**	**8,10**	**7,29**	**2,51**	**3,02**	**0,17**
1908. . .	2.190	189	8,10	6,79	2,53	3,03	0,20
1909. . .	2.153	192	9,00	6,98	2,54	3,10	0,19
1910. . .	2.157	219	9,2	5.87	2,68	2,60	0,15
1911. . .	2.199	227	10,1	6,70	2,71	2,79	0,16
1912. . .	2 321	253	10,4	7,56	2,43	2,53	0,16
1913. . .	**2.470**	**277**	**10,8**	**7,23**	**3,56**	**2,44**	**0,16**

[1]) «Капитал», т. III, 2 стр. 21. В другом месте Маркс не менее ясно формулировал свою точку зрения: «Мы совершенно пока оставляем в стороне индивидуальное потребление и рассматриваем только связь производителей между собою. Если таковая существует, то они, во-первых, образуют взаимно рынок для капиталов, которые должны видимо переместиться местами; для части средств существования рынок образуют вновь занятые или лучше использованные рабочие, а так как прибавочная ценность в следующем году возрастает, то капиталисты могут истратить на себя увеличенную часть дохода, следовательно, до известной степени также образуют рынок друг для друга. За всем этим все еще значительная часть годового продукта может остаться нераспроданной («Теории прибавочной стоимости». II_2, 1925, стр. 158).

[2]) П. Момберт. «Хозяйственная кон'юнктура», стр. 76. Интересные данные о росте общественных доходов и общественного потребления в периоды обусловленного накоплением капитала под'ема промышленности приводит Г. Кассель в своей работе «Теория кон'юнктуры». ЦУП. ВСНХ, 1925, стр. 80—90.

В охватываемом таблицей периоде времени имеются три промышленные кризиса: 1900, 1907 и 1913 г. Годы, предшествующие кризисам, характеризуются усиленным темпом накопления, направляющегося преимущественно на создание элементов основного капитала страны. Наоборот, годы следующие за кризисом, характеризуются падением темпа накопления и даже полной приостановкой расширения об'ема производства. Накопление капитала не совершается в форме непрерывно поднимающейся вверх прямой: периоды интенсивного накопления сменяются периодами резкого сокращения хозяйственной деятельности. Первые периоды характеризуются стремительным увеличением суммы производственных сил народного хозяйства, вторые—постепенным уменьшением разности между степенью производительной способности хозяйственного аппарата и степенью его реального использования. Соответственно этому ритмическому изменению темпа накопления общественного капитала, происходит отмеченное Марксом закономерное расширение и сокращение «границ потребления».

Мы видим, насколько ошибочно рассматривать внутренний капиталистический спрос, как нечто данное, как состояние, которое в каждый данный момент строго ограничивает масштаб капиталистической промышленности и определяет увеличение этого масштаба лишь в той степени, в какой само оно воспроизводится на расширенной основе путем своей пространственной экспансии за счет внешних рынков. Действительная связь между производством и спросом носит своеобразный характер.

«С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист стремлением его капитала увеличивать свою стоимость и необходимостью в том, чтобы его производственный процесс шел непрерывно и расширялся» [1]).

Эластичность поглощения внутренним рынком продуктов капиталистической промышленности повышается с расширением и понижается с сокращением размеров общественного воспроизводства. Только при постоянном повторении простого воспроизводства эта эластичность остается устойчивой и неизменной.

Если бы накопление капитала означало лишь односторонний рост общественного производства (предложения товаров), то без дальнейших рассуждений понятно, что только некапиталистический спрос оказался бы способным поддерживать равновесие капиталистического воспроизводства. Но накопление капитала необходимо включает в себя рост общественного потребления (производственного и личного), чего не знают или что всякий раз забывают скептики капитализма. Все они видят в накоплении общественного капитала лишь одну сторону процесса, подобно тому, как все

[1]) «Капитал», II, стр. 117.

религиозные ханжи видят лишь грехи человечества. Пока дело идет о докапиталистических формах хозяйства, они прекрасно понимают, что расширенное материальное воспроизводство необходимо предполагает по самой своей природе повышенную деятельность производственного и личного потребления. Но этот общий закон роста производительных сил теряет для них все свое решающее значение, лишь только они останавливаются перед загадочным движением капиталистического процесса. Поразительное упорство, с которым экономическая мысль все снова и снова ставит реализацию прибавочной стоимости в фокусе своего теоретического анализа, выделяя эту часть общественного продукта особо от всех его остальных вещественных частей и отказываясь найти ей место в пределах капиталистического хозяйства, свидетельствует об абсолютном непонимании механизма накопления капитала, внутренним ходом движения которого создается расширенный рынок для капитализируемой части прибавочного продукта.

Резюмируем.

Если при простом воспроизводстве общая сумма спроса остается величиной неизменной, то при накоплении капитала развивается дополнительный платежный спрос на средства производства и предметы потребления, и тем самым образуются внутренние источники оплаты годовой прибавочной стоимости, реализация которой происходит беспрепятственно в том случае, если товары, из которых она состоит, соответствуют вещественно и стоимостно растущим реальным потребностям народного хозяйства, находящегося в состоянии расширенного воспроизводства.

Здесь уместно будет разобрать одно новое возражение, которое делается сторонниками теории империализма Розы Люксембург против положения о возможности осуществить внутреннюю реализацию при расширенном воспроизводстве. Мы имеем в виду книгу Штернберга, вышедшую недавно на немецком языке [1]). В нашей печати эта книга уже подвергалась критике [2]), и мы остановимся исключительно на центральном пункте, вокруг которого вращается весь ход мыслей автора, и который имеет ближайшее отношение к проблеме реализации.

Штернберг целиком солидаризируется с Розой Люксембург в ее критике марксовой схемы воспроизводства и также целиком приемлет ее теорию империализма, как экономического явления, обусловленного имманентной капитализму необходимостью подчинять себе некапиталистическую хозяйственную среду и ассимилировать ее. Но он не согласен с некоторыми из тех промежуточных звеньев в цепи ее логических доказательств (Zwischengleidern der Beweisführung), которые лежат между критикой марксовых схем и заключительным выводом о сущности империализма [3]). Ошибка Розы Люксембург, по

---

[1]) Fritz. Sternberg. «Der Jmperialismus». Berlin. 1926.
[2]) См. статью Э. Гольденберга в «Большевике» №№ 3 и 4 за 1927 г.
[3]) Ibid., 87—88.

его мнению, состоит в том, что она отрицала возможность реализации всей капитализируемой прибавочной стоимости, в то время, как в действительности абсолютная и принципиальная невозможность реализации относится только к некоторой вполне определенной части ее. К какой же именно части?

Дело в том, что при различном органическом строении капитала в I и II подразделениях общественного производства нормы накопления не могут быть одинаковы. «Если мы предположим, что в подразделении II существует более низкий органический состав капитала (предпосылка, которую необходимо сделать, исходя из современного состояния капитализма), то при сохранении одинаковых норм накопления (bei gleicher Akkumulationsrate) во втором подразделении остается нереализуемый остаток. Только при неодинаковых нормах накопления произойдет беспрепятственный (reibungslos) обмен между обоими подразделениями. Я не утверждаю конечно, что во всех отраслях промышленности существует одна и та же норма накопления. Само собою разумеется, что здесь существует значительная дифференциация. Но вместе с тем известно, что норма накопления не уменьшается пропорционально понижению органического состава капитала, а именно только при таком предположении возможен стопроцентный обмен в условиях различного в отдельных отраслях промышленности органического строения капитала[1]).

Как известно, это соображение выдвигала уже Р. Л. в своей критике марксовых схем, но она, отнюдь, не приписывала ему какого-либо большого и существенного значения. Наоборот, Штернберг считает это указание «самым сильным пунктом ее позиции» [2]). «Так как отрасли производства средств производства имеют более высокий органический состав капитала, чем отрасли производства средств потребления, так как в ходе накопления «С» растет за счет «Y»,— то в «чистом» капитализме, в котором для обоих подразделений принята одинаковая норма накопления, полный обмен невозможен и в пределах второго подразделения, образуется принципиально нереализуемый (der prinzipiell gleich absetzbar ist) остаток средств потребления. Никто из критиков Р. Л. не сумел поколебать этого решающего пункта.... Значит, в современном капитализме невозможно воспроизводство в расширенных масштабах, и этим самым дана имманентная необходимость империалистической экспансии [3]).

Нетрудно, однако, заметить всю беспочвенность и ограниченность позиции Штернберга. Насколько часть меньше целого, настолько его понимание проблемы ниже чем понимание автора «Накопления капитала». В самом деле. Отдельному капиталисту предоставляется, что норма накопления в его предприятии является величиной, определяемой его суб'ективным усмотрением. В действи-

---

[1]) Ibid., стр. 96.
[2]) » » 99.
[3]) » » 101, курсив наш.

тельности, при данном состоянии общественного хозяйства, одной из детерминант которого (состояния) является определенная структура органического состава общественного капитала, норма накопления в его предприятии является производной, об'ективно обусловленной величиной. Так как он этой величины не знает (а он ее и не может знать, поскольку все общественное производство бессуб'ектно и анархично), то осуществляемая им норма накопления будет то выше, то ниже общественно-необходимой, что отразится повышением или понижением уровня рыночных цен, результатом чего будет обнаружение общественно-необходимой нормы накопления, как средней линии, к которой будут внутренне постоянно тяготеть фактические нормы. Если предположить, что все капиталисты во всех отраслях решили осуществить совершенно одинаковую норму накопления, то это приведет к кризису сбыта в отраслях, в которых органический состав капитала ниже, чем в тех, которые пред'являют спрос на их товары, ибо некоторая доля непотребленной прибавочной стоимости кризисных отраслей не найдет себе покупателей. То обстоятельство, что в одних отраслях капиталисты должны потребить бóльшую долю прибавочной стоимости, чем в других, для осуществления полной реализации общественного продукта,—это обстоятельство представляет собою не надуманную Марксом фиктивную гипотезу, а вполне реальную фактическую необходимость, попытка обойти которую приведет к срывам и перебоям в процессе воспроизводства. Раз для какой-либо отрасли производства—совершенно безразлично, входит ли она в I или II подразделение—предположена некоторая определенная норма накопления, как исходный пункт расширения об'ема общественного производства, то взаимная зависимость внутри построенной на разделении труда совокупной хозяйственной системы сказывается в том, что во всех остальных отраслях нормы накопления уже не могут быть разноречивыми и произвольными, но должны быть приведены в соответствие и согласованность с этой исходной нормой. И если Штернберг заранее ставит условием равенство норм накопления, а затем с торжеством приходит к выводу, что в этих, навязанных им самим условиях, расширенное воспроизводство невозможно, то ведь это только доказывает, как мало, собственно, понял он проблему, разрешению которой посвятил целую книгу. Можно было с подобной же обоснованностью исходить из того, что все капиталисты должны одновременно и в равных размерах восстанавливать свой основной капитал, чтобы умозаключить отсюда, что, так как этого не происходит (а не происходит это потому, что об'ективно произойти не может), то в хозяйстве систематически образуется нереализуемый остаток той части годового продукта, в которой овеществлен воспроизведенный основной капитал. В каждом данном цикле воспроизводства нормы накопления взаимно связаны между собою, представляют совершенно определенный об'ективный количественный ряд, и нарушение его выразится в форме несоответствия

между спросом и предложением произведенных товаров. Но ведь здесь мы имеем дело не с «принципиальной невозможностью реализации», как думает Штернберг, а с одним из тех частичных кризисов, которые вытекают из нарушения общественной системы пропорциональности, в которую согласованность норм накопления входит лишь о д н и м из составных звеньев. Штернберг прав, когда вслед за Р. Л. возражает О. Бауэру, пытающемуся пристроить прямо и непосредственно нереализованный остаток средств потребления в I подразделении, упуская тем самым из виду вещественную определенность этого товарного остатка. Но он абсолютно не прав в своем основном выводе, что образование этого остатка фатально обрекает на неудачу осуществление процесса расширенного воспроизводства внутренними силами капиталистического хозяйства. Так как капиталистическое хозяйство развивается в условиях постоянно-прогрессирующей техники и соответствующего этому прогрессу повышения органического состава общественного капитала, перенесение становящихся избыточными в силу относительного сокращения спроса средств потребления из II подразделения в I для сохранения равновесия системы достигается комбинированным методом образования товарных запасов, перегруппировки рабочей силы и повышения использования основного капитала в I подразделении. Конечно, процесс подобного перераспределения произведенных продуктов сопровождается обесценением или даже полным уничтожением той их части, которая по своей вещественной природе не приспособлена к длительной сохраняемости, но такая непроизводительная растрата созданных стоимостей вообще типична для капитализма в любой промежуток времени. Важно то, что капиталистическая система находит в самой себе методы изживания возникающих на этой основе явлений [1]).

Теория Штернберга представляет собою воспроизведенную в карманном формате концепцию Р. Люксембург. Она знаменует собою тупик люксембургианской школы [2]).

---

[1]) См. статью Е. Преображенского „Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе". „Вестник Ком. Академии". Книга XVII, стр. 55—63.

[2]) Кроме книги Штернберга нам известны еще две большие специальные работы в защиту теории накопления Р. Люксембург: Я. П и л е ц к и й «Две теории империализма» («Пролетарий», 1925.) и Ю. Б о р х а р д т «Накопление капитала» (Гиз., 1926). Несколько слов об этих работах. Возьмем узловые пункты аргументации обоих авторов. Вот что пишет Пилецкий: «Полемика против накопления капитала сосредоточилась, главным образом, вокруг одного достаточно второстепенного (!! *А. Г.*) пункта: может ли быть «чистое» капиталистическое производство, т.-е. строй, в котором существуют только капиталисты и рабочие» (125). Это вводное замечание свидетельствует, что Пилецкий совершенно просмотрел огромное теоретическое значение выяснения принципиальной возможности (или невозможности) замкнутого воспроизводства общественного капитала в расширенных размерах. К какому выводу он приходит при подобной установке, когда выбрасывается из поля зрения задача абстрактно-теоретического анализа показывает следующее основное место его книги. Возражая Дволайцкому, правильно указавшему на то существенное, непонятное Р. Люксембург обстоятельство, что потребление при

Но здесь мы вплотную подошли к одному важному вопросу. Раз капиталистическое производство необходимо создает рынок для сбыта своих продуктов, то, следовательно, совершенно права была классическая школа, когда она в лице Сэя, Рикардо и обоих Миллей страстно защищала идею безграничности и гармоничности процесса накопления общественного капитала? Нам необходимо вспомнить аргументацию классиков и отчетливо показать как правильные, так и ошибочные стороны их теоретических построений.

капитализме идет в с л е д за производством, он пишет: «Капиталист готов уже обрадоваться, но при ближайшем рассмотрении он видит, что советчик опять дал ему плохой совет... Очень скоро окажется, что стремление капиталистов под влиянием конкуренции к расширению встречает неодолимое препятствие, ибо рынок или не растет или растет слишком медленно, и не откуда ему расти, ведь кругом кроме капиталистов и рабочих никого нет» (Ibid, 132). Это замечательно! Разрешение абстрактно-теоретической проблемы возможности осуществить при некоторых определенных условиях реализацию в о з р о с ш е г о годового продукта п о д м е н я е т с я указанием на то, что в конкретных условиях анархической капиталистической действительности диспропорция между производством и потреблением может приводить к образованию товарных излишков, которые в э т о м случае, конечно, не могут быть сбыты, раз кроме капиталистов и рабочих нет никаких других слоев покупателей с самостоятельными источниками доходов. Не лучше и книга Борхардта.

Борхардт неудовлетворен результатами закончившейся полемики против Розы Люксембург и той точкой зрения, которую заняла по этому вопросу «одна часть русских большевиков». Со своей стороны, он считает концепцию Р. Л. непосредственным продолжением учения Маркса и зачисляет себя в ряды убежденных защитников этой концепции. Но как упрощает он всю ее теорию и в какой плоской форме ставит он всю проблему! Вместо того, чтобы с самого начала выдвинуть на первый план совокупный общественный процесс воспроизводства, охватывающий как вещественные связи, так и стоимостные зависимости составных элементов капиталистического хозяйства, и на основе последовательного логического анализа этого процесса развернуть т е о р и ю р е а л и з а ц и и товарного продукта, автор поступает совершенно иначе. Он повторяет общие банальные положения о капиталистической прибыли, недопотреблении рабочего класса, конкуренции производителей и вслед за тем б е з в с я к о г о н а м е к а н а с е р ь е з н о е д о к а з а т е л ь с т в о преподносит читателю выводы, что производимая рабочим классом сумма прибавочной стоимости не может реализоваться в пределах капиталистического хозяйства, и что в силу этого капиталисты об'ективно вынуждены продавать ее в кругу некапиталистических производителей.

Он не только не пытается оспорить то, целиком направленное своим острием против защищаемой им концепции Р. Л. положение, что э л а с т и ч н о с т ь п о г л о щ е н и я в н у т р е н н и м р ы н к о м п р о д у к т о в к а п и т а л и с т и ч е с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и я в л я е т с я ф у н к ц и е й п р о ц е с с а н а к о п л е н и я, но чрезвычайно вульгаризирует всю проблему, сводя реализацию прибавочной стоимости к одному только личному потреблению.

«Не будем поддаваться ослеплению ложной видимостью, делая допущение, например, будто капиталисты сами создают новый спрос посредством увеличения своего личного потребления и затем взаимно скупают друг у друга увеличенную массу товара. Ведь таким способом они не увеличивали бы накопления, но, наоборот, уменьшали бы его, ибо накопляться может только часть прибавочной стоимости, которая не потребляется самими капиталистами... Рабочие также не могут быть этими покупателями... Ведь они покупают лишь на те деньги, которые дал им вперед или авансировал сам капиталист в форме заработной платы. Если эта часть возрастает, то остающаяся часть при-

Теория рынка классической школы имела своей основой положение, что процесс накопления общественного капитала является по своей природе безграничным, ибо границы общественного спроса расширяются в той самой мере, в какой расширяются границы общественного производства. Аргументация, которая выдвигалась представителями классической школы в защиту этого тезиса—двоякого рода.

С одной стороны, эта аргументация строится на последовательно проведенной замене специфических отношений капиталисти-

---

бавочной стоимости становится тем меньше, чем больше возрастает заработная плата».

Это рассуждение совершенно несостоятельно. Во-первых, никто из стоящих на точке зрения, противоположной концепции Р. Люксембург, не оспаривал того элементарного теоретического положения, что необходимой предпосылкой капитализации прибавочной стоимости служит относительное сокращение личного потребления класса капиталистов. Во-вторых, дело идет не о росте уровня потребления уже занятых рабочих, спрос которых действительно ограничен суммой выплаченной им заработной платы, а о расширении размеров потребления рабочего класса за счет вовлечения в круговорот капитала добавочных групп рабочей силы. Наконец, в-третьих, нелепо представлять всю прибавочную стоимость в форме продуктов личного потребления и упускать из виду средства производства, которые в процессе реализации не должны оплачиваться ни одним рублем из фонда общественного дохода.

Если вдуматься в постановку вопроса, развернутую Борхардтом во всей его работе, то приходится сделать тот вывод, что он стоит, по существу, даже не на позиции Р. Л., а на позиции Сисмонди, выдвинувшего почти век назад знаменитый тезис о необходимости совпадения общественного производства с общественным потреблением.

Именно, весь тот шаг вперед, который Р. Люксембург, опираясь на установленные Марксом вещественные и стоимостные связи капиталистического процесса, решительно делает по сравнению со своими предшественниками, Борхардт вновь стирает и зовет нас назад к позициям Сисмонди. Основная мысль, которую он с утомляющей настойчивостью проводит через свою работу, состоит в том, что капитализм с самых первых шагов своей исторической эволюции вызывает органическую диспропорцию между производством и потреблением, что эта диспропорция неуклонно растет с каждым следующим оборотом общественного капитала, и что свое внешнее выражение она находит в неспособности капиталистического общества «справиться» с увеличивающейся товарной массой. Исторический обзор развития капитализма, который автор приводит вслед за теоретической частью работы, должен, по его мнению, дать статистическое отображение этой теории накопления капитала. Этот обзор—редкий образец исследовательской поверхностности. Мы не найдем здесь ни критического отношения к исследуемым данным, ни какого-либо связного изложения фактов капиталистической эволюции. Автор пользовался буквально всем, что только попадалось под руку. Здесь и обширнейшие цитаты из Сисмонди и Родбертуса, об'яснение кризисов которых полностью им принимается, и перепечатка чуть ли не целой брошюры К. Радека о германском империализме, и обрывки статистических данных и даже газетные сведения. Вся эта каша должна служить об'яснением того, как капитализм породил мировую войну.

Ничего стройного и законченного не может сложиться в уме читателя после прочтения этого обзора. Что же касается выдвигаемого Борхардтом противоречия между производством и потреблением, то оно, конечно, имеется, но вся суть дела в том, что наличие этого противоречия не исключает возможности реализации, точно так же, как и полная реализация капиталистического продукта не означала бы отсутствия этого противоречия. Но как может понять это Борхардт, если он целиком стоит на точке зрения Сисмонди?

ческого производства отношениями, характерными для предшествующих капитализму хозяйственных форм. С другой стороны, поскольку теоретики классической школы действительно имеют в центре своего анализа капиталистическое хозяйство, они развивают иную аргументацию, основанную, в свою очередь, на известном положении Адама Смита о составных частях товарной цены. Наиболее законченную аргументацию первого рода мы имеем в учении Ж. Б. Сэя и Джемса Милля. Тщательно разработанную аргументацию второго рода дал Джон Стюарт Милль. Наконец, интересное соединение той и другой аргументации мы находим в учении величайшего представителя классической школы—Рикардо.

Отдельные соображения о внутренней гармонии капиталистического производства и обращения и вытекающей отсюда органической невозможности общего товарного перепроизводства появляются в экономической литературе задолго до классиков [1]), но лишь в работах последних эти соображения нашли свое дальнейшее развитие и завершение. Хотя нам придется останавливаться и на других крупных представителях классической школы, но в основу анализа мы возьмем теоретические соображения Рикардо, так как, несмотря на то, что в данном случае этот замечательный экономист находился под сильным влиянием идей Ж. Б. Сэя, его соображения представляются нам наиболее интересными. Нижеследующие мысли непосредственно вводят нас in medias res учения классической школы о законах реализации капиталистического продукта.

«Но Сэй уже вполне удовлетворительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе употребления в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Никто не производит иначе, как для продажи или (!) для употребления, и никто не производит иначе, как с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему или непосредственно полезен, или который мог бы способствовать дальнейшему производству. Следовательно, всякий производитель необходимо становится или потребителем (!) собственных произведений, или покупателем и потребителем товаров каких-либо других лиц» [2]).

Здесь с полной ясностью выступает первый тип аргументации классической школы. Действительно, что сразу ясно бросается в глаза—это чрезвычайно странное представление о характере существующих в капиталистическом хозяйстве отношений между производством и потреблением—с одной стороны и производством и обращением—с другой. Отношение между производством и потреблением изображено как непосредственное отношение, при котором момент потребления в форме приобретения различных потребительских стоимостей является основным двигательным началом капиталистического процесса. С другой стороны, отношение производства к рынку

---

[1]) См. Е. Бергман. «Исторический очерк теорий экономических кризисов». Тула. 1898. Глава II.

[2]) Д. Рикардо. «Принципы», стр. 174. «Прибой». 1924 г.

берется в его крайне неразвитой элементарной исторической форме, когда для производителя существует еще полная возможность самому потребить созданный в его хозяйстве продукт, если реализация его на рынке встречает те или иные затруднения.

«Продукты—продолжает Рикардо—всегда покупаются на продукты или услуги; деньги только служат средством, при помощи которого совершается этот обмен» [1]).

Здесь мы имеем лишь дальнейшее развитие того же наивного взгляда на капиталистическое хозяйство. Все специфические формы и отношения капиталистического строя совершенно исчезли и сохранились лишь общие всем историческим эпохам хозяйства социологические категории: товар превращен в продукт, наемный труд—в услуги, деньги, вызывающие раздельность менового акта во времени,—в простое средство обращения.

На этом, однако, систематическое извращение реальных отношений капиталистического процесса не оканчивается.

«Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые должны его есть; спрос на башмаки и платье—числом лиц, которые будут их носить... Адам Смит справедливо заметил, что потребность в пище ограничена для каждого человека тесными пределами его желудка, но стремление к удобству и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и домашнюю обстановку, кажется, вовсе не знают предела или, по крайней мере, определенных границ. Поэтому природа необходимо ограничивает размер капитала, который может быть в определенное время с выгодой затрачен на земледелие; но она не поставила никаких пределов размерам капитала, который может быть затрачен на производство продуктов житейского удобства и украшений... Доставить себе эти наслаждения—вот цель, которая имеется в виду... Отсюда следует, что нет границ для спроса, нет пределов для употребления капитала, пока он приносит прибыль» [2]).

Мы видим, что целью капиталистического производства, «которая имеется в виду», об'является не просто момент потребления, но самое широкое и всестороннее развитие свойственных внутренней природе человека желаний и наслаждений, или—под углом зрения процесса реализации—совокупный спрос класса капиталистов, постоянно самоограничивающийся в действительности степенью капитализации национального дохода, выступает в рикардовском аспекте как спрос безграничный, направленный к удовлетворению бесконечной скалы человеческих потребностей и стимулирующий прогрессивное расширение производства разнообразных продуктов индивидуального потребления. Но это еще не все. Ведь дело изображается так, как будто речь идет не об относительных потребностях общества, обусловленных его платежными силами, а об абсолютных потребностях, ограниченных только физической емкостью человеческого

---

[1]) «Принципы», стр. 176.
[2]) Ibid., стр. 176.

организма: производительной способности национального капитала противопоставляется не платежная способность различных социальных групп, сумма доходов которых образует внутренний спрос на продукты потребления, а простая физическая способность общества к потреблению. Иначе Рикардо помнил бы, что спрос на хлеб, шляпы и башмаки ограничивается не вместимостью желудков, количеством голов и числом пар ног, а прежде всего размерами кошелька. В полном соответствии со своей точкой зрения на физическую способность общества к потреблению, как на естественную границу роста капиталистического производства, он считает единственно возможным случаем избыточного производства—производство земледельческих продуктов, потребление которых носит однообразный устойчивый характер и не способно к сильному и внезапному расширению. Нужно ли доказывать, что Рикардо совершенно забывает то решающее обстоятельство, что процесс накопления капитала ограничивается не природой человека, а природой тех социальных отношений, которые вырастают на основе капиталистического способа производства, и при которых постоянное стремление к капитализации национального дохода идет рука об руку с таким же постоянным стремлением свести потребление широких народных масс к возможно более тесному кругу самых необходимых предметов жизненного существования? Если бы Рикардо сумел хоть в некоторой степени усвоить исторический взгляд на вещи, он, конечно понял бы, что природа человека, сама постоянно изменяющаяся и развивающаяся, может служить пределом производства лишь при таком социальном укладе, при котором материальные условия общественного производства станут общественной собственностью самих производителей. Лишь при таком строе общественных отношений собственности можно будет говорить о перепроизводстве продуктов, в то время как при капиталистической системе речь может идти только о перепроизводстве товаров. Взгляды, развиваемые в данном случае Рикардо, были по существу лишь повторением тех теоретических соображений, которые развивал на континенте последователь и популяризатор А. Смита—Сэй. Именно ему принадлежит мысль, что в основе капиталистического процесса реализации лежит элементарный обмен продуктов на продукты и услуги, и что избыток одних продуктов на рынке является следствием недостатка других продуктов [1]).

---

[1]) Необходимо отметить, что Рикардо все-таки никогда не договаривался до таких плоских выводов, как Сэй, согласно учению которого промышленный кризис может быть изжит расширением производства недостающих товаров. Рикардо считает, что перепроизводство может быть устранено лишь сокращением производства избыточных на рынке товаров. В одном из писем к Мальтусу он пишет: «Люди ошибаются в своем производстве; недостатка спроса не существует. Если бы превосходный гений мог располагать распределением капиталов в стране, он мог бы в очень скором времени сделать торговлю такой же оживленной, какой она была когда-то». (Цитирую по книге Е. Бергмана. «Исторический очерк теории экономических кризисов». 1898, стр. 86).

Несколько иную трактовку той же теории невозможности общего товарного перепроизводства мы находим у Джемса Милля. Если центральным пунктом концепции Сэй-Рикардо служит идея обмена продуктов на продукты и услуги, то соответствующим пунктом в концепции Милля служит идея тождества спроса и предложения. В результате анализа процесса реализации он приходит к такому решающему выводу:

«Каковы бы ни были размеры ежегодного продукта, они никогда не могут превышать размеры ежегодного спроса... производство никогда не может быть слишком быстрым по сравнению со спросом. Производство является причиной и единственной причиной спроса. Оно никогда не создает предложения, не создавая спроса в то же самое время и в том же самом размере» [1]).

Почему Милль защищает такую гармоническую точку зрения на процесс реализации? Просто по той причине, что, пытаясь построить теорию капиталистического рынка, он в действительности, подобно Сэю, Рикардо, Мак-Куллоху—имеет ввиду докапиталистический строй хозяйства и вместо свойственных капитализму законов реализации общественного продукта развивает законы реализации этого продукта в примитивных социальных формациях, где внутренняя структура менового процесса, самого по себе случайного и эпизодичного, отражает совершенно иные отношения собственности, чем в капиталистическом обществе. В самом деле. Присмотритесь к ходу его рассуждений!

Всякий человек—говорит он—произведя те или иные продукты, является с ними на рынок. Но необходимо всегда помнить, что, приходя на рынок, он приносит с собой не только известную сумму товарного предложения, но и известную сумму товарного спроса, ибо размер его предложения как раз и определяет величину того эквивалента, который он, продавши свой товар, может предложить за другие товары. Размеры спроса и предложения каждого хозяйствующего индивида равны, ибо его предложение есть его будущий спрос, а его настоящий спрос есть его прошлое предложение. Но что применимо к одному человеку—применимо и ко всему обществу:

...«если спрос и предложение каждого индивида всегда равняются один другому, то спрос и предложение всех индивидов данной нации, взятых в сумме, должны также быть равны друг другу» [2]).

Совершенно очевидно, что хозяйственные отношения, которые здесь имеет в виду Милль, не являются хозяйственными отношениями капиталистического типа. Милль строит теорию реализации для такого общества, где: 1) каждый производитель есть и потребитель, 2) каждый потребитель есть и производитель, 3) целью общественного производства является потребление, 4) денежный механизм крайне неразвит и обмен товаров совершается в форме простой меновой торговли. Только для такого уклада экономических отношений, при котором активными агентами хозяйственного процесса

[1]) «Проблема рынка и кризисов». Ч. I, стр. 132—133.
[2]) Ibid, стр. 131.

выступают самостоятельные мелкие производители, имеет известный реальный смысл основное положение Милля,—что размеры спроса со стороны каждого индивида на внутреннем рынке находятся в строгом соответствии с размерами его предложения. Но эти предпосылки сами собою отпадают, лишь только мы переходим к анализу капиталистического хозяйства. Отделение огромной части производителей от материальных условий производства не позволяет говорить о совпадении производителей и потребителей в одном лице и вытекающей отсюда внутренней гармоничности между спросом и предложением: нет никакой предустановленной соразмерности между стоимостью совокупной рабочей силы (размер спроса со стороны рабочих) и стоимостью совокупной массы ежегодно изготовляемых продуктов рабочего потребления (размер предложения со стороны капиталистов).

Таков первый тип аргументации представителей классической школы в защиту выдвигаемого ими учения о реализации общественного продукта. Капиталистический строй в их трактовке теряет все свои исторические особенности и неожиданно превращается в полунатуральный способ производства, в котором: 1) продукт еще не совершил своего развития в товар, или, в лучшем случае, совершил это развитие крайне неполно и односторонне, остановившись на ступени простой меновой торговли; 2) деньги еще не усвоили специфической функции всеобщего эквивалента, и хозяйственный оборот не характеризуется еще необходимой при капитализме раздельностью менового процесса во времени и пространстве; 3) двигательным началом производства провозглашается элементарное для прежних эпох стремление к присвоению различных потребительных стоимостей; 4) отсутствует исторически определившееся отношение наемного труда, и совершается простой обмен продуктов на услуги; 5) имеется ввиду не платежная способность капиталистического рынка к поглощению производимых товарных масс, а голая физическая способность людей к потреблению различного рода продуктов [1]).

Если мы обратимся к другому типу аргументации классиков, то увидим, что здесь анализ действительно имеет своим об'ектом капиталистическое хозяйство, и что логической основой этой аргументации служит известный тезис А. Смита о распадении цены всякого товара исключительно на элементы общественнного дохода. Некритически заимствовав этот Смитовский тезис, Рикардо опять-таки вслед за Смитом дает неправильный анализ составных частей общественного продукта.

---

[1]) Маркс превосходно формулирует эту особенность классической политической экономии в следующих словах: «Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может привести к всеобщим кризисам, отрицаются все условия и определения, все принципы, и на самом деле доказывается, что если бы капиталистический способ производства представлял не специфически развитую, своеобразную форму общественного производства, а такой способ производства, который относится к самой низкой ступени общественного развития, то свойственные ему противоположности, противоречия, а потому также их проявления в кризисах не существовали». (Маркс. «Теории etc.», II ₂, стр. 173).

«Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части: одна из них идет на заработную плату, другая—на прибыль, третья—на ренту» [1]).

Из этого неправильного понимания составных частей стоимости совокупного общественного продукта необходимо вытекало крайне своеобразное представление классиков о процессе накопления общественного капитала. Так как общественный продукт суммируется из элементов общественного дохода, то накопление капитала равносильно превращению капитализируемой части прибыли исключительно в заработную плату рабочего. Но это значит, что капитализация национального дохода, предполагающая относительное сокращение потребления класса капиталистов, нисколько не уменьшает совокупный покупательный спрос общества. Поскольку эта капитализация является лишь перемещением дохода от класса капиталистов к классу рабочих, она всегда и постоянно вызывает соответствующее расширение платежеспособного спроса со стороны рабочего класса. Сокращение спроса на предметы капиталистического потребления необходимо сопровождается с о о т в е т с т в у ю щ и м расширением спроса на предметы рабочего потребления: процесс накопления общественного капитала не может натолкнуться на недостаток покупательных сил внутреннего рынка, так как накопление капитала влечет за собою не с о к р а щ е н и е общественного потребления, а лишь з а м е щ е н и е одной формы общественного потребления другой его формой.

№ I. «Что ежегодно сберегается, также регулярно потребляется, как и то, что ежегодно расходуется... но только потребляется другим классом.... Потребление остается то же, но потребители будут другие» [2]).

№ II. «Не следует упускать из виду, что потребляется все (!) производство страны; но составляет огромную разницу, которую только можно себе представить, потребляется ли оно теми, кто воспроизводит, или теми, кто не воспроизводит его ценности. Когда мы говорим, что доход сбережен и присоединен к капиталу, то мы думаем при этом, что часть дохода, о которой говорят, что она присоединена к капиталу, потребляется вместо непроизводительных производительными рабочими» [3]).

№ III. «Когда эти сословия (капиталисты. *А. Г.*) обращают свой доход в капитал, они не уничтожают этим свою силу потребления, они только переносят ее от себя на работников, которым дают занятие... Таким образом, границей богатства никак не может служить недостаток потребителей, служит ею только недостаток производителей и производительных сил. Каждое увеличение капитала дает труду или увеличение занятий, или увеличение вознаграждения, обогащает или страну, или рабочий класс [4]).

---

[1]) «Принципы», стр. 182.
[2]) А. Смит. «Богатство народов». «Прибой» 1924 г., стр. 188—9.
[3]) Д. Рикардо «Принципы», перевод Н. Зибера, стр. 87—88.
[4]) Дж. С. Милль. «Основания политической экономии». 1909, стр. 101.

Итак, что же мы видим? Поскольку накопление общественного капитала в представлении классиков сводится к простому одностороннему превращению всей капитализируемой части прибавочной стоимости в заработную плату рабочего класса, процесс расширенного воспроизводства, взятый в его начальных и конечных звеньях, выступает, как постоянное, строго совпадающее с размерами капитализации национального дохода, возрастание спроса со стороны капиталистической промышленности на наемный труд, и как постоянное, строго совпадающее с уменьшением потребления класса капиталистов, возрастание спроса со стороны наемного труда на продукты капиталистической промышленности. Весь общественный продукт превращен в совокупность предметов индивидуального потребления; весь общественный капитал в капитал переменный; накопление капитала не мыслится без соответствующего увеличения национального дохода и повышения благосостояния народных масс; между производительной способностью капиталистической промышленности и потребительной силой капиталистического общества усматривается устойчивая внутренняя гармония.

Такое представление о процессе накопления общественного капитала, намеченное в общих чертах Смитом, целиком разделял и Рикардо в первых двух изданиях своего замечательного труда. Но в третьем издании «Принципов» он ввел главу о машинах, где развиваются взгляды, находящиеся в коренном противоречии со всей этой концепцией накопления капитала. Это—одна из самых интересных глав его книги, и неудивительно, что Маркс отнесся к ней с таким сосредоточенным вниманием [1]). Вообще критиковать Рикардо—исключительно интересная задача: он одинаково велик как в своих ошибках, так и в своих правильных соображениях, и кто серьезно изучал Рикардо и Маркса, не мог не заметить, что в целом ряде решающих вопросов теоретической экономии Рикардо подчас своими глубоко оригинальными ошибками чрезвычайно остро возбуждал мысль Маркса и вплотную подводил его к правильному решению сложных экономических проблем.

Вся эта глава о машинах посвящена анализу тех противоречий, которыми характеризуется капиталистический строй в отношении применения живого труда в процессе материального производства. Мы остановимся лишь на тех местах этой главы, которые стоят в непосредственной связи с интересующими нас вопросами о реализации общественного продукта.

Прежде всего Рикардо здесь отчетливо видит и понимает, что накопление капитала не только не означает простого превращения всей капитализируемой части прибавочной стоимости в доход рабочего класса, но что процесс накопления может совсем не сопровождаться ростом дохода рабочих, поскольку капитализируемая часть прибыли не пред'являет дополнительного спроса на наемный труд, а затрачивается целиком на покупку средств производства. Он цитирует

---

[1]) Маркс. «Теории etc.», II_2, стр. 208—236.

Бартона, который говорит, что если в какой-либо стране «вся сумма годичных сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть прибавлена к основному капиталу, то в таком случае это не оказало бы никакого влияния на возрастание спроса на труд». Правда, Рикардо думает, что этот последний случай вряд ли возможен, и самое большее, что мы можем сказать — это, что спрос (на труд) увеличивался бы в уменьшающейся пропорции [1]).

Но для нас здесь важно, что Рикардо совершенно отчетливо сознает не только то, игнорируемое им прежде обстоятельство, что капитализируемая часть прибавочной стоимости превращается и в постоянный и в переменный капитал, но и то, что на основе капиталистического способа производства постоянный капитал в процессе накопления растет в отношении к переменному.

«При каждом увеличении капитала все более значительная часть его будет употребляться на машины. Спрос на труд будет возрастать вместе с ростом капитала, но не в одинаковом отношении; эта пропорция необходимо будет уменьшающейся пропорцией» [2]). Нельзя не заметить, какой громадный шаг вперед делает здесь Рикардо. Не только решительно отбрасывается прежнее смитовское представление, согласно которому весь общественный капитал существует лишь в форме переменного капитала, и не только учитывается необходимое распадение капитализируемой части прибавочной стоимости на покупку средств производства и рабочей силы, но с исключительной ясностью формулируется закон прогрессирующего изменения соотношения между обоими этими элементами процесса воспроизводства в сторону относительного уменьшения доли затраты на наемный труд в общей сумме накопляемого капитала. Теперь мы подходим к самому интересному моменту. Совершенно ясно, что мысли, развиваемые в данном случае Рикардо, находятся в непримиримо резком противоречии с тем взглядом классической школы, согласно которому в основе расширенного капиталистического воспроизводства лежит одностороннее перемещение всей капитализируемой части прибавочной стоимости от одного класса к другому в форме простого превращения суммы накопляемой прибыли в заработную плату добавочных рабочих. Если накопляющийся капитал превращается не только в заработную плату, но и в средства производства, и если в ходе исторического развития капитализма затраты на средства производства прогрессивно возрастают в отношении к затратам на рабочую силу, то ведь совершенно неправильно считать, что капитализация национального дохода равнозначна замещению одной формы личного потребления другой, и что совокупный потребительский спрос капиталистического общества неизменно должен расти в той самой степени, в какой растут размеры капиталистической промышленности. Иными словами: если потребительский спрос общества не расширяется соответственно накоплению капитала, то не может

---

[1]) Рикардо. «Принципы», стр. 191, примечание.
[2]) Ibid., стр. 190.

ли на этой почве возникнуть несоответствие между производительной силой капиталистической промышленности и поглотительной силой внутреннего капиталистического рынка?

Такой вопрос необходимо должен был бы поставить перед собой Рикардо, если бы он с'умел довести до конца анализ роли машин в процессе воспроизводства капитала. Но здесь он совершенно неожиданно впал в очень странную ошибку, которая сделала для него абсолютно невозможным исследовать значение введения машин в производство под углом зрения тех трудностей, которые возникают в связи с этим для процесса реализации общественного продукта. Эта ошибка настолько интересна, что нам необходимо на ней остановиться, тем более, что она была впоследствии чрезвычайно своеобразно использована Туган-Барановским, теоретические соображения которого мы подвергнем критике в дальнейшем.

Как известно, Рикардо вслед за Смитом различает валовой продукт общества от его чистого продукта. Под валовым продуктом он понимает общую сумму заработной платы, прибыли и ренты, а под чистым продуктом—только сумму прибыли и ренты. И вот он считает, что введение машин в производство обычно уменьшает количество валового продукта, производимого в обществе и тем самым сокращает фонд содержания рабочего населения.

«Все, что я хотел бы доказать, это то, что изобретение и употребление машин может сопровождаться уменьшением валового продукта, и всякий раз, как такое уменьшение происходит, оно приносит ущерб рабочему классу, потому что некоторые рабочие лишаются работы, а население становится излишним по сравнению с фондом его содержания» [1]).

Если бы Рикардо хотел сказать только то, что вытеснение рабочих из производства машиной необходимо влечет за собою соответствующее уменьшение общей суммы заработной платы и, следовательно, относительное сокращение размеров спроса на продукты рабочего потребления—то это было бы, конечно, совершенно правильно и дало бы ему несомненно возможность глубже осознать внутренние противоречия процесса накопления капитала. Но Рикардо хочет сказать нечто большее. Он думает, что соответственно тому, как применение новых машин сокращает спрос на труд, оно уменьшает и количество продуктов, которыми этот труд содержится.

«Если бы машины применялись в производстве сукна, то после их введения было бы произведено меньше сукна, так как на часть того количества, которое прежде предпринималось для оплаты большего числа рабочих, их предприниматель не пред'являл бы требования».

Маркс называет этот пример нелепым, и с этим нельзя не согласиться [2]). Из того факта, что вытеснение рабочих машинами сокращает спрос на продукты рабочего потребления, вовсе не следует,

---

[1]) «Принципы», стр. 187.
[2]) Маркс. «Теории etc.», II_2, стр. 225.

что уменьшится количества этих продуктов потребления. Как раз наоборот. Если вытеснение рабочих машинами естественно сокращает спрос на продукты рабочего потребления, то применение машин в этих отраслях (например, в отрасли производства сукна) необходимо увеличивает количество продуктов потребления. Превращение известной части функционирующего переменного капитала в капитал постоянный, об'ективирующееся в форме замещения живого труда средствами производства, вызывает на одном полюсе хозяйства уменьшение доли рабочего класса в общественном потреблении, а на другом—увеличение размеров общественного продукта, совершенно независимо от того, имеется ли в обществе реальная возможность оплатить возросший товарный продукт. Но ведь на этой основе могут возникнуть значительные затруднения в процессе капиталистической реализации товаров? Совершенно верно. Это одно из тех многочисленных типических затруднений, на которые постоянно наталкивается процесс накопления общественного капитала, переходя из сферы производства в сферу обращения. Необходимо только ясно понять их относительный характер и не делать из факта существования этих затруднений неправильные выводы о невозможности накопления вообще.

В самом деле, говорят ли эти и подобные им затруднения об органической невозможности реализовать прибавочный продукт внутренними силами капиталистического хозяйства? Конечно, нет. Капитализм анархичен по своей природе. Начала и концы, причины и последствия, отношения и зависимости хозяйственного процесса не имеют здесь той стройности и согласованности, как в социальных системах с натуральным способом производства. Процесс реализации не совершается гладко, ровно и свободно. Все трудности, осложнения и препятствия в ходе реализации товарного продукта вытекают в конечном счете из отсутствия элементарной внутренней упорядоченности и планомерности накопления общественного капитала: они связаны не только с реализацией прибавочного продукта, но и с реализацией других составных вещественных частей совокупного общественного продукта [1]). Возникая из анархической структуры капитализма, эти противоречия совершенно автоматически преодолеваются в каждом данном цикле реализации капиталистической механикой ценовых сдвигов, вызывающих необходимое перераспределение производительных сил: насильственно разрешенные в данном цикле, они с закономерностью естественного порядка вещей воспроизводятся в следующем цикле—конечно, с известными вариациями и уже на расширенной основе. Но как бы ни был противоречив рост производительных сил в пределах капиталистического хозяйства,— он все-таки происходит. Вот почему речь идет не о безусловном отсутствии, а лишь об условном наличии внутреннего спроса на прибавочный продукт, не об абсолютной немыслимости, а лишь об

---

[1]) Ср. Н. Ленин: «Сисмонди и наши ответственные сисмондисты». Собр. соч., т. II, стр. 187—188. Гиз. 1923 г. Там же, стр. 487—488.

относительной трудности полностью оплатить его составные вещественные элементы, словом—не об органической невозможности реализовать капитализируемую часть прибавочной стоимости, а лишь об ограниченной возможности этого процесса. Но чем же ограничивается эта возможность и чем обуславливается наличие достаточного спроса на прибавочный продукт? Выше мы ответили на этот вопрос: законами совокупной ценностной пропорциональности в распределении производственных сил капиталистического хозяйства. Но разве возможность целостной реализации капиталистического продукта не ограничивается также и моментом потребления? Несомненно ограничивается. Но только,—как это давно уже показал Ленин [1]),—потребление не является чем-то внешне-самостоятельным по отношению к условиям пропорциональности, а само входит составным определяющим элементом в систему необходимых в каждом данном цикле ценностных пропорций и соотношений. Нет спора: свободная реализация капиталистического продукта необходимо предполагает всякий раз определенное соответствие между общественным производством и общественным потреблением. Но только необходимость этого соответствия не является особым дополнительным условием наряду с условием пропорциональности.

Вернемся, однако, к Рикардо. Мы видели, что если раньше Рикардо считал процесс накопления капитала равносильным непосредственному расширению потребления рабочего класса, то теперь он понимает, что процесс накопления может и не сопровождаться ростом рабочего потребления, что это потребление может даже сокращаться одновременно с расширением капиталистического производства. Но так как он ошибочно думает, что с превращением переменного капитала в постоянный уменьшается совокупный валовой продукт [2]), то он не понимает, что в результате такого превращения развивается определенное несоответствие между производительной способностью капиталистической промышленности и покупательной способностью внутреннего рынка. Правильно указывая на те социальные противоречия, которые возникают в связи с введением машин в отношении наемного труда, он совершенно упускает из виду те специфические рыночные противоречия, которые возникают на этой же основе в отношении реализации производимых товарных масс. Именно этой постоянной конфликтности и противоречивости процесса реализации, движущегося с методическими заминками и запинками, классики или совсем не замечали, или, если и замечали,

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч. 1923, т. II, стр. 474.

[2]) Разбирая эти взгляды Рикардо, Маркс вполне правильно говорит, что сокращение спроса на труд может сопровождаться сокращением валового продукта, входящего в общественное потребление в крупном сельском хозяйстве, «когда начинают пользоваться лошадьми, которые потребляют хлеб вместо рабочих, при переходе от хлебопашества к овцеводству. Но в высшей степени абсурдно, когда такой случай предполагается собственно в индустрии, которая отнюдь не ограничивается внутренним рынком для сбыта своих продуктов». (К. Маркс. «Теории», стр. 219).

то об'ясняли подобные явления причинами, не находящимися в какой-либо необходимой связи с природой капиталистического хозяйства.

Мы видели, что и тот и другой тип аргументации классиков в защиту развиваемой ими концепции накопления капитала не выдерживают критики: первый тип аргументации вообще не имеет ввиду капиталистического хозяйства; второй—логически несостоятелен, так как исходным пунктом его служит неверное положение Смита о составных частях товарной цены[1]). Но—как мы уже сказали выше—несмотря на всю ошибочность учения классической школы о накоплении капитала, в основе этого учения лежит одна совершенно правильная мысль. Это—мысль о том, что капиталистическая промышленность в процессе своего движения сама создает себе внутренний рынок для сбыта производимых продуктов. Неверна в учении классической школы не эта существенная мысль, правильность которой классики, как идеологи промышленной буржуазии, чувствовали почти инстинктивно. Неверно в их учении то теоретическое доказательство, путем которого они пытались ее обосновать, и то апологетическое представление об естественной гармоничности накопления капитала, которое в такой крикливо вульгарной форме распространялось экономистами сэевского пошиба.

Идея, что капиталистическая промышленность сама создает внутренний рынок для сбыта производимых товарных масс в силу того, что накопление капитала необходимо вызывает расширение платежеспособного общественного спроса—эта идея является лишь теоретическим обобщением эмпирических закономерностей кругооборота веществ в капиталистическом хозяйстве. Но ее необходимо, однако, понимать глубже, чем ее понимали классики. Если брать эту идею не в форме сравнительно плоского тезиса, что предложение вызывает спрос, а спрос—предложение, но рассматривать в известной исторической перспективе под углом зрения соотношения между общественным производством и общественными потребностями, то перед нами выступят контуры сложного экономического процесса. Своей логической основой эта идея будет иметь в таком случае центральное положение марксовой методологии о примате производства над всеми другими сторонами хозяйственной жизни—и в частности над потреблением, понимаемым в широком смысле этого слова. Процесс воспроизводства всегда опирается на сложившуюся и откристаллизовавшуюся структуру общественных потребностей. Накопление капитала, как один из исторических методов процесса воспроизводства, постоянно вносит глубокие сдвиги в устоявшиеся элементы этой системы. Капитализм не только удовлетворяет стойкие вековые потребности традиционными способами и не только постоянно замещает эти традиционные способы более гибкими и совершенными, но он время от времени вызывает к жизни неизвест-

---

[1]) Ср. В. Миллер. «Теория рынка Сэя—Рикардо». Вопросы обществоведения, 1911 г., вып. III.

ные предшествующим историческим укладам потребности, развивает, делает массовыми и таким путем, воспитывая потребителя, превращает их из эпизодических в привычные, из случайных в социально-необходимые [1]). Постоянные открытия и усовершенствования создают все новые и новые сферы применения свободных капиталов и способствуют консолидации крупных самостоятельных отраслей промышленности. Этот момент революционизирования общественных потребностей во всех их формах составляет одну из наиболее типических черт капитализма и входит составным слагаемым в развитие национального рынка внутренними силами процесса накопления капитала. Но как бы узко ни понимали эту идею классики, она была правильно двинута ими своим острием против Сисмонди, отрицавшего возможность процесса накопления капитала, как процесса самонакопления, и настаивавшего на необходимости внешних рынков для сбыта прибавочного продукта. В конце концов, Сисмонди вынужден был, однако, признать правильность этой решающей идеи [2]). Но

---

[1]) Очень верно пишет по этому поводу В. Зомбарт: «В наше время, в особенности в течение последних двух столетий, технические нововведения оказывают немаловажное влияние на преобразование хозяйственной жизни еще и тем, что они дают повод к введению совершенно новых отраслей промышленности, или, по меньшей мере, к столь решительному преобразованию старых, что они получают новое обоснование. Сущность новых отраслей промышленности может выражаться в том, что для известных уже целей потребления употребляются новые материалы, или в выработке новых предметов потребления, или, наконец, в том, что производятся старые потребительные блага из того же материала, но в иной форме» (В. Зомбарт. «Техника эпохи раннего капитализма». ЦУП ВСНХ, стр. 37).

[2]) В этом отношении чрезвычайно интересна его статья, написанная по поводу спора с Рикардо. Он пишет: «По мнению Сэя и Рикардо, создавая предметы для обмена, мы создаем и обмен, а, следовательно, так же и потребление. Соответствие между потреблением и производством кажется им одинаково доказанным, как по отношению к всемирному рынку, так и по отношению к изолированной нации». («Новые начала», стр. 250). Что же доказывает в противоположность этому Сисмонди? Он анализирует один частный случай, близко напоминающий пример Рикардо: изобретение в области механики или сельско-хозяйственной промышленности, вызывающее увольнение части прежде занятых в производстве рабочих. В силу этого спрос рабочих на продукты их личного потребления сокращается. Но—и это Сисмонди признает—расширяется спрос на предметы роскоши со стороны капиталистов и землевладельцев, получивших благодаря изобретению добавочную прибыль. «Таким образом, каждое изобретение уменьшает спрос на существующие продукты (но не как думал Рикардо—уменьшает самое производство этих продуктов. *А. Г.*), а взамен этого создает спрос на продукты, которых еще не существует» (265). И отсюда—решающий вывод, опрокидывающий прежние воззрения Сисмонди: «мы, подобно Рикардо, приходим к тому заключению, что в конце товарного обращения, если бы оно совершалось без задержек, производство само создало бы потребление» (259). Однако, сдавая свои теоретические позиции, Сисмонди чрезвычайно метко упрекает Рикардо в том, что он слишком абстрактен, что он совершенно отвлекается от условий пространства и времени, что он не принимает во внимание тех трудностей и препятствий, на которые наталкивается подобного рода перемещение общественного спроса. Со своей стороны, Сисмонди прекрасно видит все эти трудности и противоречия и со свойственной ему тщательностью регистрирует их: 1) отсутствие рабочих, которые должны производить добавочные предметы роскоши, 2) отсутствие или недостаточное количество капиталов для постройки новых фабрик,

обладая, однако, замечательно развитым чутьем экономических противоречий буржуазного общества, он не мог согласиться с той трактовкой стройности и гармоничности процесса накопления, которую давали этой идее классики. И в этом отношении он был безусловно прав: если накопление капитала по самой своей природе расширяет границы платежеспособного общественного спроса, то это еще не означает ни того, что созданному спросу будут всегда противостоять строго соответствующие по своим вещественным формам и стоимостным размерам товарные элементы прибавочного продукта, ни того, что произведенный в результате расширенного цикла общественный продукт целиком разместится всеми своими частями в пределах внутреннего рынка. Речь идет лишь о возможности сбалансировать увеличенное предложение товаров увеличенным спросом на последние, но отнюдь не о неизбежности такого балансирования при всех и всяких условиях. Темп расширения внутреннего рынка совпадает с темпом расширения производства лишь при условии постоянного сохранения норм пропорциональности в процессе накопления общественного капитала. Отчетливо выступающая в ходе исторического движения тенденция капиталистической промышленности обгонять собственный национальный рынок об'ясняется, как мы еще увидим ниже, органической неупорядоченностью процесса воспроизводства, охватывающего производство и потребление в целом народного хозяйства. Развивая отношения спроса, накопление общественного капитала несомненно создает внутренние источники оплаты составных элементов прибавочного продукта [1]) и тем самым расширяет границы и повышает емкость капиталистического рынка. Но только апологетика может отвлекаться от тех конфликтных и противоречивых форм, в которых постоянно движется этот экономический процесс.

Анализируя проблему рынка в условиях простого и расширенного воспроизводства, мы отвлекались от кредитно-денежного механизма и торгового аппарата с одной стороны, сводили к одинаковому нивелирующему масштабу продолжительность оборотов капиталов, функционирующих в различных сферах народного хозяйства — с другой, и, укладывая в рамки года начала и концы хозяйственного цикла, формулировали несколько фундаментальных внутренних зависимостей в процессе кругообращения общественного продукта. Не пытаясь теоретически воссоздать этот процесс во всей его многогранной сложности, мы должны тем не менее ввести в анализ наи-

---

3) трудность доставки дополнительных партий сырья, 4) препятствия, обусловленные частной собственностью на землю, где должны теперь строиться новые здания и т. д., и т. п. Все это абсолютно правильно, но остается тот факт, что Сисмонди признал основную идею классиков, хотя и не потрудился примирить ее со своим учением о накоплении капитала.

[1]) Необходимо отметить, что в целом ряде случаев (некоторые сферы сельского хозяйства, угольное производство, машиностроение) прибавочный продукт может непосредственно превращаться в капитал, так что накопление прямо совпадает с воспроизводством в расширенном масштабе.

более крупные конкретизирующие факторы, от которых до сих пор абстрагировались.

Первым крупным конкретизирующим и усложняющим фактором кругооборота общественного продукта является наличие платежно-денежного аппарата. В сфере обращения товары не противостоят прямо и непосредственно товарам, как это вытекает из схемы воспроизводства капитала: в процесс реализации включены деньги, осуществляющие функцию общественного спроса, и товары, осуществляющие функцию общественного предложения. Лишь в конечном счете оказывается вполне правильным тот закон, что реализация общественного продукта сводится к взаимному обмену товарных капиталов, но в каждом единичном случае менового оборота эта внутренняя экономическая сущность процесса реализации затушевывается тем обстоятельством, что товары покупаются не товарами, а деньгами и продаются не на товары, а на деньги. Правильное понимание роли денег в кругообороте товарного продукта предполагает предварительное уяснение двух принципиальной важности вопросов: 1) каков характер связи между платежеспособным спросом на товары и деньгами? и 2) какое значение, в разрезе обращающих годовую товарную массу денег, имеет момент трехчленного состава этой массы из постоянного капитала, переменного капитала и прибавочной стоимости?

Действительная связь между деньгами и общественным спросом состоит в том, что деньги являются не экономической причиной, а простым формообразователем спроса. Деньги не создают и не вызывают спрос, но лишь проявляют его. Не в денежном обращении лежат факторы, обуславливающие размер, структуру и интенсивность платежеспособного спроса, а в совокупном процессе производства и воспроизводства общественного капитала [1]). Поскольку стоимость выступает всеохватывающей формой капиталистической экономики, деньги, как исторический продукт развития свойственных этой форме противоречий, становятся эластичным орудием отражения и выражения

---

[1]) Что выступление денег на рынке лишь следствие и проявление уже существующего до денег реального спроса, видно, между прочим и из того, что нередки случаи, когда в обращении имеются деньги, но нет платежеспособного спроса и, наоборот,—когда имеется товарный спрос, но нет технических инструментов его осуществления. В этом последнем случае государство прибегает обычно к эмитированию денег, которое не угрожает инфляцией лишь постольку, поскольку размеры его не превышают действительных потребностей оборота. Но—могут возразить нам, ссылаясь на факт существования эмиссионного процесса—разве эмитирование, создавая новые деньги, не создает тем самым новый дополнительный спрос на товары? Совершенно верно! Но только этот спрос будет нормальным и не приводящим к кризисным нарушениям в общественном хозяйстве лишь до тех пор, пока эмитирование оправдано и обусловлено существованием потенциального или фактического предложения товаров, балансирующего выпуски в оборот новых денег и, следовательно, создающего в определенных количественных границах емкость для этих новых денег. (См. Ю. Митлянский «Денежное обращение и товарооборот». Гиз. 1927, гл. I и II).

складывающихся независимо от денег потребностей хозяйственного процесса. Когда денежная сумма бросается в сферу обращения, проявляя спрос и реализуя предложение, то — оставляя в стороне пертурбирующие феномены и рассматривая лишь среднюю закономерную линию течения процесса воспроизводства—и спрос и предложение внутренне предшествуют самому акту появления денег на рынке: спрос антиципирован фактом существования реальных общественных потребностей, а предложение—фактом существования соответствующих вещественных элементов товарного продукта. «Деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне, потому что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства» [1]). Высказанное здесь Марксом решающее положение о подчиненном формообразующем значении денег в кругообороте общественных продуктов обнаруживается не только при рассмотрении денег со стороны их предложения (т.-е. спроса на товары), но и при анализе денег со стороны спроса на них (т.-е. предложения товаров). И в этом последнем случае совершенно несомненно, что деньги не являются конечным об'ектом меновых сделок, что ни о какой самостоятельной роли денег не может быть и речи, так как спрос на деньги вытекает не из потребности в деньгах, как составном органическом факторе производства и воспроизводства общественного продукта, но из вынужденной необходимости временного превращения товарной формы этого продукта в денежную. Постоянно существующий в бесчисленных точках капиталистического хозяйственного круга «спрос на деньги» [2]) глубоко отличен и по своему характеру и по своему экономическому назначению от спроса на товары. Он представляет лишь мимолетное посредствующее звено в процессе осуществления товарного спроса, покрытие которого состоит в удовлетворении общественных потребностей средствами производства и средствами потребления—необходимыми натуральными ингредиентами воспроизводства капиталистической системы. Иными словами: спрос на деньги является в итоге лишь спросом на орудия обращения, с помощью которого совершается необходимая передвижка произведенных товаров. Таким образом, общественный спрос потенциально дан существованием товаров, которыми в конечном итоге оплачиваются другие товары, а деньги, не составляя имманетного элемента материального производства, служат подсобным техническим орудием в регулярном процессе возмещения вещественных частей общественного продукта и расширения его об'ема.

---

[1]). К. Маркс. «Капитал», т. II, стр. 461.

[2]) Nota bene, совершенно очевидно, что мы говорим здесь не о спросе и предложении ссудного капитала, циркулирующего в денежной форме. но лишь о необходимости в деньгах, как орудии обращения товаров. Но и в отношении ссудных капиталов деньги опять-таки играют лишь роль орудия, путем которого совершается лежащее в самой основе кредитных отношений перемещение материальных элементов капитала в чужое предприятие (См. напр. З. С. Каценленбаум. «Учение о деньгах и кредите» Часть II, стр. 35—54. Из-во «Экономическая Жизнь». 1927 г.).

Таков единственно правильный ответ на первый из двух поставленных нами вопросов. Обратимся к разрешению второго.

Трехчленное деление общественного продукта на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость является выкованным гениальным мастером ключем к разгадке сфинксовой проблемы воспроизводства и накопления. При анализе процесса реализации абсолютно невозможно отвлекаться от этого деления и рассматривать годовой капиталистический продукт просто как сумму произведенных товаров безотносительно к ее внутренней стоимостной структуре, так как вне этого деления—а также фиксирования двойственного характера вещественного состава изготовленного продукта—нет строгого единообразия и устойчивой закономерности в стихийном рыночном кругообороте товарных масс. Совершенно иной вывод напрашивается, если мы подходим к проблеме не под углом зрения взаимного возмещения натуральных частей общественного продукта, как при простом, так и при расширенном воспроизводстве, следовательно не с целью выяснить сложное соотношение между капиталом и доходом, а когда мы берем проблему в разрезе постоянного обращения произведенных товаров денежным аппаратом. Те исходные ориентирующие критерии, которые при первой аналитической установке были безусловно необходимы, теряют всю свою значимость при второй. Каждая составная единица капиталистического продукта—за исключением тех, которые непосредственно входят в очередной цикл воспроизводства,—должна обязательно пройти денежную фазу существования. Этот общий закон одинаково распространяется на всю товарную долю общественного продукта, в каких бы логических сечениях мы этот последний ни рассматривали бы. Как бы велико и существенно ни было функциональное различие тех или иных частей общественного продукта в связном процессе воспроизводства, оно целиком погашается и нивеллируется перед фактом их необходимой денежной метаморфозы. К самому феномену превращения товарной формы продукта в денежную и денежной формы в товарную абсолютно никакого отношения не имеет то вообще огромной важности обстоятельство, что одна часть этого продукта составляет овеществленную прибавочную стоимость, а другая—натурально воспроизведенные капитальные затраты на средства производства и заработную плату. Вот почему Маркс вполне прав, когда он, разбирая путаницу, внесенную некоторыми теоретиками банкового дела в вопрос о капитале и средствах обращения, пишет: «Различие назначений денег,—функционируют ли они как денежная форма дохода или капитала—ближайшим образом ничего не изменяет в характере денег, как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию» [1]). Совершенно верно! Причины и источники образования спроса и предложения на составные, функционально отличные группы товарных продуктов лежат з а п р е-

---

[1]) «Капитал», т. III, стр. 431. Ср. Н. Бухарин—«Империализм и накопление капитала». 1925 г., стр. 44—46.

делами сферы обращения и обуславливаются внутренним ходом движения совокупного материального воспроизводства. В аспекте же обращающих товарную массу денег трехчленное стоимостное сечение общественного продукта столь же несущественно, сколь безразличны для хода реализации моральные и политические убеждения самих буржуа. Под углом зрения денег равновесие хозяйственной системы воспринимается не в форме количественных стоимостных пропорций между строго определенными частями общественного продукта, а в форме такой относительно устойчивой линии товарных цен, при которой ценовой индекс единицы товара—независимо от технико-экономического значения этой единицы—был бы равен частному от деления произведения суммы циркулирующих денег и скорости обращения на произведение количества товаров и быстроты оборота последних. Конечно, основная часть постоянного капитала, пройдя уже метаморфозу из товарной оболочки в денежную, совершает свое дальнейшее круговращение иначе, чем его оборотная часть, весь постоянный капитал—иначе, чем переменный, а постоянный и переменный вместе—иначе, чем реализованная в деньгах, частью израсходованная на потребление, а частью капитализированная и вслед затем накопляемая прибавочная стоимость. Это относительное своеобразие форм круговращения обусловлено неодинаковостью хозяйственного назначения составных долей товарного продукта в механизме общественного воспроизводства. Но оно касается денег не как орудия обращения, а денег, как денежной формы капитала и дохода, а в пределах того и другого—их различных элементов. Наоборот, в призме денежного обращения, как такового, товары противопоставляются деньгам, предложение спросу, и вполне логично стираются границы размежевания постоянного капитала, переменного капитала и прибавочной стоимости в целом годового продукта. Разрешение этих двух принципиальных вопросов позволяет—хотя и в самых общих пока чертах—понять роль денег в процессе кругооборота общественного капитала и предохраняет от надуманного неправильного связывания с фактом наличия денег таких особых трудностей в ходе реализации товаров, которых в действительности не имеется. Попытаемся вникнуть теперь несколько глубже и детальнее в существо вносимых денежным обращением осложнений формулированных Марксом абстрактных законов движения капиталистического продукта.

Прежде всего, после сказанного выше должно быть ясно, с какой стороны деньги не вносят абсолютно ничего нового в анализ проблемы реализации. Это—со стороны основной проблемы всей теории рынка: откуда берутся источники спроса и соответствующие ему реальные средства оплаты произведенных продуктов? Раз прочно усвоено то центральное положение, что механизм размещения различных групп товаров регулируется движением единого общественного процесса воспроизводства, то тем самым совершенно впустую ставится тот же вопрос в связи с введением в поле анализа лишь затемняющей реальные зависимости общественного хозяйства категории денег. В условиях простого воспроизводства это настолько ясно, что подобного

рода недоуменное повторение того же вопроса вообще невозможно. Маркс исчерпывающе исследовал денежный момент при простом воспроизводстве, и остается лишь сослаться на соответствующие тексты во II томе «Капитала». Несколько более оправданным рисуется с первого взгляда возникновение сомнений при условии накопления капитала. Дело вновь касается реализации злополучной прибавочной стоимости.

Как с учетом денежного момента реализуется прибавочная стоимость при простом воспроизводстве? Так как класс капиталистов выступает монопольным собственником всех материальных средств производства, куда входят и деньги, то он именно и является исходным пунктом движения денег в обороте. В частности, поскольку прибавочная стоимость в различных отраслях выходит из производственного процесса в форме негодной для индивидуального потребления, капиталисты этих отраслей должны авансировать определенные суммы денег на закупку предметов потребления в других отраслях, и эти деньги регулярно возвращаются к ним вслед за тем, как товарная форма присвоенной ими прибавочной стоимости превратится в денежную. С завершением каждого цикла воспроизводства оказывается, что вся прибавочная стоимость потреблена капиталистическим классом, а деньги возвратились к исходным пунктам своего отправления. Но если прибавочная стоимость не потребляется непроизводительно, а накопляется, если определенная часть ее заранее овеществляется в самом процессе производства в добавочные средства производства в одной группе отраслей и в добавочные предметы рабочего потребления—в другой, как тогда обстоит дело с деньгами, как фактором обращения этих товаров?

Вся сумма этих товаров представляет материальный фонд, за счет которого происходит реальное увеличение об'ема производственного и рабочего аппарата общественного хозяйства. Для того, чтобы очередной цикл начался в расширенных масштабах, необходимо через посредство сферы обращения произвести р а с с т а н о в к у этих вещественных элементов между составными производственными подразделениями. Осуществление этой перестановки требует, чтобы класс капиталистов обладал—как и для реализации других частей товарного продукта—известным количеством денег, которые снова поступят в его распоряжение с окончанием процесса реализации. Так как реализация прибавочной стоимости означает не в ы к л ю ч е н и е ее из капиталистического круга хозяйства, но лишь п е р е р а с п р е д е л е н и е составляющих ее средств производства внутри самого капиталистического класса и составляющих ее предметов рабочего потребления от класса капиталистов к добавочной наемной рабочей силе, то превращение прибавочной стоимости из товарной формы в денежную заключается не в том, что е д и н о в р е м е н н о вся капиталистическая прибавочная стоимость продается классом капиталистов внекапиталистическим покупателям (вспомнить решение вопроса у Люксембург), а в том, что капиталисты, поочередно бросая в обращение деньги, путем связной цепи взаимных покупок и продаж

попеременно оплачивают (частью прямо, частью косвенно—через посредство вновь нанятых рабочих) предназначенную к накоплению прибавочную стоимость, если только непотребленная предпринимателями прибавочная стоимость по своим вещественным формам и стоимостным размерам этих форм соответствует об'ективным требованиям данного цикла расширенного воспроизводства [1]). Реализация товаров—все равно представляют ли они постоянный капитал, переменный капитал или прибавочную стоимость—никогда не совершается по прямой, но идет, так сказать, по параллелям. Меновые акты происходят не одновременно в форме одностороннего сбыта всего годового продукта, но последовательно в форме обоюдных покупок и продаж. Раз, с одной стороны, установлено, что механизм расширенного воспроизводства сам создает реальный спрос на капитализируемую прибавочную стоимость, а с другой, выяснено действительное соотношение между общественным спросом и деньгами, то ровно ничем не оправдываются сомнения в реализации прибавочной стоимости, подкрепляемые ссылкой на необходимость ее денежной оплаты. С введением в анализ накопления категории денег вопрос может законно возникнуть отнюдь не в связи с условиями реализации и возмещения какой-либо части годового продукта, а в связи с теми усложняющими моментами, которые порождаются в процессе функционирования денег, как средства обращения и расстановки товарных масс, и как средства сокровищного накопления. Но тогда вопрос должен быть (рассматривая пока деньги, как средство обращения) поставлен так: если предположить систематическое накопление капитала, то откуда появляются добавочные суммы денег, необходимые для обслуживания постоянно увеличивающейся в силу роста общественного производства массы товарных стоимостей? Ответ гласит: «Добавочные деньги, необходимые для обращения этого большего количества товаров большей стоимости должны быть добыты или усиленной экономией на обращающееся количество денег,—достигается ли она посредством взаимного погашения платежей и т. д. или при помощи средств, ускоряющих обращение одного и того же денежного знака,—или же они должны быть получены путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег... Если всех этих средств оказывается недостаточно, то должно быть произведено добавочное золото, что сводится к тому же самому—часть дополнительного продукта прямо или косвенно обменивается на золото, на продукт стран, производящих благородные металлы» [2]).

---

[1]) Очень метко подчеркнул эту ошибку Р. Люксембург т. Бухарин. «Итак, основная ошибка тов. Розы Люксембург заключается в том, что она рассматривает собирательного капиталиста, как капиталиста единичного; она гипостазирует этого собирательного капиталиста. Поэтому она не понимает, что процесс реализации есть ступенчатый процесс; поэтому она представляет накопление капитала, как накопление денежного капитала». («Империализм и накопление капитала». 1925, стр. 58). На эту же ошибку указывает и Ю. Митлянский в своей работе «Денежное обращение и товарооборот». Гиз. 1927, стр. 165—167.

[2]) К. Маркс. «Капитал», т. II.

При простом воспроизводстве капиталисты расходуют необходимые для обращения прибавочного продукта деньги, как доход при расширенном—авансируют их, как капитал. К сказанному необходимо сделать следующие комментарии. Во-первых, совершенно очевидно, что конечным источником снабжения общества золотом, как основой всей денежной системы, является золотопромышленность—все равно производится-ли металл в данной капиталистической стране или в других странах. И в том и в другом случаях поступление золота в сферу обращения предполагает обмен между отраслью, добывающей золото и какой-либо из других отраслей общественного хозяйства. Во-вторых, ежегодная мировая добыча золота составляет, как известно, лишь незначительную прибавку к тем массовым запасам, которые аккумулированы в течение всех последних веков развития денежного хозяйства. Поэтому, между прочим, для отдельных государств важно не столько то, какую долю годовой добычи золота они могут присвоить, сколько то, каким образом удержать за собою ту сумму благородных металлов, которою они уже владеют. В-третьих, предполагая даже чисто-металлическое обращение, увеличению размеров стоимости производимого товарного продукта вовсе не должно соответствовать пропорциональное увеличение количества циркулирующих денег. Так как меновые акты не совершаются разом и одновременно, но располагаются во времени, то общая сумма товарных покупок всегда больше, чем масса обращающихся денег. Чем на большее число последовательных актов купли-продажи распадается в пределах определенного промежутка времени реализация данной товарной массы, т.-е., чем меньше по стоимости каждое звено меновой цепи и чем плотнее эти звенья прилегают друг к другу, тем меньшее количество денег требуется для оборота этой массы, ибо тем большую сумму товарных единиц сможет обернуть одна и та же денежная единица. Если бы рост числа расположенных во времени меновых операций был бы пропорционален увеличению стоимости выбрасываемой из производства товарной массы, то повышенная скорость обращения уравновесила бы потребности товарооборота в деньгах. В-четвертых, структура современного платежно-денежного аппарата не только не требует непременного участия металлических денежных знаков в процессе реализации продуктов (наличие бумажных денег, а также чеков, векселей и проч. видов кредитных документов), но очень часто исключает необходимость перехода от одного агента меновой сделки к другому каких-либо материализованных денежных знаков или их суррогатов вообще (простой приказ о переводе нужной суммы денеги с одного текущего счета на другой). Существование бумажных денег и различных видов денежных суррогатов—с одной стороны, система безденежных расчетов путем простых бухгалтерских записей—с другой, почти совершенно освобождают капиталистический товарооборот от тех узких границ добычи золота, которые ставились бы расширению общественного производства, если бы имело место

лишь одно золотое обращение [1]). Область, в которой переходы денежных знаков из рук в руки сохраняют и при развитом капитализме существенное значение, это—совокупность меновых сделок по реализации предметов индивидуального потребления. Наоборот, обмен капитала на капитал, реализация постоянно повышающейся по своему удельному весу в товарообороте массы средств производства обслуживается преимущественно кредитным оборотом или совершается вообще без всякого посредства какого-либо вида денег [2]).

Но если функционирование денег не вносит ничего принципиально нового в законы кругообращения общественного продукта, так как законы эти лежат за пределами сферы обращения—в самих материальных условиях производства и воспроизводства совокупного общественного капитала,— то несомненно все же, что существование денег усложняет и тем самым несколько модифицирует ту простую картину реализации товаров, которая в таких выпуклых чертах дана в марксовых схемах. Нам представляется возможным свести это усложнение к следующим основным моментам:

1) Раздельность менового акта во времени и пространстве.

2) Несовпадение моментов реализации, капитализации и накопления прибавочной стоимости, как переходных стадий кругообращения прибавочного продукта.

3) Накопление ссудного денежного капитала, существующее параллельно с накоплением производительного капитала, т.-е. материальным расширением об'ема общественного производства.

Ad I. Деньги вырастают из разделения общественного труда, сопряженного с развитием частной собственности на средства производства. Они представляют исторический продукт разрешения скрытых в самой форме товара противоречий 1) между потребительной и меновой стоимостью товара, с одной стороны, и 2) между индивидуальным характером труда, производящего тот или иной товар, и необходимостью общественной санкции этого труда, с другой. Образование денег, т.-е. превращение товара в товар и деньги, дает внешнее разрешение этим внутренним противоречиям. Товары относятся к деньгам, как созданные бесчисленными вариациями индивидуальных затрат труда ряды разнородных потребительных стоимостей, а деньги относятся к товарам, как овеществление безразличной абстрактной меновой стоимости. Вытекающая из этой расщепленности товарной формы прерывистость менового процесса, заключающаяся в формальной отделенности двух фаз единого метаморфоза

---

[1]) «В странах с развитым обращением не только теоретически, но и практически вполне возможен случай, когда настоящих денег просто не хватило бы для оплаты товаров, т.-е. когда, следовательно, создалось бы такое положение, что если бы мы на одной стороне выложили все товары, продаваемые в данный момент, а на другой—все «настоящие деньги», то настоящих денег без чеков и суррогатов было бы недостаточно для оплаты всех товаров и услуг». А. А. Соколов «Скорость обращения денег и товарные цены». Из-ние НКФ СССР. 1925, стр. 180.

[2]) Ср. Маркс. «Капитал», т. II, стр. 385—388, т. III, гл. 28-ая; И. И. Кауфман. «Кредит, банки и денежное обращение», стр. 97.

Т-Д-Т, освобождает отдельных капиталистов от тесной, непосредственной, связывающей зависимости со стороны каких-либо определенных контр-агентов и дает возможность производить товары на безличный рынок, на котором в денежной форме концентрируются идущие из различных точек хозяйственного поля токи общественного спроса [1]). Можноп родавать не покупая и покупать не продавая. «Как Т-Д и Д-Т разделены во времени, так они могут разделяться и в пространстве: рынок покупок и рынок продаж могут быть пространственно различными рынками» [2]). Ежегодная перегруппировка товарных веществ, обеспечивающая возобновление цикла воспроизводства общественного капитала, происходит не путем прямой и непосредственной встречи движущихся в противоположных направлениях товарных масс, а путем необозримого множества обособленных покупок и продаж, при которых отсутствует необходимость одновременного или даже вообще обоюдного обмена товаров двух контрагентов, и где лишь в конечном счете должно осуществиться обусловленное обменом товарных капиталов на товарные капиталы перераспределение крупных функционально отличных частей общественного продукта. Как известно, именно в этом факте отрыва покупок от продаж, дана самая общаяво зможность кризисов, которые характеризуются прежде всего тем, что на рынке имеется предложение, но нетреального спроса. Формальная возможность кризиса выступает как его реальная, конкретная форма.

Таково первое усложнение, вносимое деньгами. Обратимся ко второму.

Ad 2. В тесной связи с раздельностью менового акта, стоит тот факт, что в действительности кругообращение непотребляемой капиталистами прибавочной стоимости происходит более сложным путем, чем это в определенных методологических целях было допущено схемами воспроизводства капитала. Реализация прибавочной стоимости, т.-е. превращение товарной формы прибавочного продукта в денежную, капитализация ее, т.-е. постепенное осаждение выручаемых денежных сумм в кассе предпринимателя и, наконец, накопление прибавочной стоимости, т.-е. превращение аккумулируемых прибылей в реальные ингредиенты производительного капитала,—все эти три фазы кругооборота непотребляемой капиталистами прибавочной стоимости не совпадают во времени, но с изменяющимися интервалами следуют друг за другом. Критическим моментом в этой последовательной смене фаз является скопление такого минимума притекающих от продаж прибавочного продукта денег, который при определенных средних для каждой отрасли промышленности материальных соотношениях между техническими элементами производственного капитала и величинами

---

[1]) См. В. Железнов. «Роль денег в товарообмене». В сборнике «Денежное обращение и кредит», под ред. М. Фридмана и В. Железнова, 1922 г., стр. 270.

[2]) «Капитал», т. II, стр. 100.

их стоимости даст об'ективную возможность расширить размеры предприятия, в котором эта прибавочная стоимость была произведена, или основать какое-либо новое предприятие. Ударение здесь необходимо поставить не на том, что лишь сравнительно незначительная часть прибавочной стоимости непосредственно in natura включается в производственный процесс, и что основная доля ее должна пройти сквозь денежную форму. Об этом факте мы уже говорили выше. Что нас здесь интересует, так это то обстоятельство, что деньги, которыми оплачивается реализуемая прибавочная стоимость, усваивают новую функцию—функцию сокровища, которое, хотя и является временным и преходящим моментом в движении капитала, но с первого же взгляда неожиданно вносит новое затруднение в проблему накопления. Сущность этого затруднения с исчерпывающей ясностью выступает перед нами, если только поставить следующий простой вопрос: так как аккумулирование притекающих от реализации прибавочной стоимости денег предполагает, что капиталисты только продают, но на вырученные деньги ничего пока, в свою очередь, не покупают, то из каких собственно источников будет оплачиваться вся предназначенная к накоплению товарная форма прибавочного продукта? Кто будет покупать, если все только и делают, что продают и накопляют деньги в форме сокровища? Или—рассматривая вопрос со стороны производства—как может происходить реальное накопление производительного капитала, т.-е. расширение об'ема общественного производства путем закупки на рынке добавочных средств производства и предметов потребления для добавочных рабочих, если становится всеобщим накопление денег? предназначенных для расходования на эти товары? При предпосылке единовременной повсеместной аккумуляции присваиваемых прибылей и реализация прибавочной стоимости, и накопление производственного капитала становятся невозможными.

Но может быть решение возникшего затруднения необходимо искать в сфере внешней торговли? Вывоз соответствующей части совокупной прибавочной стоимости и превращение ее в деньги дают, как будто, живительный толчек остановившемуся механизму капиталистического хозяйства? Что в действительности та или иная доля годового прибавочного продукта страны—как и других частей общественного продукта—реализуется на внешних рынках—это, конечно, несомненно, и причины этого явления мы еще увидим в дальнейшем. Но на той ступени анализа, на которой мы находимся, привлечение внешнерыночного спроса абсолютно неверно, так как приводит, по существу, к тому неправильному выводу, что прибавочная стоимость принципиально не может быть реализована и накоплена внутри самого капиталистического хозяйства. Очевидно, выход из создавшегося затруднения необходимо искать в другом месте. И он, кажется, действительно найден на сей раз в пределах самой капиталистической системы хозяйства. Это—золотопромышленность. В самом деле, если капиталисты отраслей производства средств производства

и отраслей производства средств потребления единовременно выступают лишь односторонними продавцами той доли произведенных в их предприятиях продуктов, которая соответствует размерам предназначенной к капитализации прибавочной стоимости, то золотопромышленники являются единственным источником, откуда может быть оплачена вся эта сумма товаров, если только они закупят ее и дадут в обмен добываемое занятыми ими рабочими золото. Но при ближайшем критическом рассмотрении этого решения оказывается, что если привлечение внешнего спроса было методологически неверно, то ссылка на золотопромышленность в данном случае логически нелепа. Во-первых, бессмысленно предположение, что сфера добычи золота должна регулярно поглощать все те добавочные средства производства и средства рабочего потребления, которые изготовлены в капиталистическом обществе и соответственно расширять об'ем производства; во-вторых, если мы даже допустим для одного цикла воспроизводства общественного капитала такое фантастическое положение, то ведь к началу следующего цикла кричащим образом выступит вся его нереальность: капиталисты I и II подразделений имели бы, правда, в своих руках аккумулированные в денежной форме прибыли, но они об'ективно не в состоянии были бы превратить эти деньги в вещественные элементы производства, а добавочные рабочие не могли бы приобрести на выплаченную им заработную плату необходимые предметы потребления, так как весь материальный фонд расширенного воспроизводства поступил в распоряжение золотопромышленников.

Где же выход из создавшегося затруднения? Ответ может быть только один: нечего искать какого-либо выхода, так как само затруднение создано надуманной и неправильной предпосылкой, что весь капиталистический класс одновременно должен накоплять всю свою прибавочную стоимость в форме денежного сокровища. «Исключая случай, когда между классом капиталистов распределяется дополнительный благородный металл, накопление в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах» [1]). И это совершенно верно. Ни из чего буквально не вытекает, что во всех отраслях промышленности и в пределах этих отраслей—во всех предприятиях каждая из трех фаз единого процесса кругооборота прибавочного продукта происходит одновременно и параллельно.

В действительности, функционирующие в этих предприятиях индивидуальные капиталы находятся на различных, не совпадающих между собою, ступенях превращения производимой в них прибавочной стоимости из одной формы в другую. В то время, как в одних пунктах происходит аккумуляция притекающих доходов, в других совершаются закупки добавочных средств производства и средств рабочего потребления. Несмотря на постоянные отклонения в ту или другую сторону, спрос и предложение, концентрирующиеся

[1]) «Капитал», т. II, стр. 255—56. Курсив наш.

вокруг этой части годового продукта в среднем выравниваются, и тем самым обеспечивается дальнейшее движение вверх кривой роста производительных сил капиталистического хозяйства. Хотя реализация, капитализация и накопление прибавочной стоимости и не идентичные экономические процессы, однако это обстоятельство не исключает возможности осуществления расширенного материального воспроизводства на основе внутреннего рынка. Но что необходимо сугубо подчеркнуть в связи с указанным своеобразием превращения прибавочной стоимости в капитал—это то, что расширение об'ема отдельных производственных отраслей, а внутри их отдельных предприятий вовсе не должно обязательно соответствовать размерам созданной в них прибавочной стоимости и в действительности может быть больше или меньше этой величины. Сумма выполненного прибавочного труда, овеществленного в определенной части годового продукта, является общим материальным фондом, из которого извлекаются необходимые для последующего расширения общественного производства добавочные средства производства и средства рабочего потребления. Но в силу перераспределения через посредство кредита осаждающихся в каждом предприятии (на срок различной продолжительности) денежных капиталов, эти натуральные элементы направляются с рынка в различные предприятия в иных комбинациях, чем это было бы при отсутствии кредита. Больше того. Перераспределение кредитом платежных ресурсов вызывает не только иную группировку добавочных средств расширенного воспроизводства. Ведь этот процесс находит свои узкие границы в том, что подлежащие включению в процесс расширенного воспроизводства дополнительные элементы вещественно оформлены (Formbestimmheit), т.-е. представляют собою вполне определенные, конкретные средства производства и—наряду с ними—средства рабочего потребления. В то время, как последние могут быть утилизированы в любой отрасли, где только происходит увеличение количества рабочих, первые можно использовать лишь в тех отраслях, к которым они по своей технической конструкции приспособлены. Вот почему в отношении перегруппировки уже произведенных продуктов кредит имеет преимущественное значение лишь для однородных предприятий (внутри каждой отрасли) и в несравненно меньшей степени для предприятий разнородных (между отряслями). Другой результат кредитного перемещения покупательной силы состоит в том, что прилив крупных масс денежного капитала к каким-либо отраслям народного хозяйства и расходование притекающих денег стимулируют усиленный рост тех смежных отраслей, товары которых входят орудиями труда, сырыми и вспомогательными материалами в процесс производства притягивающих к себе денежные капиталы отраслей. Этим самым дана возможность скачкообразного и неравномерного роста одних ветвей капиталистического хозяйства (достаточно вспомнить, как строят обычно железные дороги), упадка и свертывания других. Таким образом, использование кредитным оборотом аккумулированных в ходе реализации

прибавочной стоимости прибылей не только освобождает каждого капиталиста от необходимости пропорционально присваиваемой им прибавочной стоимости расширять свое предприятие, но и мобилизует свободные денежные капиталы для вложения их в наиболее ударные для данного периода времени сферы капиталистического хозяйства. Здесь мы вплотную подходим к проблеме накопления и распределения в народном хозяйстве ссудных денежных капиталов, источники образования которых далеко не исчерпываются, как известно, осаждением реализованной прибавочной стоимости. Не вдаваясь в подробный анализ этой большой и самостоятельной проблемы, мы затронем в основном лишь те пункты, которые имеют ближайшее отношение к интересующим нас вопросам воспроизводства и накопления производительного капитала.

Ad 3. Регулярное высвобождение денег из кругооборота каждого индивидуального промышленного капитала, имеющее две главные магистрали—аккумулирование прибылей и возмещение сношенных частей основного капитала (мы оставляем в стороне понижение цен, эпизодические перерывы в процессе производства, сезонные затухания в тех или иных отраслях промышленности и т. п.)—дает основу консолидации специального денежного рынка, куда постоянно притекают и откуда постоянно уходят свободные денежные капиталы. Как при нормальном ходе процесса воспроизводства, так и при нарушении этого процесса из сферы производства и обращения периодически выталкиваются временно свободные деньги, которые превращаются кредитом в ссудный капитал. Для этих закономерно выпадающих из материального воспроизводства денежных сумм существенно то, что они продаются, как товар, ценой которого является ссудный процент. Капитал становится товаром, продается и покупается. Переход этого денежного капитала из рук в руки принимает форму движения различных кредитных документов (акции, облигации, векселя, коносаменты, варранты и т. д.), играющих роль удостоверений (правовых титулов) самого факта перехода. Вся масса этих разносортных кредитных документов образует собою фиктивный капитал общества, который выражает реальный ссудный денежный капитал, либо уже вложенный в производство, либо подлежащий вложению. «Они суть формы, в которых капитал может быть отдан в ссуду. Но сами они не тот ссуживаемый капитал, который в них вложен» [1]).

Мы имеем, таким образом, три сферы накопления: 1) накопление производительного капитала, т.-е. материальный процесс расширенного воспроизводства в общественном хозяйстве; 2) накопление денежного капитала в особом значении этого понятия (moneyd capital), т.-е. образование тем или иным путем временно свободных денежных сумм; 3) накопление фиктивного капитала, т.-е. систематический рост за пределами производства и обращения различного рода правовых титулов, являющихся орудиями мобилизации и перераспределения ссудных денежных ресурсов.

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. III, стр. 16.

Накопление фиктивного капитала не входит в круг нашего анализа. Совершенно очевидно, что это—чисто надстроечная категория, отражающая накопление ссудного денежного капитала. Это не часть реального национального богатства, но лишь совокупность притязаний на присвоение части создаваемого национального дохода. Нас интересует здесь не возникновение и рост этих кредитных документов, не накопление фиктивного капитала, а соотношение накопления производительного капитала и ссудного капитала, охватывающего во всякой развитой капиталистической стране в основном почти всю сумму становящихся временно свободными денег. В какой связи процесс расширенного материального производства стоит к процессу накопления ссудного капитала? Увеличение об'ема денежного капитала, предназначенного к ссуде, означает рост масштаба реального накопления, сокращение этого масштаба, или вообще выражает явления, хотя и имеющие место в процессе воспроизводства, но не зависящие не только от высоты нормы накопления, но даже и от самого факта накопления производительного капитала?—Нам представляется возможным свести ответ на эти вопросы к следующим основным тезисным положениям, вытекающим, на наш взгляд, из марксова понимания законов ссудного капитала.

1. Накопление ссудного капитала не идентично с накоплением производительного капитала прежде всего со стороны внешней формы того и другого процесса. Первое выражается в мобилизации образующихся в хозяйстве свободных денежных резервов, второе—в увеличении производственного аппарата и количества рабочей силы капиталистической системы [1]).

2. Накопление ссудного денежного капитала хотя и имеет свои закономерности, но отнюдь не самостоятельное, а подчиненное процессу материального воспроизводства явление. Выталкивание денег из производства обуславливается как регулярным ходом воспроизводства, так и его нарушением, а рост ссудного капитала за счет остальных видов дохода, в частности капитализации получаемого банками ссудного процента—прямой результат роста общественного производства.

3. Накопление ссудного денежного капитала—отвлекаясь пока от промышленных циклов и рассматривая среднюю линию капиталистического производства—в общем сопровождает накопление производительного капитала, но вместе с тем включает в себя такие моменты, которые удлиняют радиус его за пределы реального вещественного накопления. Во-первых, источником накопления ссудных капиталов становятся различные виды предназначенных к потреблению общественных доходов, которые периодически принимают денежную форму, но расходуются постепенно и в силу этого превращаются кредитным механизмом во временно свободный и ищущий приложения денежный капитал. Во-вторых, в число источников,

---

[1]) Критика смешения этих двух понятий у Р. Люксембург дана т. Бухариным. «Империализм и накопление капитала». Гл. II.

образующих фонд накопления ссудных капиталов, входят и денежные суммы, притекающие к предпринимателям, как возмещение сношенных частей основного капитала. Эти суммы также принимают временно форму капитала, приносящего проценты. Но ни те, ни другие суммы нисколько не выражают действительного «сбережения» капитализируемой прибавочной стоимости, за счет которой происходит материальный рост национального богатства. В годовом натуральном продукте первым соответствует масса предметов индивидуального потребления, а вторым—масса предназначенных для возмещения и обновления частей основного капитала вещественных элементов.

4. Нет строгого параллелизма между изменением об'ема ссудного капитала и изменением об'ема реального накопления в движении промышленного цикла. В период депрессии избыток ссудного капитала обусловлен сокращением масштаба воспроизводства, а к концу под'ема недостаток ссудного капитала отражает перепроизводство вещественных элементов накопления. Только в период разворачивания под'ема, когда хозяйственный процесс уже вышел из состояния депрессии, но еще не достиг критического переломного пункта, превышение предложения денежного капитала по сравнению со спросом на него действительно совпадает с превышением спроса на товарном рынке по сравнению с соответствующим предложением, то-есть избыток ссудного капитала идет рука об руку с интенсивным расширением об'ема общественного воспроизводства.

Обратимся теперь к другим моментам, усложняющим наряду с деньгами кругообращение общественного капитала.

Второй конкретизирующий фактор процесса реализации — товарно-торговый капитал. Выше мы предполагали, что покупки и продажи, охватывающие обращение общественного продукта, совершаются непосредственно промышленными капиталистами. В действительности же сбыт произведенных товаров составляет специальную функцию торговца. Историческое развитие разделения общественного труда обособляет торговый капитал, как особую, самостоятельно организующуюся форму общественного капитала, обслуживающего определенную фазу процесса воспроизводства путем концентрации и распределения в народном хозяйстве вещественных элементов менового оборота. Отвлекаясь от посреднической роли торгового капитала, мы представляли процесс реализации, как совокупность взаимных актов обмена крупных масс товарного продукта в пределах одного хозяйственного года. Это, с одной стороны, давало возможность отчетливо выявить простейшие основные зависимости воспроизводства общественного капитала, но с другой—создавало иллюзию необходимости единовременного образования огромного платежеспособного спроса, чтобы поглотить сразу и целиком всю сумму произведенных и выброшенных на рынок средств производства и средств потребления.

Реально процесс реализации товаров не имеет разового характера однократных меновых сделок между промышленными капиталистами и рабочим классом и внутри круга самих промышленных

капиталистов. Он протекает с известной постепенностью и делимостью составляющих его актов. Класс торговцев товарами, выступая на рынок, постоянно авансирует определенные денежные суммы, с помощью которых превращает товарную форму промышленного капитала в денежную и затем то более, то менее значительными порциями продает товары конечным покупателям—все-равно будут ли это представители личного или производственного потребления. Розничная торговля обычно обслуживает сбыт предметов потребления, оптовая—средств производства. Известная масса товаров должна постоянно находиться на рынке и составлять запас для того, чтобы различные отрасли промышленности могли в любое время найти необходимые элементы производства, и различные слои потребителей—средства существования, которые они оплачивают своими регулярными доходами, составляющими в среднем некоторую определенную и усваиваемую опытом величину. Оборот торгового капитала охватывает обычно реализацию продуктов, производимых в ряде связанных между собою или дополняющих друг друга отраслей промышленности. Организуя сферу обращения, товарно-торговый капитал развивает сложную систему операций по сбыту товаров, обрастая сетью кредитных отношений, на основе которых шире и интенсивнее происходит продвижение товаров к периферическим точкам процесса воспроизводства, охватывающего как непосредственное производство, так и индивидуальное потребление [1]). Тем самым он, во-первых, сокращает время метаморфоза промышленного капитала и соответственно этому ускоряет темп накопления, и во-вторых, делает менее жесткой структуру требуемых для реализации количественных соотношений, так как благодаря ему товарные капиталы не должны прямо обмениваться на товарные капиталы, и воспроизводство отдельных частей промышленного капитала может вновь возобновиться, хотя в действительности продукты предшествующих циклов еще не вышли окончательно из сферы обращения. На этой почве складывается некоторая относительная самостоятельность совершающихся на рынке меновых процессов, самостоятельность, ограничиваемая в конечном счете состоянием процесса воспроизводства общественного капитала—с одной стороны, и условиями потребления различных социальных групп капиталистического хозяйства—

---

[1]) Наибольшего развития продажа торговцами в кредит конечным покупателям достигла в С. Ш. Сев. Америки. Вот что пишет об этом Ю. Гирш в своем интересном описании структуры современного американского хозяйства: «В рождественское время частным лицам иногда предоставляется кредит на 2—2½ месяца. Об'единенная организация, имеющая разветвление по всей стране, по первому требованию в кратчайший срок устанавливает кредитоспособность данного лица и применяет усовершенствованные и утонченные способы для выделения некредитоспособности. Оказание подобного кредита составляет общее правило не только для универсальных магнатов, но и для всех магазинов вообще... Естественно, что такие условия являются могущественным стимулом для расходования бо́льших сумм, чем сами покупатели первоначально предполагали истратить» («Успехи организации американского хозяйства». «Время», 1926, стр. 142).

с другой [1]). Торговый капитал создает текучесть, эластичность, дробимость реализации продуктов, не подрывая основных зависимостей капиталистического процесса воспроизводства, но лишь функционируя в очерченных ими пределах.

Новое усложнение законов процесса реализации товаров вносит эмпирический факт распадения производительной части общественного капитала на капитал основной и оборотный. Как известно, Маркс первый дал отчетливую характеристику рассматриваемых экономических категорий, раскрыв до конца всю ту тяжелую путаницу понятий, которая отслоилась в области разработки этой проблемы в ходе предшествовавшего ему развития теоретической мысли. Категории основного и текучего капитала строятся на различии в способе оборота составных частей затрачиваемой на покупку средств производства капитальной стоимости. Это различие, в свою очередь, вытекает из различия в способе перенесения стоимости отдельных элементов средств производства в процессе труда на изготовляемый продукт. Наконец, это последнее различие определяется различием в способе функционирования тех натуральных форм, из которых складывается постоянный капитал, и в силу которого одни средства производства (хлопок, уголь и т. д.) потребляются целиком в каждом цикле, а другие (машины, постройки и т. д.) лишь в ряде последовательно совершающихся производственных циклов. Иными словами, так как средства труда (в противоположность материалу труда) закрепляются в процессе производства на известный срок, обусловливаемый степенью средней продолжительности их существования, то они лишь по частям передают создаваемому продукту кристаллизованную в них стоимость и лишь периодически—через определенные промежутки времени—требуют своего восстановления in natura [2]). Рассматривая движение общественного продукта в плоскости расчленения совокупного народного хозяйства на сферу производства средств производства и сферу производства средств потребления, мы оставляли в стороне формы основного и оборотного капитала, и сосредотачивали все внимание на реализации постоянного и переменного капитала, с одной стороны, прибавочной стоимости—с другой. Чтобы понять те модификации, которые происходят в условиях обращения товаров под непосредственным влиянием этих форм, необходимо мысленно произвести несколько иную группировку отраслей народного хозяйства, чем это сделал Маркс в своих схемах.

Разграничительная линия должна проходить не между I и II под'отделениями, а между группой отраслей, производящих элементы

---

[1]) Ср. «Капитал», т. III$_1$, стр. 288.

[2]) Обычная продолжительность существования машины исчисляется в среднем в десять лет. В сельском хозяйстве срок службы мертвого инвентаря и построек характеризуется следующими данными: косуля—70 л., соха—6,7, борона—11,2, серп—7,4, коса—6,1, телега—10,6, амбар—50,4, сенной сарай—46,0, овин—43, гуменник—44 года. (Н. П. Никитин. «Основы экономии сельского хозяйства». ГИЗ. 1925 г., с. 71—75).

основного капитала (машины, постройки, различное оборудование), и группой отраслей, производящих элементы оборотного постоянного капитала и предметы индивидуального потребления рабочих и капиталистов. Хотя продукты той и другой группы одновременно обращаются на рынке, но условия образования спроса на них глубоко различны, и различие это вытекает из специфичности оборота и восстановления основного капитала. В то время, как элементы оборотного капитала и предметы жизненного существования должны восстанавливаться непрерывно, так как в процессе производства они потребляются сразу и целиком, элементы основного капитала должны быть восстановлены только по истечении нескольких хозяйственных лет. Если в данном году фабрикант хлопчатобумажных изделий купил партию машин, то в следующем году он спроса на новые машины, долженствующие заместить купленные, не пред'явит, хотя фабрикант машин и произвел их вновь. Но отсюда вытекает следующий чрезвычайно важный вывод. Для того, чтобы часть общественного капитала, функционирующая в отраслях, снабжающих народное хозяйство элементами основного капитала, совершала кругооборот простого воспроизводства, т.-е. могла реализовать на внутреннем рынке товаров хотя бы на одну и ту же сумму стоимости, часть общественного капитала, функционирующая во всех остальных отраслях должна постоянно находиться в состоянии расширенного воспроизводства и тем самым систематически создавать добавочный спрос на производимый основной капитал [1]). Возможность простого воспроизводства в одной сфере капиталистического хозяйства обуславливается накоплением капитала в другой. Эта своеобразная форма зависимости в процессе воспроизводства общественного капитала, неуловимая при суммарном рассмотрении средств производства в их противопоставлении средствам потребления, несколько изменяет свой прямой и непосредственный характер в силу того, что функционирующий в хозяйстве основной капитал не только периодически восстанавливается через определенные промежутки времени, но и частично возмещается и обновляется в течение своего жизненного кругооборота. Тем самым в известных пределах образуется устойчивый платежеспособный спрос, который, независимо от расширения размеров производства и регулярного возмещения in natura окончательно отслуживших масс основного капитала, снимает с рынка часть обращающихся орудий и средств труда. Здесь нам открываются новые точки зрения на те трудности, которые существуют для процесса реализации, и которые стоят в связи не с обращением прибавочной стоимости, а с обращением определенной части общественного постоянного капитала [2]). Если бы капиталистическое хозяйство

---

[1]) Ср. К. Маркс. «Теории» и т. д. II$_2$, стр. 156—157.

[2]) В интересной статье «К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме» С. Бессонов пишет: «Основной капитал машиностроительной промышленности складывался отнюдь не из расчета на естественное только снашивание машин, а, наоборот, на непрерывное расширение поля применения машин, на постоянный рост сбыта... машиностроительные пред-

в его целом было организовано, то эти специфические условия оборота основного капитала наперед учитывались бы, и при непрерывности производства его составных материальных ингредиентов он выбрасывался бы на рынок то более, то менее крупными количествами в зависимости от изменения потребности народного хозяйства в основном капитале. Но при общей анархии капиталистического процесса своеобразие реализации продуктов, представляющих основной капитал, создает один из дополнительных моментов нарушения совокупного хозяйственного равновесия.

Таким образом, наличие кредитно-денежного механизма и торгового аппарата, с одной стороны, распадение производственной формы промышленного капитала на основную и оборотную части— с другой, значительно изменяют непосредственность формулируемого схемами внутреннего хода процесса реализации товаров, но вся сумма этих изменений может быть понятна лишь на основе общих законов кругооборота капиталистического продукта в народном хозяйстве.

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу проблемы накопления, необходимо сделать еще одно существенное замечание. Нет никакого сомнения, что теория рынка может быть построена лишь на основе марксовых схем воспроизводства общественного капитала. Но при недостаточно отчетливом понимании значения этих схем создается в высокой степени неправильное представление о связи между рынком и производством в капиталистическом хозяйстве. Огромное научное значение схем об'ясняется тем, что в них с исключительной ясностью и простотой формулируется строгая законосообразность процесса реализации товаров. Но идея, что капиталистическое производство само создает рынок сбыта своих продуктов не только не раскрывается в схемах, но, наоборот, как бы замаскировывается ими, поскольку схема воспроизводства капитала, не отражает— да и не может, конечно, отразить—того специфического механизма взаимодействия между отдельными отраслями промышленности, в силу которого расширение и сокращение производства в одной отрасли является функцией состояния производства в другой. Если упустить из виду, что схема представляет не живое отражение хозяйственного процесса в его динамике, а предельно упрощенную мыслительную конструкцию, охватывающую крупными масштабами вещественные и стоимостные связи совокупного продукта этого процесса, то получится своеобразное искривление реальных отношений воспроизводства общественного капитала.

В самом деле. Согласно схеме картина представляется так, что сначала во всех отраслях хозяйства совершается производство, а затем между всеми ними происходит всесторонний товарный обмен,

---

приятия не останавливаются перед насильственным навязыванием предприятиям новых орудий труда, используя для этого свои разносторонние связи с банковским капиталом» («Плановое Хозяйство», 1926 г., 11, стр. 129).

который должен обеспечить продолжение процесса воспроизводства. Взятая в таком аспекте, проблема рынка выступает исключительно, как проблема общей товарной кладовой, куда каждая отрасль передает свои товары и откуда она на соответствующую сумму получает товары для дальнейшего производства. В действительности же внутренняя зависимость между отдельными отраслями капиталистической промышленности не исчерпывается тем, что каждая отрасль должна найти на рынке отвечающие ее потребностям товарные элементы. Теория реализации об'ясняет, как размещается сумма годового товарного продукта. Но если рассматривать проблему рынка только как проблему перераспределения созданного товарного продукта, то тем самым упускается из виду, что в процессе производства этого продукта отдельные отрасли оказывали определяющее влияние друг на друга, обуславливая расширение или сокращение об'ема производства. Поскольку в какой-либо отрасли промышленности происходит накопление капитала, развивается интенсивное экономическое давление на другие отрасли,—давление, осуществляемое через механизм цен и усиленно стимулирующее накопление капитала в этих отраслях.

Ведь было бы глубоко ошибочно считать, что в процессе создания общественного продукта отдельные отрасли не воздействуют взаимно друг на друга, что воспроизводство капитала в каждой из них совершается обособленно и независимо от движения воспроизводства в других отраслях на основе тех запасов, которые взяты ими из общей товарной кладовой к началу цикла, и что процесс взаимодействия между ними возникает лишь тогда, когда все соответствующие части общественного продукта уже созданы и необходимо путем реализации совершить его закономерное перераспределение. При такой своеобразной аберрации, навязанной недостаточным пониманием значения марксовых схем, совершенно выпадает из поля зрения решающий момент взаимной принудительности накопления в связанных цепной зависимостью производственных отраслях, и встает во весь рост вопрос, где та экономическая сила, которая вызывает необходимость постоянного накопления капитала путем систематического включения известной части прибавочного продукта в следующие друг за другом циклы воспроизводства?

Вспомним, как ставила этот вопрос Р. Люксембург. Изложив марксовы схемы воспроизводства капитала в расширенных масштабах, она пишет:

«Приведенные условия накопления капитала являются только условиями, без которых накопление не может иметь места. Допустим, что у капиталистов I и II имеется желание накоплять. Но воли к накоплению и наличия его технических предпосылок недостаточно в товарно-капиталистическом хозяйстве. Для того, чтобы накопление действительно совершалось, т.-е. чтобы производство расширялось, необходимо еще и другое условие: расширение платежеспособного спроса на товары. Но откуда исходит этот постоянно возрастающий

спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства в марксовой схеме»? [1])

Здесь безусловно представлен весь субстрат люксембургианского учения о накоплении капитала. Имеются об'ективные технические предпосылки к накоплению—с одной стороны, и суб'ективное стремление к накоплению—с другой. Но необходим еще третий фактор—внекапиталистический спрос, который дал бы живительный толчек движению капиталистического процесса. Расширение рынка извне рассматривается, как необходимый предварительный момент активизации уже созданных в капиталистическом хозяйстве добавочных производительных сил. Наряду с условием сохранения определенных стоимостных пропорций в развитии обоих подразделений общественного хозяйства выдвигается еще второе самостоятельное условие процесса накопления — наличие достаточного платежеспособного спроса. А тот факт, что сохранение определенных стоимостных пропорций уже включает в себе наличие платежеспособного внутреннего спроса на продукты капиталистической промышленности, точно так же, как нарушение этих пропорций, находит свое непосредственное выражение в отсутствии достаточного спроса и образовании избыточного продукта,—этот факт совершенно забывается. И забывается он несомненно потому, что Р. Люксембург не сумела уловить действия тех приводных ремней, которые связывают материальный процесс накопления капитала с социальной механикой спроса и предложения. Накопление капитала в одной отрасли, влияя через посредство механизма цен на накопление капитала в другой, приводит к тому, что размер производимого в каждой отрасли продукта является функцией состояния других отраслей не только в том, раскрываемом схемою смысле, что крайние границы его даны наличием соответствующих товаров, но и в том, что постоянная тенденция к достижению этих границ обусловлена не добавочным внекапиталистическим спросом, а взаимным внутренним давлением промышленных отраслей, открывающих друг другу рынок для сбыта производимых товаров.

Подведем некоторые итоги. Противопоставим с этой целью защищаемую нами точку зрения, которую мы считаем целиком совпадающей с точки зрения Маркса, взглядам двух других направлений политической экономии в разработке проблемы накопления—сисмондистскому и классическому. Эти два направления как раз представляют те крайние теоретические полюсы, между которыми движется экономическая мысль на протяжении всего столетия, и к которым с большей или меньшей силой тяготеют и в настоящее время все несогласные с марксовым решением проблемы взгляды (Туган-Барановский—к классикам, Роза Люксембург—к Сисмонди).

1. И классики и Сисмонди одинаково стоят на той точке зрения, что стоимость каждого отдельного товара и, следовательно, стоимость всего совокупного товарного продукта распадаются на

[1]) Р. Люксембург. «Накопление капитала». Т. I, стр. 119.

доходы—и только на доходы. Здесь Маркс резко расходится с классиками и Сисмонди, поскольку он, с одной стороны, отчетливо формулирует двойственный характер вещественного состава общественного продукта, а с другой—дает точный научный анализ его стоимостного состава, заключающего в себе не только элементы дохода, но и элементы капитала.

2. И классики и Сисмонди считают, что общие размеры капиталистического рынка определяются величиной потребительского спроса, а эта последняя—размером национального дохода. Равновесие между спросом и предложением обуславливается равенством между суммой дохода и суммой производства. Маркс и в данном пункте решительно отходит от обеих школ. Он отодвигает границы капиталистического рынка на величину стоимости всех средств производства, постоянно движущихся рядом со средствами потребления в сфере товарного обращения, и вдвигает рынок средств потребления в структуру целостного национального рынка. Емкость капиталистического рынка не исчерпывается суммой общественного дохода, ибо одновременно с потребительским спросом, создаваемым элементами национального дохода, существует устойчивый и прогрессивно растущий спрос, создаваемый элементами национального капитала. Размер товарного предложения в целом капиталистического хозяйства никогда не совпадает и не должен совпадать с суммой потребительского спроса.

3. В учении классиков накопление капитала трактуется, как одностороннее превращение капитализируемой части прибавочной стоимости в заработную плату рабочего класса. Отсюда они делают два основных вывода: 1) накопление капитала есть простое замещение одной формы личного потребления (потребления капиталистов) другой формой (потребление рабочих); 2) капиталистическое производство в силу этого само создает рынок для сбыта своих товаров. Отчетливо сознавая, что процесс накопления капитала имеет своей предпосылкой замену непроизводительного потребления производительным, они, постоянно игнорируя прогрессивно возрастающие затраты на средства производства, ставили совершенно ошибочно знак равенства между производительным потреблением вообще и одной из его форм—индивидуальным потреблением занятых в производстве рабочих. В учении Сисмонди накопление капитала не выступает как необходимое превращение всей капитализируемой прибавочной стоимости в переменный капитал. Правда, он целиком принимает смитовский догмат о составных частях цены товара, но необычайно острое восприятие антагонистичности капиталистического хозяйства не позволяет ему стать на ту, естественно вытекающую из этого догмата точку зрения, что накопление капитала всегда сопровождается соответствующим возрастанием дохода трудящихся масс [1]). Полу-

[1]) Противореча самому себе, он иногда сбивается на эту точку зрения. Так, в одном месте он пишет: «Если богатый .. сберегает часть своих доходов, чтобы присоединить ее к капиталу, он сам получает меньшую часть годового продукта и оставляет большую для обмена на труд. Этим он увеличивает

чается определенная логическая неувязка, которую Сисмонди даже не замечает, когда, в противоположность классикам, выдвигает следующие два положения: 1) накопление капитала может сопровождаться и действительно сопровождается сокращением общественного потребления; 2) капиталистическое производство в процессе своего развития суживает внутренний рынок, так как оно уменьшает общественное потребление, размеры которого ограничивают емкость этого рынка.

Какую же позицию занимает в данном вопросе Маркс? Маркс отходит здесь от классиков в том отношении, что он не рассматривает накопления капитала, как одностороннего превращения всей капитализируемой прибавочной стоимости в доход рабочего класса. Но он сходится с классиками в признании того, что накопление капитала действительно раздвигает границы внутреннего рынка, понимая только этот процесс несравненно глубже и отчетливее. Выше мы видели, как излагали это положение классики: они или представляли реализацию общественного продукта в типических формах простого товарного обращения, или же выдвигали теорию прогрессирующего с ростом накопления капитала расширения личного потребления трудящихся. В первом случае они упускали из виду, что капиталистический процесс реализации предполагает движение в сфере обращения непросто товаров, а товарных капиталов; во втором случае,—что накопление вовсе не должно необходимо сопровождаться увеличением общественного потребления, а тем более увеличением, как раз совпадающим с суммой капитализируемой прибыли. Маркс исправляет обе эти ошибки классиков и строит теорию рынка на прочном научном фундаменте своей теории воспроизводства. Что же касается точек соприкосновения и расхождения с Сисмонди, то Маркс сходится с ним в том отношении, что вполне признает возможность сокращения народного потребления при одновременном росте народного богатства. Но он отходит от Сисмонди, поскольку последний видит в этом сокращении личного потребления непреодолимое органическое препятствие для развития капитализма— концепция, вытекающая из того взгляда, что реализация общественного продукта происходит исключительно за счет личного потребления, и упускающая из виду то обстоятельство, что рынок растет и за счет увеличения спроса на средства производства.

Итак, резюмируем: накопление совокупного капитала выступает как систематически движущийся в острых противоречивых формах (конкурентное вытеснение, обесценение созданных стоимостей, периодические кризисы и т. п.) общественный процесс, расширяющий путем закономерного роста спроса на различные товарообразующие элементы внутренний рынок для сбыта

доход бедных настолько, сколько он отнял от своих доходов». («Нов. начала» стр. 55—56). Но все же несомненно, что такое понимание процесса накопления не является характерным для его учения.

капиталистического продукта вообще и его прибавочной доли в частности. При этом для большей теоретической ясности необходимо различать понятие размера внутреннего рынка от понятия его емкости. Размер рынка есть сумма общественного спроса пред'являемого в пределах народного хозяйства в определенный промежуток времени. Наоборот, емкость рынка есть интенсивность поглощения внутренним рынком отдельных частей совокупного товарного продукта. Размер рынка определяется величиной общественного дохода, суммированной с величиной сношенной части общественного капитала. Емкость рынка определяется степенью пропорциональности в размещении производительных сил народного хозяйства [1]).

Mutatis mutandis: размер рынка тем больше, чем больше размер общественного производства, ибо с ростом и развитием общественного производства происходит прогрессивное расширение внутреннего спроса как на средства производства, так и на средства потребления; емкость рынка тем больше, чем пропорциональнее состояние этого производства, ибо осуществление определенных норм пропорциональности находит свое непосредственное выражение в наличии достаточного платежеспособного спроса на все составные части капиталистического продукта.

---

[1]) Мы оставляем здесь в стороне то обстоятельство, что различные части товарной массы имеют то более широкий, то более ограниченный рынок сбыта в зависимости от степени их распространенности, легкости перевозки, прочности, сохраняемости и т. п., так как перед нами стоит чисто теоретическая задача—установить основные законы реализации товаров в капиталистическом хозяйстве.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАКОПЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

Разобрав общий вопрос об условиях реализации товарного продукта при расширенном воспроизводстве, мы переходим к более детальному выяснению вопроса о роли потребления в процессе кругооборота общественного капитала. При этом в основу анализа мы положим критику известной концепции Туган-Барановского о полной независимости капиталистического производства от состояния личного потребления [1]).

Для того, что удовлетворительно разрешить трудную проблему соотношения между рынком средств производства и рынком средств потребления в целом капиталистического хозяйства, необходимо дать исчерпывающий анализ движения общественного капитала при различных технических условиях производственного процесса. Теоретически мыслимы т р и метода расширенного воспроизводства: 1) расширение производства при сохранении неизменной пропорции в ценностном составе общественного капитала, когда каждая сотня капитализируемой прибавочной стоимости распадается в одинаковой пропорции на постоянный и переменный капитал; 2) расширение производства при неизменной величине переменного капитала и превращении всей капитализируемой прибавочной стоимости исключительно в вещественные ингредиенты постоянного капитала; 3) расширение производства при сокращении размеров переменного капитала за счет соответствующего увеличения размеров постоянного капитала.

---

[1]) Прошло уже свыше тридцати лет с того момента, как Туган выдвинул свою теорию. Но как это не покажется странным, до сих пор не дано было отчетливой и исчерпывающей критики его учения. Тугана критиковали и народники (Воронцов), и марксисты (Финн-Енотаевский, Богданов, Маслов, Р. Люксембург, Каутский) и экономисты других направлений (Шпитгоф, Исаев, Первушин, Бернштейн, Курской и др.). И все-таки, внимательно просматривая эту обширную критику, приходится признать, что Т.-Б. был вполне прав, когда почти через двадцать лет со времени выхода первого издания своей работы в предисловии к третьему изданию писал, что вся эта критическая литература ни в малейшей мере не убедила его в ошибочности его теории. И это действительно так: если теория Т.-Б. неверна, то этого во всяком случае не сумели доказать критики. Только сравнительно недавно тов. Бухарин в своей работе «Империализм и накопление капитала» чрезвычайно удачно вскрыл основную ошибку Т.-Б. Развиваемая нами критика очень близко соприкасается с точкой зрения тов. Бухарина.

В первом случае хозяйственный процесс движется в неизменных условиях общественной техники; во втором—технические условия производства создают об'ективную возможность накопления капитала без включения в процесс производства добавочных рабочих; наконец, в третьем—техника прогрессирует столь быстро, что масса уже занятых рабочих уменьшается, так как рабочий вытесняется машиной. Это значит, что в первом случае совокупный доход рабочего класса абсолютно возрастает, а относительно составляет неизменную долю в величине всего общественного капитала; во втором—он абсолютно не уменьшается, а относительно падает по сравнению с величиной всего общественного капитала; наконец, в третьем—доход рабочего класса сокращается не только относительно, как доля в общественном капитале, но и абсолютно, как сумма выплаченных заработных плат. Капиталистический процесс одновременно сочетает в своем развитии все эти три метода, и как общая результативная тенденция отчетливо выступает систематическое возрастание постоянного капитала в отношении к переменному.

Как же отражается на состоянии общественного потребления каждый из этих трех методов воспроизводства в расширенном масштабе?

После всего сказанного выше о реализации прибавочной стоимости первый случай не вызывает никаких особых затруднений. При неизменности общественной техники накопление прибавочного продукта предполагает сохранение постоянных норм распределения его между фондом производственного и фондом личного рабочего потребления. Процесс воспроизводства капитала непрерывно вовлекает в свой кругооборот добавочные массы рабочих, пред'являющих добавочный спрос на рынке предметов потребления.

Здесь необходимо отметить два существенных момента:

Во-первых. Рынок средств производства и рынок средств потребления по своим ценностным размерам расширяются совершенно равномерно. Добавочный общественный спрос, вызванный процессом накопления, постоянно размещается в одной и в той же пропорции между обоими капиталистическими рынками. Общий размер капиталистического рынка прогрессивно увеличивается, и при этом каждый из рынков по своему ценностному об'ему составляет неизменную долю в величине всего национального рынка. Общественный доход растет параллельно росту общественного богатства.

Анализируя этот случай накопления, Туган-Барановский удовлетворяется лишь тем, что показывает, как оплачивается капитализируемая часть прибавочной стоимости. Но дальше этого он не идет. Выраженные в ценностных единицах схемы накопления общественного капитала скрадывают от него другую сторону происходящего процесса. Как в этом, так и во всех остальных случаях, он рассматривает капиталистический рынок лишь под углом зрения его ценностной структуры. Но он никогда не пытается анализировать те существенные изменения, которые вызывают различные формы накопления капитала в вещественной структуре национального

рынка. Мы убедимся в дальнейшем, что именно это последовательное игнорирование вещественного строения капиталистического рынка приводит Тугана к ложным теоретическим выводам.

Только что мы видели, как отражается рассматриваемый случай накопления на ценностных соотношениях между обоими рынками. Но какова будет вещественная структура обоих рынков в этом случае?

Нетрудно понять—и это во-вторых—что, поскольку техника производства не изменяется и, следовательно, производительность общественного труда не повышается, количество продуктов на обоих капиталистических рынках будет возрастать прямо пропорционально стоимости этих продуктов. Стоимость единицы продукта—как средства производства, так и средства потребления—остается в каждом следующем хозяйственном цикле величиной постоянной. Мы имеем в данном случае такое состояние всей системы капиталистического хозяйства, когда, несмотря на непрерывное расширение общественного производства, уровень общественного потребления не повышается. Растут размеры народного потребления, ибо доход рабочего класса расширяется вместе с расширением производства. Но, хотя общественный доход неизменно возрастает, общественное потребление также неизменно остается на одном и том же уровне, ибо покупательная сила общественного дохода не увеличивается.

Суммируем теперь оба наши вывода.

При стационарном характере общественной техники накопление капитала вызывает параллельное расширение ценностных размеров обоих капиталистических рынков и пропорциональное этому ценностному расширению увеличение массы составляющих их продуктов.

Обратимся ко второму случаю воспроизводства капитала. Туган не исследует особо этого случая, но некоторые места из его работ дают нам возможность выяснить, каким образом он представлял себе этот случай.

«В приведенной схеме накопления капитала—пишет он вслед за изложением марксовых схем—спрос на рабочие руки предполагается растущим параллельно росту общественного производства. На самом деле, по мере прогресса техники, рабочий все более и более замещается в процессе производства средствами производства—машиной. В данной затрате капитала, затрата на заработную плату составляет все меньшую часть, а затрата на средства производства все большую. Рабочий отступает на задний план сравнительно с машиной, и соответственно этому отступает на задний план и рынок, создаваемый потреблением рабочего, сравнительно с рынком, создаваемым производительным потреблением средств производства. Рынок от этого нисколько не сокращается, и только характер общественного спроса изменяется—спрос на предметы потребления заменяется спросом на средства производства. Сумма общественного производства при этом растет, а сумма общественного дохода относительно

(а при известной быстроте процесса замещения рабочего машиной и абсолютно) падает» [1]).

Как видно из приведенной цитаты, Туган имеет здесь в виду тот случай накопления, когда постоянный капитал растет за счет капитализации прибавочной стоимости, а переменный капитал остается по своим абсолютным размерам неизменным, а относительно падает.

Что же правильного и что неправильного в его выводах?

Внутренний смысл происходящих явлений заключается в том, что технические условия процесса труда создают об'ективную возможность расширения производства без привлечения новых рабочих. Этот случай соответствует такому ходу вещей, когда накопление капитала происходит только в первом разделе (I) общественного производства. В самом деле. При прежних условиях техники определенная часть капитализируемой прибавочной стоимости этого под'отделения общественного хозяйства здесь же оставалась в качестве дополнительного постоянного капитала, а другая часть уходила в качестве дополнительного переменного капитала во второе под'отделение взамен на предметы потребления для новых рабочих, втянутых к началу цикла в сферу производства средств производства. Одна часть капитализируемой в отделе I прибавочной стоимости реализовалась путем обмена капитала на капитал между самими капиталистами этого отдела, а другая—путем обмена капитала на доход между первым и вторым отделами.

Иначе складываются отношения во втором случае. Теперь технические условия производства в отделе первом не требуют выделения из капитализируемой прибавочной стоимости дополнительного переменного капитала, и, следовательно, ни одна частичка ее не служит более фондом дохода рабочего класса. Поскольку с тем же количеством занятых здесь рабочих можно привести в движение бóльшую массу средств и орудий производства, деньги, которые капиталисты I сферы бросают в обращение для реализации капитализируемого прибавочного продукта, выступают целиком, как денежная форма капитала и ни одним рублем,—как денежная форма дохода. Или—с точки зрения рынка—производительный спрос со стороны капиталистов заместил тот потребительский спрос, который могли бы пред'явить добавочные рабочие, если бы предназначавшийся для них в прежних технических условиях переменный капитал не функционировал бы теперь, как постоянный.

Как же отразится все это на состоянии капиталистического рынка?

Туган,—как мы только что видели,—дает вполне определенный ответ: «Рынок от этого нисколько не сокращается, и только характер общественного спроса изменяется,—спрос на предметы потребления замещается спросом на средства производства».

---

[1]) М. Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы». 3-е издание, 1914 г. стр. 221.

Правилен ли этот вывод? Совершенно правилен.

Размер рынка действительно нисколько не сократится от такого изменения общественного спроса. Больше того: рынок даже не ощутит этой перемены, ибо та денежная сумма, которая могла бы служить добавочным переменным капиталом для закупки предметов потребления, выступает теперь, как добавочный постоянный капитал для закупки средств производства.

Далее. Правилен ли второй вывод Тугана, что «сумма общественного производства и, следовательно, общественного богатства при этом растет, а сумма общественного дохода относительно падает»?—Опять таки-совершенно правилен.

Поскольку процесс расширенного воспроизводства не вызывает теперь параллельного расширения спроса на рабочие руки, национальное богатство (в средствах производства, материалах и т. д.) возросло на всю сумму включенной в хозяйственный цикл прибавочной стоимости, а общий доход рабочего класса остался по своим абсолютным размерам тем же и, следовательно, доля его в совокупном национальном капитале (C+V) упала. И безусловно прав, наконец, Туган, когда он пишет, что в капиталистическом хозяйстве «становится возможным увеличение общественного богатства при одновременном падении общественного дохода».

Но крупнейшая ошибка Тугана заключается в том, что он обрывает анализ движения общественного капитала на самом существенном пункте, и не исследует тех специфических условий реализации национального продукта, которые складываются в результате такого хода накопления к началу следующего непосредственно за данным цикла общественного воспроизводства. Он никогда не пытается выяснить, какое изменение этот своеобразный ход процесса накопления окажет не только на соотношение размеров спроса внутри капиталистического рынка, но и на вещественный состав этого рынка. И здесь именно основной корень его ошибки.

В самом деле. Разве этот случай накопления капитала характеризуется т о л ь к о тем, что национальный доход упал по сравнению с величиной совокупного национального капитала, и в силу этого произошло относительное сокращение размеров общественного спроса на продукты потребления? Конечно, нет! Здесь есть некоторая другая сторона дела, которую нельзя ни в коем случае игнорировать.

Мы только что видели, что рынок в целом совершенно не ощутил той перемены, что вместо обычного потребительского спроса со стороны новых рабочих выступил добавочный производственный спрос со стороны самих капиталистов. Сумма спроса на предметы рабочего потребления осталась прежней, сумма спроса на средства производства возросла, границы всего капиталистического рынка в целом расширились—и все-таки равновесие между совокупным товарным спросом и совокупным товарным предложением не нарушится, если только соблюдены известные нормы пропорциональности при распределении капитализируемой прибавочной стоимости.

Но вот производственный цикл закончился.

В первом отделе общественного хозяйства та же масса живого труда приводила в движение в течение всего цикла увеличенную на сумму капитализированной прибавочной стоимости массу мертвого труда. Поскольку мы предполагаем, что длина рабочего дня не изменилась, необходимым об'ективным условием такого нового соотношения между живым и мертвым трудом является повышение производительности живого труда, происходящее на основе и в связи с изменением технических условий производственного процесса. Вещественные элементы капитализированной в начале цикла прибавочной стоимости и вещественные элементы возмещаемого самими капиталистами этой сферы постоянного капитала, являясь в совокупности точкой приложения живого труда, отличались повышенной производственной дееспособностью по сравнению с теми натуральными элементами постоянного капитала и прибавочной стоимости, которые служили технической базой в предыдущих циклах воспроизводства.

Но это означает, что в условиях возросшей технической эффективности производственного аппарата, та же масса рабочих произвела бóльшее количество продуктов труда—больше машин, угля, железа, стали, нефти и т. п. Если бы это было не так, то нам пришлось бы наново переписать всю азбуку политической экономии и совершенно изменить наше представление о том, что такое производительность общественного труда.

Здесь мы подошли к решающему пункту. Если расчленить весь произведенный в сфере производства средств производства продукт на три составные функциональны части—$C + V + M$, то каждая из этих ценностных частей продукта воплощается теперь в бóльшем, чем в предшествующие циклы, количестве вещественных элементов. Что касается, в частности, воспроизведенного переменного капитала этой сферы (VI), то, оставшись неизменным по своим ценностным размерам, он представлен к концу цикла в возросшей массе натуральных продуктов. Сумма его ценности не изменилась, но его материальный субстрат увеличился. Но что это означает? Да только то—и этого как раз не понимает Туган—что при обмене этого «V» на часть «C» второй сферы капиталистического хозяйства капиталисты последней за ту же, что и прежде, ценностную долю «C» получают бóльшее количество вещественных ингредиентов, возмещающих израсходованную часть их постоянного капитала. В силу повышения производительности труда в сфере производства средств производства ценность единицы произведенного здесь продукта падает, и та же самая ценностная масса переменного капитала уходит во вторую сферу в виде бóльшего количества машин, бóльшего количества текстильных станков, бóльшего количества угля и т. д. и т. п. То же относится и к той части «M» первой сферы, которая служит фондом потребления капиталистов этой сферы. Отрасли производства продуктов потребления получают за ту же сумму денег увеличенное количество материальных средств и орудий труда. Но естественным результатом этого будет то, что они—со своей стороны—станут выбрасывать на рынок бóльшее

количество разнообразных предметов индивидуального потребления, при чем ценность единицы производимых здесь продуктов понизится соответственно повышению производительности труда в первой сфере. Новый цикл в сфере производства предметов потребления откроется движением процесса воспроизводства в расширенном масштабе, хотя под углом зрения величины стоимости—мы отвлекаемся от необходимости вовлечения в эту сферу добавочных рабочих—сумма функционирующих здесь капиталов будет как будто описывать фигуру простого воспроизводства, ибо расширение об'ема производства совершается в данном случае не за счет накопления прибавочной стоимости, а за счет использования потенцированной производительности труда, развиваемой в сфере производства средств производства.

Но это еще не все. Ведь для того, чтобы возросшая масса предметов личного потребления реализовалась беспрепятственно на внутреннем рынке, необходимо осуществление одного из двух условий. Или национальный уровень реальной заработной платы должен повыситься, и, следовательно, денежная заработная плата, получаемая рабочими обеих сфер капиталистического хозяйства не должна снизиться, дабы они на ту же сумму переменного капитала могли закупить бóльшее количество подешевевших предметов личного потребления. Или—если уровень реальной заработной платы останется прежним—избытка продуктов потребления на внутреннем рынке не окажется лишь при том условии, если расширится потребление капиталистов и примыкающих к ним в отношении распределения прибавочной стоимости социальных групп. При этом существенно важно, что дело идет не об увеличении ценностных размеров их потребления, а лишь о более интенсивном удовлетворении их потребностей, ибо теперь та же сумма дохода, которую они прежде затрачивали на свое личное потребление, обладает повышенной покупательной способностью. Мы видим, таким образом, что для реализации продуктов, созданных в условиях повысившейся технической дееспособности производственного аппарата, вполне определенное значение имеет спрос тех социальных групп, которые в той или иной форме участвуют в процессе распределения годовой прибавочной стоимости. Конечно, эти группы не образуют самостоятельных источников оплаты произведенного продукта и не в состоянии увеличить общих размеров капиталистического рынка. Но они способствуют повышению эластичности внутреннего рынка в силу того, что потреблением своим реализуют возрастающее количество продуктов, которые не могли бы войти в личное потребление капиталистов, так как расширению размеров последних в каждом данном продукте поставлены довольно тесные физические границы. Если при стационарной технике прирост потребления существующих за счет соучастия в прибавочной стоимости социальных слоев означает новый прямой вычет из суммы капиталистического дохода, то при прогрессирующей технике, когда производство товарных масс в увеличенных масштабах сопровождается понижением общего уровня

цен, рост этого потребления может происходить в пределах неизменных долей национального дохода, определяющих размер их рыночного спроса. Перераспределение новой годовой стоимости (v + m) в форме образования различных производных доходов, становится при возрастании степени производительности общественного труда, фактором облегчающим, в силу расширения круга потребителей, реализацию предметов личного потребления.

Разбирая в одном месте взгляды Рикардо, Маркс писал:

«Масса предметов, входящих в потребление, может быть увеличена, при чем часть этой массы, превращаемая в переменный капитал, может при этом не возрастать. Тогда потребляют больше в виде дохода капиталисты, землевладельцы, их свита, непроизводительные классы, государство, промежуточные классы (торговый персонал и др.) За рассуждениями как Рикардо, так и Бартона, скрывается одна основная мысль: они исходили первоначально из предположения, что всякое накопление означает увеличение переменного капитала. Но это ошибочно, так как с накоплением капитала наступает изменение в его органическом строении, и постоянный капитал растет быстрее чем переменный. Но это не мешает, конечно, тому, что доход постоянно растет по ценности и по количеству. Но та сумма, которая затрачивается на заработную плату, не представляет всегда одинаковой доли продукта. Классы и подклассы, которые не живут непосредственно трудом, растут, живут лучше, чем раньше; увеличивается также число непроизводительных рабочих» [1]).

Это замечание отчетливо показывает, как Маркс понимал тот случай накопления капитала, который мы анализируем.

Размер общественного дохода сокращается по сравнению с размером совокупного общественного капитала, так как в процессе накопления капитала его постоянная часть растет во много раз более быстрым темпом, чем переменная. Но это не мешает, конечно, тому, что доход «растет по количеству». Прогрессивное уменьшение национального дохода в его отношении к национальному капиталу

---

[1]) Маркс. «Теории прибавочной ценности» т. II 2, стр. 219—20. Курсив наш. Несколько ниже Маркс пишет: «Что он (Рикардо) забывает подчеркнуть, это—постоянное увеличение средних классов, которые стоят посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земледельцами, с другой стороны, и которые большей частью содержатся непосредственно доходом; они, словно тяжесть, лежат на трудящейся массе и увеличивают социальную устойчивость и силу выше стоящих десяти тысяч человек» (228). В своей известной брошюре «Американский и русский рабочий» Каутский высказывает аналогичную мысль: «Личное потребление представителей господствующих и эксплоатирующих классов обыкновенно очень незначительно и, по мере того как эксплоатация возрастает, становится относительно все меньше, Значительную часть избытка, который создают производительные классы, и который отнимают у них классы эксплоатирующие, последние всегда употребляли на содержание непроизводительных, но работаюших для эксплоатаров классов; на этих-то классах и основывалось в значительной степени общественное и политическое могущество эксплоататоров». (Из-во «Земля» С. П-рг. 1906 г., стр. 11).

имеет своей обратной стороной возрастание массы тех предметов товарного обращения, которые оплачиваются из фонда национального дохода, и, вместе с тем, соответствующее понижению их стоимости повышение покупательной силы единицы этого дохода.

Значит, в то время, как при параллельном росте общественного производства и общественного дохода (первый случай накопления) уровень общественного потребления не повышается, он повышается именно тогда, когда происходит относительное по сравнению с ростом общественного капитала падение общественного дохода.

Но Туган-Барановский обнаруживает поразительное непонимание всего этого процесса. Подводя итоги второму случаю накопления, он пишет:

«Как ни парадоксально звучат эти выводы (т.-е. выводы, что вполне возможно падение общественного дохода одновременно с увеличением общественного богатства. *А. Г.*), к ним естественно приводит анализ круговорота капитала в целом капиталистического хозяйства. И только потому, что экономисты никогда не пользуются методом рассмотрения целого капиталистического хозяйства, в науке мог утвердиться взгляд, что размеры рынка определяются размером общественного потребления» [1]).

Достаточно хоть несколько вдуматься в эти слова, чтобы заметить, как Туган обходит самую суть проблемы.

В самом деле. Разве можно спорить против того, что размер капиталистического рынка не определяется размером общественного потребления? Конечно, нет. Это положение Тугана безусловно правильно. Размер капиталистического рынка всегда во много раз больше размера потребительского спроса, ибо реализация общественного продукта в крупной и постоянно возрастающей части происходит за счет производственного спроса. И совершенно нелепо утверждать—как это делает Туган—что Маркс стоит на противоположной точке зрения и сходится с Сисмонди в том, что размеры рынка определяются размерами национального дохода [2]). Маркс первый показал всю ошибочность сисмондистского понимания процесса реализации, и когда Туган говорит, что в науке еще до сих пор удерживается неправильный взгляд на вещи, то это необходимо понимать с большим ограничением, ибо здесь под наукой может разуметься лишь буржуазная политическая экономия, которая в лице Касселя, Лексиса, Шумпетера, Бем-Баверка и др. стоит еще на позициях смитовского анализа составных частей товарной цены.

Но если размер капиталистического рынка в целом не совпадает с суммой потребительского спроса, и если интересы общественного потребления вообще не управляют накоплением общественного капитала, то ни то, ни другое—как мы увидим в дальнейшем—не исключает еще существования необходимой внутренней зависимости капита-

---

[1]) Ibid., стр. 222.

[2]) На это обстоятельство умышленного отождествления Т.-Б. взглядов Маркса со взглядами Сисмонди и народников указывает и А. Финн-Енотаевский в своей книге «Капитализм в России» (Гиз. 1925, стр. 16 и далее).

листического производства от состояния социального потребления. Ошибка Сисмонди заключалась вовсе не в том, что он признавал наличие связи между производством и личным потреблением в процессе кругооборота капитала, а в том, что он мыслил эту связь не косвенной, а прямой и непосредственной.

Далее. Разве можно спорить против того, что в капиталистическом хозяйстве общественный доход падает одновременно с ростом общественного богатства? Опять-таки нет, ибо это положение верно не только логически, но и подтверждается всем историческим ходом развития капитализма.

Вовсе не в этих двух выводах парадоксальность нашего автора, как он сам об этом возвещает. В них вообще нет решительно ничего парадоксального. Вся суть дела в том, что не надо обрывать анализ круговорота общественного капитала на самом существенном пункте, а необходимо проследить в разрезе ряда непосредственно связанных между собою циклов воспроизводства этот круговорот до его естественного завершения. И только потому, что Туган так легкомысленно отвлекается от об'ективных—сказывающихся лишь в дальнейших кругооборотах капитала—вещественных результатов накопления на основе повышенной технической эффективности производственного аппарата, он постоянно упускает из поля зрения самое характерное во всем этом процессе и приходит к своему абсолютно ложному выводу о независимости общественного производства от состояния общественного потребления. Чтобы понять до конца внутреннюю логику процесса накопления, необходимо выйти за пределы охватывающей единичный цикл замкнутой схемы воспроизводства и протянуть нити теоретического анализа к следующим хозяйственным циклам [1]).

Только при таком методе подхода к проблеме, исключающем точку зрения одностороннего изолирования при рассмотрении хозяйственных явлений, отчетливо видно, что увеличение общественного богатства одновременно с относительным падением общественного

---

[1]) Наряду с таким неправильным подходом, при котором игнорируется вещественная сторона процесса накопления, у Тугана имеется еще поистине странное убеждение в решающей доказательной силе (а) таких схем. Хотя—как мы увидим в дальнейшем—он и пытается обосновать свою теорию некоторыми соображениями о природе капиталистического хозяйства, но, по существу, он считает, что ряды формулированных схемою числовых равенств сами по себе оправдывают его теорию, поскольку ему удается сбалансировать на бумаге товарные элементы хозяйственного процесса. Интересно в связи этим следующее свидетельство одного из слушателей его семинара. «Очень часто в беседах М. И. склонен был, однако, признавать, что схемы эти являются скорей иллюстрацией, чем доказательством его теории рынков, и что они, во всяком случае, являются при известных условиях доказательством возможности характеризуемого ими типа распределения национального продукта, а не доказательством того, что фактический ход этого распределения в капиталистическом хозяйстве именно таков. Однако, в конечном итоге бесед М. И. неизменно заявлял, что он все-таки абсолютно убежден в правильности своей теории и в доказательной силе схем». (Н. Кондратьев. «М. И. Туган-Барановский» ГИЗ. 1923 г., стр 23).

дохода, ни в малейшей мере не свидетельствует об отсутствии необходимой связи между производством и потреблением. Поскольку такое падение является лишь специфическим капиталистическим выражением систематического роста производительности общественного труда, оно имеет своей обратной стороной: во-первых, возрастание суммы продуктов, входящих в состав потребительного рынка; во-вторых, повышение покупательной силы национального дохода; и в-третьих—как следствие первых двух моментов—увеличение уровня индивидуального потребления различных социальных групп.

Переходим к анализу третьего случая воспроизводства. Слово за Туганом:

«До сих пор я отвлекался от самого существенного момента капиталистического накопления, как оно совершается в действительности,—от относительного замещения живого труда средствами производства. Технический прогресс в том именно и состоит, что машины, орудия труда и иные средства замещают в процессе производства человеческий труд... Строение общественного капитала—выражаясь терминами Маркса—становится все более высоким. Иными словами, все меньшая доля общественного продукта переходит в народное потребление. Производство продуктов, не могущих быть потребленными человеком—угля, железа, машин и пр.—увеличивается гораздо быстрее, чем производство предметов потребления человека—пищи, одежды и проч. Не вызовет ли, однако, это относительное замещение человеческого потребления производительным потреблением средств производства образования избыточного продукта, не находящего себе помещения на рынке? Конечно, нет. Ничего не стоит построить новую схему по образцу вышеприведенной и наглядно показать, что самое широкое замещение рабочих машинами не в силах сделать какую-либо машину излишней и бесполезной» [1].

Далее Туган утверждает, что если даже целиком исчезнет весь рабочий класс и тем самым сведется к нулю потребление рабочих масс, капиталистическое хозяйство будет продолжать развиваться на основе непрерывного расширения рынка средств производства при полном отсутствии производства продуктов массового потребления.

«Основной тенденцией капиталистического развития я считаю постоянное сокращение доли народного потребления в общественном продукте, что, вопреки Марксу, не создает никаких новых трудностей для процесса реализации продуктов капиталистического производства... капиталистическое хозяйство не подвергается опасности даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления». [2].

В чем же Туган видит доказательство всех этих более чем странных теоретических положений? Это доказательство очень несложно и сводится к следующему. Общеизвестно, что капиталистическое хозяйство является антагонистической социальной системой, в которой целью производства является не удовлетворение общественных потребностей, а получение прибыли. И именно потому,

[1]) Ibid., стр. 228—226.
[2]) Ibid, 230—232.

что в основе капиталистического процесса лежит мотив прибыли «производительное потребление средств производства заменяет собою человеческое потребление, и все идет так гладко, как будто не хозяйство было средством удовлетворения потребностей человека, а человек был средством удовлетворения потребностей хозяйства» [1]).

В хозяйствах с гармонической социальной структурой подобные явления происходить не могут.

«В ассоциации производителей целью производства было бы возможно полное удовлетворение общественных потребностей, почему совершенно исключалось бы такое положение дела, при котором расширение производства не сопровождалось бы расширением потребления. В капиталистическом хозяйстве технический прогресс имеет тенденцию заместить человеческое потребление потреблением средств производства в ущерб общественному потреблению» [2]).

Только в силу глубокого антагонизма капиталистической системы может происходить такой сильный рост разнообразных средств производства.

«При капиталистическом хозяйстве капиталистический класс превращает в средства производства значительно бо́льшую часть общественного продукта, чем это было бы возможно при гармоническом хозяйстве» [3]).

И, наконец, в другой работе он еще яснее формулирует свою точку зрения на значение технического прогресса для общественного потребления.

«В социалистическом хозяйстве было бы невозможно, чтобы развитие общественного хозяйства вело не к увеличению, а к у м е н ь ш е н и ю м а с с ы (это заметьте! *А. Г.*) предметов человеческого потребления. Но это вполне возможно в капиталистическом хозяйстве» [4]).

Нетрудно заметить основную черту этой своеобразной философии капиталистического хозяйства. Постоянное расширение капиталистического производства совершается с исключительной целью присвоения дополнительного количества прибыли. Удовлетворение потребностей народных масс не является внутренним регулятором этого способа производства. Накопление ради накопления—таков единственный жизненный принцип движения капиталистического процесса. Это специфическая целеустремленность класса капиталистов об'ясняет нам, по мнению Тугана, почему производительное потребление средств производства замещает личное потребление трудящегося человека. В условиях непрерывного технического прогресса рабочие выключаются из процесса производства, а на место их включаются машины. Но реализация общественного продукта происходит также свободно и беспрепятственно, как и прежде. В историческом факте огромного

---

[1]) Ibid, 194,
[2]) Ibid, 229.
[3]) Ibid, 229.
[4]) «Теоретические основы марксизма». 1918 г. с. 192. Курсив наш.

роста отраслей производства средств производства, обуславливающего более быстрый темп расширения производственного спроса по сравнению с расширением потребительского спроса, находит—согласно этой концепции—свое кристальное и физически осязаемое отражение вся контрастная социальная сущность современного буржуазного строя с его постоянным игнорированием интересов человеческого потребления, неотразимым стремлением к прибыли, антагонистичностью суб'екта и об'екта экономического процесса. Именно здесь, как в фокусе, собраны все лучи свойственных капитализму противоречий между бедностью на одном полюсе, богатством и роскошью—на другом.

Поставим, однако, вопрос: действительно ли факт более быстрого роста рынка средств производства в отношении к рынку средств потребления является техническим выражением внутреннего социального антагонизма капиталистической системы? Можно ли считать, что прогрессирующее расширение производственного потребления выступает, как хозяйственное следствие господствующего при капитализме стремления к прибыли? Правильно ли, наконец, что развитие техники идет «в ущерб общественному потреблению», сокращая «массу предметов человеческого потребления»? Не является ли вся эта концепция чистейшей фантазией, ничего общего с действительностью не имеющей? Прежде чем разобраться в этих вопросах, обратимся к другому автору, которому принадлежит небольшая, но очень интересная и талантливая теоретическая работа—«О рынках при капитализме»—С. Булгакову. В этой работе он непосредственно касается интересующей нас проблемы и приходит к следующим выводам.

Потребление не является определяющей целью капиталистического производства, а лишь его побочным моментом. Размер потребления ограничен покупательной способностью народных масс, которая в силу капиталистических принципов распределения общественного дохода крайне незначительна. «Таким образом, условия производства и потребления находятся в антагонизме между собою. Расширение воспроизводства не совершается и не может совершаться за счет потребления. Между тем это расширение есть внутренний закон капиталистического производства. Выход (sic!) из этого противоречия заключается а том, что рынком для добавочного количества продуктов является само расширенное производство» [1]).

Перед нами та же концепция, изложенная с не оставляющей никаких сомнений ясностью: ускоренный рост производственного потребления средств производства во-первых, является точным отражением характеризующего капитализм накопления ради накопления и, во-вторых, служит выходом из заложенного в самой основе капитализма противоречия между ограниченной покупательной способностью масс и стремлением производства к расширению целиком эмансипируя капитализм от ограниченности покупательных сил обще-

[1]) С. Булгаков. «О рынках при капитализме». 1897 г. стр. 198. Курсив наш.

ства и открывая перед ним неисчерпаемые возможности реализации производимых товаров. Место рынка средств потребления постепенно занимает рынок средств производства, и так как капиталисты совершенно не заинтересованы в удовлетворении общественных потребностей, то процесс развития капиталистической промышленности нисколько от этого не приостанавливается.

Несмотря на всю привлекательность и остроумие такого об'яснения, оно не выдерживает, однако, никакой критики.

Начнем с того, что прогрессирующее расширение производительного потребления средств производства ни в малейшей мере не является следствием того, что капиталистическое хозяйство движется стимулом прибыли, а не стимулом удовлетворения социальных потребностей. Достаточно взять две исторически смежные с капитализмом системы хозяйства—простое товарное и социалистическое—чтобы понять основную ошибку Тугана и Булгакова. В простом товарном хозяйстве бóльшая доля общественного продукта уходит в личное потребление, а меньшая в производительное. По сравнению с рынком средств производства, рынок средств потребления имеет несомненно преобладающее значение. Но можно ли сказать, что такое соотношение долей общественного продукта об'ясняется тем, что здесь производство совершается не в целях получения прибыли, а в целях удовлетворения потребностей самих производителей? Конечно, нет. Относительная незначительность той доли национального продукта, которая поступает в сферу производительного потребления, является прямым следствием того, что здесь уровень техники чрезвычайно низок, инструменты и орудия труда крайне несложны, и человеческая рука выступает, как primus motor производственного процесса. В силу примитивности общественной техники стоимость единицы товара и, следовательно, стоимость совокупного товарного продукта слагается в основном не из элементов израсходованных средств производства, а из элементов вновь созданной живым трудом стоимости. Вот почему в процессе менового оборота незначительна та часть общественного продукта, которая уходит на восстановление и обновление истраченных в хозяйстве производительных сил. Спрос на средства и орудия труда не составляет крупной величины в сумме общественного спроса, так как внутренние технические потребности процесса воспроизводства еще крайне элементарны и неразвиты. Возьмем, с другой стороны, социалистическое хозяйство. Туган жестоко заблуждается, когда думает, что в фонд производительного потребления станет обращаться здесь меньшая, чем при капитализме, доля общественного продукта. Техника социалистического хозяйства будет несравненно выше, чем капиталистического. Но прогресс техники находится в прямой зависимости от роста производительного потребления средств производства, так как величина последнего ставит об'ективные границы применению новых методов и орудий работы. Хотя целью экономического процесса, как и в простом товарном хозяйстве, служит здесь удовлетворение общественных потребностей, но громадная часть

общественного труда будет затрачиваться на производство и воспроизводство средств производства и лишь относительно меньшая— на производство средств индивидуального потребления. И как раз в силу этого социалистическое общество сможет самым полным и всесторонним образом удовлетворять свои потребности, ибо увеличение суммы предметов потребления не обратно—как думает Туган—а прямо пропорционально росту той доли общественного труда, которая функционирует в сфере производства средств производства. И понятно почему. Независимо от социальной формы хозяйства, технический прогресс всегда и постоянно влечет за собою увеличение материального фонда общественного потребления, устойчивость роста массы различных предметов потребления, которыми обладает общество. Не потому при капитализме широкие слои населения страдают от недопотребления, что здесь происходит сильный технический прогресс, сокращающий якобы количество продуктов потребления, а потому, что хотя технический прогресс неизменно расширяет вещественный фонд общественного потребления, социальная структура капитализма имеет своей основной тенденцией лишить трудящихся возможности целостного использования этой растущей и разнообразящейся массы продуктов. И не потому при социализме общество сможет всесторонне удовлетворять свои жизненные потребности, что технический прогресс будет искусственно заторможен, а потому, что при вдесятеро более быстром движении техники вперед, принципы распределения обеспечат за населением полное использование расширяющегося фонда общественного потребления.

Противоречие между производством и потреблением составляет характерную особенность капитализма, как основанной на эксплоатации хозяйственной системы. Но оно лежит не там, где ищут его Туган и Булгаков. Следующие слова Маркса представляются нам наиболее точно формулирующими,—если так можно выразиться,— экономическую топографию этого противоречия.

«Чтобы производить «производительно» (с точки зрения капиталиста. *А. Г.*) нужно производить так, чтобы масса производителей была исключена из части спроса на продукт,необходимо производить в противоположность классу, потребление которого не соответствует его производству, так как именно в разнице между его производством и его потреблением состоит прибыль капиталиста» [1]).

Внутренний смысл противоречия между производством и потреблением резюмируется в самом факте присвоения прибавочного продукта нетрудящейся частью капиталистического общества. Антагонистический характер капитализма заключается не в том, что развитие производительного потребления обгоняет развитие личного потребления, а в том, что в пределах последнего потребление

---

[1]) «Теории etc.», III, стр. 101.

рабочего класса постоянно о т с т а е т от капиталистического потребления, усваивающего все более утонченные формы.

В каком отношении стоит это противоречие к процессу реализации общественного продукта? Реализация общественного продукта не исключает существования этого противоречия, и наоборот: существование этого противоречия не исключает возможности реализации общественного продукта. Если бы капитализму удалось достигнуть такой степени организованности, при которой распределение общественного производства совершалось вполне пропорционально и симметрично, и обоюдный обмен товарных капиталов происходил свободно и беспрепятственно, основное социальное противоречие капитализма, выражающееся в форме недопотребления трудящихся, целиком сохранилось бы[1]). Но если бы, с другой стороны, это противоречие не углублялось, а уменьшалось с развитием капитализма, то, несомненно, что процесс реализации происходил бы более легко, ибо, хотя это противоречие и не создает абсолютной невозможности реализации, но оно является одним из препятствий расширения рынка соответственно расширению производства.

И Туган и Булгаков совершенно правильно констатируют тот факт, что рост производства средств производства о б г о н я е т рост производства средств потребления, или—под углом зрения рынка,— что размер спроса на средства производства систематически возрастает в отношении к размеру спроса на средства потребления. Еще Маркс писал: «капиталист во все возрастающей степени становится покупателем С (средств производства), чем покупателем Р (рабочей силы)... спрос капиталиста на рабочую силу, а косвенно, следовательно, и на необходимые средства существования с прогрессом производства прогрессивно уменьшается по сравнению со спросом на средства производства»[2]). Но оба они не умеют правильно об'яснить этого явления, видя в нем фактическое доказательство абсолютной независимости роста капиталистического производства от состояния личного потребления.

Что в капиталистическом хозяйстве имеется некоторая своеобразная форма независимости производства от потребления—это несомненно. Но также несомненно, что существование этой относительной независимости не исключает необходимой для всякого общества внутренней связи производства и потребления. Ведь вовсе не в том сказывается зависимость общественного производства от общественного потребления, что рост ценностного об'ема потребительского рынка должен происходить таким же темпом, как рост ценностного об'ема производственного рынка. И вовсе не в том сказывается относительная независимость общественного производства от общественного потребления, что сумма потребительского спроса постепенно сокращается в совокупной величине внутреннего капиталистического спроса.

---

[1]) Ср. Н. Ленин «Собран. Сочин.», т. II, стр. 491. Гиз. 1923.
[2]) «Капитал», т. II, с. 91—92.

Зависимость общественного производства от общественного потребления сказывается в том, что постоянное возрастание производительного потребления не является замкнутым самодовлеющим процессом, но неизбежно ведет к постоянному расширению границ фонда личного потребления путем увеличения массы и разнообразия форм индивидуальных жизненных средств. Развивающиеся потребительские возможности реализуются не только в увеличении суммы однотипных жизненных средств, но и в прогрессирующей дифференциации их натурального воплощения. При этом для факта зависимости совершенно безразлично, будет ли вещественное расширение об'ема потребительского рынка происходить в прямой пропорции к увеличению его ценностного об'ема, или же увеличение количества товаров, входящих в состав этого рынка, будет совершаться одновременно с понижением их стоимости [1]). Имеющаяся же в действительности относительная независимость капиталистического производства от потребления находит свое непосредственное выражение в том, что производство идет здесь впереди потребления, что первое развивает второе, что рост личного потребления не служит прямой целью капитализма, но вызывается внутренними условиями стимулируемого интересами прибыли накопления капитала. Личное потребление рабочего выступает, как производство его рабочей силы, а потребление его рабочей силы—как производство капитала. И так как направляющим мотивом хозяйственной деятельности буржуазного общества является возрастание размеров капитальной стоимости, то нет ничего удивительного, что связь между производством и потреблением «лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством» [2]).

В неоспоримом историческом факте прогрессирующего роста производства средств производства не находит своего отражения специфический антагонизм социальной структуры капитализма, а сказывается лишь общий всем экономическим формациям закон развития производительности общественного труда—закон, действие которого при капитализме далеко оставляет по своей исключительной напряженности его действие в предшествующие эпохи.

Чем дальше развивается хозяйственный процесс, тем больше удлиняется цепь производственных актов, лишь косвенно и посредственно содействующих изготовлению предметов общественного потребления, и тем сильнее сокращается промежуток времени, в течение которого продукт пробегает всю эту цепь от ее начального

---

[1]) Этого не понимает и Каутский. В своей слабой, неубедительной критике Тугана он заявляет, что потребление должно расти «в таком же отношении как стоимость средств производства»—т.-е. он не идет дальше первого случая накопления капитала. См. «Теории кризисов», «Московский Рабочий». 1923, стр. 39.

[2]) Н. Ленин «Собран. Сочин.», т. II, 1923 г., стр. 500.

до конечного звена [1]). В товарно-капиталистическом обществе разделение общественного труда обособляет эти составные производственные звенья в форме организации самостоятельных, существующих рядом друг с другом, отраслей промышленности и тем самым замаскировывает тот факт, что эта цепь неизменно замыкается сферой производства продуктов потребления, куда—независимо от суб'ективных устремлений капиталистов—поступают переработанные материальные элементы других отраслей. Развитое разделение труда—с одной стороны, движущий и направляющий стимул прибыли—с другой, создают иллюзию самостоятельного значения средств производства в кругообороте общественного капитала и независимости роста этой части товарного продукта от размеров и уровня личного потребления. Если бы в действительности оба составных под'отделения капиталистического хозяйства и, следовательно, оба рынка расширялись совершенно равномерно, то это не говорило бы об отсутствии социального антагонизма между производством и потреблением, а лишь о незначительной быстроте технического прогресса.

Специфическая тенденция движения общественного дохода к долевому сокращению, проявляющаяся в относительном уменьшении ценностных размеров потребительского спроса, не говорит о независимости капиталистического производства от состояния личного потребления, ибо это движение идет рука об руку с закономерным возрастанием массы продуктов личного потребления. Чем быстрее происходит темп падения доли национального дохода, тем быстрее совершается прирост суммы предметов индивидуального потребления. И до тех пор, пока капиталистический способ производства внутренним ходом своего развития обеспечивает подобного рода обратное движение в соотношении между величиной общественного капитала и величиной общественного дохода, он является исторически жизнеспособным, не исчерпавшим всех заложенных в нем возможностей производством. В социалистическом хозяйстве, где будет навсегда уничтожено основное социальное противоречие между суб'ектом и об'ектом хозяйственного процесса, где удовлетворение общественных потребностей станет непосредственным мотивом расширения производства, рост производства средств производства будет происходить с ускоренной быстротой.

Но уже из сказанного понятно, что никакого «выхода» из противоречия между слабой покупательной способностью народных масс и неотразимым стремлением капиталистической промышленности к безграничному расширению факт систематического возрастания производительного потребления средств производства не означает, и, что если вдуматься поглубже в смысл происходящих явлений, то дело представляется совсем наоборот. Поскольку быстрее расширение производства средств производства, независимо от суб'ективных

---

[1]) Интересные примеры этого приводит В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. II, стр. 64. См. также Д. Гобсон «Эволюция современного капитализма». ГИЗ, 1926, стр. 135.

мотивов капиталистических предпринимателей, ведет в конечном счете к увеличению количества разных потребительских продуктов, оно не только не выводит капитализм из противоречия между производством и потреблением, но в действительности о б о с т р я е т с каждым следующим кругооборотом общественного капитала это основное противоречие.

После всего сказанного, нам не придется долго останавливаться на анализе третьего случая расширенного воспроизводства.

Действительно,—возвращаясь к выше приведенным цитатам из Тугана—правильно ли, что замещение рабочего машиной вызывает соответствующее сокращение спроса на предметы рабочего потребления? Конечно, правильно. Но вот дальнейшее утверждение, что это замещение идет «в ущерб общественному потреблению» совершенно неверно. Здесь Туган грубо смешивает два процесса. Если рабочий выбрасывается из производства, то е г о потребление действительно сокращается; но применение машины не только не приносит ущерба общественному потреблению, но, наоборот, приносит ему прямую выгоду, ибо теперь, благодаря машинам, производится большее, чем прежде, к о л и ч е с т в о предметов общественного потребления [1]).

Не понимая этого, Туган глубоко неправильно с т а в и т всю проблему. Он настойчиво утверждает, что никакое замещение рабочих машинами «не в состоянии сделать какую-либо машину излишней и бесполезной». Но ведь не в этом заключается сущность проблемы! Речь идет не об избыточности машин, а о том, не сделаются ли избыточными те продукты, которые будут производиться помощью этих новых машин. Добавочные машины действительно будут поглощены спросом со стороны капиталистов — и с этой точки зрения никаких особых затруднений по реализации новых машин, вытеснивших рабочих из производства, не встретится. Но вся суть дела в том, будет ли беспрепятственно реализована на внутреннем рынке вся та возросшая масса продуктов, которая произведена новыми машинами,

---

[1]) Быть может, нигде это непонимание влияния роста органического состава общественного капитала на увеличение массы предметов потребления не сказалось с такой ясностью как в «Очерках из новейшей истории политической экономии» при критике Сисмонди». «Пусть в известной отрасли промышленности в первый год находило занятие 100.000 рабочих, во второй год, благодаря вытеснению ручного труда машинным, число рабочих опускается до 90.000, в третий год—до 80.000 и т. д. Если заработная плата одного рабочего равняется 200 руб., то в первый год доход всех рабочих равняется 20 миллионам р., во второй 18 милл., в третий 16 милл. и т. п. Общая сумма национальнаго дохода сокращается, и вместе с тем сокращается народное потребление. Не следует ли отсюда отсюда неизбежное сокращение общественного спроса на товары? Нисколько, ибо капиталисты, уменьшая расходы на заработную плату, должны увеличивать расходы на покупку машин, на топливо для машин и проч. Общественный доход может сокращаться, а требование рынка на товары может оставаться неизменным и даже возрастать» («Очерки» стр. 167). Что в пределах д а н н о г о цикла спрос на средства производства свободно замещает спрос на средства рабочего потребления—это бесспорно. Но бесспорно и то, что в следующих циклах на рынке возникнут в связи с этим определенные затруднения для процесса реализации товаров. А от этого как раз Туган постоянно «отвлекается».

и не обнаружится ли здесь несоответствие между производительной силой национальной промышленности и покупательной силой национального рынка.

Именно в этом лежит вся трудность рассматриваемого случая расширенного воспроизводства. Мы видели выше, что соответствие между суммой общественного спроса и суммой общественного предложения требует вполне определенного для каждого данного момента хозяйственного цикла уровня реальной заработной платы. Если этот уровень будет ниже необходимого, и если сами капиталисты не оплатят своими доходами увеличенное количество подешевевших предметов личного потребления, то на рынке окажется избыток товарного продукта. Хотя размер целостного капиталистического рынка и не совпадает с суммой национального дохода, но высота этого дохода служит одним из основных факторов емкости внутреннего рынка.

Как уже показал Н. Бухарин [1]), Туган именно «прячет» основной вопрос: куда деваются и кем оплачиваются те продукты, которые производятся помощью заместивших рабочего машин. Здесь Туган лишь повторяет свою старую ошибку: он попросту обрывает анализ движения общественного капитала как раз там, где собственно начинается проблема, и переходит к построению следующей схемы накопления, не сознавая, что он в действительности систематически обходит те затруднения, на которые наталкивается в условиях прогрессирующей техники воспроизводство капитала.

Маркс пишет:

«Что касается общества вообще, то у него происходит расширение границ его дохода прежде всего в том продукте, который подешевел благодаря машинам» [2]).

Но Тугана—как мы уже имели случай убедиться—совершенно не интересует вопрос о соотношении размеров потребительского спроса общества и стоимости возросшей суммы товарного продукта. Неудивительно, что он не силах понять тех интимных внутренних связей, которые существуют между рынком средств производства и рынком средств потребления.

Возьмем теперь, наконец, основной вывод Тугана, который венчает всю его теорию реализации, и который он в различных формулировках преподносит в своих работах.

«При пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительского спроса не в силах вызвать превышения общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние» [3]). Или: «при пропорциональном распределении национального производства предложение всегда балансируетея спросом, как бы ни изменялась сумма народного дохода и как бы ни сокращалось народное потребление» [4]).

---

[1]) Н. Бухарин. «Империализм и накопление капитала» стр. 63 и дальше.
[2]) «Теории» II 2, стр. 221.
[3]) «Периодические промышленные кризисы» стр. 130
[4]) «Капитализм и рынок», «Мир Божий». 1898 г., стр. 120.

Выше мы видели, что на протяжении всех своих теоретических рассуждений Туган постоянно и безнадежно смешивает ценностную и вещественную точки зрения на капиталистический рынок. В этом же центральном выводе он делает ошибку совсем иного порядка: он смешивает вопрос об уменьшении доли общественного потребления в величине совокупного общественного продукта с вопросом о необходимости соответствия между потребительским спросом и потребительским предложением. В самом деле. Каким образом мыслимо утверждать, будто при пропорциональном размещении общественного производства потребительский спрос может падать до любого уровня (вспомните: «никакое сокращение)» и т. д. и все-таки на внутреннем рынке не окажется избытка товарного продукта? Разве здесь не спутаны грубейшим образом две совершенно различные вещи?

В ходе исторической эволюции капитализма постепенно уменьшается ценность той доли общественного продукта, которая входит в состав общественного потребления. Процесс товарного обращения все в большей и большей мере сводится к обмену капитала на капитал. Наоборот, сфера обмена капитала на доход и дохода на доход относительно сокращается.

Но ведь в каждый отдельный момент равновесие между общественным спросом и общественным предложением предполагает в числе других пропорциональностей строгое соответствие между размером потребительского спроса и размером определенной по своей вещественной форме части общественного продукта. Невозможность оплатить обращающиеся на внутреннем рынке товары несомненно является прямым выражением непропорционального распределения производительных сил предшествующего производству данного цикла. Пропорциональное же состояние общественного производства необходимо включает в себе соответствие между суммой общественных доходов, обращенных на цели личного потребления, и суммой ценности потребительской продукции, выброшенной из производства на рынок. Если внезапно сократится потребительский спрос, то определенные по своей вещественной форме части общественного продукта не смогут быть реализованы на внутреннем рынке и окажутся избыточными. И как бы ни расширился одновременно с этим производственный спрос, никакого «балансирования общественным спросом общественного предложения» не произойдет, так как избыточные продукты по своей вещественной форме могут реализоваться лишь в потребительском спросе общества, размеры которого теперь сократились [1]).

Реализация общественного продукта в результате годового хозяйственного цикла распадается на три крупные акта обмена, из которых каждый охватывает сумму однотипных покупок и продаж: обмен капитала на капитал, капитала на доход, дохода на доход.

---

[1]) При пропорциональном распределении общественного производства, понижение спроса на предметы личного потребления может не сопровождаться нарушением равновесия хозяйства лишь постольку, поскольку избыточные продукты могут войти в состав производительного потребления (соль, полотно и т. д.). Но понятно, что границы этих возможностей очень узки.

Соответственно этому система требуемых для его беспрепятственного размещения на внутреннем рынке пропорций замыкает в себе три типа ценностных соотношений: 1) между обмениваемыми средствами производства, 2) между обмениваемыми средствами производства и средствами потребления, 3) между взаимно обмениваемыми средствами потребления. Нарушение одного из этих соотношений естественно влечет за собою несоответствие между суммой спроса и суммой предложения [1]).

---

[1]) Чрезвычайно характерно, что при описании периодических кризисов английской промышленности, Туган коренным образом противоречит самому себе, подчеркивая определенное значение момента потребления в процессе кругооборота капитала. Достаточно внимательно пересмотреть историческую часть его работы, чтобы в этом убедиться. Приведем несколько примеров. Рассматривая положение английской промышленности в 30-е и 40-е годы XIX века, Туган приходит к таким выводам: «развитие фабричного производства чрезвычайно повысило производительную силу английской промышленности. Количество продуктов, изготовляемых в Англии, увеличилось в несколько раз, а между тем рынок для сбыта английских продуктов не расширился». Почему же? Вот как отвечает Туган: «Внутренний рынок Англии сократился, вследствие обеднения массы населения (sic!)... производительные силы английской промышленности в течение этого времени возросли в громадных размерах, производство увеличилось в несколько раз, промышленная техника сделала быстрые успехи... а внутренний рынок страдал от падения спроса со стороны рабочего класса» (sic!) («Периодические промышленные кризисы», с. 30 – 32).

Следовательно, расширение рынка отставало от расширения промышленности именно в силу низкой покупательной способности народных масс, возможность чего Туган совершенно отрицает в своей теории реализации. Каким же образом можно с одной стороны заявлять, что «рынок.... недостаточен для капитализма не потому, чтобы потребителей для капиталистического продукта было слишком мало» (с. 198), а с другой стороны, в той же книге соглашаться с мнением одного английского экономиста, что «количество приготовляемых мануфактур так далеко превосходит их внутреннее потребление, что ....потребление крайне не соответствует производству, и общее для нас несчастье является неизбежным последствиями» (30—31)? Возьмем другой пример. Как известно, начиная с 1823 года английское хозяйство вступило в фазу под'ема промышленного цикла. Уровень товарных цен обнаруживал до 1825 г. неуклонную тенденцию к повышению, а затем начал быстро и резко снижаться, что и послужило исходным пунктом разразившегося торгово-промышленного кризиса. В чем же заключалось то препятствие, на которое внезапно натолкнулся процесс расширенного воспроизводства в английской промышленности? Оказывается, что «цены товаров только в том случае могли бы удержаться на высоте 1825 г., если бы спрос на товары в Англии значительно увеличился, если бы английские фабрики стали перерабатывать больше, чем прежде, хлопка, шерсти, шелка и т. д., если бы потребители стали больше потреблять табаку, сахару и проч. Но этого не могло быть: английские фабрики не могли расширить производство, так как иностранные рынки и без того были завалены английскими товарами, а потребление колониальных товаров не могло возрасти по той же причине—размерами производства определяется богатство страны и доходы всех общественных классов» (46).

Просто удивительно, как могут такие противоречивые взгляды мирно уживаться рядом друг с другом и поистине замечательна та теория рынка, которую необходимо всякий раз оставлять в стороне, лишь только приходится об'яснять реальную кон'юнктурную динамику капиталистического процесса.

Nota bene, что касается выдвинутой им теории промышленных циклов, согласно которой основной причиной периодических кризисов является недостаток свободного ссудного капитала, то, не останавливаясь здесь на подроб-

Всего этого не понимает Туган-Барановский. Не понимает этого и другой автор, очень близко примыкающий в данном пункте к Туган-Барановскому, и в чрезвычайно вульгарной форме излагающий его концепцию, хотя и не ссылаясь непосредственно на него.

«Каков бы ни был прогресс производительных сил, потребление никогда не остается ниже производства... Доля общественного продукта, которую рабочие не могут приобрести за недостатком необходимых средств ни малейшей своей частью не представляет излишка над потреблением. Если эта доля не израсходована капиталистами целиком, то остаток, который они сберегли, обращается в новые средства производства (каким образом? *А. Г.*). Следовательно, весь общественный продукт, состоящий из средства производства и предметов потребления, находит для себя употребление» [1]).

Совершенно верно, что определенная доля национального продукта не является излишком по сравнению с размерами потребления [А — (V + M) = C], в том смысле, что она ни одним рублем не оплачивается из фонда национального дохода. Но отсюда ни в коем случае не следует, что «потребление никогда не остается ниже производства», ибо при отсутствии необходимого соответствия между суммой потребительского спроса и суммой ценности потребительской продукции реальный излишек товарного продукта не может найти для себя «употребления» путем обращения в новые средства производства, как это мыслит Бургэн.

До сих пор мы оставались в области теоретических абстракций. Но Туган стремится обосновать свои теоретические соображения конкретными фактами экономического процесса. Мы тем охотнее последуем за ним в эту область, что во-первых, нигде его концепция не терпит такого катастрофического крушения, как при соприкосновении с фактами хозяйственной действительности капиталистического общества, и, во-вторых, мы сумеем в результате такого экскурса еще яснее представить себе соотношение между потреблением и производством.

ном разборе ее отметим, что она: 1) не применима к «чистому» капиталистическому хозяйству, где отсутствуют «третьи лица», сосредотачивающие, по мнению Тугана, в своих руках в период депрессии денежные капиталы; 2) совершенно извращает действительные взаимоотношения между денежным и промышленным капиталом, поскольку выдвигает денежный капитал, как начальный движущий момент капиталистического цикла; 3) резко противоречит фактам экономической действительности, недвусмысленно свидетельствующим, что в момент кризиса в капиталистическом хозяйстве имеются крупные массы свободного денежного капитала, направляющегося на покупку государственных бумаг; 4) не об'ясняет, почему, наличие денежного капитала удерживает систему от кризиса, почему, следовательно, промышленный кризис не может наступить и при наличии, денежного капитала, если даже согласиться на одну минуту, что к концу под'ема этот капитал иссякает; 5) не увязывается с его теорией рынка, в которой возможность расширения производства определяется исключительно пропорциональным распределением производительных сил народного хозяйства, но вовсе не величиной ссудного капитала.

[1]) Бургэн. «Социалистические системы и экономическое развитие» 1906, стр. 326. Курсив наш.

«Всякая экономическая теория—пишет он—лишь тогда может считаться вполне доказанной, когда она проверена на фактах. Тем более требуется фактическая поверка для доктрины, до такой степени расходящейся с обычными взглядами и имеющей парадоксальный вид, как изложенная теория рынка... И, действительно, факты показывают, что характерной чертой капиталистического развития является сравнительно медленный рост производства предметов потребления и быстрый рост производства средств производства. Еще несколько десятилетий тому назад руководящую роль в капиталистической промышленности играла хлопчато-бумажная промышленность, теперь же такую роль играет железоделательная промышленность. Земледелие уже несколько десятилетий находится в Западной Европе в состоянии относительного застоя. В таком же отношении находится и текстильная промышленность. Наоборот, чрезвычайно быстро растет производство чугуна, химических продуктов, машин, каменного угля, вообще средств производства. Соответственно этому, доля населения, занятого производством предметов потребления, уменьшается, а доля населения, занятого производством средств производства, возрастает».

И Туган приводит такие данные. В Германии с 1882 по 1895 г. число рабочих в сфере производства предметов потребления возросло на 8%, а число рабочих в сфере производства средств производства—на 59%. Далее. В Пруссии увеличение рабочих за 12-тилетний период с 1895—1907 г.. г. распределялось между отдельными отраслями промышленности следующим образом: текстильная промышленность + 8%, приготовление предметов одежды + 12,7%, пищевое производство + 20,5%, трактирной промысел + 37%, обработка камней и глины + 42,4%, горное дело + 60,6%, машины и инструменты + 99,1%, химическая промышленность + 59%, строительная промышленность + 54,1%. Отсюда Туган делает такой вывод: «текстильная промышленность (не говоря уже о земледелии) почти перестала увеличивать число рабочих,—доход рабочих классов увеличивается слишком медлено, чтобы спрос народных масс на предметы одежды мог возрастать... рынок для предметов потребления растет слишком медленно, что об'ясняется бедностью рабочих масс; но относительная стационарность производства предметов потребления вовсе не приводит к стационарности всего общественного производства. Напротив, оно растет гораздо быстрее, чем когда-либо, растет, направляясь, однако, все в большей и большей мере на создание средств производства... Таковы факты—и легко видеть, до какой степени они подтверждают изложенную теорию [1]).

Присмотримся со своей стороны ко всем этим фактам и проверим, насколько они действительно оправдывают его теорию.

Туган утверждает, что руководящую роль в капиталистической промышленности все в большей и большей степени играет тяжелая индустрия, и что легкая индустрия теряет свое былое первенствую-

---

[1]) «Периодические промышленные кризисы», стр. 233—235. Курсив наш.

щее значение и постепенно отступает на задний план. Верно ли это? Не только верно, но совершенно бесспорно.

Современный интернациональный и внутринациональный обмен веществ питает преимущественно не потребительскую, а производственную ткань развитого капиталистического организма: он опирается преимущественно не на личные потребности отдельных социальных классов, пред'являющих спрос в размере получаемых ими долей общественного дохода, а на специфические потребности самого общественного производства. Громадная часть капиталистического товарооборота состоит из таких материальных элементов, которые служат в качестве разнообразных средств производства. Чем более высок исторически сложившийся в стране средний органический состав общественного капитала, тем бо́льшая доля из каждой сотни вновь накопляемой прибавочной стоимости должна вкладываться в отрасли производства средств производства, чтобы изготовить на одну и ту же сумму продуктов индивидуального потребления. Соответственно этому на каждую единицу стоимости товаров, оплачиваемых общественным доходом (v+m), приходится прогрессивно-возрастающее количество единиц, оплачиваемых общественным капиталом (c). Отрасли производства средств потребления реализуют свои продукты на тысячи и десятки тысяч, а сами способствуют реализации национального продукта на миллионы рублей [1]). Богатство современных капиталистических стран суммируется в решающей своей части из различных элементов, не входящих в состав человеческого потребления. Центр тяжести хозяйственного процесса сосредоточивается в производстве орудий труда и средств передвижения, которые в настоящее время выступают доминантой капиталистической экономики.

Более того. Если рассматривать процесс товарного обращения в разрезе целостного мирового хозяйства, то ясно видно, что направление движения средств потребления определяется в основном размещением крупных центров по производству средств производства [2]). Промышленный переворот именно потому и сыграл такую огромную революционизирующую роль во всем ходе общественного развития,

---

[1]) В этом отношении достаточно характерна американская автомобильная промышленность. Опираясь на сравнительно незначительную долю национального дохода, она потребляет 10,2% всей вырабатываемой стали и чугуна, 9,3% меди, 80% резины, 10% олова, 69% обивочной кожи, 53% шлифованного стекла.

[2]) Вот что пишет в связи с этим проф. С. Фалькнер в одной из своих работ: „Экономическое развитие эпохи капитализма давно уже вычеркнуло пищевые продукты из числа решающих факторов в мировых отношениях. Индустриализация мира поставила во главу угла материалы и орудия промышленного производства. Не хлеб и мясо подчиняют себе уголь и металл, а, наоборот, уголь и металл распоряжаются во всех мировых отношениях хлебом и мясом. Пищевые продукты притекают со всех концов земного шара к центрам производства угля и железа. („Соединенные Штаты в мировом хозяйстве". 1926, стр. 129).

что он открыл историческому процессу накопления капитала широчайшее поле движения, ибо с этого момента потребности как отдельных личностей, так и целых классов, постепенно теряют свое непосредственное направляющее значение в развитии капиталистической промышленности, которая, будучи вынуждена своей технической основой непрерывно производить во всем возрастающем масштабе, все в большей и большей мере движется вперед стихийной внутренней силой машинизма и, следовательно, потребностями, естественно вырастающими из самого производительного процесса. Неустанное движение капиталистической промышленности приобретает в известной мере автоматический, не связанный непосредственно с социальным потреблением характер. Все это бесспорно, и рыночным выражением этой линии хозяйственного развития является гигантское расширение общественного спроса на средства производства—типичная черта современного капитализма.

Далее. Туган приводит цифры, показывающие, что в отраслях производства средств производства происходит сильное увеличение числа занятых рабочих, в то время, как в отраслях производства средств потребления темп этого увеличения незначителен. Можно ли оспаривать эти факты? Конечно, нет. Они вполне понятны и вполне об'яснимы. Вызванный постоянным ростом органического строения общественного капитала процесс прогрессирующего изменения соотношений в ценностном составе общественного продукта, обуславливает, в свою очередь, наблюдающееся во всех странах капиталистической культуры закономерное перераспределение рабочего класса между различными сферами капиталистической промышленности: поскольку крупная и все увеличивающаяся часть общественного продукта состоит из средств производства, необходимо отвлечение все большей и большей массы рабочей силы в сферу производства средств производства для того, чтобы возможно было систематически воспроизводить все эти материальные условия процесса труда.

Маркс пишет: «если значительная часть капитала состоит из машин, сырого материала, вспомогательных материалов и т. д., то из всей массы рабочих меньшая часто будет занята воспроизводством жизненных средств, входящих в потребление рабочих [1]).

Свободные капиталы устремляются преимущественно в область тяжелой индустрии. Это об'ясняется не только тем, что закономерно повышается средний органический состав общественного капитала, в силу чего во всех отраслях промышленности необходимо возрастает спрос на различные средства производства, но и тем, что состав капитала в сфере тяжелой индустрии выше среднего, и что благодаря этому увеличение изготовляемой здесь продукции происходит не пропорционально количествам инвестируемого капитала, так как наряду с соответствующими размерам прироста продукции затратами на сырье и вспомогательный материал, расширение производства обычно требует крупных единовременных затрат на основной капитал.

---

[1]) „Теории etc.“, II_2, стр. 263. Курсив наш.

Арифметическая прогрессия увеличения производимых товаров предполагает более быстрой прогрессии увеличения накопляемого капитала. Вместе с тем доля переменного капитала, вложенная в отрасли производства средств производства возрастает в общей сумме функционирующего переменного капитала. Соответственно этому все более и более крупная часть произведенного национального дохода падает не на легкую, а на тяжелую индустрию.

Но если Туган думает, что все эти факты хотя бы в малейшей мере подтверждают его теорию, то он, конечно, жестоко заблуждается. Ведь сущность его теории сводится к тому, что развитие капиталистического процесса совершенно независимо от состояния общественного потребления, и что прогрессирующее расширение рынка средств производства не стоит ни в какой внутренней связи с размерами реального потребительского спроса.

Но подтверждают ди этот парадоксальный тезис приведенные им факты? Ни в коем случае!

В самом деле. Разве то обстоятельство, что темп прироста числа рабочих в хлопчатобумажной промышленпости во много раз меньше, чем темп их прироста в основных отраслях тяжелой индустрии, означает, что сумма производства хлопчатобумажной продукции сократилась? Вот цифры, относящиеся к классической стране капиталистической культуры—Англии.

За период времени с 1870 г. по 1910 г. здесь происходил такой процесс[1]).

Годы.	Число веретен (милл.)	Число рабочих (тысячи)	На одного рабочего веретен	На одного рабочего хлопка
1870	37,7	450	84	2533
1890	44,5	528	84	2725
1901	46,2	513	98	3164
1910	53,7	576,8	98	3483

Число рабочих за сорок лет возросло всего на 27,7%, число веретен на 10%, а масса приходящегося на одного рабочего хлопка на 38%. Следовательно, если в английской хлопчато-бумажной промышленности увеличение числа рабочих шло медленнее, чем в других отраслях, то лишь потому, что в этих отраслях расширение производства сопровождалось увеличением производства веретен для хлопчато-бумажной промышленности. Поэтому непосредственно в этой отрасли могло быть занято относительно меньше рабочих, ибо часть труда, необходимого для изготовления тканей, переместилась в сторону подготовительных производственных операций и овеществилась в форме веретен[2]). На одного рабочего, занятого

---

[1]) Щульце-Геверниц. «Крупное производство», стр. 135 и дальше.

[2]) Хорошо проанализирован этот процесс у Бюхера. Он, в противоположность Тугану, понимает, что при введении машин в какую-либо отрасль производства «часть общей работы перемещена из более поздней стадии в более раннюю, часть труда портного из портняжной мастерской на машинную фабрику... перемещение труда означает перенесение части труда из одного

производством предметов потребления, приходится большее количество веретен и большее количество перерабатываемого сырого материала. Органический состав функционирующего в хлопчато-бумажной промышленности капитала повысился в течение рассматриваемого периода, и в силу этого значительно возросла масса производимых в этой отрасли в единицу времени товаров. В той же Англии за период с 1819 по 1882 год общее количество произведенной пряжи возросло с 106.500 тыс. фунтов до 1.324.900 тыс. фунтов, т.-е. больше, чем в 12 раз, а число рабочих, занятых в производстве пряжи, увеличилось за это время немногим больше, чем в два раза.

То же относится и к производству готовых тканей. За указанный промежуток времени общая сумма произведенных тканей увеличилась с 80.620 тыс. фунтов до 993.570 тыс. фунтов, т.-е. опять-таки больше, чем в двенадцать раз, а число занятых здесь рабочих не только не возросло, но уменьшилось на 4.000 [1]).

Следовательно, слабый прирост числа рабочих в отраслях, производящих предметы личного потребления, вовсе не доказывает, что производство предметов потребления сокращается, как это утверждает Туган-Барановский. Наоборот, относительно слабый прирост занятого здесь живого труда означает, что развитие производства средств производства, лишь косвенно участвующих в изготовлении конечных продуктов личного потребления, потенцирует производительную силу этого труда и ведет в последнем счете к сильному возрастанию массы потребительской продукции, при чем ценность единицы этой продукции падает. Мы имеем в данном случае усложненное отражение того факта, что в процессе капиталистического развития совершается устойчивый рост постоянного капитала в отношении к переменному. В отраслях хозяйства, производящих предметы личного потребления, увеличивается размер предпосланного труду постоянного капитала. Единица живого труда приводит в движение и перерабатывает увеличенную в ценности и в массе—при чем в последней больше, чем в первой—сумму постоянного капитала. Об'ективным результатом такого изменения соотношения между живым и мертвым трудом будет понижение стоимости и, следова-

---

предприятия в другое... оно является заменой непосредственного труда трудом предварительным, перенесением части труда, прилагавшегося прежде в производстве самого предмета на изготовление орудий производства» (К. Бюхер. «Возникновение народного хозяйства». 1918 г. 3-е изд., с. 200). Относительно ссылки Тугана на состояние земледелия сошлемся хотя бы на следующую цитату: «так как с ростом производительности земледелия все большую роль в производстве сель.-хоз. продуктов начинают играть орудия и материалы производства, капитал,.. вещественные же элементы этого капитала изготовляются индустрией, то к индустрии переходит как бы часть с.-х. производства... Это обстоятельство уменьшает число лиц, непосредственно занятых земледелием, а, с другой стороны, оно увеличивает число лиц, фактически занятых в производстве пищи, далеко за пределы числа лиц, ими непосредственно занятых» (С. Булгаков. «Капитализм и земледелие», т. I. стр. 71).

[1]) Шульце-Геверниц, стр. 135.

тельно, цены на продукты потребления, при чем в пределах этих уменьшившихся цен будет относительно увеличиваться та доля цены, которая приходится на постоянный капитал. В связи с этим капиталисты, производящие предметы потребления, должны будут б о л ь ш у ю часть реализованного в деньгах продукта затрачивать на восстановление средств производства, а м е н ь ш у ю на покупку рабочей силы.

Глубоко ошибочно ставить незначительность увеличения количества рабочих в сфере производства средств личного потребления в непосредственную причинную связь с низкой покупательной способностью широких слоев капиталистического общества. Причина этого явления—не низкий уровень покупательной способности трудящегося населения, а высокий уровень производительной способности современной капиталистической промышленности, выпукло отражающийся как в росте товарных масс, так и в уменьшении стоимости составляющих их элементов.

Факты удешевления товаров вообще и в частности средств потребления в ходе развития капиталистического производства общеизвестны. Приведем несколько наиболее ярких примеров [1]).

В Англии стоимость одного аршина пряжи в 1784 г. составляла 10 шилл. 11 пенсов, в 1812 г.—2 шилл. 6 пенсов, в 1860 г.—$11^1/_2$ пенсов, в 1892 г.—$7^3/_4$ пенса. В стекольной промышленности Франции квадратный метр зеркального стекла стоил в 1792 г.—195 фр., в 1835 г.—130 фр., в 1862 г.—57,3 фр. В писчебумажной промышленности Германии за 100 к. обыкновенной бумаги платили: в 1872 г. 73,3 марки, в 1882 г.—41,5 марок, в 1892 г.—23,5 м., в 1899 г.—20,3 м.

Если бы фактическое положение вещей действительно оправдывало теорию Тугана, то во всех странах капиталистической культуры у р о в е н ь общественного потребления должен был бы постепенно п о н и ж а т ь с я, и в связи с этим система капиталистического общества разрушаться, а население вымирать. Между тем вряд ли нужно говорить, что ничего подобного не происходит. Безусловно прав Зомбарт, когда он пишет, что «за последнее полустолетие уровень народного богатства в целом и покупательная сила всех слоев населения возросла в такой степени, как никогда раньше. В настоящее время во всех странах капиталистической культуры двойное количество людей имеет в своем распоряжении относительно больше п о т р е б и т е л ь н ы х б л а г, чем люди, жившие около половины XIX в.» [2]).

Нижеследующие таблицы достаточно отчетливо иллюстрируют это положение (См. табл. на стр. 146—148).

---

[1]) С. Бернштейн-Коган. «Экономия промышленности» ЦУП ВСНХ 1925, стр. 52.

[2]) В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. II, стр. 215.

ДИНАМИКА ЛИЧНОГО

(на душу населения

Годы.	Рожь.	Пшеница	Картофель.	Хлопок.	Заграничн. овощи.	Солен. сельди привоз.	Кофе сырой.
1	2	3	4	5	6	7	8
1836/40	—	—	—	0,34	0.05	1,10	1,01
1846/50	—	—	—	0,53	0,07	1,36	1,34
1856/60	—	—	—	1,39	0,08	1.36	1,79
1866/70	—	—	—	1,81	0,09	2.02	2,20
1876/80	—	—	—	2,86	0,12	2,38	2,33
1886/90	158,0	83,2	681,0	4,19	0,14	3,57	2,38
1896/1900	144,6	89,8	581,0	5,54	0.16	3.30	2,69
1901/905	143,5	99,8	592,6	6.15	0,16	3.71	3,0
1907	143,5	94,4	—	7,29	0.17	3,12	3,02
1913	—	—	—	7,23	0,16	2,89	2,44

ПРИМЕЧАНИЕ: 1) Сахар приведен за след. годы:
2) Пиво приведено за след. годы:
3) Потребление мяса в Саксонии
4) Рожь, пшеница, картофель—

Источники: Statistisch. Jahrbuch für das deutsche Reich. Данные о мясе

ПОТРЕБЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

в К°), среднее за год

Какао.	Рис.	Южные фрукты.	Соль для пищи.	Сахар.	Табач. издел.	Пиво (лит.).	Чай.	Мясо.
9	10	11	12	13	14	15	16	17
0,01	0,18	0,06	—	—	—	—	0,04	16,0
0,02	0 43	0,06	—	—	—	—	0,01	17,0
00,2	0,99	0,07	—	—	—	—	0.02	21,0
0,03	1,11	0,41	—	6,0	1,3	—	0,02	25,0
0,05	1,66	0,61	7,7	5,8	1,7	91,0	0,03	30,0
0,10	1,76	1,04	7,6	8,4	1,5	94,0	0,04	35,0
0,28	2,39	1.98	7,8	18,4	1,6	117,0	0,05	41,0
0,55	2,33	2,71	7,7	14,2	1,6	119,0	0,03	38,0
0,52	2.51	2,96	7,8	16,8	—	111,0	0,06	34,0
0,77	2,49	2,49	8,1	19,0	1,5	102,0	0,06	—

71—76, 77—81, 86—91, 96—901, 905—05, 1913.
74—78, 84—88, 94—98, 1901—05, 1907, 1913.
за годы: 35—44, 45—54, 55—64, 65—74, 75—84, 85—94, 1905, 1906.
за годы: 93—94, 99—900, 1905—06, 06—07.

взяты у Никитина, «Основы экономии сельского хозяйства». Гиз. 1925.

ДИНАМИКА ЛИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В СОЕД. ШТАТАХ СЕВ. АМЕРИКИ [1])

Годы.	Рожь (бушел.)	Пшеница (бушел.)	Хлопок (тонн).	Шерсть (фунт.).	Сахар (фунт.).	Кофе (фунт.).	Чай (фунт.).	Вина и ликеры (галлон)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1865	—	—	0,002	5,6	18,2	2.4	0,49	—
1870	22,3	4,9	0,004	—	32,7	6.0	1,10	7,7
1875	—	—	0,005	5,6	43,3	7.0	1.44	8.7
1880	25,0	5,0	0,007	—	39,4	8,8	1,39	10,0
1885	28,9	5.7	0,007	6,5	43,8	9.6	1,18	12,3
1890			0,009		50,7	7.9	1.33	15,5
1895	23,9	4,9	0,016	7.7	62.2	9.3	1,40	16.6
1900	24,5	4,7	0,011	5,8	58.9	9,8	1,10	17,8
1905	28,2	6,1	0,012	6,4	71,7	12,0	1,19	19,9
1910	29,9	7,1	0,011	6,3	79,9	9,3	0.89	22,2
1913	31,1	6,1	0,013	5.0	85,7	8.85	0,95	22,6

Как показывают приведенные таблицы, в капиталистическом хозяйстве происходит устойчивый рост душевного потребления по всем основным продуктам. Это лучшее опровержение концепции Тугана, не понявшего зависимости между прогрессивным увеличением производительного и расширением фонда личного потребления.

Но к этим цифрам необходимо сделать два существенных замечания. Во—первых, являясь средними величинами, выведенными из расчета норм потребления на душу населения, они совершенно замаскировывают антагонистический характер капиталистического потребления, внешне выражающийся в растущем различии уровней жизни отдельных социальных слоев. Во-вторых, динамика этих цифр далеко не охватывает действительного роста общественного потребления, так как было бы крупной ошибкой сводить последнее исключительно к пище и одежде, которые составляют лишь основные фундаментальные элементы общественного потребления.

Выше мы говорили, что антагонистический характер капиталистического потребления сказывается не в росте производительного

[1]) Все данные вычислены на основании Statistical Abstract of United States.

потребления за счет личного, а в росте личного потребления нетрудящихся слоев при относительной незначительности роста потребления трудящихся масс. Классовому расслоению капиталистического общества соответствует резкая дифференциация общественного потребления, обусловленная неравномерностью распределения национального дохода и закрепленная в легко заметном различии стилей потребления составных социальных групп. В ходе исторической эволюции капитализма происходит постепенная кристаллизация этих стилей: на одном полюсе потребления суммируются черты изощренного аристократического вкуса, на другом—черты примитивного демократизма. Рабочий класс лишь в крайне ограниченной степени пользуется повышенной покупательной способностью общественного дохода, ибо с постоянным удешевлением воспроизводства рабочей силы, сокращается та часть совокупного общественного труда, которая овеществляется в предметах рабочего потребления.

Теперь «более значительная часть (рабочих. *А. Г.*) будет производить предметы потребления, входящие в потребление, в расходование доходов капиталистов, землевладельцев и их свиты (государственных чиновников, духовенства и др.), и лишь незначительная часть рабочих будет производить предметы, которые определены для дохода рабочих... С изменением социального отношения рабочих и капиталистов, с революционизированием господствующих в капиталистическом производстве отношений оно сейчас же изменилось бы... Если рабочие господствуют, если они имеют необходимую власть для того, чтобы производить для себя, то они очень скоро и без большого труда поднимут капитал (мы обращаемся к вульгарным экономистам) до высоты своих потребностей [1]).

Что касается второго замечания—то оно не менее существенно. Потребление не замыкается удовлетворением узкого круга потребностей в пище, жилище и одежде. Над этими первичными жизненными потребностями вырастает целый ряд других потребностей, создающих прямо или косвенно основу различных отраслей общественного производства. Достаточно вспомнить громадный рост театрального дела, кинематографов, различных других видов увеселения, достаточно взглянуть на развитие книгоиздательств, высших и низших школ, библиотек, музеев, чтобы понять, какую существенную роль в системе общественных потребностей играют потребности «вторичного порядка», с которыми в более или менее непосредственной связи стоит капиталистическое производство. Вот почему при анализе общественного потребления в капиталистическом хозяйстве не надо забывать, что вещественные показатели роста индивидуального потребления в форме количества единиц тех или иных продуктов, падающих на

---

[1]) Маркс. «Теории etc». II$_2$. Стр. 233. См. «Нищета философии». Пер. С. Алексеева, стр. 65 и далее. «Является счастьем для бедняка—несколько наивно заявляет немецкий экономист, проф. К. Ольденберг—что спрос богача на предметы первой необходимости имеет сравнительно узкую границу, определяющуюся силой соответствующих потребностей». («Потребление», стр. 20. «Наука и Школа». 1924 г.)

душу населения, далеко не исчерпывают всей проблемы. Как показал анализ бюджетных материалов, повышение уровня доходов сопровождается уменьшением доли расходов на предметы первой необходимости (продукты питания, отопление, освещение, квартира) и повышением доли расходов на такие трудно уловимые статистикой элементы, как образование, личные услуги, театр, развлечения и т. д. Отмечаемое рядом исследователей падение значения отраслей, производящих продукты массового потребления, находит свое об'яснение в факте глубокой внутренней эволюции структуры общественного потребления, характеризующейся относительным сокращением потребления продуктов первой необходимости и расширением потребления продуктов, удовлетворяющих менее настоятельные потребности. Один из новейших и наиболее вдумчивых исследователей капиталистической эволюции приходит в результате анализа этой проблемы к следующим выводам, которые мы считаем совершенно правильными. «Каждое повышение уровня потребления у любого класса или нации сопровождается относительным падением роли пищи и вообще продуктов почвы по сравнению со всем потреблением. В то время, как в первые десятилетия девятнадцатого века пропитание поглощало целиком почти весь доход беднейших групп рабочего класса и в значительной степени являлось главным элементом расходов высших групп рабочих и низших слоев средних состояний,—место, занимаемое им теперь в определении степени благосостояния этих слоев, хотя и значительное, однако, много меньше. Если бы существовала точная сравнительная статистика потребления для всего английского народа, то наверное бы доля общенационального дохода, расходуемая на пищу и сырье, получаемое от земледелия, для последних восьмидесяти лет показывала бы быстрое уменьшение. То, что верно по отношению к пище, верно также и для многих видов промышленных товаров, поскольку уровень благосостояния широких масс народа неизменно повышается. И хотя у трудовых элементов первое повышение реальной заработной платы над уровнем обеспечения голого существования может быть почти целиком поглощено спросом на лучшую и более разнообразную пищу и на приобретение большего количества обстановки, одежды и других промышленных благ промышленности, однако, дальнейший ее рост дает более значительные траты на развлечения, путешествия, образование и пользование услугами культурного характера. Равным образом, средние и богатые классы тратят более значительную долю своих увеличивающихся доходов или на нематериальное потребление, или же на наиболее законченные и художественные воплощения материальных благ, ценность которых лишь в малой степени зависит от процессов добывания или механической обработки» [1]).

---

[1]) Джон А. Гобсон. «Развитие современного капитализма», стр. 344. ГИЗ. 1926. См. К. Ольденберг. «Потребление» и Л. Брентано «Опыт теории потребностей». Последняя работа, имеющая чисто теоретический характер, хотя и очень далека от марксизма, но крайне интересна, как попытка наметить в общих чертах закономерность эволюции социальных потребностей.

Таковы факты—скажем мы вслед за Туган-Барановским. Но легко видеть, что они не только не подтверждают выдвинутой им теории, но несомненно стоят в кричащем противоречии с последней. То обстоятельство, что уровень общественного потребления в конце XIX в. по признанию всех исследователей был значительно выше, чем в начале века, хотя ценностная доля потребительской продукции в общей величине общественного продукта и—соответственно этому—сумма потребительского спроса в отношении к размерам совокупного общественного спроса сократились, достаточно убедительно говорит, насколько неправильно считать, что прогрессирующий рост производительного потребления средств производства является замкнутым самодовлеющим процессом, совершенно не отражающимся на состоянии общественного потребления [1]).

Анализируя характер потребления при простом воспроизводстве капитала, мы подчеркивали, что в этих условиях производство имеет своей прочной основой социальное потребление, так как последнее охватывает всю сумму вновь созданной годовой стоимости и хозяйственный цикл в силу этого всякий раз получает как бы свое естественное завершение. Необходимость постоянного повторения воспроизводства вытекает из факта постоянного давления реальных общественных потребностей и лежит, так сказать, на поверхности. Но простое воспроизводство ни в коей мере не является типичным для капиталистического хозяйства. Оно представляет по существу плодотворнейшую теоретическую фикцию, с помощью которой мы можем глубже и отчетливее понять законы расширенного воспроизводства уже хотя бы потому, что основная часть покупок и продаж на капиталистическом рынке совершается не для того, чтобы расширить масштаб производства, а для того, чтобы восстановить его истраченные материальные элементы и трудоспособность функционирующей в нем рабочей силы.

Непосредственный и легко понятный характер связи между производством и потреблением при простом кругообороте производительных сил значительно изменяется в условиях накопления капитала.

Накопление капитала не имеет своей социальной предпосылкой достаточную величину личных потребностей. Общественное потребление не накладывает более строгих контуров на размеры капиталистического производства, и постоянное расширение последнего происходит не потому, что предварительно расширился об'ем платеже-

---

[1]) См. критику теории рынка Т.-Б. кроме известных работ Ленина, Каутского, Люксембург и Бухарина у других авторов, особенно: Л. Исаев «Кризисы в народном хозяйстве»; Л. Курской «Теория рынка и промышленных кризисов Туган—Барановского»; С. Первушин «Теория кризисов Туган-Барановского» Юридическ. Вестник. 1914 г. № 2; В.-В. «Производство и потребление в капиталистических обществах; П. Маслов «Теория развития народного хозяйства» гл. XVI; Н. Бернштейн «Теория рынка Маркса и Туган-Барановского» «Вопросы Обществоведения. 1911 г. Т. III; А. Фин-Енотаевский «Капитализм в России» гл. I и II; П. Струве «Научное обозрение за 1899 г. №№ 1 и 8; Spiethoff «Die Kriesentheorie von Tugan-Baranowsky und Pohll» Jahrbuch für Gesetz. und Verwalt. 1903.

способного спроса на соответствующие продукты. Повышение спроса на продукты потребления происходит в ходе процесса накопления—потребление растет вслед за ростом масштаба воспроизводства капитала.

Формула капиталистического процесса—не от потребления к накоплению, а от накопления к потреблению. Производство—реализация—капитализация—накопление—расширенное производство—таковы последовательные моменты кругооборота каждого индивидуального капитала, функционирующего исключительно под знаком систематического возрастания стоимости. Алгебраический результат движения перекрещивающихся на рынке индивидуальных капиталов суммирует в себе реализацию совокупного товарного продукта в его трехчленном стоимостном составе. Потребление рабочего класса входит в кругооборот общественного капитала, как одно из необходимых средств к достижению жизненной цели капитализма—прибыли. Но хотя потребление не служит направляющим фактором капиталистического процесса, оно в конечном счете всякий раз завершает очередной хозяйственный цикл и тем самым создает возможность дальнейшего продолжения воспроизводства капитала в его общественном целом. Таким образом, накопление совокупного общественного капитала предполагает определенную взаимную зависимость между накоплением в обоих крупных подразделениях (I и II) капиталистического производства. Только зависимость эта не носит прямого характера, при котором расширение производства совершалось бы в интересах наперед данных размеров потребностей трудящихся. Количество продуктов, полученных в результате расширенного цикла воспроизводства капитала, превышает размеры общественных потребностей,—как в средствах производства, так и в средствах потребления,—существующих в начале цикла, но границы этих потребностей раздвигаются путем вынужденного конкуренцией и стимулируемого прибылью включения добавочных продуктов в следующий цикл воспроизводства[1]).

Эта своеобразая форма связи между производством и потреблением в капиталистическом хозяйстве много раз сосредоточивала на себе пристальное внимание экономистов и в силу своих особенностей, несомненно противоречащих нашему «здравому смыслу», неоднократно служила причиной существенных ошибок при попытках дать ей теоретическое об'яснение. Сисмонди и его школа считали, что нормирующим началом роста капиталистического производства должен быть существующий в данный момент масштаб общественного потребления, и что в противном случае неминуемо образование постоянного излишка товаров в пределах капиталистического рынка. Роза Люксембург несравненно глубже понимает структуру капиталистического процесса, но и она настойчиво выдвигает вопрос—для кого происходит массовое накопление капитала, если ограниченные реальной пла-

---

[1]) Возможность включения, зависит, конечно, от условий пропорционального распределения продукта.

тежной возможностью общественные потребности буржуазного хозяйства вовсе не требуют такого стремительного роста производимых продуктов. Туган-Барановский принципиально отрицает какую-либо зависимость быстро расширяющейся капиталистической промышленности от размеров личного спроса трудящихся. Все они в большей или меньшей мере не понимают, что если капиталистическое производство, как и всякое общественное производство, должно в конечном счете контролироваться общественным потреблением, то контроль этот носит не прямой и непосредственный, а косвенный и обратный характер. Он осуществляется всякий раз не как необходимая ориентирующая предпосылка накопления капитала, а как действующий post factum и периодически вводящий в определенные рамки разбежавшееся капиталистическое производство принудительный хозяйственный регулятор.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАПИТАЛИЗМ И ВНЕШНИЙ РЫНОК[1])

Основной вывод, к которому мы пришли в результате предшествующего теоретического анализа, может быть формулирован следующим образом:

Реализация продуктов расширяющегося за счет систематического накопления прибавочной стоимости общественного производства возможна—при определенных в каждом цикле количественных соотношениях между различными группами обмениваемых товаров—на основе собственных сил процесса воспроизводства, механизм которого развивает платежеспособные потребности и тем самым реальный спрос на средства производства и средства потребления в пределах внутреннего капиталистического рынка. Но если под углом зрения сбыта прибавочной стоимости накопление общественного капитала вполне мыслимо, как независимый от посторонних источников спроса хозяйственный процесс, то чем об'ясняется непреоборимая потребность капиталистической промышленности во внешних рынках сбыта товаров? Почему в действительности внутренний рынок обычно не в состоянии поглотить соответственно существующему в каждый данный момент уровню цен, обеспечивающему среднюю норму прибыли, всей суммы созданного товарного продукта? Что лежит в основе настойчивого стремления всех без исключения стран капиталистической культуры втянуть в круг своей экономики все новые и новые области реализации товарных излишков, и какую роль играет внешний рынок в историческом процессе общественного накопления?

Прежде всего,—что вообще понимать под внешним рынком? Вот как отвечает на этот вопрос Р. Люксембург.

«С точки зрения капиталистического производства внутренним рынком является капиталистический рынок—само это производство: и как покупатель своих собственных продуктов и как источник своих собственных элементов. Внешним рынком для капитала является окружающая его некапиталистическая социальная среда, которая поглощает его продукты и поставляет ему элементы производства и рабочую силу. С этой точки зрения—точки зрения экономической—Германия и Англия в своем взаимном требовании являются друг для друга по преимуществу внутренними капиталистическими

[1]) В сокращенном виде глава была напечатана в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая политика», 1927 г., №№ 8 и 9.

рынками. в то время, как обмен между германской промышленностью и германскими крестьянами представляет собою внешне-рыночные отношения» [1]).

Определение, данное здесь внешнему рынку, находится в полном соответствии со всей концепцией накопления капитала, развитой Р. Л. в ее работе. Так как, согласно ее учению, экономические функции капиталистического рынка лимитируются реализацией тех частей общественного продукта, в которых овеществлен постоянный и переменный капитал—с одной стороны, потребляемая доля прибавочной стоимости—с другой, а значение некапиталистического рынка сводится к поглощению предназначенной для капитализации прибавочной стоимости, то граница между внутренним и внешним рынком проходит по линии, отделяющей капиталистическую систему хозяйства от некапиталистической социальной среды. С таким подходом к проблеме нельзя согласиться. Если взять мировой капитализм, как целое, то вполне понятно, что сосуществующие с ним экономические формации по контрастности своей социальной организации окажутся его внешним окружением. Однако, разделять под этим углом внутренний и внешний рынок можно лишь при неправильном рассмотрении процесса реализации капиталистических товаров на оси механического противопоставления всем другим частям общественного продукта капитализируемой прибавочной стоимости, как элемента, абсолютно не размещающегося внутри капиталистического круга хозяйства. Методологически разграничение Р. Люксембург вполне выдержанно, так как в основе его лежит последовательно проведенная точка зрения совокупного общественного воспроизводства, но логически оно неверно, ибо построено на неправильной теории реализации, стоит и падает вместе с этой последней. Неприемлемо, с другой стороны, и то некритическое и ненаучное разграничение, которое оперирует исключительно политико-географическим моментом, и согласно которому размер внутреннего рынка совпадает с пространственными контурами того или иного государства.

Вот пример: «Торговля является внутренней, поскольку она не выходит за пределы той или другой страны, поскольку об'екты ее либо изготовлены внутри страны и сбываются там же, либо произведены даже не в пределах ее, а за границей, но приобретены на внутреннем рынке и проданы там же. В отличие от нее внешняя торговля заключается в привозе товаров из-за границы, в вывозе их туда или в перевозе через страну из одного государства в другое» [2]). Несмотря на общепринятость подобного деления, оно безусловно не может быть взято в основу анализа причин нарушения процессом накопления сомодовлеющего движения. В отдельных национально-политических комплексах имеются различные хозяйственные уклады, товарная связь между которыми может быть обобщена, как внутрирыночная, исключительно в силу единства обнимающего

[1]) «Накопление капитала». 1924 г. стр. 376.

[2]) И. М. Кулишер. «Основные вопросы международной торговой политики». «Кооперация». 1918 г., стр. 11.

их таможенного пояса, выход товаров за пределы которого квалифицируется, как внешняя торговля. В этом подходе есть та правильная мысль, что капиталистические рынки других стран рассматриваются как внешние по отношению к капиталистическому производству данной страны. Но ошибка заключается в том, что внешняя торговля отождествляется с внешним рынком, в то время как в действительности внешний рынок ш и р е внешней торговли, которая относится к нему лишь как часть к целому, а внутренний капиталистический рынок у ж е внутренней торговли, относясь к ней как дробь к единице.

Как же конструировать категории внутреннего и внешнего рынков?

Нам представляется, что руководящим началом теоретического размежевания внутреннего и внешнего рынков должен быть принцип балансового равновесия, в аспекте которого необходимо рассматривать суммарный процесс воспроизводства общественного капитала в каждой отдельной стране. Последовательно проведенный балансовый принцип означает сочетание точки зрения кругооборота исторически-сложившегося в стране общественного капитала с точкой зрения национально-политической отграниченности различных стран. Под внутренним капиталистическим рынком данной страны необходимо понимать весь тот общественный спрос, размеры и формы которого непосредственно обуславливаются воспроизводством и накоплением валового национального капитала. Соответственно этому, внешним рынком будет не только тот спрос, который создается движением накопления капитала в других национальных хозяйствах, но и тот, который пред'являет денатурализованная некапиталистическая среда независимо от степени ее пространственной близости к капиталистическому производству данной страны. Внешний рынок реализации продуктов английской индустрии представлен не только Германией, Бельгией или Францией, не только Индией и Южной Африкой, но и охваченными с ней одними и теми же политическими границами некапиталистическими товарными слоями города и деревни, если только последние еще в какой-либо мере сохранились. Ее внутренний рынок—это сумма спроса, вызванного к жизни органическими потребностями развития национальной промышленности в средствах производства и средствах потребления. Ударение необходимо поставить не на товарной связи капитализма в о о б щ е, капитализма, как мирового целого с некапиталистическими областями, а на товарообмене исторически консолидировавшихся капиталистических организмов как между собою, так и с докапиталистическими элементами. В динамической перспективе мысленного продолжения до конца тенденций капитализма и экспансии примитивные формы хозяйства ассимилируются, и границы между внутренним и внешним рынком совпадают с политическими границами отдельных государств. Мы утверждаем, что только анализ исторически сложившихся в капиталистической системе производства к а ж д о й с т р а н ы структурных несоответствий, существование которых—совместно с абсолютной

естественной неспособностью собственного производства некоторых необходимых продуктов—создает об'ективную невозможность свести баланс национального воспроизводства капитала на основе замкнутого внутреннего рынка, делает действительно понятным все значение внешнего спроса и предложения, как факторов автоматического восстановления равновесия общественного хозяйства. Не в разрезе трехчленного стоимостного состава товарного продукта (c+v+m), а в отраслевом разрезе составляющих данное национальное хозяйство сфер производства находит свое об'яснение специфическая капиталистическая основа внешнерыночных отношений. Последние не укладываются в лапидарную и одностороннюю формулу Р. Люксембург, сводящей все трудности реализации к одной лишь прибавочной стоимости и совершенно не учитывающей раскрывающейся в аспекте балансового равновесия необходимости ввоза и вывоза других частей общественного продукта. Конечно, закон движения капитализма, как движения неравномерного, создающего подобную ассиметричность, полностью сохраняет свою силу и значимость независимо от того, под каким меридианом лежит данная страна. Но лишь проектирование этого общего закона на дифференцированную конкретность «национальных узлов» капиталистического производства раскрывает с предметной осязаемостью всю противоречивость международного разделения труда, на котором покоится современное мировое хозяйство. Дальнейшее изложение должно развить и оправдать эту точку зрения.

Вопрос о необходимости внешних рынков сбыта для капитализма представляет часть более широкой и общей проблемы всесторонней товарной связи капиталистического производства какой-либо страны с находящимися вне его хозяйственными формациями, как капиталистического, так и докапиталистического типа. Рассматривать внешнерыночную реализацию продуктов капиталистического производства изолировано и независимо от того постоянного спроса, который пред'являет капиталистическое производство страны на продукты существующих и взаимодействующих с ним хозяйственных организмов ни в коем случае недопустимо. Если постоянно иметь в центре анализа все общественное воспроизводство, то с полной ясностью выступает тот факт, что обе формы спроса—две стороны одного и того же явления, находящиеся друг с другом в неразрывной внутренней связи. В зависимости от непосредственных задач анализа можно с особенной силой подчеркнуть и заострить значение центробежного или же центростремительного движения товарных масс по отношению к данному хозяйственному комплексу, но нельзя—как это часто делается—не связывать вопроса о внешних рынках сбыта с вопросом о необходимости внешних рынков снабжения.

Чем же детерминируется образование и развертывание внешнерыночных отношений как внутри отдельных стран, так и в направлении превращения сосуществующих национальных хозяйств в единое мировое хозяйство?

Вряд ли приходится в настоящее время сомневаться, что вполне самодовлеющего во всех своих отношениях хозяйства история вообще не знает. Римская латифундия, греческий ойкос, средневековое поместье—типы производственных образований, лишь в большей или меньшей степени приближающиеся к теоретической конструкции замкнутой натуральной единицы. Представляя в основном целостные и самоудовлетворяющиеся организмы, они тем не менее смыкались с окружающим их внешним миром относительно избыточными (при сложившейся в них систем распределения и потребления) разнообразными продуктами труда. Этот обмен носил, однако, не постоянный, а эпизодический характер и не являлся органическим неотъемлемым моментом в процессе регулярного годового воспроизводства автаркических социальных формаций. Но даже отдаленное подобие такой сравнительной экономической замкнутости совершенно не свойственно капиталистическому строю, где символом космополитизма служит рассчитанная на весь земной шар стандартизованная товарная форма.

Систематическое внешнерыночное обращение товарных масс обуславливается тремя факторами: 1) различием естественных предпосылок процесса воспроизводства; 2) различием темпа накопления в составных производственных сферах отдельных капиталистических комплексов; 3) различием производительности труда в однородных отраслях взаимодействующих стран. Эти три момента, действующие не сами по себе, а через посредство двигательной пружины капиталистического общества — нормы прибыли образуют в совокупности механизм внешнерыночного кругооборота товаров и определяют направление внешнерыночных связей.

Различие естественных условий хозяйственного процесса составляет наиболее элементарный повод возникновения и развития внешних рыночных связей. Капитализм не создает этих различий: они непосредственно предпосланы ему, как и всякому другому историческому способу производства. Это—та натуральная граница, на которой соприкасается человеческое общество с окружающей его природой. Международный обмен вытекает здесь не из особых внутренних отношений капитализма, а из специфических условий неравномерного и неоднородного распределения естественных богатств растительного, минерального и животного мира между различными поясами земного шара. Не социальная природа капитала, а окружающая его физическая природа образует устойчивый фундамент этой формы внешнего обмена. Но капитализм, во-первых, дает этой форме наиболее полное и всестороннее развитие, постепенно превращая в ходе неуклонной территориальной экспансии, обусловленной погоней за более высокой прибылью, потенциально существующую дифференциацию производственных условий в некоторые опорные точки мирового разделения труда и, во вторых, сообщает ей черты глубокого антагонизма, внося сюда элементы острой конкурренции, борьбы и насилия, что с исключительной резкостью проявляется в отношении к тропическим и полутропическим областям, где капитал, преодолевая «праздн-

ность и апатию» туземцев, применяет методы прямого принуждения с целью обеспечить производство экзотических продуктов этих стран в необходимых для его растущих потребностей размерах.

Развитие общественной культуры делает все более эластичным и относительным непосредственное господство натуры. Но как бы далеко ни отступало на задний план значение естественных различий, производство целого ряда специальных продуктов остается тесно связанным с определенными климатическими поясами, а добыча различных видов минерального сырья—прикрепленной к определенным территориям. Этим создается монопольное положение соответствующих районов по отношению ко всем потребителям производимых в них продуктов. В эпоху империализма чрезвычайное обострение конкурентной борьбы между отдельными странами вообще и в частности борьбы вокруг областей невоспроизводимого свободно сырья толкает капиталистические государства на путь политического присоединения этих областей через насильственное отторжение их от других государств с целью полного обеспечения получения соответствующих продуктов. Международное разделение труда развернутого в мировом масштабе социалистического хозяйства также будет иметь одним из своих краеугольных опорных камней естественную дифференциацию производственных условий. Исчезнет насквозь конфликтная капиталистическая форма торговли, и место ее займет организованный социалистический обмен продуктов между всеми областями земного шара.

Но выводить образование и рост современных внешнерыночных отношений исключительно из в н е и с т о р и ч е с к о г о факта широкой неоднородности естественных условий процесса труда было бы чрезвычайно односторонне и поэтому ошибочно. Если бы даже земной шар характеризовался полной нивеллировкой в распределении натуральных богатств и однотипностью климатических условий, капитализм сам по себе потребовал бы выхода за пределы внутреннего рынка. На это есть свои особые, целиком связанные с капиталистическими методами развития производительных сил, причины.

Марксовы схемы воспроизводства исходят из того, что, во-первых, капитализм охватил в целом весь земной шар, споляризовав его население в двуклассовое общество капиталистов и наемных рабочих, и, во-вторых, в пределах этого единого капиталистического хозяйства совершается на основе капитализации прибавочной стоимости всестороннее гармоничное расширение составляющих его сфер и отраслей. Нужно было обладать большой дозой полемического задора и изрядной степенью нежелания понять метод Маркса, чтобы, подобно Розе Люксембург, бросить последнему упрек, будто своими схемами он стремился отобразить реальный процесс развития капитализма. Задача, которую ставил себе Маркс при построении схем, заключалась не в воссоздании конкретной исторической динамики накопления, а в том, чтобы с конструктивной сжатостью формулировать основные типовые зависимости производства и обращения всего общественного капитала. Спутанный характер

капиталистического процесса был расшифрован курсивом проникновенного марксова анализа с такой силой и ясностью, как это редко когда удается вообще научной мысли. Но Маркс прекрасно понимал, что эволюция капитализма нигде и никогда не происходит в таких симметричных координированных формах, как это исключительно в познавательных целях сознательного упрощения проблемы представлено схемами с их строгой геометрической правильностью и архитектурной размеренностью движения всех элементов общественного воспроизводства. Капиталистические методы развертывания производства носят совершенно иной, прямо противоположный согласованному монотонному расширению составляющих его отраслей характер. Здесь нет и речи о параллельном росте и тесной круговой поруке в процессе накопления функциональных отраслевых ветвей общественного труда, «так как капиталистическое производство при данных условиях может дать себе волю лишь в известных сферах.... и оно вообще было бы невозможно, если бы оно должно было развиваться одновременно и равномерно во всех сферах» [1]). Отличительной чертой динамики капитализма является поразительная скачкообразность, внезапность, резкая концентрированная стремительность роста тех или иных отраслей, определяемая всякий раз конкретными условиями сравнительной выгодности прилива к ним капитала. Внутреннее строение капиталистического хозяйства не имеет той четкой выпрямленности линий, которая отличает самодовлеющие докапиталистические формации. Материальный остов капитализма каждой страны постепенно выкристализовывается в историческом процессе крайне неравномерного накопления прибавочного продукта, частью создаваемого в кругу капиталистического производства данной страны, частью притекающего в различных формах как из других капиталистических стран (внешние займы, эмиссия акций, прямая инвестиция иностранного капитала), так и из окружающей его социальной прослойки простого товарного и натурального хозяйства (внутренние займы, фонды сберегательных касс, налоги, аппроприация на основе неэквивалетного обмена). При длительном преемственном движении конфигурация национального хозяйства представляет ассиметричный осадок всего предшествующего периода развития. Но именно в этом и заложены коренные активные причины современной торговой экспансии. Постоянное отклонение в развитии различных отраслей народного хозяйства от необходимых для сохранения внутреннего равновесия норм производственной пропорциональности создает в каждой стране ту или иную вариацию структурной изломанности и приводит к об'ективной невозможности сбалансировать процесс размещения общественного продукта без внешних рынков. Иными словами,—рассматривая проблему под углом товарного сцепления сосуществующих национальных хозяйств:—закономерность образования мирового рынка

---

[1]) Маркс. «Теории etc.», т. II_2, стр. 197. Курсив Маркса.

дана в основном органическим несоответствием между средним темпом накопления всего национального капитала и темпом накопления его отдельных частей, закрепленных в смежных отраслях общественного труда. Экономическая история последних трех столетий дает неисчерпаемый фактический материал для изучения конкретного выражения этих тенденций и вместе с тем свидетельствует, что здесь мы имеем дело не со случайным, а глубоко необходимым явлением.

Внешняя торговля стояла у колыбели современного капитализма[1]). Она сыграла крупную роль на начальных ступенях усилившегося со времени открытия Америки и кратчайших путей в Индию процесса денатурализации хозяйственных отношений и оформления буржуазного строя жизни. Создаваемые ею источники спроса послужили первичной основой возникновения и роста капиталистического производства в среде охватывавших его плотным кольцом феодальных и ремесленных образований Западной Европы. Ранние отрасли накопления капитала ориентируются в преобладающей своей части не на внутреннее потребление, а на экспорт. Реализация изготовленных в мануфактурах продуктов уже с самого начала связана многочисленными нитями со спросом извне [2]). Если внешняя торговля послужила отправным моментом капиталистического развития Западной Европы, то и в процессе втягивания в круг буржуазной эволюции новых стран и областей, совершаемого преимущественно путем экспорта капитала, производство с первых же шагов рассчитывает не на внутренний рынок, а на мировой. Это доминирующее значение внешнерыночного оборота в форме внешней торговли для первой стадии капитализма не представляет собой чего-либо непонятного и не стоит в каком-либо противоречии с изложенной выше концепцией накопления общественного капитала.

В самом деле. Ни в одной стране капиталистический способ производства об'ективно не может иметь исходным пунктом исторического движения готовый и сложившийся внутренний рынок. Появляясь в чуждом по строю собственности и соответствующими ему мотивами хозяйственной деятельности социальном окружении, он нигде не встречает при своем возникновении в качестве гарантирующей предпосылки свободного развития широких слоев национальных покупателей производимых на новых началах товаров. Существование емкого внутреннего рынка соответствует определенной ступени зрелости промышленного капитализма, когда с одной стороны произошла консолидация класса наемного труда, живущего путем ре-

[1]) См. Маркс «Капитал» т. III стр. 217 и «Нищета философии». Перев. Ульриха С.-П-рг. 1905, стр. 125.

[2]) В.Зомбарт пишет: «Капитализм прежде всего развился почти исключительно в вывозящих экспортных отраслях промышленности: берлинское столярное дело, немецкая и австрийская конфекционная промышленность, венское производство обуви, швейцарский часовой промысел, паровые мельницы и многие другие отрасли уже с самого начала были в большей или меньшей степени или только экспортными индустриями, или, между прочим, и экспортными отраслями промышленности» («Современный капитализм» т. II, стр. 18).

гулярной продажи своей рабочей силы и создающего массовый, относительно устойчивый спрос на предметы потребления, а с другой стороны—выросла система отраслей промышленности и транспорта, требующая постоянного возмещения, обновления и расширения суммирующих ее вещественных элементов. Внутренний рынок сам является историческим результатом всестороннего развития продукта в товар, товар—в капитал. Но как совершается это развитие? Уже с первоначала оно идет насквозь противоречивым путем.

Торговый капитал, перерастая в промышленный, не охватывает постепенно и равномерно все сферы народного хозяйства, но сосредотачивается и сгущается в некоторых, вполне определенных для каждой данной страны, отраслях. Это те отрасли, сбыт продуктов которых заранее рассчитан на внешний рынок, и вокруг которых давно уже работал класс купцов, постепенно подчиняя себе мелких самостоятельных товаропроизводителей. Процесс накопления торгового капитала, совершающийся, наряду с прямым грабежом и насилием, за счет существующего различия уровней цен, по которым купец покупает и продает продукты, произведенные независимыми от него экономическими формациями—все равно будут ли это городские ремесленники, феодальные организации или рабские латифундии—достигает на определенной фазе исторического движения такой силы и интенсивности, что разбивает узкие рамки сферы обращения и кристаллизуется в немногих притягательных производственных пунктах еще в значительной степени скованного натуральным отношением хозяйства. В Италии уже в XV веке появляется капиталистическое производство в области шелковых изделий, и оно почти целиком опирается на внешнюю торговлю. В Южной Германии в XV и XVI веках развивается капиталистически организованная горнопромышленность, широко обслуживающая иностранных потребителей. Силезская льняная и золингенская ножевая промышленность поставляют свои продукты во все углы европейского континента. Наконец, если мы присмотримся к страницам экономической истории такой типичной страны капиталистической культуры, как Англия, то окажется, что домашнее капиталистическое производство и мануфактура, сложившиеся там в XVII и первой половине XVIII столетия, обязаны своим развитием почти исключительно внешнерыночному спросу, создаваемому частью зажиточными слоями ремесленного города и денатурализованной деревни, но главным образом иностранными потребителями европейских и азиатских стран. Наибольший интерес в этом отношении представляет шерстяное производство, имевшее в Англии такое огромное значение вплоть до промышленного переворота. Все крупные и самостоятельные историки английского народного хозяйства—Эшли, Кэннигэм, Манту, Гиббинс, Гобсон, Гельд и др.—уделяют много внимания судьбам этой отрасли промышленности, подчеркивая происходящий в ее пределах наиболее стремительно процесс капитализации и исключительную роль этой ветви общественного труда во внешнем товарообороте страны. Так, Кэннигэм сообщает, что уже «в XIV столетии люди, располагающие

капиталами, начинают принимать деятельное участие в шерстяной промышленности и придают цветущий вид промышленности, организованной совсем на других началах, нежели те, которые имеются в виду постановлением ремесленных гильдий» [1]), а Гобсон в результате тщательного анализа приходит к выводу, что «из различных отраслей промышленности только одна... именно шерстяная... благодаря своему анормальному развитию для целей внешней торговли представляла первый единственно значительный случай специализации английской индустрии раньше введения паровых машин. За исключением шерстяных изделий все мануфактурное производство Англии предназначалось для внутренней торговли» [2]). Самый переход торгового капитала в сферу промышленности был в значительной степени обусловлен наличием широких внешнерыночных связей, которые при активном содействии класса купцов были созданы предшествующим экономическим развитием страны. Именно те отрасли шерстяной промышленности, которые поставляли наиболее тонкие и дорогие сукна, предназначенные для верхних слоев континентального европейского общества, оказались прежде всего подчиненными торговому капиталу, и именно они служили главной питательной артерией английской вывозной торговли [3]). Наряду с поисками золота стремление обеспечить внешний рынок сбыта для главного продукта английской промышленности—сукна было одной из причин организации тех настойчивых исследовательских экспедиций, которые посылались англичанами в Новый Свет на протяжении целого столетия со времени открытия этого материка [4]).

Нет ничего удивительного в том факте, что капиталистическое производство всякой страны на начальных ступенях своего развития почти целиком опирается на внешний рынок. Для стран где капитализм зародился впервые это обстоятельство об'ясняется одними причинами, для остальных—несколько другими. В Англии, Франции и Италии, открывших современную капиталистическую цепь, раннее преобладающее значение внешнего рынка раскрывается, во-первых, в том, что торговый капитал прежде всего стремится захватить и организовать отрасли,изготовляющие предметы роскоши или продукты относительно высоко-квалифицированного потребления, реализация которых происходит в основной своей части за пределами узкого национального рынка и оплачивается доходами эксплоатирующих сословий разлагающегося феодального общества и растущих слоев торгово-промышленной буржуазии иностранных государств; и, во-вторых, в том, что домашняя промышленность и мануфактура, как первые организа-

[1]) У. Кеннигэм. «Рост английской промышленности и торговли». Перев. Н. Теплова. 1904 г., стр. 372.

[2]) Д. Гобсон. «Развитие капитализма» стр. 26 Ср. Он же «Империализм» «Прибой» 1927. стр. 39. Эшли считает, что «сукно сделалось основой нашего богатства. В конце XVII столетия шерстяные товары составляли [illegible] английского ввоза» («Экономическая история Англии» стр. 462).

[3]) Мантуа. «Промышленный переворот в Англии». Гиз. 1925. стр. 67.

[4]) Ср. Э. Богарт. «Экономическая история С.-Штатов». Из-во «Экономическая жизнь». 1927, стр. 12—15.

ционные формы накопления промышленного капитала, вообще не обладали способностью широко развиваться за счет собственного внутреннего рынка. Последнее требует радикального распада самодовлеющих натуральных образований и быстрой социальной дифференции населения. На исходных ступенях исторической эволюции капиталистический способ производства не обладает такими средствами, чтобы в значительных масштабах вызвать к жизни все эти экономические процессы. Только крупная машинная индустрия с ее эффективной технической основой и разветвленным железнодорожным транспортом сообщает стремительный размах развитию товарной формы общественного богатства и создает совершенно новые социальные отношения собственности, как необходимый фундамент внутреннего капиталистического рынка.

Несколько иначе складываются условия развития для стран, втянутых в круг буржуазной эволюции под активным влиянием уже исторически оформившихся центров капиталистического процесса. Исследуя зачаточную динамику немецкого промышленного капитализма, Зомбарт пишет: «Не надо забывать, что толчек к производству на рынок... исходит из стран с усиливающимся промышленным капитализмом, для которых немецкие прибрежные страны начали играть роль экспортеров сельских продуктов. Это справедливо также и по отношению к России, если рассматривать ее в рамках мирового хозяйства» [1]), и—добавим от себя—вообще по отношению ко всякой аграрной области, втянутой в мирохозяйственную индустриализацию силой торговой и финансовой экспансии развитых капиталистческих комплексов.

Каковы бы ни были непосредственные причины первоначальной доминирующей роли внешнего спроса для первичных отраслей возникающего капиталистического производства той или иной страны, неотразимая об'ективная логика капиталистического процесса рано или поздно оттесняет их на задний план. В силу: 1) быстрой всесторонней товаризации хозяйственных отношений, обусловленной ростом разделения общественного труда, которое капитализм застает обычно в его примитивных внутрисемейных и междуобщинных формах и неуклонно развивает дальше в направлении дифференцированной пространственной локализации; 2) массового отделения как экономическим, так и внеэкономическим путем мелкого самостоятельного производителя от собственных материальных средств производства и связанного с этим последовательного разрушения частью уже разложившегося под влиянием торгового капитала городского ремесла и органически слитого с крестьянским хозяйством подсобного крестьянского производства; 3) стремительной урбанизации, концентрирующей в новых крупных индустриальных и торговых центрах огромные количества живущего за счет различных видов денежного дохода населения; 4) широкого строительства железно-дорожной сети, стягивающей в связный организм разрозненные и самодовлеющие районы; 5) специфической экономической политики государства, которое,

[1]) В. Зомбарт «Современный капитализм» т. II, стр. 74.

во-первых, устанавливает свободу обмена внутри страны путем отмены внутренних пошлин, сборов и т. д., и, во вторых, вырабатывает единую таможенную систему, построенную обычно на протекционистских началах и выполняющую функцию охраны отечественного производства от иностранной конкуренции и привлечения капитала в новые отрасли промышленности,—в силу этих основных моментов капиталистической эволюции национальный спрос получает преобладающее значение. Страна вступает в период варьирующего по своей интенсивности роста национального рынка, а в пределах последнего—образования внутреннего капиталистического рынка в собственном смысле этого слова.

Исторический процесс оформления национального рынка предполагает радикальное органическое преобразование народного хозяйства, в котором капитализм до этого периода оставался чужеродным элементом и не распространялся на основные сферы общественного производства и потребления. Этот процесс сочетает в себе полное глубоких противоречий и потрясений стихийное превращение продукта в товар и товара в капитал, социальным рефлексом чего является рост новых общественных отношений собственности и сопряженных с ними новых психологических стимулов хозяйственной деятельности. Вовлечение замкнутых районов страны в сферу рыночных отношений превращает потенциальную покупательную силу продуктов натурального—преимущественно сельского хозяйства в реальный фонд общественного спроса, а собственников этих продуктов—в «третьих лиц» капиталистической промышленности, т.-е. носителей внешнего спроса на разнообразные фабричные изделия. Классовая дифференциация трансформирует этих «третьих лиц» в непосредственных агентов капиталистического процесса—наемных пролетариев, пред'являющих спрос на средства рабочего потребления и мелкую буржуазию, покупающую наряду с производимыми в городе предметами потребления необходимые для укрупнения своего хозяйства орудия труда. Постепенная консолидация капиталистического сектора национального рынка происходит, во-первых, за счет дальнейшего расширения промышленности путем накопления создаваемой в ее кругу прибавочной стоимости и во-вторых, за счет регулярного присоединения к существующей капиталистической системе новых элементов, возникающих в результате прогрессирующей ассимиляции простого товарного хозяйства. Эти новые капиталистические элементы с одной стороны образуют совместно с денатурализующимися хозяйственными слоями дополнительные источники оплаты индустриальных товаров по сравнению с теми, которые создаются органическими потребностями воспроизводства капитала, а с другой,—служат в известной степени—наряду с иностранным капиталом—резервуаром, откуда притекают в промышленность накопленные сбережения, что при слабой способности внутреннего капиталообразования значительно ускоряет движение махового колеса формирующегося производства. Как общее правило, темп роста совокупного национального спроса обгоняет темп роста товарного предложения индустрии, еще не имеющей в своем фундаменте крупных масс основного капитала

и не обладающей достаточными собственными ресурсами накоплять соответственно действительному расширению платежных потребностей рынка. Изготовление каждой единицы предметов личного потребления предполагает многократное в отношении к стоимости этой единицы вложение капитальной стоимости в сферу производства средств производства. Широкий поток накопления отслаивается в вещественные предметы основного капитала—материальный аппарат капиталистической системы, с помощью которого на последующих ступенях создается эластичная способность быстро насыщать всякий новый спрос на рынке.

Превращение страны из аграрной в аграрно-индустриальную и далее—в индустриально-аграрную вызывает максимальную мобилизацию всех возможных материальных ресурсов накопления капитала Незначительный об'ем капиталистического сектора об'ективно препятствует осуществлению быстрой и широкой индустриализации лишь путем аккумуляции тех прибылей, которые производятся в пределах этого сектора. Темп роста капиталистического хозяйства ставится в тесную зависимость от притока средств из других источников, откуда эти средства извлекаются комбинированным методом экономических связей и политического насилия. К этим источникам относятся: 1) некоторая доля капитализируемой прибавочной стоимости развитых буржуазных государств, поступающая в данную страну в виде экспорта капитала, обычно принимающего форму товарного ввоза; 2) часть продуктов труда колониального населения, присваиваемая прямым грабежом или неэквивалентным обменом; 3) непотребленные доходы собственного населения—в основном крестьянства,—живущего еще подавляющей своей массой в условиях натурального и простого товарного хозяйства и отдающего свои сбережения на службу индустрии; a) частью под давлением налогового пресса с последующим бюджетным финансированием, b) частью через посредство растущего кредитного аппарата [1]) (эмиссионные, коммерческие, ипотечные банки, сберкассы и т. п.), c) частью, наконец, путем того же неэквивалентного обмена, осуществляемого как по линии покупки у производящего контингента этого населения тех или иных продуктов (классический пример—вывоз торговым капиталом сельской продукции за границу), так и по линии продажи населению промышленных фабрикатов выше их индивидуальной стоимости.

В процессе движения народного хозяйства от аграрной структуры к индустриальной капиталистическое производство страны вступает во второй этап внешнерыночных отношений. Историческими границами его—в общих чертах—являются с одной стороны начало энергичного железнодорожного строительства и закладка наиболее важных и основных отраслей промышленности, а с другой—достижение такого уровня индустриализации, при котором национальное сельское хозяйство уже не в состоянии покрыть

---

[1]) Ср. З. Каценеленбаум «Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР». «Социалистическое Хозяйство». 1927. Книга II.

внутренние потребности воспроизводства капитала, а общая сумма товарной продукции капиталистической промышленности уже не размещается не только в пределах капиталистического сектора, но и в пределах образуемого некапиталистическими слоями страны внешнего спроса, и остро ставится вопрос о борьбе за новые рынки сбыта и снабжения вне данного государства. Этот новый этап лишь отражает те глубокие структурные сдвиги и трансформации, которые переживает весь народнохозяйственный организм, эволюционирующий в направлении индустриализации. Капиталистический сектор национальной экономики пред'являет огромный спрос на материальные ресурсы создания собственных вещественных фондов основного капитала, торговый капитал теряет свою былую руководящую роль, падает предшествующее значение тех первичных, в большинстве случаев насаженных им, отраслей промышленности, которые работали преимущественно на иностранный спрос, и постепенно кристаллизуется позвоночный столб народного хозяйства—тяжелая индустрия, составляющая фундамент последующего снабжения всего национального хозяйства и в первую очередь—капиталистического сектора—различными средствами производства. Соответственно этой органической производственной перестройке реализация капиталистических товаров совершается преимущественно за счет внутренних потребностей растущей капиталистической формации в орудиях труда и предметах потребления, значение экспортных отраслей сбыта промышленных изделий закономерно снижается, а внекапиталистический спрос туземного населения, имеющий неотвратимую тенденцию превратиться в капиталистический, развертывается параллельно товаризации продуктов его труда, уходящих частью в производственное и индивидуальное потребление национального капиталистического круга, частью на иностранные рынки обычно через посредство торгового капитала, форсирующего этот процесс и направляющего значительную долю накопляющихся от сельско-хозяйственного экспорта прибылей в сферу индустрии и транспорта.[1]) Соответственно относительному снижению значения экспорта [2]) или даже полному прекращению производства тех товаров, отрасли изготовления которых, организованные торговым капиталом, с самого начала ориентированы на мирохозяйственный спрос (это явление особенно характерно для стран, где капитализм возник впервые—Италия, Англия, Голландия, Франция) и усиленному росту экспорта сельско-хозяйственной,—в основном некапиталистической,—части национального продукта (это особенно резко сказывается в тех странах, которые втянуты в капиталистическую эволюцию механизмом торговой и финансовой экспансии страны буржуазных государств—Германия и еще в большей мере—Россия и С. Штаты)—соответственно всему этому происходит

[1]) См. для России П. Лященко. „История русского народного хозяйства". Гиз. 1927, стр. 276—281.

[2]) Наблюдая в развитии немецкого капитализма этот второй этап и не понимая переходности его, В. Зомбарт сделал свое известное поспешное обобщение об ослаблении мирохозяйственных связей между нациями. (См. его «Die deutche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert» S. 428).,

определенное типичное перерождение и в характере импорта товаров. Импортная зависимость от мирового хозяйства усиливается, главная часть импортируемой массы поступает в капиталистический сектор и из трех групп ввозимых товаров — орудия труда, промышленное сырье и предметы продовольствия—все больший и больший удельный вес приобретает первая. Чем независимее происходящий процесс промышленного развития и чем менее сказывается тормозящее создание собственной тяжелой индустрии влияние иностранного капитала, тем интенсивнее повышение доли орудий труда в общей растущей сумме импорта, впоследствии уступающих свое первое место ввозу промышленного сырья и предметов продовольствия.

С относительным завершением товарно-капиталистической трансформации национальной экономики намечается третий этап внешне-рыночных отношений, проходящий под знаком обостренной экспансии в направлении приобретения новых, лежащих за пределами страны, рынков сбыта и снабжения товарами. Сложившаяся в общих чертах и неуклонно углубляющаяся в дальнейшем структурная изломанность народного хозяйства в ее основных и частных проявлениях вновь повышает значение внешне-торгового оборота и окончательно преодолевает предшествовавшие тенденции сравнительной обособленности национального хозяйства от мирового.

Но регулярное балансирование растущего относительного перепроизводства фабрикатов, являющегося лишь обратной стороной недостатка сельских продуктов, находит на этой высокой ступени индустриального развития особый рычаг в лице нового явления— экспорта капитала, который постепенно получает преобладающее значение по сравнению с характерным для предшествующей стадии непосредственным экспортом товаров. Экономические предпосылки (наличие мощной индустрии, обладающей повышенной способностью к капитало-образованию, охваченной монополистическими организациями, централизующими в своих руках огромные массы свободных ресурсов и ставящими относительные преграды помещению капитализируемой прибавочной стоимости внутри страны) и движущие силы (получение заграницей большей нормы прибыли и существование в других странах высоких таможенных пошлин, препятствующих прямому вывозу товаров) интернациональной миграции общественного капитала выявлены достаточно подробно в работах Сарториуса фон-Вальтергаузена, обоих Гобсонов, Гильфердинга, Ленина и Бухарина. Для нас важно здесь подчеркнуть лишь то обстоятельство, что вывоз капитала все в большей и большей мере становится в руках монополистической буржуазии эластичным рычагом вывоза избыточных промышленнных фабрикатов, преимущественно—и вполне соответственно с высоким уровнем индустриализации—различных средств производства и транспорта. В дальнейшем мы к этому явлению еще вернемся.

Таким образом, капиталистический процесс начинает историческое движение с внешнего рынка—все равно будет-ли это иностранный спрос или спрос мелких товаропроизводителей внутри страны.— сосредотачивается вслед за тем на создании своего внутреннего

рынка, как составного сектора образующегося в силу прогрессирующей денатурализации хозяйства национального рынка, и вновь устремляется к внешнему рынку в его широком мирохозяйственном масштабе. Это—трехфазная эволюция капиталистического производства каждой страны, отражающаяся в закономерном изменении соотношения внутреннего и внешнего спроса на товарные элементы воспроизводства национального капитала. Если экономическое содержание процесса капиталистической трансформации народного хозяйства (рост разделения общественного труда и отделение самостоятельного производителя города и деревни от собственных средств производства) ведет к развитию капиталистического рынка, то форма движения этого процесса (неодновременность капитализации отдельных сфер общественного труда и неравномерность их дальнейшего расширения на основе уже сложившихся новых отношений собственности) постепенно создает потребность активного выхода за пределы национального хозяйства, в котором общий рост товарно-денежных отношений позволял промышленности в течение некоторого времени сравнительно свободно обходить жесткие лимиты всесторонней пропорциональности, а сельско-хозяйственная база была еще достаточна для покрытия соответствующих требований воспроизводства и накопления общественного капитала.—В зависимости от всей суммы исторических условий движения капитализма в каждой отдельной стране интервалы между этими фазами могут быть то растянуты, то сокращены, и каждая последующая постепенно заступает место предыдущей то с большей, то с меньшей резкостью и быстротой. Но, отвлекаясь от множества усложняющих индивидуальных особенностей хозяйственного развития отдельных стран, можно с полной определенностью утверждать, что эта последовательная смена фаз выступает, как средняя необходимая и типичная линия эволюции капиталистического производства. Это значит, что при анализе роли внешних рынков для капиталистической промышленности недостаточно просто сослаться на постоянно существующую торговую экспансию, но необходимо детализировать и конкретизировать анализ рассмотрением изменения этой роли на различных ступенях роста капитализма в стране.

В чем же находит свое конкретное выражение неравномерность капиталистического развития внутри страны?

Основная линия структурной изломанности капиталистической экономики проходит между городской промышленностью и сельским хозяйством. Капиталистическая индустриализация народного хозяйства, обуславливающая образование внутреннего рынка, сопровождается имманентно присущими этому способу производства методами перераспределения производительных сил из сферы сельского хозяйства в сферу промышленности.

Две черты характеризуют это перераспределение: во-первых, массовая пролетаризация мелкого земледельческого населения, частично уходящего в города, и во-вторых, неуклонное отставание развития сельского хозяйства от развития промышленности, вызывающее существенное затруднение в процессе воспроизводства обществен-

ного капитала. Разорение и уход сельских жителей ничего загадочного не представляет. Прогрессирующая внутрикрестьянская дифференциация и налоговый пресс—с одной стороны, относительно высокий экономический и культурный уровень городской жизни—с другой—таковы действенные факторы массовой миграции населения в капиталистически эволюционирующих странах и его регулярного отлива заграницу при недостаточной способности индустрии поглотить весь прирост выталкиваемых из деревни рабочих рук. Иначе обстоит дело с характерным для капитализма систематическим отставанием сельского хозяйства. Действительно, если мелкие хозяйства некапиталистического типа оказываются не в состоянии самостоятельно вести свое хозяйство, то почему капитал собственными силами не двигает процесс прозводства сельских продуктов таким ускоренным темпом, который соответствовал бы растущим внутренним потребностям индустрии в предметах потребления и промышленном сырье? Это закономерное явление об'ясняется двумя причинами: 1) незначительной по сравнению с промышленностью степенью притяжения сельским хозяйством накоплящихся капиталов и 2) нивеллирующим давлением мирового рынка, направляющим спрос на сельские продукты к местам с наиболее низким уровнем цен на последние. Оба эти момента сочетаются самым различным образом в своем влиянии на развитие сельского хозяйства той или иной страны. Причины недостаточной притягательности сельским хозяйством свободных капиталов сводятся в основном к наличию сложившейся в условиях частной собственности земельной ренты, обнаруживающей тенденцию лишить капиталистического арендатора производимой у него сверх-прибыли и к относительной длительности сельско-хозяйственного цикла производства, начало и конец которого фиксированы природой [1]). Это главные причины хронической недостаточности капитала в сельском хозяйстве, вызывающей недопроизводство соответствующих продуктов по сравнению с тем спросом, который во все увеличивающихся масштабах пред'являет развивающаяся индустрия. Конечно, если бы каждая страна была совершенно изолирована в своем внутреннем капиталистическом развитии, то подобное расхождение кривых движения обеих сфер народного хозяйства привело бы к повышению цен на сельские продукты, создающему интенсивные стимулы добавочного вложения капитала в отстаю-

---

[1]) „Применение капитала в английском сельском хозяйстве признается вообще недостаточно прибыльным, поэтому не только не обращают новых земель под обработку, но и земли, давно находившиеся под обработкой, обращаются под пастбища и частью вовсе забрасываются». В Германии «промышленная комиссия конгресса 1898 г. прямо ставила экспертам вопрос, почему капитал не направляется в сельское хозяйство. Ответы гласили: потому что в земледелии доход капитала наполовину или до трети меньше, чем в других видах его применения, и врядли приносит более 2 или 3 процентов. Капитал, затраченный в сельском хозяйстве, говорит другой специалист, далеко не приносит такой прибыли, как капитал, примененный в других предприятиях. Капиталисты предпочитают банковое дело и т. д. помещению средств в земледелии» (И. Гранат. Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле. Из-ние автора, Москва. 1927. стр. 40 и 48).

щие отрасли, результатом чего оказалось бы необходимое перераспределение производительных сил страны.

Но в действительности относительная нерентабельность с капиталистической точки зрения производства сельских продуктов встречается с возможностью покупать эти продукты в отсталых земледельческих странах и при том по ценам более низким, чем внутренние цены. Последнее об'ясняется отчасти хищническим экстенсивным характером хозяйства в окружающей капитализм аграрной периферии, отчасти способностью мелкого производителя ограничивать до минимума свои жизненные потребности и продавать продукты личного труда ниже их действительной стоимости, по крайней мере на всю величину стоимости прибавочного продукта [1]), отчасти, наконец, тяготеющим над крестьянством полуфеодальных стран тяжелым гнетом арендной платы, ростовщических процентов и государственных налогов,—принудительный механизм, с помощью которого расширяется экспорт сельско-хозяйственных товаров за счет сокращения потребления трудового населения деревни. Капитал—космополит. Проникая в самые отдаленные области, разрушая паровым транспортом их вековую отчужденность от внешнего мира, выбрасывая на безлюдный простор некапиталистической периферии энергичный человеческий материал, бегущий острых социально-экономических противоречий своей родины,—капитал вывозит отсюда массы разнообразных сельских продуктов и тем самым наносит роковой удар сельскому хозяйству старых индустриальных стран и еще в большей мере отталкивает в них поток капитала в сторону промышленности.

В Англии радикальная буржуазная реформа 1846 г. открыла эпоху свободной торговли и поставила отечественную деревню под непосредственный контроль мирового рынка. Первые два десятилетия после отмены покровительственной системы английское сельское хозяйство не чувствовало на себе с достаточной остротой нивеллирующего давления мировой конкуренции в силу неразвитости континентального транспорта и быстрой урбанизации страны, обуславливавшей стремительный рост внутреннего спроса на продукты зернового производства. Но с семидесятых годов XIX столетия начинается тяжелый кризис сельского хозяйства, кризис, который был постепенно преодолен путем перехода к интенсивному скотоводству и абсолютного сокращения обрабатываемой площади зерновых культур. Накануне войны соотношение отдельных угодий было: пашня—25%, луга и пастбища—36%, леса 4%. Остальные 35% земли оставались совершенно неиспользованными. Буржуазия менее всего стремилась к тому, чтобы реорганизовать технику отечественного сельского хозяйства и поднять его до уровня внутренних потребностей страны. В последние десятилетия до войны в среднем ежегодно две трети инвестированного капитала уходило за границу в поисках более выгодных условий приложения [2]), а вековое несоот-

[1]) Ср. «Капитал», III², стр. 342.

[2]) Распределение инвестируемого капитала между внутренним производством и заграницей составляло (в милл. фунт. стерл.): 1870 г.—12.0 и 45,2;

ветствие между обоими полюсами экономики страны автоматически балансировалось регулярно растущим ввозом предметов потребления и промышленного сырья.—В Германии динамика сельского хозяйства имела несколько иной характер. Политика аграрного протекционизма, искусственно закреплявшая с помощью покровительственной таможенной системы высокий уровень сельско-хозяйственных цен, создавала сравнительно благоприятную обстановку интенсификации отечественного земледелия. Непосредственно обусловленное этим повышение норм урожайности в значительной мере (особенно в отношении ржи и овса) затормозило дальнейшее обострение отчетливо сказавшейся уже к концу восьмидесятых годов XIX столетия диспропорции между городской и сельской частями общественного продукта и в последующий период способствовало ее относительному выравниванию в основном за счет соответствующего понижения материального благосостояния трудящихся, оплачивающих своими доходами разницу между внешними и внутренними ценами на ввозимые сельские товары. Но, несмотря на рост отечественной сельско-хозяйственной продукции, Германия не в состоянии была перейти на полное автаркическое самоснабжение и хотя в меньшей степени, чем Англия, но все же неуклонно становилась в зависимость от экспортирующих аграрных стран. Принимая для 1872 года разницу между суммой ввоза и суммой вывоза сырья и продуктов питания, т.-е. размер остающегося и потребляемого в стране продукта за 100, получим следующий прогрессивно-увеличивающийся цифровой ряд: 1880 г.—74,2, (?), 1890—171,9%; 1900 г.—268,5; 1905—328,1 [1]). За 30 лет степень импортной зависимости народного хозяйства от аграрных стран увеличилась более, чем в три раза.—Толчек капиталистической эволюции сельского хозяйства С. Штатов был дан глубокими сдвигами производительных сил из деревни в город, сначала в Англии, а со второй половины прошлого столетия в ряде стран центральной Европы. Наполеоновские войны, торжество идей Кобдена и Брайта, франко-прусское столкновение—внешние политические показатели индустриализации Западной Европы—отражались за океаном, как поворотные моменты непрерывно растущего спроса на хлеб и мясо, табак и хлопок. Движение промышленного капитализма от Англии к востоку—преимущественно Германии—вызвало сопряженное движение американского поселенца с торгово-промышленного востока атлантического побережья к сельско-хозяйственному западу. Американская ферма была вызвана к жизни в основном развитием английской и немецкой фабрик. Торговый капитал концентрировал массы разнообразных сельских продуктов этой фермы и направлял их к потребляющим рынкам Европы, притягивая взамен растущий золотой поток. Накопляющиеся в процессе экспорта капиталы частью отслаивались в сфере сельского хозяйства, частью устремлялись на создание и организацию националь-

---

1880 г.—19,2 и 40,7; 1890 г.—29,6 и 101,3; 1900 г.—100,1 и 26,0; 1901 г.—60,3 и 179,8; 1913 г.—35,9 и 149,7 (Federation of British Industries «Some causes of the present stagnation of British Trade» by K. Glenday and A. Please 1925).

[1]) Вычислено по данным «Statist. Handbuch für das Deutsche Reich». 1907 г.

ной промышленности. Если с одной стороны, развитие американского сельского хозяйства было обусловлено напряженным ростом европейской промышленности, то с другой стороны—оно само послужило одной из важнейших предпосылок возникновения самостоятельной отечественной индустрии. Но и здесь повторяется обычная история: при огромном темпе внутреннего промышленного развития страна начинает испытывать в настоящее время недостаток в продуктах собственного сельского хозяйства и обнаруживает тенденцию стать для других заокеанских стран (Австралия, Канада, Индия) тем, чем Англия была для нее в течение почти всего прошлого века: огромной фабрикой, потребляющей оплачиваемые ею индустриальными товарами продукты деревни [1]).

Несмотря на определенное историческое своеобразие английского, германского и американского типов аграрного развития, все они совместно с приближающейся к этим основным типам динамикой аграрного процесса других индустриализирующихся стран сохраняют общую родовую черту—относительное сокращение фонда сельских продуктов по сравнению с постоянно расширяющимися потребностями воспроизводства общественного капитала. Национальный спрос на предметы питания и промышленное сырье закономерно обгоняет национальное внутреннее предложение этих необходимых составных частей общественного продукта, обратной стороной чего является невозможность реализации промышленных товаров в пределах национального рынка. Распределение капиталов характеризуется не оптимальным, а максимальным вложением их в сферу индустрии.

Несоответствие между сельским хозяйством и промышленностью не надо смешивать с изменением индексов производства сельской и промышленной продукции в процессе индустриализации страны. Несомненно, что самый факт индустриализации предполагает постепенное повышение удельного веса промышленности в общей системе народного хозяйства. Это об'ясняется двумя причинами: 1) отделением обрабатывающей промышленности от земледелия и превращением подсобных функций крестьянского двора в противостоящие ему самостоятельные отрасли производства и 2) ростом производительности общественного труда, находящем свое выражение в повышении значения средств производства и в промышленности и в земледелии и требующем относительно быстрого расширения производства материальных элементов тяжелой индустрии. Но происходящее в силу указанных причин изменение соотношения долей стоимости промышленных и сельских продуктов в сумме стоимости годового продукта труда не приводило бы к дефициту товаров на одном полюсе и избытку их на другом, если бы средства производства и рабочая сила распределялись при этом на основе известной внутренней пропорциональности, обеспечивающей постоянный беспрепятственный обмен веществ в пределах народного хозяйства. Индустриализация страны исключает равномерность темпа

[1]) Ср. Эдвин Нурс. «Американское сельское хозяйство и европейский рынок». Из-во „Плановое Хозяйство". 1926 г.

расширения промышленности и сельского хозяйства, но последнее обстоятельство вовсе не предполагает необходимо диспропорции между этими обеими сферами общественного труда. Неодинаковость темпов не ведет обязательно к закреплению неравенства размеров стоимости подлежащих регулярному обмену групп товаров. Иными словами: повышение коэффициента промышленной продукции еще не означает превышения той доли ее, которая составляет товарный фонд спроса на сельские продукты (стоимость части сырьевых ингредиентов постоянного капитала и предназначенных для покупки хлеба, мяса и др. предметов питания частей переменного капитала и прибавочной стоимости) над той долей товарного продукта сельского хозяйства, которая должна через обмен возместить промышленности соответствующие средства производства и предметы потребления. Только при капиталистической индустриализации повышение удельного веса промышленности неизбежно перерастает в отставание производства сельско-хозяйственной продукции от создаваемого расширяющимся воспроизводством национального капитала увеличения платежеспособного общественного спроса на последнюю. Или—как совершенно правильно формулирует это явление П. Маслов, фиксируя свое внимание на моменте перемещения населения—«сокращение земледельческого населения в наиболее развитых промышленных странах идет дальше, чем это требовало бы разделение национального труда и перераспределение производительных сил под влиянием увеличения производительности труда в земледелии [1]) (и индустрии? *А. Г.*).

Разбирая взгляды Булгакова на проблему реализации, Р. Люксембург делает мимоходом следующее критическое замечание по поводу указываемой им потребности капиталистических стран ввозить продукты сельского хозяйства.—«Международный товарный обмен оказывается здесь обоснованным не сущностью способа производства, а естественными условиями разных стран,—теория, которая заимствована во всяком случае не у Маркса, а у немецких «гелертеров» буржуазной политической экономии» [2]). Это замечание совершенно неверно и лишний раз показывает, как ничем неоправдываемое искусственное выделение прибавочной стоимости в качестве элемента с совершенно особенными законами реализации автоматически вычеркивало из поля зрения автора все действительные трудности воспроизводства и накопления общественного капитала. В самом деле. Как можно с такой поразительной легкостью игнорировать тот факт, что регулярное движение огромного извилистого потока разнообразных продуктов из аграрных стран в индустриальные центры (хлеб, мясо, животное и растительное сырье), составляющее одно из основных слагаемых мирового товарообращения, обуславливается—за исключением тех продуктов, которые могут производиться лишь в строго очерченных поясах земного шара—не внеисторическими естественными различиями отдельных стран, но противоречивой внутренней сущностью капитализма, неспособного

[1]) П. Маслов. „Аграрный вопрос в России. т. I, стр. 106. Из-во „Дело". 1917 г.
[2]) Накопление капитала. 1924 г., стр. 307.

сообщить сельскому хозяйству соответствующий масштаб расширения? Капитализм не разрешает внутреннего противоречия неравномерности развития, но лишь о б х о д и т обусловленные нарастающей несогласованностью затруднения в воспроизводстве национального капитала путем энергичного включения в систему мирового хозяйства. Маркс с редкой ясностью формулировал антагонизм между условиями развертывания производительных сил земледелия и капиталистическими методами хозяйствования в следующих замечательных словах: «Из природы капиталистического производства вытекает, что индустрия развивается быстрее, чем земледелие. Это вытекает не из природы земли, а из того, что она требует других общественных отношений, чтобы она действительно эксплоатировалась соответственно своей природе»[1]). Выход за государственные пределы национальной экономики освобождает капитализм от необходимости сгладить и выправить те устойчивые диспропорции аграрно-промышленного характера, которые неуклонно формируются в процессе капиталистической индустриализации страны. Развитие морского и сухопутного транспорта позволяет преодолеть это противоречие, отодвинув его на дистанцию мирового масштаба и обособив центры производства предметов питания и промышленного сырья от мест их потребления.

Таким образом, наряду с теми продуктами, которые капиталистическая страна ввозит в силу создаваемой неизменными естественными различиями а б с о л ю т н о й невозможности, существуют и такие продукты, которые она ввозит в силу обусловленной самой природой капитализма о т н о с и т е л ь н о й невозможности их внутреннего производства в соответствующих повышающимся реальным требованиям размерах. Превращение денежной формы общественного капитала в производительную, как момент накопления, наталкивается не только на естественные границы полного отсутствия тех или иных составных элементов совокупного процесса воспроизводства, но в несравненно большей мере на экономические границы, поставленные расширению сельского хозяйства капиталистической эволюцией страны.

---

[1]) „Теории“, т. III, стр. 294. В полном соответствии с этой точкой зрения Ленин задолго до опубликования четвертого тома „Капитала“ в споре с народниками писал: „м о ж е т л и с у щ е с т в о в а т ь т а к о й капитализм, при котором развитие торговли и промышленности не обгоняло земледелия? Ведь рост капитализма есть рост товарного хозяйства, т.-е. общественного разделения труда, о т р ы в а ю щ е г о от земледелия один за другим вид обработки сырья, первоначально связанный с добыванием сырья обработкой и и потреблением его в одном натуральном хозяйстве. Поэтому в е з д е и в с е г д а капитализм означает б о л е е б ы с т р о е развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием“... И в примечании: „всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается п о з а д и торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплоатируется ими, всегда оно лишь позднее втягивается ими на стезю капиталистического п р о и з в о д с т в а. (Ленин, т. II 1923 г. „Сисмонди и наши отечественные сисмондисты“, стр. 226. Курсив автора). В своей работе об империализме Ленин, как известно, подчеркивал, что экспорт капитала из передовых буржуазных стран совершается в то самое время, как их собственное земледелие нуждается в радикальной реорганизации. (См. «Империализм». „Собр. Соч.“ т. XIII, стр. 284).

Мы усиленно подчеркиваем необходимость для развитых капиталистических стран систематически ввозить различные товары в целях постоянного повторения общественного процесса воспроизводства, каковы бы ни были непосредственные причины отсутствия этих товаров на собственном внутреннем рынке. Отсюда легко может создаться неверное впечатление, что вывоз капиталистических товаров—не самостоятельный и активный фактор накопления, а подчиненное экономическое явление, имеющее лишь подсобное значение метода балансирования импортируемых продуктов. Именно на такую точку зрения стали Туган-Барановский и Булгаков при анализе роли внешних рынков для капитализма. Вот, что писал Туган:

«Я только что сказал, что капиталистическое производство само создает для себя рынок. Это совершенно верно, но лишь при одном условии, которого я пока не касался, при условии, что страна совсем не ввозит из-за границы. В этом случае вся та часть покупательной силы, которая затрачивается на приобретение иностранных товаров, очевидно изъемлется из внутреннего рынка... Как бы мы ни изменяли распределение национального капитала, все равно доля товаров останется в избытке.... внешний рынок для такой страны безусловно необходим» [1]).

Это об'яснение причин вывоза товаров за пределы капиталистической страны неверно. Совершенно очевидно, что при ввозе товаров из-за границы внутренний рынок лишается соответствующей части покупательной силы лишь в том единственном случае, если в стране производится однородные с импортируемыми товары. В подобных условиях определенная сумма национального платежного спроса реализует ввозимые продукты вместо того, чтобы реализовать однородные продукты внутреннего производства. Как следствие этого, образуется некоторый товарный избыток, который должен быть необходимо оплачен за счет каких-либо источников извне. Но этот случай—о нем мы будем говорить ниже—не имеет большого значения в системе мировой торговли. Иначе складывается взаимоотношение спроса и предложения, когда страна потребляет продукты, которые или совсем в ней не производятся, или же производятся в недостаточных размерах. Если в Англию ежегодно ввозится в известных количествах сырье и предметы питания, то это не значит, что внутренний рынок лишается на соответствующую величину части своей платежной способности. Покупательная сила, которая затрачивается на приобретение этих продуктов, вообще не является реальным фактором спроса на производимые в стране товары, ибо те определенные по своей вещественной конкретности товары, на оплату которых она предназначается, частично или целиком отсутствуют на внутреннем рынке. Избыток товаров английской индустрии, который она систематически реализует на внешних рынках, образуется не потому, что внутри страны отвлечена часть покупа-

[1]) «Мир Божий», кн. VI. «Капитализм и рынок». 1898 г. Ср. „Периодические промышленные кризисы". 1925 г., стр. 201—202.

тельной силы, а потому, что в процессе исторического движения слишком много труда и капитала сконцентрировано в сфере промышленности и слишком мало в сфере сельского хозяйства. Однако, и в пределах самой промышленности происходит крайне несогласованное движение отдельных отраслей. Известно, что процесс расширенного воспроизводства предполагает более быстрый рост сферы производства средств производства по сравнению со сферою производства средств потребления. Но речь здесь идет не об этом эмпирическом законе, сохраняющем всю свою значимость для всякой прогрессирующей системы хозяйства, а о том неопровержимом факте, что между нормами расширения различных отраслей нет органического внутреннего соответствия. Совокупность естественно-исторических и социально политических условий определяет сравнительную выгодность организации тех или иных отраслей, которые становятся могучими центрами притяжения свободных капиталов. Капитализируемый доход устремляется в эти сферы и оседает здесь сотнями фабрик у тысячами рабочих. Английская хлопчато-бумажная, немецкая химическая и французская шелковая отрасли индустрии в наиболее конденсированном виде выявляют эту особенность капиталистического процесса. Расширение таких стержневых отраслей не детерминируется реальными внутренними потребностями воспроизводства и накопления национального капитала, но измененно выходит за создаваемые последними узкие пределы и ориентируется на спрос внешнего рынка. Структурная непропорциональность характеризует не только соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, но и внутри самой промышленности между ее различными составными подразделениями [1]). В разрезе вытекающего из анархии капитализма всестороннего структурного несоответствия, усугубляемого прямой невозможностью развернуть в стране те или иные отрасли промышленности, внешне-рыночный кругооборот товаров приобретает вполне определенное функциональное значение.

Ежегодно часть 1) выплаченной заработной платы, 2) присваиваемой прибыли, 3) затрачиваемого на средства производства капитала уходит за пределы национальной капиталистической системы с целью приобретения недостающих предметных элементов общественного воспроизводства. Параллельно этому на внешнем рынке—все равно находится-ли он в самой стране или за границей—должен реализоваться на соответствующую величину стоимости излишний для внутренних потребностей продукт, и тем самым к предпринимателям притекает та доля авансированных денежных сумм, которая

---

[1]) Очень содержательный анализ закономерности размещения различных отраслей промышленности в зависимости от всей суммы естественных, экономических и политических факторов дает на основании большого материала проф. А. И. Буковецкий в статье «Местонахождение промышленного предприятия», помещенной в сборнике «Организация средств производства». Гиз. 1926 г. Общую сводку историко-географического размещения современной индустрии в целом мирового хозяйства см. у Karl'a Sapper'a. «Algemeine Wirtschafts-und Verkehrsgeographie». Berlin. 1925. S. 194—198.

не могла вернуться к исходному пункту путем внутрирыночной продажи произведенных товаров, и которая в форме денежного капитала служит продолжению процесса воспроизводства. Если страна импортирует товары, то она должна экспортировать другие товары. Но отношения между ввозом и вывозом не являются отношениями причинного характера. Постоянный отток товаров из капиталистического круга хозяйства имеет своей причиной не движение товаров с внешнего рынка на внутренний. Ни ввоз не обусловливает вывоза, ни вывоз не обусловливает ввоза, но тот и другой обусловлены фактом неравномерного роста капиталистического производства и представляют в основном две стороны одного и того же явления — исторически складывающейся структурной ассиметричности народного хозяйства. Движение товаров с внутреннего рынка на внешний и с внешнего рынка на внутренний—параллельные и равноправные экономические процессы, регулирующие динамическое равновесие системы капиталистического хозяйства.

В докапиталистических формациях натурального типа воспроизводство, включая и моменты расширения, несомненно имеющие место, несмотря на их незначительный масштаб, совершается на основе ограниченных экономической замкнутостью локальных ресурсов[1]). Средоточием хозяйства служит земледелие и скотоводство, к которым примыкает в качестве второстепенных производственых функций переработка преимущественно сельско-хозяйственного сырья и изготовление различных продуктов в целях удовлетворения общественных потребностей. Распределение труда в каждом крестьянском дворе, образующем составную единицу этих социальных систем, заранее строится так, чтобы часть его воплощалась именно в те вещественные формы, которые могут быть непосредственно введены в комплекс производственных операций, как необходимая материальная подкладка роста данного хозяйства. В результате сознательно проведенного относительного сокращения личного потребления определенная доля общей суммы трудовых затрат освобождается от изготовления индивидуальных жизненных средств и связывается производством добавочных средств производства, расширяющих фундамент хозяйственной единицы. Прибавочный продукт, питающий процесс роста производительных сил, необходимый фонд жизненных средств, за счет которого существует население, регулярно воссоздаваемые сношенные части функционирующего технического аппа-

---

[1]) Это относится и к периоду домашинного капиталистического производства, на что указывал еще Маркс. «До изобретения машин индустрия страны распространялась, главным образом, на те сырые продукты, которые производила собственная земля; например, в Англии—на шерсть, в Германии—на лен, во Франции—на шелк и леса, в Ост-Индии и на Востоке — на хлопок и т д. Но благодаря применению машин и пара. разделение труда стало так сильно возрастать, что крупная индустрия, оторвавшись от национальной почвы, начала теперь зависеть исключительно от мировой торговли, от международного разделения труда» (К. Маркс. «Нищета философии» С.-Пгр. 1905 г., стр. 128—129).

рата—весь этот конкретный предметный результат годового труда внутри каждого хозяйства строго соответствует своим вещественным содержанием (потребительской ценностью) потребностям последнего в сохранении уже достигнутого уровня производства и его дальнейшем повышении. Рост размеров хозяйства есть прямой материальный итог внутреннего перераспределения занятого в нем труда в направлении увеличения производственного потребления, складывающегося из небольшого числа используемых в данной области и при данном незначительном уровне техники сырьевых элементов. Производство движется на началах полного самоудовлетворения, а накопление выступает в виде непосредственного присоединения предварительно закрепленной в соответствующих продуктах части ежегодного дохода к уже существующим производительным силам замкнутой хозяйственной единицы. Так как непосредственный производитель является обычно лишь владельцем (но не собственником) об'ективных условий производства, то распределение его рабочего времени происходит только в тех границах, которые детерминируются величиной принудительного дарового труда на действительного собственника, если, конечно, эта эксплоатация не поглощает всего прибавочного продукта мелкого производителя.

Реальный капитализм не знает подобного непосредственного совпадения производства и потребления не только в пределах отдельных предприятий, что исключается фактом общественного разделения труда, но и в пределах каждой национальной капиталистической системы в целом. Годовой масштаб накопления—оставляя в стороне личное потребление капиталистов—лимитирован величиной созданной прибавочной стоимости, но самый процесс расширения производства не связан тем конкретным натуральным составом, в котором овеществилась эта стоимость. В условиях сложившегося мирового хозяйства производство, реализация произведенных товаров, аккумуляция прибыли, накопление капитализированной прибыли в форме покупки добавочных средств производства и добавочной рабочей силы—эти четыре момента единого процесса воспроизводства разделены как во времени, так и в пространстве. При существовании относительно прочных внешнерыночных отношений, годовой продукт прибавочного труда рабочего класса может в большей или меньшей мере не соответствовать по характеру своей потребительной стоимости тем добавочным потребностям, которые образуются постоянной тенденцией к росту об'ема воспроизводства национального капитала. Как сумма стоимости, он представляет потенциальный покупательный фонд, который может быть затрачен на осуществление необходимых в целях расширения производства товарных операций. Но вещественно он или совсем не пригоден к накоплению, или частично превышает размеры добавочных потребностей в новых средствах производства и средствах потребления. Внешний спрос развязывает эту потенциальную покупательную силу, превращая ее из товарной формы в денежную, а из денежной в производственную, которая и

присоединяется к имеющемуся общественному капиталу [1]). Но сказанное относится не только к прибавочной стоимости, как фонду расширения производства, но и к постоянному и переменному капиталу, как фонду консервирования производства в уже достигнутых размерах. Таким образом, не говоря даже о росте капиталистической промышленности, одно только функционирование ее в уже сложившихся масштабах становится невозможным на основе внутреннего рынка в силу сочетания постоянного недопроизводства на одном полюсе с постоянным перепроизводством на другом. Конкретный состав валового капиталистического продукта страны не совпадает обычно с платежными потребностями самого капиталистического круга в материальных ингредиентах, которые суммируются, во-первых, из регулярно-возобновляемых потребленных частей постоянного капитала, переменного капитала и некапитализируемой прибавочной стоимоси и, во-вторых, из дополнительно-требуемых для накопления средств производства и средств рабочего потребления. В силу этого капиталистический процесс не замыкается автаркически в самом себе путем самостоятельного возмещения и расширения элементов общественного производства и потребления, но всесторонне связывается отношениями внешнего обмена с окружающей его социальной средой, охватывающей самые разнообразные по уровню своего развития экономические формации. Мировой товарооборот ежегодно осуществляет взаимную транслокацию определенных частей созданного в различных капиталистических системах и сосуществующих с ними докапиталистических организациях общественного продукта, чтобы в результате подобной закономерной перегруппировки было обеспечено возобновление и продолжение процесса воспроизводства капитала.

Различие естественных условий трудового процесса, создающее монопольное положение отдельных областей земного шара в производстве некоторых специальных продуктов, и различие масштаба расширения составных отраслей капиталистического народного хозяйства не исчерпывают всей сложности современного международного товарооборота. Указанные различия находят свое выражение в интернациональном разделении труда и обуславливают регулярное движение разнородных потребительных стоимостей, поскольку

[1]) «Если бы прибавочный труд или прибавочная ценность выражались только в национальном прибавочном продукте, то увеличение ценности ради ценности и потому стремление к прибавочному труду нашло бы предел в ограниченном узком круге потребительных ценностей, в которых была представлена ценность труда. Следовательно, только внешняя торговля раскрывает настоящую природу (прибавочной ценности) как ценности, так как она показывает, что заключенный в ней труд есть общественный труд, который выражается в неограниченном ряде потребительных ценностей и действительно придаст смысл абстрактному богатству.... Но только внешняя торговля, развитие рынка до мирового рынка превращает деньги в мировые деньги и абстрактный труд—в общественный труд.... Капиталистическое производство основано на ценности или на развитии заключенного в продукте труда как труда общественного. Но это (возможно) лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Последний, таким образом, является предпосылкой и результатом капиталистического производства» (К. Маркс. «Теории etc, т. III. 1923, стр. 210).

мировой рынок автоматически перераспределяет в противоположных направлениях вещественно отличные части совокупного продукта земного шара. Но внешний оборот происходит не только в тех строго очерченных нормах, которые созданы этим двойственным различием и в каждый данный момент измеряются избытком или недостатком разнообразных товаров по сравнению с существующими размерами спроса на последние. Страна может импортировать товары, производимые в достаточном для покрытия платежных потребностей количестве, и экспортировать товары, на которые и внутренний рынок пред'являет широкий и устойчивый спрос. Здесь мы имеем дело с обусловленным различием уровней цен конкурентным проникновением, в основе чего лежит градация средней стоимости единицы соответствующего товара в отдельных странах. С одной стороны, происходит ввоз товаров не потому, что необходимо этим балансировать общественный спрос, а потому, что импортные цены ниже внутренних; с другой—происходит вывоз товаров не потому, что на национальном рынке отсутствует необходимый реальный спрос, а потому, что рентабельнее реализовать их на тех или иных рынках вовне. «В этом случае международный обмен имеет свое основание не в разделении труда, которое предполагает производство разнородных потребительных стоимостей, а исключительно лишь в различии издержек производства, в различии индивидуальных для каждой страны затрат, которые в международном обмене сводятся к общественно-необходимому труду в его мировом об'еме»[1]). Но совершенно очевидно, что охватывающая однокачественные продукты форма внешнерыночных связей является не доминирующей, а второстепенной в общем мировом кругообороте товаров.

Конечно, отношения и зависимости в движении мирохозяйственного товарооборота несравненно более сложны, чем может показаться с первого поверхностного взгляда. Хотя сумма всех платежей страны должна покрываться суммой всех поступлений в нее из за границы, но, во-первых, товарный экспорт и импорт обычно не балансируют друг друга, и, во-вторых, распределение вывоза из данной страны в другие не пропорционально распределению ввоза из этих последних в данную страну. Первое об'ясняется наличием различных невидимых статей баланса, второе—тем, что мировая торговля носит так называемый треугольный характер (triangular trade).

Под невидимыми статьями понимаются такие составные элементы баланса, которые дают стране возможность импортировать товары, не платя за них непосредственно своим экспортом (невидимый экспорт), или вынуждают страну экспортировать товары без получения в качестве эквивалента платежей иностранными товарами (невидимый импорт. [2]) Наиболее типичными источниками невидимых

---

[1]) Н. Бухарин: «Мировое хозяйство и империализм». Гиз. 1925 г., стр 13.

[2]) Проф. C. Todd, определяя вслед за Р. Гиффеном категорию невидимого баланса, дает ей следующую фурмулировку: «Невидимый экспорт—это то, что позволяет стране импортировать товары без непосредственной оплаты их экспортом своих собственных товаров, и наоборот, невидимый импорт есть то,

строк платежного баланса, являются: 1) миграция капиталов, 2) торговый флот, 3) банковские коммерческие и страховые операции. Все эти факторы вносят существенный корректив в торговый баланс страны, создавая определенную кривую расхождения в величинах экспорта и импорта товаров.

В общих чертах можно сказать, что торговый баланс стран, систематически инвестирующих капитал за границу, носит пассивный характер, а торговый баланс стран, потребляющих иностранный капитал—активный характер. Это об'ясняется тем, что страны, вывозящие капитал в самых разнообразных формах (золото, акции различных предприятий, товары) и являющиеся обычно вместе с тем крупными интернациональными агентами по производству различных коммерческих и финансовых операций и обслуживанию своим торговым флотом других стран, сосредотачивают ресурсы для оплаты ввозимых товаров не только за счет собственного экспорта, но и за счет тех разнообразных фондов, которые ежегодно притекают к ним со всех концов земного шара в виде процентов, дивидендов и амортизационных отчислений. Наоборот, страны, импортирующие капитал и пользующиеся различными «услугами» высоко-развитых капиталистических государств, становятся дебиторами последних и систематически погашают свои долги обычно не золотом, а путем вывоза производимых в их пределах товаров. Нижеследующая табличка хорошо иллюстрирует только что сказанное (1913 г.) [1]).

Страны, помещающие за границей капитал.	Избыток ввоза товаров.	Страны, получающие из-за границы капитал.	Избыток вывоза товаров.
Англия	651,7	С. Штаты (вкл. Аляску,	
Германия	160,0	Гаваи, Порто-Рико) . .	435,8
Франция	315,2	Британск. Индия . . .	197,9
Нидерланды	335,7	Аргентина.	60,0
Бельгия.	257,5	Мексика	37,0

Если бы страна являлась лишь односторонним должником, то избыток вывоза товаров стремился бы к совпадению с суммой ее процентных обязательств, отклоняясь вверх от этой суммы на величину возвращаемого капитала и вниз от нее на величину вновь импортируемого капитала. Если бы страна являлась лишь односторонним кредитором, то избыток ввоза товара над вывозом стремился бы к совпадению с суммой ее процентных требований, отклоняясь вниз от этой суммы на величину вновь экспортируемого капитала и вверх от нее на величину возвращаемых капитальных займов. Но так как обычно страна является и должником и кредитором, поскольку даже развитые капиталистические страны привле-

---

что делает для страны необходимым экспортировать товары без получения непосредственной оплаты другими товарами. U. Todd „The mechanism of exchange. 1919 г., p. 174; Ioseph Esslen «Die politik des Auswärtigen Handels» Zweite Theil. «Handelsbilanz und Zahlungsbilanz»; C. F. Bastable „The theory of international trade» 1903. P. 172—78.

[1]) Theod Boggs «The internatonal trade balance», p. 80—81.

кают иностранный капитал, то решающее значение имеет момент превалитета обязательств под требованиями и наоборот. Сложный разветвленный механизм миграции капиталов, торгового судоходства и разнообразных финансово-коммерческих операций, регулирующий процесс перераспределения национального дохода между отдельными странами, не лежит в основе современного международного товарооборота[1]), необходимость которого указана выше, но несомненно детерминирует количественные соотношения ввоза и вывоза товаров, создавая определенное отклонение торгового баланса, закономерно изменяющееся для каждой страны в ту или иную сторону в процессе обусловленных ее внутренним экономическим ростом сдвигов в характере связей с окружающим ее внешним миром.

Наряду с тем фактом, что товарный экспорт и импорт не должны обязательно равняться друг другу, размещение экспорта по различным странам не пропорционально распределению ввоза из этих последних в данную страну. Рынки сбыта и рынки снабжения могут не совпадать. Это явление не стоит в связи с наличием невидимых статей баланса. Если бы никаких невидимых статей в действительности не существовало, то и в этом случае международный товарообмен не происходил бы по формуле равенства величин стоимости товарных масс, обмениваемых каждым из двумя участниками мирохозяйственного процесса. Каменный уголь и текстильные ткани являются тем крупным экспортным баластом, который методически уравновешивает и обеспечивает определенную часть английского импорта, но ежегодная разверстка этого вывоза по отдельным странам не совпадает с суммами импорта товаров из этих стран в Англию. Это явление об'ясняется тем, что всякая страна связывается меновыми отношениями не с одной, а с рядом стран, в силу чего создается возможность продавать товары какой-либо из них не непременно на ту же самую сумму, на которую у нее куплено товаров, но путем реализации части общего экспорта на рынках других стран покрыть вырученными деньгами недостающую долю причитающихся этой стране за купленные у нее товары платежей. На подобной основе исторически развивается сложная сеть внешнерыночных отношений, совершенно не имеющая характера прямолинейной зависимости товарного ввоза и вывоза каждой пары выступающих на мировом рынке национальных хозяйств. Теория «торгового треугольника» усиленно популяризируется в современной Англии, как доктрина, способная об'яснить послевоенное падение британского экспорта не односторонне, а в связи с общим сокращением покупательной способности даже тех рынков, которые не являются непосредственными «реализаторами» английских продуктов.

Каковы бы ни были усложняющие моменты мирового кругообращения товаров, его первопричины совершенно ясны. Оставляя в стороне различие естественных условий и различие средней стоимости однородных товаров в отдельных странах, основной активный фактор развертывания внешнерыночных отношений раскрывается не

[1]) Так именно думает Boggs в только что упомянутой книге.

в аспекте трехчленного стоимостного состава общественного продукта (с + v + m), а в отраслевом разрезе ассимметрично складывающейся структуры капиталистического производства. Приобретение и закрепление все новых и новых рынков для превращения Т в Д и Д в Т есть действительно жизненная необходимость современного капитализма. Но эта необходимость не безусловная, а условная. Она дана не имманентной внутренней невозможностью накоплять, а теми естественными и историческими условиями, в которых совершает неравномерное развитие процесс воспроизводства капитала.

Капитализм начинает свое историческое движение, опираясь на внешние источники спроса, как внутри, так и вне страны. Чрезвычайно ускоряя медленный процесс общенациональной товаризации хозяйства, он обнаруживает неотразимую тенденцию охватить капиталистическими производственными отношениями всю страну и соответственно этому превратить весь национальный рынок в рынок капиталистический. Период радикальной трансформации народного хозяйства—то более, то менее длительный—характеризуется внутренним самоуглублением капиталистического процесса и относительным ослаблением значения иностранных рынков сбыта для продуктов развивающейся промышленности. Денатурализация национального производства (преимущественно в деревне) открывает индустрии широкий внешний спрос и снабжает ее продуктами сельского хозяйства, накопленными сбережениями и живой рабочей силой. В рамках расширяющегося национального рынка постепенно складывается собственно капиталистический рынок спроса на средства производства и средства потребления. Но накопление созданной в промышленности прибавочной стоимости и притекающих извне дополнительных средств не размещается по отдельным сферам общественного хозяйства в строгом соответствии с внутренними платежеспособными потребностями воспроизводства оформляющейся капиталистической системы. Сельское хозяйство, к которому пред'являются растущие требования на промышленное сырье и предметы питания, не получает в корреспондирующих размерах доли капитализируемого дохода для капиталистической организации производства соответствующих продуктов. Некапиталистические слои отечественного сельского хозяйства в течение некоторого времени покрывают образующийся дефицит, но расширение индустрии идет так быстро, что рано или поздно обгоняет их производственную способность и вынуждает страну к ввозу сельских продуктов извне. К этой основной диспропорции примыкают диспропорции внутри самой промышленности, вытекающие и развивающиеся из того же несогласованного движения отдельных капиталистических отраслей. Таким образом, внешний рынок, как внутри так и вне страны играет существенную активную роль в процессе капиталистической эволюции всякой страны. Наряду с внутренним рынком он выполняет определенную органичечскую функцию в ходе общественного накопления. Заостряя проблему под углом зрения реализации произведенных капиталистических продуктов, мы

можем сказать, что внешний рынок сбыта необходим капиталистической стране не потому, что ее собственный внутренний рынок сокращается в силу сплошной пауперизации мелких товаропроизводителей и неуклонного отставания общественного потребления от общественного производства, как думают сисмондисты, и не потому, что сумма капитализируемой прибавочной стоимости благодаря абсолютному отсутствию добавочного платежеспособного спроса не реализуется внутренним рынком, как утверждают люксембургианцы. И те и другие неправы. Рынок не сокращается, а развивается с ростом капитализма в основном за счет средств производства, а постоянная тенденция к расширенному воспроизводству создает реальные источники спроса на прибавочную стоимость, реализация которой происходит беспрепятственно при том условии, если товары, из которых она состоит, соответствуют вещественно и стоимостно растущим потребностям народного хозяйства, находящегося в состоянии расширенного воспроизводства. Но как раз это необходимое требование соответствия стоимости вещественных форм реальным потребностям воспроизводства общественного капитала систематически нарушается не только в отношении прибавочной стоимости, но и в отношении других частей валового капиталистического продукта.

Изменяющаяся по своей интенсивности потребность капиталистической промышленности в новых областях сбыта и снабжения об'ясняется в решающих чертах несогласованностью накопления капитала, вызывающей в процессе воспроизводства двустороннее несоответствие, автоматическое преодоление которого является экономической функцией внешнерыночного обращения товаров. Под углом зрения структурной непропорциональности очевидно, что избыточная в границах внутреннего спроса часть капиталистического продукта не распадается по отдельным отраслям пропорционально их долевому участию в создании годовой прибавочной стоимости. Размер товарного продукта, размещаемого каждой отраслью за пределами национального круга производства, может быть больше или меньше количества произведенной в ней прибавочной стоимости и определяется степенью отклонения масштаба ее развития от средней масштабов развития других отраслей. Иными словами: сумма находящего себе помещения на внутреннем капиталистическом рынке избыточного продукта не должна совпадать с суммой накопляемой прибавочной стоимости, а разность между стоимостью всего капиталистического продукта и стоимостью той его части, которая уходит на внешний рынок, не должна совпадать с величиной воплощенных в товарах постоянном капитале, переменном капитале и потребляемой доли прибавочной стоимости.

У Розы Люксембург есть одно очень интересное место, где она сама начинает смутно сознавать, какая странная получается картина, если перевести выдвинутую ею концепцию на язык фактического вывоза товаров из капиталистической страны, и где она почти вплотную

подходит к правильному решению проблемы внешнего рынка. Вот что она пишет, переходя от теоретического анализа к исторической действительности.

«Решающим является то, что прибавочная стоимость может быть реализована не рабочими и не капиталистами, а только общественными слоями и обществами, которые не производят капиталистически. При этом мыслимы два различных случая. Капиталистическое производство поставляет средства потребления в количестве, превышающем его собственные потребности—потребности рабочих и капиталистов—(значит, вывоз обусловлен не наличием прибавочной стоимости в о о б щ е, а фактом превышения размеров производства над платежеспособным спросом? *А. Г.*) и покупателями этих средств потребления являются некапиталистические слои и страны. Такова, например, английская хлопчатобумажная промышленность.... В этом случае подразделение II (средств потребления) в возрастающей степени реализовало свои продукты в некапиталистических общественных слоях, при чем оно, со всей стороны, создавало, благодаря собственному накоплению, возрастающий спрос на отечественные продукты подразделения I (средств производства) и этим самым способствовало реализации прибавочной стоимости (происшедшей, значит, в пределах внутреннего капиталистического рынка!! *А. Г.*) и возрастающему накоплению этого подразделения. Возьмем обратный случай. Капиталистическое производство поставляет средства производства в количестве, превышающем его собственные потребности (опять совершенно правильно подчеркнут момент диспропорциональности в отраслевом разрезе! *А. Г.*) и находит покупателей в некапиталистических странах.... Возникающее отсюда прогрессивное расширение подразделения I вызывает в стране капиталистического производства соответствующее расширение подразделения II, которое поставляет средства потребления для возрастающей армии рабочих подразделения I. Каждый из этих случаев отличается от схемы Маркса. В первом случае продукт подразделения второго превышает потребности обоих подразделений—их переменный капитал и потребленную часть прибавочной стоимости; во втором случае продукт подразделения I превосходит величину постоянного капитала обоих подразделений, даже если принять во внимание его увеличение в целях расширения производства»[1]).

Итак, что же, собственно, вынуждает вывоз товаров? Несоответствие между размерами производства какой-либо из отраслей капиталистической промышленности и внутренними потребностями остальных отраслей, или—как это утверждала Люксембург выше—уже один только факт производства непотребляемой прибавочной стоимости вообще? Как примирить подчеркнутый Р. Л. в приведенных цитатах момент диспропорциональности общественного производства, как фактора внешней торговли, с теорией, сводящей значение внешне-рыночной реализации к сбыту капитализируемого прибавочного продукта?

---

[1]) «Накопление капитала», т. I, стр. 358—360.

Но Люксембург уже сама ставит этот роковой для всего ее учения о накоплении вопрос. Непосредственно вслед за цитированным местом она пишет:

«Один пункт кажется при этом неясным. Если, например, избыток в средствах потребления, скажем, хлопчатобумажных тканей, находит себе сбыт в некапиталистических кругах, то ясно, что эти ткани, как капиталистический товар, представляют не только прибавочную стоимость, но и постоянный и переменный капитал. (В этом вся суть дела! *А. Г.*) Допущение, что именно товары, которые нашли себе сбыт вне кругов капиталистического общества, представляют только прибавочную стоимость, кажется (не только кажется, а так и есть в действительности. *А. Г.*) совершенно произвольным. С другой стороны, оказывается, что в этом случае и другое подразделение (I) не только реализует свою прибавочную стоимость (и в этом отношении неожиданный подрыв подкупающе-простой концепции! *А. Г.*), но что оно может и накоплять, не сбывая, однако своего продукта вне обоих подразделений капиталистического производства». [1])

Вопрос сформулирован с убийственной правильностью. Р. Л. понимает, что колеблется фундамент всего ее теоретического здания, ибо оказывается, что на внешних рынках реализуется не только часть прибавочной стоимости, но и часть постоянного и переменного капиталов, а на внутреннем—не только эти последние, но и некоторая доля прибавочной стоимости.

И она спешит об'явить несомненное противоречие между теорией и фактами лишь кажущимся.

«Но оба эти возражения только кажущиеся, они устраняются пропорциональным распределением стоимости всей массы продуктов на ее соответствующие части... Если мы допустим, что прибавочная стоимость реализуется вне капиталистического производства, то этим уже дано, что его вещественная форма не имеет никакого отношения к потребностям самого капиталистического производства... Поэтому капиталистическая прибавочная стоимость может появиться на свет либо в форме средств потребления, либо в форме средств производства, как например, железнодорожных материалов» [2]).

Убедительно? Нисколько! Вещь только что сам автор вынужден был признать, что прибавочная стоимость содержится во всех товарах, произведенных во всех отраслях капиталистической промышленности. Почему же монопольным правом на овеществление прибавочной стоимости вновь пользуется лишь одна отрасль? Но далее опять следует признание неприятного факта.

«То обстоятельство, что реализованная прибавочная стоимость, заключающаяся в продуктах одного подразделения, содействует и реализации прибавочной стоимости другого подразделения (разбивает всю теорию реализации Люксембург? Оказывается нет! *А. Г.*)

---

[1]) Ibid., стр. 360.
[2]) Ibid., 361.

совершенно не изменяет (??) того факта, что общественная прибавочная стоимость. как целое, реализуется отчасти прямо, отчасти косвенно вне обоих подразделений» [1]).

Итак, хотя по теории прибавочная стоимость должна целиком уходить во внекапиталистическую среду, однако в действительности часть ее остается в самом капиталистическом хозяйстве. Но это, собственно, не меняет дела, так как прибавочная стоимость «может» выходить только из одного подразделения, хотя нельзя отрицать, что реализуясь вовне она тем самым «содействует» внутренней реализации другой части прибавочной стоимости и, значит, в конечном счете, реализуется за пределами капитализма, . . . хотя, кроме нее, уходит за эти пределы и постоянный и переменный капитал, а часть злополучной прибавочной стоимости все-таки остается для потребностей внутреннего рынка. Из этого безвыходного тупика не выберется ни один защитник люксембургианской теории!

Но если сбыт прибавочной стоимости не связан необходимо с некапиталистической хозяйственной средой, то какое значение имеет последняя в историческом движении накопления общественного капитала?

Это значение двоякого рода: 1) возможность получить добавочную норму прибыли и 2) возможность ослабить внутренние противоречия капитализма.

Получение бо́льшей нормы прибыли осуществляется как в процессе товарообмена с некапиталистическими производителями, так и в процессе непосредственной производственной эксплоатации этих производителей, предварительно отделенных капиталом от материальных условий их труда. Присвоение добавочной прибыли в процессе обмена обуславливается частью грубым нарушением закона стоимости путем простого обмана контрагента, частью автоматическим действием закона стоимости между стоящими на различных уровнях технической высоты хозяйственными областями. Первый метод типичен при случайных внешнерыночных связях и чрезвычайно распространен в эпоху торгового капитала. С ростом промышленного капитализма и массового сбыта фабричных товаров на первый план выдвигается второй метод косвенной меновой эксплоатации некапиталистического производителя. В результате проникновения товаров крупной машинной индустрии на рынки отсталых аграрных стран и областей, в которых изготовление необходимых промышленных продуктов базируется на ремесленном производстве, образуются конкурентные отношения между разноступенчатыми по степени технического развития формациями и в полном соответствии с действующим в интернациональном масштабе законом стоимости товары, сфабрикованные при более эффективных технических условиях и более высокой интенсивности общественного труда, реализуются с надбавкой к их действительной стоимости и все же вполне возможно ниже уровня стоимости туземных това-

[1]) Ibid, 361.

ров. Сверхприбыль вытекает из факта образования единой цены на однородный продукт, строящейся в соответствии с общественно необходимым в данных условиях количеством труда и возмещающей одинаковой суммой денег товары, воплощающие самые различные индивидуальные затраты трудовой энергии. Меньшая масса труда обменивается на большую. Час труда технически развитых капиталистических стран обладает в пределах этих отсталых хозяйственных территорий умноженной покупательной силой. В обмен на мануфактурные изделия приобретается в форме других товаров большее количество труда, чем в этих изделиях воплощено. Регулярная аппропиация сверхстоимости выступает, как функция стихийного сведения различных ннднвидуальных стоимостей к средней общественной норме [1]). Неэквивалентность обмена усиливается еще тем фактом, что продукты некапиталистических производителей оплачиваются обычно ниже их реальной стоимости, так как мелким распыленным продавцам здесь противостоит крупный организованный покупатель.

Дальнейшее развитие промышленного и, особенно, возникновение финансового капитала влекут за собою оттеснение косвенной эксплоатации в процессе обмена прямой эксплоатацией в процессе производства [2]). Получение большей, чем национальная нор-

---

[1]) Ср. Маркс «Капитал», т. III, стр. 217—220 и «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 195—96. См. также интересную статью И. Дашковского «Международный обмен и закон стоимости», «Под знаменем марксизма» за 1927 год № 4 и 5. Отто Бауэр («Национальный вопрос и социал-демократия». Изд-ние «Серп». СПБ. 256—57) и М. Спектатор («Мировое хозяйство до и после войны», т. I. ЦУП ВСНХ, 1924, стр. 142—143) выводят получение сверхприбыли в процессе обмена из различия органического состава капитала в индустриальных и аграрных странах и вытекающего отсюда перераспределения прибавочной стоимости по законам цен производства. Но совершенно очевидно, что такое решение вопроса не об'ясняет значения обмена с некапиталистическими производителями, так как предполагает взаимоотношение между капиталистическими контрагентами, поскольку процесс ценообразования уже подчинен регулирующему принципу нормы прибыли.

[2]) Это не значит, что исчезает присвоение неоплаченного труда крестьянских масс посредством рыночного механизма. Как раз финансовый капитал принес с собою чрезвычайно широкую монополизацию сбыта сельских продуктов, сосредоточивающихся в гигантских торговых об'единениях (хлебные пули, холодильники и т. п.), и ничем не прикрытую политику установления специфически-высокого уровня цен на сбываемые промышленные фабрикаты. «В колониальных и полуколониальных странах монопольный капитал устанавливает разоряющие местное крестьянство низкие цены на сельскохозяйственные продукты и на промышленное сырье, доставляемое сельским хозяйством. Пример последнего явления дает практика империализма в Индии, Индонезии и Китае. Финансовый капитал подчиняет сельское хозяйство не только по линии сбыта с.-х. продукции, но и по линии снабжения его продуктами промышленности. Синдикаты и тресты с.-х. машин и орудий, с.-х. удобрений, не говоря уже о прочих продуктах промышленности, грабят крестьян через посредство высоких цен. За последние годы наблюдается рост торговой прибыли, накопление в руках торгового капитала и охватывающего торговлю финансового капитала за счет широких крестьянских масс. Ко всему этому нужно прибавить монополизацию транспорта, невыгодные для крестьян тарифы и т. п». Но как бы ни был значителен по своей абсолютной величине размер добавочной прибыли, присваиваемый через аппарат цен, его удельный вес по сравнению с размером присваиваемого через производ-

ма прибыли, от непосредственной производственной эксплоатации пролетаризованного мелкого производителя обуславливается продолжительностью рабочего дня, сравнительной незначительностью заработной платы и низким органическим составом авансируемого капитала.

Таким образом, области денатурализующегося и простого товарного хозяйства являются предпочтительными для сбыта некоторых видов капиталистической продукции—преимущественно массовых предметов легкой индустрии—в силу связанной с реализацией их в этих областях повышенной рентабельностью. То же постоянное стремление к высокой норме прибыли гонит сюда не только товарный, но и капитальный экспорт, направляющийся обычно на разработку естественных ресурсов этих областей и организацию находящихся под непосредственным влиянием иностранного капитала отраслей добывающей промышленности. Тем самым присвоение повышенной нормы прибыли сочетается с использованием для нужд расширенного воспроизводства всего многообразия природных богатств земной поверхности.

Но было бы односторонне и неправильно сводить экономическое значение некапиталистических форм хозяйства исключительно к возможности получения в процессе их меновой и производственной эксплоатации добавочной сверхстоимости. Если мы мысленно элиминируем момент систематического присвоения различными способами неоплаченного общественного труда докапиталистических хозяйств и предположим, что взаимодействие между этими социальными формациями не носит характера прямой или скрытой эксплоатации, то все же останется тот несомненный факт, что существование широкой некапиталистической среды в двояком отношении ослабляет об'ективные отрицательные результаты диспропорционального развития капитализма.

Во-первых, в окружении сросшихся с земледелием примитивных общественных напластований капитализм получает возможность концентрироваться в сфере индустрии, предоставляя мелким некапиталистическим производителям изготовление необходимых продуктов сельского хозяйства и преодолевая национальное недопроизводство этих продуктов расширением круга своих аграрных контрагентов в самых различных углах земного шара. Во-вторых, одновременно с возможностью покупать в некапиталистической среде продукты сельского хозяйства наличие устойчивого некапиталистического спроса позволяет капиталистическому производству каждой страны легче и быстрее изживать и частичные диспропорции несогласованного накопления в составляющих его отраслях и общие периодические промышленные кризисы, охватывающие мировую систему капитализма в целом.

ственный процесс добавочной прибыли несомненно снижается. См. С. Дубровский. «Современный аграрный вопрос и задачи его изучения» в сборнике «Аграрные проблемы». Книга I. 1927 г., стр. 18. О. Бернс. «Очерки по аграрному вопросу» «Московский Рабочий». 1925 г., стр. 15—17).

Следовательно, даже оставляя в стороне то существенное обстоятельство, что процесс взаимодействия с простым товарным хозяйством сопровождается постоянным переливом добавочных материализованных масс труда в капиталистическую систему, что, следовательно, обменный баланс дает, как общее правило, минус для простого товарного хозяйства, рост экономических связей с докапиталистическими формациями создает об'ективную возможность довести до крайних пределов одностороннюю гипертрофированную индустриализацию страны и расширяет рынки сбыта индустриальных фабрикатов за те границы, которые в каждом данном цикле воспроизводства даны его собственными внутренними потребностями в средствах производства и средствах личного потребления.

Некапиталистическое производство логически не является необходимой экономической предпосылкой расширенного воспроизводства общественного капитала. Но всестороннее взаимодействие с примитивными хозяйственными формациями повышает суммарный темп социального процесса накопления и понижает потенциал внутренних противоречий капиталистического способа производства.

Указанная выше многосторонняя материальная заинтересованность капиталистического класса в некапиталистических хозяйственных областях составляет постоянную упругую двигательную пружину колониальной политики на всем протяжении исторического развития этого способа производства. Капитал не удовлетворяется равноправной и свободной экономической связью с отсталыми странами на основе обоюдно-выгодных торговых договоров. Каждая капиталистическая держава стремится придать этой связи типичные формы колониальной подчиненности путем включения данной территории в сферу своей государственной власти и принудительного навязывания туземному населению целого ряда специфических мероприятий, ставящих метрополию в особое привилегированное положение по сравнению с другими странами. Политическое овладение должно оформить и закрепить процесс экономической эксплоатации. Это насильственное «огосударствление» свободных территорий получает еще добавочный стимул со стороны самой правительственной машины, как таковой. Колонии служат часто источником доходов казны, местом, куда можно направить эмиграцию избыточного населения метрополии, областью, в которой растущая бюрократия находит себе служебные должности, а растущая военщина—поле для своих подвигов (вспомните Францию после дела Дрейфуса), и, наконец,—в зависимости от географического положения—стратегическим пунктом или опорным военным плацдармом. Колониальная политика, универсальным средством которой является прямое физическое насилие, вырастает на основе общей материальной заинтересованности различных групп капиталистического класса и самого государства в освоении территорий с некапиталистическими формами хозяйства. Бесчеловечная борьба с туземцами и периодические войны на основе колониального соперничества между крупными державами — Португалией,

Испанией, Голландией, Францией, Англией, Германией, Бельгией, С. Штатами, Россией и Японией—две сплошные черные линии, в которых замыкается вся внешняя история колониальной политики с XV века до нашего времени. Но за этой постоянной агрессивностью, при которой в грудь туземца всегда и везде направлено острие меча—все равно является ли он индейцем, индусом, феллахом, риффом или китайцем, происходит ли это в XV или XX веке,—за всем этим отвратительным цинизмом и грубейшим насилием колониальной политики, которая во времена героического авантюризма Кортеца и Пизарро велась с несравненно меньшим лицемерием и ханжеством, чем в «просвещенный век» Сесилия Родса и Джозефа Чемберлена, необходимо уловить закономерное изменение экономического содержания колониальной системы параллельно исторической эволюции самого капитализма.

Последовательная смена трех этапов капитализма—торгового, промышленного и финансового—вызывает перемену конкретных экономических целей буржуазии в процессе экспансии и—соответственно этому—функций колониального хозяйства по отношению к метрополии. В эпоху торгового капитализма в Зап. Европе заокеанские колонии служат одним из живительных источников процесса накопления купеческого капитала, функционирующего в сфере перемещения экзотических богатств в метрополию, и тем самым—одним из действенных рычагов первоначального капиталистического накопления. В эту эпоху величина колониальных владений и их природные богатства являются определяющим экономическим фактором господства страны в сфере мировой торговли, и борьба за мировую гегемонию между Португалией, Испанией, Голландией, Англией и Францией выливается в форму ожесточенных войн за овладение колониальными областями на островах Индийского океана, в Африке, Азии и Америке. Пищевые и вкусовые вещества (какао, тростниковый сахар, табак, перец и т. п.), рабы и драгоценные металлы—таков основной товарный фонд тогдашней колониальной торговли [1]).

С развитием промышленного капитализма в колониальных областях начинает насаживаться плантационная система производства, снабжающая метрополию сырьем в обмен на индустриальные фабрикаты. Финансовый капитализм сохраняет в известной мере за колониальными сферами роль производителей экзотических продуктов, усиленно развертывает в них крупные сырьевые базы (хлопок, каучук и т. д.) и с огромной силой выдвигает на первый план имевшую прежде относительно небольшое значение функцию колониального хозяйства, как точки приложения аккумулированных масс прибавочной стоимости, комбинированного (приложения) с экспортом товаров.

Правда, как это лишний раз показал Мун в своей работе «Imperialism and World Politics», (1927, заключительная глава) экономические связи какой-либо колонии с чужой страной могут быть

---

[1]) Ср. В. Лангенбек. «История мировой торговли». ГИЗ. 1928. Стр. 15—76.

шире и значительнее, чем с самой метрополией (так, например, Канада покупает в настоящее время лишь 17% своего импорта у Великобритании и 67% у С. Штатов; Индо-Китай—лишь 40% своего ввоза приобретает у Франции и т. д.), ибо «географическая ситуация и легкость торговли играют большую роль, чем национальный флаг, так как торговля далеко не всегда следует за флагом» [1])— все-таки политическое закрепление той или иной территории в качестве колонии дает данной империалистической стране ряд несомненных преимуществ в отношении добычи сырья, сбыта товаров, эксплоатации рабочей силы колоний и размещения эмигрирующего населения метрополии [2]). Но если насильственный захват характеризует колониальную политику всегда и постоянно, то в империалистической фазе капитализма в систему колониальной политики привносится один крайне важный момент, который сообщает ей специфическую заостренность и исключительную агрессивность. На этот новый момент указал и Ленин, подчеркнув, что «капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитализма» [3]). В чем же состоит новая дополнительная черта завоевательной колониальной политики капиталистического строя? Она состоит в том, что борьба за мировую гегемонию между сложившимися крупными национальными группировками монополистической буржуазии толкает их на путь захвата еще не подчиненных территорий не только с прямой целью создать более благоприятные условия для развития своей промышленности и торговли (так было всегда), но и с косвенной целью предупредить фактом захвата возможный аналогичный шаг со стороны другой империалистической державы и тем самым подорвать ее потенциальную мощь. Происходит лихорадочное присоединение территорий просто из боязни, что быстрое развитие техники создаст возможность для какой-либо другой страны использовать те подпочвенные и надпочвенные богатства этой территории, которые в настоящее время лежат втуне. Колониальные захваты становятся одним из

---

[1]) Ibid., p. 530.

[2]) С неприкрытой циничностью формулирует это К. Гельферих в своей известной работе «Развитие народного хозяйства Германии», (1920 г., стр. 66—67). «Огромным выгодам нашего врастания в мировое хозяйство противостоит зависимость от заграницы, которой нужно усиленно противодействовать. Это может быть достигнуто только в том случае, если германская предприимчивость и германский капитал найдут себе поле деятельности по ту сторону германской границы и тем самым приобретут непосредственное влияние на наши закупки и сбыт в важных иностранных областях. Это вполне достигается путем приобретения заокеанских колоний, ибо здесь экономическое влияние обеспечивается и максимально усиливается политическим гоеподством. Но поскольку такая возможность является ограниченной или закрытой,... постольку эта цель должна преследоваться путем финансовой и хозяйственной деятельности широкого захвата». Хорошо обрисована идеология воинственного колониального империализма в книге Б. Ишханьяна «Развитие милитаризма и империализма в Германии». П—ргд. 1917.

[3]) Н. Ленин. «Собрание Сочинений», т. XIII, стр. 300. ГИЗ, 1924 г.

подсобных методов общей борьбы за господство над миром. Присоединение колониальных областей во всех этих случаях выходит за пределы, непосредственно обусловливаемые потребностями процесса воспроизводства национального капитала и тенденцией к более выгодному приложению капитализируемых масс прибавочной стоимости. Оно находит свое отчетливое об'яснение в стремлении одних империалистических держав возможно значительнее ограничить как реальный, так и потенциальный масштабы роста экономической силы других держав. Наступивший с последней четверти XIX века крутой перелом в прежней, относительно «мирной и постепенной» колониальной политике, открывший эпоху необычайного обострения борьбы между Англией, Германией, Францией, Бельгией, Россией и Японией вокруг не захваченных еще территориальных остатков африканского и азиатского континентов, был вызван не только тем фактом, что предшествующее пространственное расширение капитализма резко сократило свободный еще об'ем некапиталистической периферии, но и указанным только что стремлением мировых соперников к взаимному подрыву экономических позиций на мировой арене косвенным путем ограничения возможности территориального расширения [1]).

[1]) В связи с этим находит свое об'яснение тормозящее влияние колониальной политики на развитие внутренних производительных сил метрополии, что с особенной резкостью сказалось во Франции (а также Испании). Авантюристическая политика французского империализма отвлекла от национального хозяйства миллиарды франков, затраченных на непроизводительные расходы в Азии и Африке, вместо того, чтобы направить их на разработку огромных естественных богатств страны. В своей работе «Французский Империализм» покойный М. Павлович пишет: «Колониальная империя Франции далеко переросла финансовые и производительные силы страны, а это было одной из основных причин отсталости Франции. Знаменитая фраза Франклина: «Если Франция и Англия играли бы в кости на свои колонии, выиграл бы проигравший», остается верной до сих пор, во всяком случае по отношению ко многим владениям некоторых европейских государств, например, Испании и Франции. Франция только выигрыла бы, как промышленная держава, если бы она освободилась от части своих заморских владений, во всяком случае от таких колоний, как Индо-Китай, Мадагаскар и т. д. Автор уже до войны доказывал, что условием первой важности, содействовавшим поразительно быстрому росту немецкой промышленности, является бедность довоенной Германии дорогостоящими колониями. В то время, как Германия строила все новые и новые железнодорожные ветви, производила гигантские работы по сооружению и расширению своих портов, затрачивая сотни и сотни миллионов франков на Гамбург, Бремен и т. д., углубляя старые каналы, и проводила новые для соединения речных систем, Франция в области технических работ стояла на одном и том же месте и ее порты, ее железные дороги и каналы обретались в состоянии, недостойном великой страны. (М. Павлович. Собрание сочинений. ГИЗ. 1927 г., т. VII, стр. 133 и далее, а также его книгу «Борьба за Азию и Африку. ГИЗ. 1926 г., стр. 161—186. См. также Парвус. «Колониальная политика и крушение капиталистического строя». С. П-рг 1908 г.; П. Маслов «Итоги войны и революции» (статьи: «Значение колоний и колониальная политика»; «Об империализме»; «Неизбежен ли империализм»). Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». 1918 г.; А. Исаев «Мировое хозяйство» гл. IV. С.-П-рг. 1910).

Стремясь выяснить основные зависимости процесса возмещения совокупного капиталистического продукта, методологически вполне правильно отвлечься от внешнерыночных отношений и рассматривать самодовлеющее законченное капиталистическое хозяйство. В этом случае: 1) продажа одной части капиталистического продукта предполагает непременное встречное движение другой его части, которая является рынком для первой, и сама находит в ней свой рынок сбыта; 2) реализация непосредственно переходит в накопление, совершающееся одновременно и параллельно во всех точках капиталистического хозяйственного круга; 3) расширение каждой отрасли непосредственно и косвенно ограничено расширением других отраслей, как в отношении возможности сбыть ее продукты, так и в отношении возможности закупить необходимые материальные элементы. Но в действительности, абсолютное или относительное отсутствие необходимых естественных ресурсов и постоянная неравномерность роста различных сфер общественного производства вызывают устойчивое искривление формулируемого схемами замкнутого движения воспроизводства в направлении развертывания обращения товарных масс как между капиталистическими комплексами, так и между капитализмом и некапиталистическими хозяйственными областями и странами.

Линии искривления процесса воспроизводства общественного капитала в каждой стране не постоянны и статичны, а насквозь динамичны. Динамичность эта является в каждый данный промежуток времени сложной равнодействующей сочетания факторов мирового и национального хозяйства и своей конечной причиной имеет дальнейшее углубление капитализма в передовых странах буржуазной культуры и его прогрессирующее распространение по всему земному шару, вызывающее быструю индустриализацию аграрной периферии.

Каковы же тенденции этой динамичности в перспективе исторических границ капиталистического способа производства?

Эволюция капитализма вглубь и вширь сама неуклонно ставит все новые и новые препятствия вызванному ею двустороннему движению товарных потоков, обостряя в каждый следующий момент трудности ввоза и вывоза продуктов. Основное противоречие дано здесь воспроизводством аграрно-индустриальной диспропорции в рамках мирового хозяйства. Напряженный центростремительный процесс втягивания в круг капиталистической системы разнообразных продуктов сельско-хозяйственных зон, растущий и в силу простого удлинения радиуса этого круга и в силу устойчивого повышения размеров ввоза в индустриальные области, наталкивается на неуклонное сокращение экспортных возможностей мировой аграрной базы. Не преодолевая внутренними методами диспартивного движения индустрии и сельского хозяйства, но лишь обходя его агрессивным связыванием с новым аграрным дополнением, капитализм отодвигает в будущее конфликтные последствия неравномерного накопления и этим самым завязывает один из крупнейших узлов в общей сети

неразрешимых мирохозяйственных противоречий. Параллельно с относительным сокращением мирового фонда сельских продуктов, размещение за пределами внутреннего рынка избыточных капиталистических товаров встречается с тем, что обширные аграрные территории, служившие прежде совершенно свободными областями сбыта, развивают собственную промышленность и соответственно этому постепенно изменяют характер своего импортного спроса, переходя от ввоза средств потребления к ввозу средств производства и стремясь в дальнейшем к максимальной экономической эмансипации в отношении промышленного производства.

Конечно, экспорт товаров из любой капиталистической страны далеко не ограничивается аграрными сферами. „Можно было бы подумать—пишет Герман Леви,—что шаблонное деление всех стран на „страны экспорта сырья" и „страны экспорта фабрикатов" вместе с тем означает, что первые являются не только продавцами сырья, но и покупателями фабрикатов. Такое мнение, однако, было бы неправильно. Указанное деление характеризуется в грубых чертах преобладанием тех или иных статей экспорта, но оно никаким образом не означает, что крупные заокеанские области экспорта предметов питания и сырья одновременно являются также крупнейшими покупателями европейских фабрикатов» [1]).

Это несомненно правильное замечание. Главные линии вывоза капиталистических товаров пересекаются в плоскости капиталистической системы хозяйства. Последнее об'ясняется: 1) значительной дифференциацией общественного спроса, 2) разносторонностью вещественных форм изготовляемых фабрикатов, 3) различием уровней стоимости однородных товаров,—что в совокупности обуславливает широкий внешний обмен между ними [2]). Капиталистические страны являются по отношению друг к другу в одно и то же время и непримиримыми конкурентами на всех последовательных фазах движения общественного процесса воспроизводства и взаимными покупателями некоторой доли производимых товаров. Тем не менее, совершенно очевидно, что прогрессирующая индустриализация аграрных областей деформирует сложившиеся прежде условия реализации товаров связанной с ними капиталистической страны, воздействуя на ее процесс воспроизводства частью тем, что пред'являет спрос на новые, соответствующие специфическим потребностям индустриализации товары, частью тем, что вынуждает эту капиталистическую страну искать иные районы сбыта для тех товаров, спрос на которые относительно сокращается, и которые на внутреннем рынке не находят необходимого количества покупателей, так как производство их в достигнутых размерах заранее было ориентировано на внешний рынок. Но экономические последствия стихийной индустриализации некапиталистических аграрных территорий не исчерпы-

[1]) „Основы мирового хозяйства". Из-ние „Московский Раб." 1924, стр. 118.

[2]) См. Sartorius v. Walterhausen. 1926. 4. Abschnitt. Weltwirtschaftliche Zusammenhänge.

ваются относительным сокращением мирового экспортного фонда сельских продуктов, и возрастанием трудностей сбыта товаров для неравномерно развернувшейся промышленности передовых буржуазных стран. Неотразимое распространение капитализма по всему земному шару влечет за собой нечто большее и несравненно более грозное, чем простое превращение прежних свободных источников импорта и районов экспорта в самостоятельные индустриальные центры, перерабатывающие свое сельско хозяйственное сырье и испытывающие постепенно нарастающую потребность в размещении части готовых фабрикатов на внешних рынках. Это последнее, прежде всего бросающееся в глаза обстоятельство усугубляется и осложняется тем, что молодые страны обгоняют в темпе своего развития старые, что им удается сравнительно быстро наверстать, а при благоприятных условиях и превзойти уровень индустриального могущества прежних передовых капиталистических государств, что в силу этого происходят сдвиги и перегрупировки в соотношении мирохозяйственных единиц. Именно этого глубоко своеобразного результата территориальной экспансии капитализма (а также и растущего обострения аграрно-промышленной диспропорции) почти не замечают те, кто укладывают многосторонние трудности капиталистического процесса в ореховую скорлупу невозможности реализовать всей или какой-то фатально-определенной части капитализируемой прибавочной стоимости и определяют грядущие судьбы мирового капитализма в зависимости от остаточного количества некапиталистической социальной среды. Мы имеем в виду огромной важности факт неравномерности темпа развития капитализма в различных странах. Присмотримся к этому факту поближе.

Капитализм не ждет, пока во всех углах земли постепенно разовьется внутренними силами собственное товарное производство и в результате этого сделается возможным основанный на взаимной оплате товарами мирохозяйственный обмен. Насквозь неправильно—особенно в эпоху финансового капитализма—представлять себе автономным процессе превращение отсталых стран в капиталистические и самопроизвольным установление в них отношений внешнего обмена с мировым хозяйством. Инициатива радикального капиталистического преобразования примитивных производственных отношений лежит извне—в развитых буржуазных государствах. Но сельско-хозяйственные области и страны, которых капитализм самыми разнообразными способами стремительно толкает на путь буржуазного развития, чрезвычайно ускоряя медленно протекающий в их пределах процесс превращения продукта в товар и товара в капитал, не повторяют пройденных пионерами капитализма всех последовательных ступеней технического прогресса и соответствующих им форм промышленности. Цикл капиталистической эволюции С. Штатов, Японии, Индии, Канады сжат и сокращен по сравнению с длительно нарастающей кривой Англии, Голландии, Франции. Главы их новейшей экономической истории более компактны и

уплотнены. Интервалы между отдельными ступенями капиталистической эволюции менее растянуты.

Конечно, игнорировать при анализе проблемы неравномерности естественные предпосылки индустриализации было бы столь же неверно, как и переоценивать их фактическую роль. Потенциальные запасы энергетики и минерального сырья при данном уровне техники измеряют об'ективные пределы осуществимой хозяйственной самостоятельности охваченных политическими границами территориальных комплексов и определяют перспективную степень экономической значимости этих комплексов в общей системе мирового хозяйства. Лишенная энергетических фондов Италия в своих современных территориальных рамках никогда не достигнет силы американской гегемонии, а истощение угольных бассейнов Англии—один из факторов ее настоящего упадка. Испания и Швеция обладающие лишь скудными запасами каменного угля, не развили собственной тяжелой индустрии и экспортируют руду в другие страны, а Германия, опираясь на огромные минеральные богатства, со сказочной быстротой развернула свою металлургическую промышленность. В состав этих естественных предпосылок входят помимо природных богатств территории и характер климата, и контуры береговой линии, и качество почвы, и направление движения рек и т. д. Достаточно вспомнить различие экономической истории С. Штатов и Сибири, чтобы понять, какое крупное значение могут иметь чисто-географические факторы в процессе развития производительных сил.

Но неравномерность распределения мировых залежей угля и руды не является ближайшей активной причиной неравномерности капиталистического развития отдельных стран. Непосредственной причиной этого исторического явления служит различие темпа общественного накопления, определяющего интенсивность использования естественных богатств страны и в значительной мере зависящего от экспорта иностранного капитала не только в прямом отношении увеличения массы капитализируемой прибавочной стоимости, но и в косвенном отношении форсирования распада докапиталистических отношений производства и образования постепенно получающих преобладающий вес внутренних источников аккумуляции. Если бы каждая страна осуществляла индустриализацию исключительно собственными ресурсами, мобилизуя для этого с самого начала лишь свои ограниченные еще резервы накопления и свои скудные технические и организационные способности к созданию машинного аппарата, то структура современного мирового хозяйства приближалась бы, вероятно, к прямолинейной иерархической цепи, в которой реальный удельный вес составляющих звеньев был бы прямо-пропорционален продолжительности их капиталистического развития. Резкие перегруппировки, смещения и перестановки в этой цепи были бы если и не исключены, то во всяком случае носили бы более растяжимый и ползучий характер, определяясь в основном наличием или истощением фундаментальных естественных запасов страны.

В действительности процесс мирохозяйственной индустриализации не происходит путем автономной и самопроизвольной дезаграризации отсталых хозяйственных территорий.

То, что в Западной Европе выкристаллизовалось как продукт трудной работы многих поколений, становится отправным пунктом порывистого индустриального движения отсталых аграрных зон. Уже простой ввоз товаров действует революционизирующе на их структуру, разоряя старинное ремесленное производство, работающее на ограниченный местный рынок, форсируя рост денежного хозяйства, давая дополнительные стимулы выбрасыванию на рынок большей доли продуктов труда крестьянского населения, прививая новые материальные потребности. Но совершенно особое значение приобретает экспорт капитала. Постоянный приток свежих капиталов, предваряемый и влекущий за собой то в более, то в менее острых и прямых формах отделение мелких производителей от их основного средства производства—земли, переносит сюда последние достижения техники и организации промышленности, чрезвычайно ускоряя тем самым реализацию об'ективной возможности в относительно короткие отрезки времени выравнять различие производственных уровней отдельных секторов мирового хозяйства, несмотря на ощутительное различие возрастов существования в них капитализма. Для инвестирующих стран миграция капитала, движимая разницей норм прибыли, имеет—наряду с тем, что дает более выгодное приложение аккумулируемой прибавочной стоимости—определенное значение в процессе реализации товаров, так как отлив капитала заграницу, связанный обычно с требованием затраты его должником, как покупательного средства, на товары инвестирующей страны, создает новый добавочный спрос на продукты ее внутреннего производства, и, благодаря взаимной зависимости между отдельными отраслями народного хозяйства, повышает активность национального воспроизводства. Кредитный поток течет параллельно товарному потоку и раздвигает рамки сбыта для промышленности вывозящей капитал страны. „Между вывозом капитала и вывозом товара существует связь. Что заграничные страны должны получить в конечном счете—это товары. Если они получают деньги, то это служит им для приобретения предметов потребления и оживления производства. Говоря принципиально, при системе свободного обращения должник, получив ссуду, может затратить ее, где ему заблагорассудится и тем самым использовать иностранную конкуренцию. Но страна—кредитор, в которой существует контакт между банкирами и фабрикантами, очень мало считается с таким решением. Дело происходит иначе: деньги получишь лишь в том случае, если сделаешь у нас свои заказы! Правда, кредитуются всегда деньги, но они никогда в этих случаях не вывозятся, но служат лишь к тому, чтобы возместить отечественную торговлю за проданные товары» [1]). В противоположность простому товарообмену между странами, при кото-

[1]) Sartorius v. Walterhausen. «Die Weltwirtschaft. 1926. S. 290—291.

ром сумма стоимости импортируемых товаров находит свой лимит в размерах осуществимого со стороны контр-агента экспорта, образование кредитного отношения значительно расширяет емкость иностранного рынка, так как должник оплачивает своим экспортом не эквивалент за ввезенный товар, но лишь процент или дивиденд на полученный капитал, и, следовательно, размер обычно ввозимого в товарной форме капитала может быть во много раз больше, чем непосредственные экспортные ресурсы дебитора.

Но в широком историческом аспекте систематическое перенесение накопленных материальных производительных сил из высокоразвитых хозяйственных комплексов в отсталые таит в себе нечто несравненно большее, чем простое увеличение спроса со стороны иностранных рынков на продукты данного цикла воспроизводства общественного капитала. В разрезе сегодняшнего дня это—облегчение и ускорение оборота капитала, в перспективе завтрашнего—форсированное образование нового конкурента. Здесь решающее значение имеет не столько тот факт, что в распоряжение неразвитых стран предоставляется некоторая часть аккумулирующейся в банках капитализируемой прибавочной стоимости, как источник накопления, сколько то, что вслед за ней — вернее, вместо нее — на аграрной территории осаждается в качестве готового фундамента промышленности материализованный общественный труд в форме усовершенствованных средств производства и транспорта, проникновение которых не через посредство ввоза капитала было бы непосредственно ограничено экспортным фондом слабо товаризованных еще аграрных областей. Если к этому присоединяется еще эмиграция квалифицированной рабочей силы, что случается буквально на каждом шагу (немецкий капитал — в Аргентине, английский — в Америке, бельгийский—в России), то эффективность капиталистической экспансии возводится в степень. Чем выше техническая структура данной капиталистической страны, тем резче и интенсивнее общий процесс внутренней трансформации хозяйственных территорий, куда направляется ее экспансия и тем сравнительно выше технико-организационная ступень, с которой может начаться индустриальное движение этих районов. Экспорт капитала, являющийся наиболее действенным рычагом распространения буржуазных отношений собственности, многократно ускоряет исторический процесс сглаживания имеющегося между странами экономического расстояния, освобождая новых носителей капитализма от необходимости воспроизводить консервативную преемственность фаз хозяйственной эволюции по линии медленного органического превращения примитивных ремесла и мануфактуры в систему современного машинного производства и длительного стягивания мелких капиталистических предприятий в крупные централизованные единицы.

«Экспорт капитала, в особенности с той поры, когда он вывозится в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма. Капиталистическое развитие не совершается самобытно в каждой отдельной стране: вместе с капиталом импортировались капиталистическое производство и отношения эксплоатации,—импортировались постоянно на той ступени развития, которой они достигли в наиболее передовой стране. В настоящее время вновь возникающая промышленность не развивается от ремесленных зачатков и техники к современному исполинскому производству, а с самого начала основывается в форме крупно-капиталистического предприятия. Точно так же в настоящее время и капитализм импортируется в новую страну каждый раз на уже достигнутой им совершенной стадии и потому развертывает свое революционизирующее действие с несравненно большей мощью и в несравненно кратчайшее время, чем потребовалось, например, для капиталистического развития Голландии и Англии». [1]) К этому присоединяется еще один существенный момент. Простой ввоз товаров, характерный для эпохи промышленного капитализма должен был в большей или меньшей мере считаться с уровнем экономического развития страны, куда этот экспорт направлялся и, следовательно, с потребительскими способностями населения, формами и размерами его спроса. Экспорт капитала не знает этих ограничений. Устройство новой железно-дорожной сети, сооружение пароходных линий и каналов, разработка золотых, серебряных, медных и других руд, добыча каменного угля и прочие виды приложения капитала в отсталых странах—все это не стоит в связи с имеющейся высотой потребностей народного хозяйства и населения этой страны. Активизация лежащих здесь втуне производительных сил происходит потому, что это необходимо и выгодно для страны, экспортирующей капитал, и отнюдь не предпосылкой, а последствием является при этом рост разделения общественного труда и расширение рынка в об'ектах империалистической экспансии.

Могучие толчки, сообщаемые всему хозяйственному организму неразвитых стран вливанием в него иностранного капитала, имеют своим об'ективным историческим последствием: 1) повышение темпа активизации потенциальных производственных сил; 2) ускорение отделения города от деревни и образования собственного внутреннего рынка; 3) возрастание в более крупных масштабах наемного туземного пролетариата и форсирование отпочковывания национальной торгово-промышленной буржуазии. Общая интенсификация всех процессов, из которых суммируется буржуазная эволюция страны, под прямым и косвенным воздействием притока в нее иностранного капитала далеко не означает, конечно, соответствующего обогащения этой страны. Возникающие на основе миграции капиталов отношения

[1]) Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». ГИЗ. 1924. Стр. 380—81. Ср. Л. Каменев. «Экономическая система империализма и задачи социализма». Пр-град, 1918. Стр. 86—112.

межгосударственной эксплоатации находят выражение в отливе части созданного национального дохода отсталой страны за границу, в политике консервирования индустриальной отсталости страны торможением развития основых, обуславливающих самостоятельность народного хозяйства, отраслей промышленности, в нередко имеющем место прямом разграбленни естественных ресурсов подчиненных империализму экономико-географических районов. Но если односторонне и апологетично трактовать экспорт капитала, как явление, исключительно и безусловно благоприятное для стран-должников, то не менее односторонне считать результатом притока в страну иностранных капиталов ее хозяйственное истощение и регресс [1]). Те или иные об'ективные последствия экспорта капитала для народного хозяйства инвестирующей страны зависят от того, насколько возможно осуществить ассимиляцию иностранного капитала, направив его по руслу эмансипации национального производства и развития собственной тяжелой индустрии [2]). Но как бы то ни было, усиление «эгалитарных» тенденций под влиянием экспорта капитала представляет собою неопровержимый исторический факт.

Но форсирование распадения докапиталистических форм хозяйства, развертывания товарного производства и возникновения крупной промышленности, опирающейся на быстро растущие кадры туземного пролетариата, поставляемого мелкими производителями деревни в результате отнятия земли, разрушения собственного ремесленного производства и тяжелого налогового гнета—все это лишь одна сторона исторической результанты экспорта капитала. Другая ее сторона гораздо менее бросается в глаза и должна быть особенно подчеркнута.

Дело в том, что центробежный поток капитала приобретает доминирующее значение к тому времени, когда в стране заканчивается в основных чертах процесс организации собственной индустрии и в связи с этим падает прежний высокий темп роста национального производства. В предшествующий период распределение средств производства и рабочей силы в пределах народного хозяйства между отдельными формами его было таково, что прибавочная стоимость, производимая в капиталистической промышленности и ежегодно включаемая определенной частью в кругооборот расширен-

---

[1]) Так, например, смотрит на экспорт капитала К. Каутский. В своей брошюре «Американский и русский рабочий» он пишет: «С другой стороны, как мы уже заметили выше, отлив прибавочной ценности за границу (в результате ввоза в нее капитала. *А. Г.*) ведет к обеднению всей страны, всех ее классов, а не только производительных. Вначале этого не замечается... Первым действием капитала явившегося из-за границы, бывает увеличение капитала местного, увеличение спроса на средства производства, увеличение числа рабочих, занятых изготовлением их, а следовательно, и увеличение спроса с их стороны на предметы личного потребления. Последствия увеличивающегося отлива прибавочной ценности за границу обнаруживаются лишь постепенно, но впоследствии они принимают такие размеры, что новый приток капиталов лишь на время может парализовать их влияние» (К. Каутский. «Американский и русский рабочий». С.—П-рг. 1906, стр. 13).

[2]) См. Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». 1924 г., стр. 391—392.

ного воспроизводства, оказывалась недостаточна для балансирования того спроса, который пред'являлся как внутри ее самой, так и извне — со стороны денатурализующихся хозяйственных слоев. Интенсивный спрос на капитал и быстрый рост стержневых отраслей промышленности характеризуют этот отрезок времени. Но достижение определенной ступени индустриализации влечет за собою постепенное потухание предшествующего темпа роста производства и смену превышения спроса на капитал его внутреннего предложения образованием относительно избыточных свободных капиталов. Англия, Германия и Соединенные Штаты Америки дают достаточное подтверждение сказанного. Но как же складывается в дальнейшем процесс развития страны? Закономерное снижение темпа развертывания национальных производительных сил, совпадающее с относительно развившейся способностью внутреннего капиталообразования, усугубляется фактом систематического перераспределения консолидированных масс капитала, идущего во вне более выгодного приложения, чем может обеспечить собственный рынок с его сравнительно низкой нормой прибыли, определяемой в конечном счете сложившимся высоким органическим составом общественного капитала. Вызванный экономической зрелостью страны экспорт капитала замедляет, в свою очередь, рост ее производительных сил. Расширяя границы реализации товаров, изготовленных уже существующим производственным аппаратом, отлив аккумулируемых средств сокращает на соответствующую величину источники накопления новых элементов этого аппарата. Экспорт капитала действует на хозяйство инвестирующей страны и как фактор, активизирующий ее общественное воспроизводство, и как фактор, уменьшающий реальный фонд его дальнейшего расширения.

Таким образом, скачкообразное сглаживание неравенства „экономической силы" (Ленин) отдельных секторов мировой экономики, существующего благодаря разновременности их включения в процесс индустриализации, является неизбежным следствием форсированной экспортом капитала специфической быстроты темпа промышленного развития молодых дезаграризующихся стран и обостренного регулярным оттоком аккумулированной прибавочной стоимости относительного снижения кривой роста производства в передовых странах буржуазной культуры. Об'ективная экономическая равнодействующая противоположности темпов движения дает стихийное выпрямление ступенчатой шкалы индексов индустриализации соответствующих районов. Порождая в одних местах тенденцию к загниванию и застою, миграция капитала дает в других местах толчек к мощному хозяйственному расцвету.

Мы резко подчеркиваем огромное социальное значение экспорта капитала в его реальной вещественной форме для выравнивания исторически сложившегося различия промышленной мощи отдельных частей земного шара. Но миграция товарного капитала—лишь наиболее

эффективный и наиболее бросающийся в глаза метод производственной и культурной интернационализации современного мирового хозяйства. Наряду с ним выступает и тесно с ним переплетается другой метод. Это—широкое заимствование технических и организационных достижений, совершающееся самыми разнообразными способами (научные поездки, выставки, каталоги, образцы, технические справочники и т. д.). Вот что пишет в связи с этим один из наиболее компетентных авторов по вопросам мирового хозяйства.

«Не приходится долго останавливаться на том, как из центров изобретения и усовершенствования распространились по всему земному шару железные и шоссейные дороги, паровые двигатели и двигатели внутреннего сгорания, автомобили и аэропланы. Перенесение индустриальной техники сначала из Англии на континент и в Северную Америку, из Германии в Польшу и Россию, в новое время из Европы и С. Штатов в Индию, Японию, Китай, Австралию и южную Америку, менее универсально и не распространяется так быстро, как транспортное оборудование. В области сельского хозяйства повсеместно усвоены лишь некоторые методы, касающиеся искусственного удобрения и использования машин, в то время, как способ обработки, обусловленный интенсификацией и экстенсификацией, почти повсюду связан с местными условиями. Торговая, банковая, платежная и страховая техника может принципиально проникнуть всюду, где имеется соответствующий человеческий материал (буквально: wo zuverlässig und schnell rechnende Menschen in den Bureau sassen) и развито массовое производство. Даже экономические и социальные организации—крупное производство и разделение труда, картели, синдикаты, тресты, способы расплаты и профессиональные об'единения—в тождественных формах распространились по всей земле».—Конечно, интернационализация техники очень старое явление. Его знали в известных размерах и древний мир и средние века. И дело не только в том факте, что капитализм сообщил этому процессу интернационализации необычайный размах и глубину, изменив прежний характер производственной техники, как ремесленного искусства, передаваемого от отца к сыну, и поставив ее на почву науки, „вдребезги разбившей“[2]) всю ту романтику, мистику и средневековую фантастику, которыми был в предшествовавшую эпоху окутан мир технических изобретений. Это смещение технического прогресса с прежнего фундамента эмпирики и случайного изобретательства на новый прочный фундамент теоретического познания закономерностей природы, имеет, несомненно, огромное значение в отношении легкости распространения технических достижений и открытий. Но здесь есть и другая сторона дела. Она заключается в том, что в условиях развернутого товарно-капиталистического хозяйства заимствование технически усовершенствований молодыми дезаграризующимися странами у стран

---

[1]) Sartorius v. Walterhausen. „Die Weltwirtschaft“ 1926. стр. 262—63.

[2]) В. Зомбарт. „Техника эпохи раннего капитализма“. ЦУП ВСНХ 1925, стр. 5—19.

с длительным прошлым буржуазного порядка, а в кругу этих последних друг у друга, приобретает иное значение, чем в ту эпоху, когда мало связанные полунатуральные формации, организующие производство в основном для внутреннего потребления, взаимного использовывали плоды технического прогресса. При капитализме перемещение (Uebertragung) элементов техники из индустриальных центров к аграрной периферии потенцирует экономическое развитие последней и форсирует возникновение соперников на мировых рынках сбыта и снабжения [1]). Фабрики и заводы, телеграф и железные дороги, кредитные учреждения и торговые институты—словом, весь сложный агломерат производственной техники, экономических организаций и коммерческих навыков, выросший медленно и постепенно из внутренней жизни передовых стран капитализма утилизируется теми странами, которые позже их вышли из неподвижности патриархального состояния [2]). Если в XVIII и начале XIX века, когда очагом капитализма была по существу лишь Зап. Европа, чрезвычайно усилилось расхождение технических условий производственного процесса между отдельными частями света, то в наше время эти условия значительно уравнялись и расхождение уменьшилось.

Национально-географические районы, столетиями лежавшие в отдаленных исторических плоскостях, обнаруживают неуклонное движение к нивеллировке прежней неодинаковости об'ема материальных производительных сил. При финансовом капитализме с его необычайно гибкой организационной структурой, монополистическим аппаратом принуждения расходования кредитуемых средств на покупку товаров кредитующей страны и огромной концентрированной способностью перебрасывать в различные углы земного шара реальные элементы расширенного воспроизводства, процесс стихийного преодоления дистанции хозяйственных

---

[1]) Это не значит, конечно, что молодые страны играют лишь пассивную роль в развитии техники, ограничиваясь простым заимствованием технических достижений у передовых стран. Нет. Заимствуя технические достижения, они, в свою очередь, движут и оплодотворяют технический прогресс. Общеизвестно, например, что в отношении практического применения технических изобретений немцы и американцы стояли выше англичан. Достаточно указать, что в то время, как в 1880 г. в Англии было взято около 30 тыс. патентов на изобретения, а в С. Штатах—14 тыс., в 1900 г. соответствующие цифры составляют для Англии—13 тыс., а для С. Штатов—26½ тыс.

[2]) „Германия эпохи позднего средневековья и Нидерланды начали свое развитие, использовав богатый опыт торговых и промышленных стран Средиземного моря. Англия открыла в XVIII в. эпоху промышленного переворота на основе ремесленного и мануфактурного опыта всей континентальной Европы. Германия конца XIX в. начала свое блестящее развитие на основе колоссального промышленного опыта Англии. С. Штаты первой четверти XX в. встали во главе мирового производства на основе производственного и технического опыта, накопленного Европой в предшествующее столетие. Советский Союз, открывая во второй четверти XX века эпоху социалистической индустриализации страны, начинает ее с использования самого передового американского опыта (С. А. Бессонов. „К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме“ „Плановое Хозяйство“. № 11, 1926 г., стр. 122).

полюсов далеко оставляет по своей интенсивности аналогичный процесс в эпоху промышленного капитализма.

Таким образом, экспорт капитала, комбинированный с исторической преемственностью передачи закрепленных опытом технических достижений с одной стороны, благоприятными естественными и социальными предпосылками индустриализации—с другой, становится могучим революционизирующим рычагом неравномерного пространственного расширения капитализма и нивеллирования экономических уровней различных стран. Реальное соотношение активизированных производительных сил отдельных стран не соответствует хронологической последовательности вступления их в русло капиталистического развития. Огромное несоответствие в уровнях экономической мощи между Англией и всем остальным миром, сложившееся у порога XIX столетия в результате промышленного переворота, начало заметно ослабляться уже со второй половины прошлого века быстро развертывающейся индустриализацией Германии, С. Штатов, Бельгии, России, Франции, которая с поразительной быстротой развила свою металлургическую промышленность после изобретения Томаса. Последующие десятилетия продолжили эту закономерную линию ослабления существующего экономического контраста. С конца XIX и в первой четверти XX века—особенно, в период империалистической войны—происходит усиленное расширение капиталистического производства в Канаде и Британской Индии, неслыханный экономический под'ем Японии, с исключительным умением воспользовавшейся последними крупными рекордами европейской техники, процессы товаризации и рост капитализации в Аргентине, Бразилии, Южной Африке, Австралии, Китае. Механический станок, паровой двигатель и железная дорога неуклонно уничтожают прежнее своеобразие стоящих на различных ступенях исторической культуры территориальных областей и накладывают на всех них нивеллирующий международный отпечаток. Капиталистическая фабрика становится господствующим типом производственной организации человеческого общества, а ритмическое колебание хозяйственного процесса в последовательно сменяющих фазах под'ема, кризиса, депрессии—всеобщей формой движения процесса воспроизводства общественного богатства. В последние десятилетия темп этой неравномерности, как отмечал и Ленин, несравненно круче, резче и напряженнее, чем в эпоху значительно менее экспансивного промышленного капитализма, точно так же, как в эту последнюю он был сильнее и результаты его действеннее, чем в период торгового капитализма, еще не подчинившего сферы общественного производства и впервые вносящего лишь слабые черты общности и интернационализации установлением рыночных связей, как внутри, так и между континентами. Плавности, постепенности, размеренности капитализм не знает ни на заре своей истории, ни на ее закате. Вопрос может ставиться лишь относительно обостре-

ния темпа неравномерности, но не относительно самого факта ее существования.

Конечно, было бы глубоко ошибочно трактовать эти суммарные уравнительные процессы, как результат сознательной политики зрелых капиталистических единиц поднять отсталые страны до достигнутой ими высоты экономической значимости. Тактика иностранного капитала в Китае и Индии с достаточной убедительностью свидетельствует о настойчивом стремлении затормозить рост колониальной промышленности и свести ее к производству различных видов необходимого для метрополии сырья и изготовлению продуктов легкой индустрии [1]). Впрочем, к чему брать колониальную Азию! Modus operandi американского, английского и итальянского капиталов в Болгарии, Юго-Славии, Греции и Румынии прямо направлен сейчас к тому, чтобы остановить эти страны на аграрном уровне и расхитить их природные богатства: предоставление займов сопровождается требованием предназначения их на расширение земельной базы, эксплоатацию нефтяных недр и т. д. и т. п. Однако капиталистический процесс имеет свою неотразимую внутреннюю логику. Примкнув к общей капиталистической эволюции, страна приложит все усилия, чтобы высвободиться из-под парализующего влияния индустриальных гегемонов и осуществить самостоятельную линию буржуазного развития, хотя и с помощью иностранного капитала.

Поскольку эти страны являются колониями или полуколониями империализма, их первоочередными социальными задачами являются национальная эмансипация, уничтожение всех и всяческих остатков феодализма, родового быта, крепостничества и создание единой центральной власти. Молодая буржуазия молодых индустриализующихся стран выдвигает боевой прогрессивный лозунг установления таможенных охранительных пошлин. Охранительные («воспитательные») пошлины относительно изолируют туземную промышленность от тормозящего, непосильного, разоряющего конкурентного влияния иностранного капитала и создают более или менее благоприятную обстановку преодоления внутренней технической и организационно-экономической отсталости закладкой краеугольных камней собственной индустрии. Но чем решительнее дает себя знать непреодолимая

---

[1]) Вот одно из многих свидетельств подобной тактики:

„Отношение имперского правительства к индийской промышленности в прошлом было запечатлено не только равнодушием, но и прямой враждебностью. Ост-Индская компания пользовалась своей политической властью, чтобы тормозить развитие мануфактур в Индии. Так, например, в своем письме в Бенгалию от 17-го марта 1769 г. компания высказывает желание, чтобы производство шелка-сырца поощрялось там, а выделке шелковых тканей ставились, наоборот, препятствия. Компания насильственно заставляла мотальщиков шелка работать на ее фабриках и запрещала им работать у себя дома... Ост-Индская компания и ее преемники, нынешние правители Индии, несут отчасти ответственность за упадок индийской промышленности, обратившей Индию в земледельческую страну“ (Проф. Б. Нарайн „Народное Хозяйство Индии“. Издание „Московский Рабочий“. 1925 г. Стр. 113—114).

тяга к сближению и поравнению дифференцированных экономических уровней, тем сильнее сказывается взаимное конкурентное отталкивание отдельных частей единого мирового хозяйства. Чем в большей мере страны усваивают капиталистическую однотипность хозяйственного рельефа и соответствующую ей однородность социальной структуры, тем непримиримее и глубже обнаруживается интернациональный антагонизм интересов.

Линия выпрямления и сглаживания национальных экономических уровней, подтягивания отсталых аграрных стран к странам с развернутой индустриальной системой, уменьшения прежней огромной разницы в об'еме производительных сил и степени производительности труда различных территориально-политических комплексов—эта линия, неизбежно вытекающая из факта неравномерности капиталистического развития, проходит через весь исторический процесс эволюции капитализма и с особенной четкостью и убедительностью дает себя знать в эпоху империализма.

Но кто видит только нивеллировку, только сглаживание, только выравнивание, тот впадает в прямую и грубую апологетику капитализма и приходит к абсурдным идеям об ультра-империализме, о возможности окончательной фиксации соотношения хозяйственных сил. Необходимо с полной ясностью видеть и учитывать и другую сторону процесса территориального расширения капитализма. Эта другая сторона состоит в том, что стихийное движение к нивеллировке и материальному прогрессу не останавливается у границ достижения равных уровней и одинаковых мер производственной мощи, но неотвратимо идет дальше, принимая форму скачкообразного опережения одних стран другими. Линия уравнивания периодически срывается и выгибается установлением нового несоответствия экономических сил в мировом хозяйстве. Подтягивание неразвитых аграрных районов к индустриальным центрам сопроводается надломом прежней хозяйственной мощи последних. Круг соперничающих наций расширяется, и, в процессе борьбы вводятся мощные естественные ресурсы в противовес истощающимся подземным богатствам индустриальных монополистов. Лихорадочно ставятся новые гигантские рекорды техники, перед которыми пассуют страны, имеющие старинный производственный аппарат, ибо применение этих технических усовершенствований грозит привести к огромному обесценению находящиеся у них массивы капитального имущества. Степень средней производительности национального труда, отражающаяся в стоимости товарной единицы, проникающей во все концы мирового рынка, приобретает первостепенную важность в конкурентных столкновениях, но и здесь капиталистическое первенство не дает гарантий постоянного превалитета, и настойчиво дает себя знать необходимость периодических перестраховок. Растущие волны мирохозяйственной индустриализации с силой естественной закономерности творят свое великое революционное дело! Падает удельный вес одних империалистических держав, появляются другие, и соответственно

этому исторический итог стихийных нивеллирующих процессов намечает новую расстановку организованных в государственные системы мирохозяйственных единиц. Внутренняя механика капиталистического процесса все снова и снова отодвигает реальную структуру мирового хозяйства от идеальной модели всеобщего поравнения. Кто может отрицать, что об'ективный баланс уравнительных тенденций дает нечто прямо-противоположное устойчивому мирному равновесию на расширенной капиталистической основе? Разве историческое первенство английской буржуазии обеспечило ей навсегда технико-экономическое, финансовое и политическое господство над другими национальными группировками буржуазного класса? Разве блестящий расцвет немецкого капитализма, направленного своим металлургическим острием против английской гегемонии, не был превзойден гигантским размахом роста С. Штатов? Разве мощный под'ем индустриальной Японии не перетасовал прежнего соотношения сил на азиатском материке, сделав эту новую державу для всей остальной Азии тем, чем С. Штаты являются для Южной Америки, и с огромной остротой выдвинув Тихо-Океанскую проблему? Разве наряду и в промежутках между этими всемирно историческими перегруппировкам и зарубками не совершались и не совершаются опережение и отставание и в кругу стран меньшего удельного веса и экономического значения? Разве?... Впрочем, к чему дальше? Ясно и неоспоримо одно: неравномерность развития об'ективно порождает стихийную тенденцию к выравниванию, но выравнивание не превращается в фиксированное экономическое равенство, а при соответствующих благоприятных условиях перерастает в новое неравенство [1]). Это новое неравенство возводит в степень интернациональные противоречия и имеет своим следствием дальнейшее увеличение неравномерности и скачкообразности, питаемое, прежде всего, тем основным фактом. что совершившееся расширение капиталистического плацдарма усиливает тот механизм экспорта товаров и капиталов, под действием которого приобщаются к буржуазной цивилизации еще некапиталистические страны и районы [2]).

---

[1]) В своей статье «Сверхимпериализм и закон неравномерного развития капитализма» («Коммунистический Интернационал». 1926 г. № 6 (64)). Е. Варга совершенно правильно указывает, что уже один только факт прогресса техники, изменяющего значение различных сырых материалов в хозяйственной жизни страны и создающего тем самым основу резких скачков в развитии соответствующих отраслей промышленности, должен время от времени вызывать перемены в соотношении сил отдельных империалистических держав, если даже они и находятся на одинаковой высоте экономического развития.

[2]) Фактическая иллюстрация смены индустриальной и коммерческой супрематии в результате перегруппировок экономических сил отдельных капиталистических держав дана в обширной исследовательской литературе по этому вопросу. Заявления об «уходящей славе Англии» (Vae Britanniae!) под влиянием растущей конкуренции Бельгии и Германии (пресловутое made in Germany), о надвигающемся на всю Европу неотвратимом ударе со стороны

Подведем итоги сказанному выше о неравномерности темпа территориального роста капитализма, приводящего к тенденции нивеллировки национальных уровней производительных сил, периодически срываемой установлением нового несоответствия экономической значимости отдельных стран в системе мирового хозяйства.

Анархическая структура общественного производства в сочетании с частной собственностью на средства труда служит общей предпосылкой неравномерности развития капитализма, проявляется ли это в движении отдельных предприятий внутри каждой отрасли промышленности, отдельных отраслей внутри каждой страны и отдельных стран внутри всей системы мирового хозяйства. Но товарная форма продукта труда это—лишь предпосылка, лишь абстрактная возможность скачкообразности движения, которая под влиянием некоторых определенных условий переходит в действительность. Три основные фактора в своем совместном действии обуславливают конкретное историческое выражение неравномерности роста «национальных капитализмов», приводящей время от времени к перераспределению удельного веса национальных производительных сил, изменению географической ориентации мировой торговли и перенесению центра тяжести мирового денежного рынка.

I. Относительно благоприятные естественно-географические (при данном уровне техники, ибо с прогрессом техники изменяется значение отдельных элементов «естественного окружения» для общественного хозяйства) и социально-исторические условия. Первая группа условий включает в себя: величину и качество подпочвенных минеральных богатств [1]), характер почвы, направление течения внутренних рек, степень изрезанности береговой линии и т. п. Вторая—плотность населения, сравнительное значение тормозящих хозяйственное развитие феодальных отношений [2]) (ср. царскую Россию и С. Штаты!), национальный состав населения и т. п.

могущественных Соединенных Штатов (Америка идет на Европу!), о возможности гибели европейской культуры перед лицом желтой опасности (индустриализация Японии!), о роковых последствиях промышленного прогресса колоний, которых, «Европа легкомысленно разбудила от их векового сна» и т. д. и т. п.— все это насыщает экономическую литературу в течение последних трех-четырех десятилетий. См. напр.: E. E. Williams «Made in Germany», London 1896 г.; Жорж Блондель «Торгово-промышленный под'ем Германии» 1900; И. Озеров «Америка идет на Европу». С.П-рг. 1903; H. Doebritz. «Besteht für Deutschland eine Amerikanische Gefahr». Berlin. 1904; Брукс-Адамс. «Новая держава». Перевод под ред. И. Озерова, Москва, 1902; Frank A. Wanderlip «The American commercial invasion in Europe», New-Jork, 1902. Для послевоенного периода, идущего под знаком деевропеизации мирового хозяйства, особенно интересны в интересующей нас связи работы С. Фалькнера «Соединенные Штаты в мировом хозяйстве». «Плановое хозяйство», 1926 и А. Деманжона «Экономический упадок Европы». Из-во «Берег» 1922. (Перевод с французского).

[1]) См. В. Вейц. «Производительные силы мирового хозяйства». Изд-ство Ком. Академии. 1927 г.

[2]) Н. Рожков. Русская История, т. IX. 1927.

II. Экспорт капитала, ускоряющий общее развитие производительных сил в странах, куда он приливает, и относительно тормозящий хозяйственный и технический прогресс в странах, откуда он систематически уходит.

III. Миграция технических достижений и новые технические открытия, неожиданно дающие мощный толчек росту соответствующих отраслей общественного производства.

Комбинированное действие этих трех факторов в условиях товарной организации общественного производства и составляет внутренний механизм двустороннего процесса нивеллировки и новой дифференциации уровней производительных сил отдельных капиталистических стран.

В своем месте мы показывали логическую ошибочность утверждения будто предназначенный к накоплению прибавочный продукт принципиально не может быть реализован и капитализирован внутри капиталистической системы хозяйства. Так как процесс расширенного материального воспроизводства развивает платежные потребности в добавочных средствах производства и средствах рабочего потребления, то прибавочный продукт, из фонда которого должны покрываться эти потребности, может при некоторых вполне определенных общественных условиях пропорциональности целиком разместиться на внутреннем капиталистическом рынке страны и войти в очередной кругооборот расширенного воспроизводства. Производство, реализация товаров, в состав которых входит составной частью прибавочный продукт, накопление определенной доли прибавочной стоимости, расширенное воспроизводство товарных масс—ни один из этих последовательных моментов кругооборота совокупного общественного капитала не требует необходимо и безусловно для своего осуществления взаимоотношения капитализма с некапиталистическими производителями. Рост платежеспособных сил населения в капиталистическом хозяйстве не должен предшествовать увеличению об'ема общественного производства, как это думают, по существу, все, отрицающие возможность накопления капитала в форме самостоятельного экономического процесса. Наоборот, в ходе расширения общественного производства происходит рост общественных доходов и, следовательно, увеличение спроса на предметы личного потребления. В этом последнем обстоятельстве находит свое выражение специфичность личного потребления трудящихся при капитализме: потребление неразрывно связано с производством, однако связь эта носит не прямой, а косвенный характер.

Но не является ли—под углом зрения теории о возможности расширенного воспроизводства внутренними силами капиталистического хозяйства—случайностью погоня за внешними рынками? Вытекает ли экспансия каждой капиталистической страны из об'ективных внутренних условий воспроизводства общественного капитала, или же в основе ее лежит не экономическая необходимость, а

простое, не оправдываемое об'ективной закономерностью движения капиталистического процесса, предпочтение предпринимателями внешних рынков внутреннему? Сокращается или расширяется круг внешнерыночных отношений в процессе роста капиталистического производства страны?—Эти вопросы мы попытались разрешить выше, указав основные двигательные пружины внешнерыночного кругооборота товарных масс, подчеркнув глубокую закономерность развертывающихся в этой области явлений и обрисовав изменение роли внешних рынков на последовательных ступенях эволюции народного хозяйства. Вместе с тем мы обращали внимание на то, насколько искажается и упрощается характер складывающихся между внутренним и внешним рынком отношений, если исходить из совершенно неверной люксембургианской теории накопления. Упускается из виду центральное противоречие роста капиталистического производства в каждой стране — углубление диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью — и внешнерыночный оборот мыслится не как двустороннее явление обмена, а как одностороннее явление сбыта.

Действительно, как изображаются в ее теории внешнерыночные отношения?

Об'ектом интернациональной борьбы за внешние рынки считается только некапиталистическая хозяйственная среда, активной пружиной торговой экспансии только экспорт, предметом, в силу которого ведется борьба, только прибавочная стоимость, целью которой преследуется при этом только получение эквивалентных размерам вывезенной прибавочной стоимости денежных сумм. Но если оставить в стороне всю украшающую эту концепцию революционную фразеологию, то разве можно сомневаться в том, что при подобной теоретической установке лишь в маленьком, односторонне карманном формате воспроизводятся противоречия развития капитализма в каждой стране, толкающие национальную буржуазию на путь завязывания внешнерыночных отношений со всей вытекающей отсюда торговой политикой отдельных национальных государств? Во-первых, борьба за внешние рынки со стороны каждой индустриальной страны не ограничивается лишь некапиталистическими областями, но распространяется и на капиталистические рынки других стран (вспомнить хотя бы интенсивное проникновение немецких товаров на английский внутренний рынок). Во-вторых, прогрессивно нарастающие с развитием промышленности потребности в расширении внешнерыночных отношений идут не только по линии экспорта готовых фабрикатов, но и по линии импорта предметов питания и промышленного сырья. Перепроизводство промышленных продуктов лишь обратная сторона недопроизводства продуктов сельского хозяйства. В-третьих, предметом внешнерыночной экспортной реализации в условиях неравномерного внутреннего развития капитализма являются не только те или иные элементы прибавочного продукта, но и отдельные части необходимого общественного продукта, воплощающего в себе переменный капитал и сношенную долю постоянного

капитала: деление на внутреннюю и внешнюю сферы реализации проходит не по линии сечения общественного продукта на прибавочную и необходимую части, а по линии отклонения в развитии различных отраслей от необходимых норм пропорциональности. В-четвертых, результатом внешнерыночной реализации почти на каждом шагу является не только получение денежных эквивалентов за проданный товар, но и присвоение добавочной прибыли.

Словом, 1) экономическая территория внешнерыночных отношений, 2) внутренние противоречия капитала, движущие механизм внешнерыночного товарооборота и необходимые функции этого механизма, 3) значение систематических связей капиталистического хозяйства с некапиталистическими производителями—все это, во-первых, несравненно сложнее, глубже и многообразнее, чем представлено в одностороннем аспекте Р. Л. и во-вторых, претерпевает закономерные изменения в ходе исторической эволюции капитализма, в то время, как в люксембургианской трактовке оно остается сплошным и недифференцированным во времени.

Но особенно интересно возобновить в памяти теоретические построения Р. Люксембург и защитников ее концепции в связи с фактом неравномерности роста капитализма в различных странах, играющем поистине огромную роль в процессе усложнения империалистических противоречий и конфликтов мировой капиталистической системы. В самом деле. Как укладывается закон неравномерности территориального расширения капитализма—обнимающий и процесс нивеллировки национальных уровней и процесс срыва этой нивеллировки—в их схему исторического развития капиталистического накопления? Какое значение приписывают они этому закону в свете развиваемой ими теории взаимодействия капитализма с некапиталистической социальной средой? Ответ может быть только один: этот закон полностью обходят защитники розистской теории воспроизводства, так как все они начисто игнорируют и лежащие в основе этого закона экономические явления и вытекающие из него последствия.

Действительно, на протяжении всей своей капитальной работы Р. Л. не только нигде не пытается привести этот фундаментальный факт в связь с внутренними условиями воспроизводства и накопления общественного капитала, но она вообще ни одним словом об этом факте не упоминает. Ее теория об'ективной невозможности реализовать прибавочный продукт сыграла с ней поистине злую шутку, обрекши ее на поразительную близорукость и даже полную слепоту по отношению к кардинальным международным противоречиям империалистической эпохи и приковав все ее теоретическое внимание лишь к одной стороне дела—борьбе за приобретение и политическое закрепление некапиталистических гинтерляндов. Она посвящает несколько глав взаимоотношениям капитала с докапиталистическими формами хозяйства, показывая, как капитал ставит простое товарное хозяйство на место натурального, поскольку ему необходимо реализовать произведенную прибавочную стоимость

и вслед затем—капиталистическое хозяйство на месте простого товарного, поскольку ему необходимо капитализировать прибавочную стоимость [1]). Здесь она ставит точку. Прогрессирующее вытеснение простого товарного хозяйства капиталистическим—предельная грань ее теоретического анализа. Но при этом упускается из виду существеннейшее обстоятельство: превращение обширных некапиталистических районов на основе процесса их индустриализации в молодые капиталистические центры означает для старых капиталистических стран нечто несравненно большее, чем потерю внешнего рынка сбыта. Поступательное движение новых промышленных районов тяжело ударяет по сложившимся прежде индустриальным государствам не только в силу относительной эмансипации индустриализующихся областей и стран от ввоза промышленных товаров. Относительное сокращение экспортных возможностей аграрной периферии и постепенно крепнущая конкурентная борьба новых капиталистических единиц, направленная на подрыв прежней непоколебимой гегемонии пионеров капитализма—это две также чрезвычайно важные причины обострения современных международных противоречий и конфликтов, не нашедшие себе, однако, никакого отражения в теоретических построениях Р. Люксембург. Она упоминает неоднократно об усилении конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими странами. Но каковы причины растущей интернациональной агрессивности капитала и увеличения военно-политических конфликтов и столкновений?

Ответ известен:

«При высоком развитии и все усиливающейся конкуренции между капиталистическими странами за приобретение некапиталистических областей растет энергия империализма и обостряются применяемые им методы насилия. Это сказывается, как в его агрессивных выступлениях против некапиталистического мира, так и в обострении противоречий между конкурирующими капиталистическими странами» [2]).

В полном соответствии с этим пишет и Ф. Штернберг в упомянутой уже нами выше работе:

«Глубочайшие корни империалистических войн лежат в диспропорции между размером некапиталистических территорий отдельных империалистических государств и их империалистической необходимостью в экспансии» [3]).

Оба автора указывают на то, что уменьшение свободных некапиталистических территорий влечет за собою усиление натиска на них со стороны империалистических держав и усиление трений между этими державами. Еще бы! Что параллельно сокращению прежде необ'ятного фонда некапиталистического хозяйства должны были неизбежно нарастать острота и напряженность соперничества

---

[1]) «Накопление капитала», 1924, стр. 436.
[2]) Ibid.. стр. 466.
[3]) F. Sternberg, «Imperialismus»., S. 294.

за овладение и политическое закрепление колониальных областей, на которые никто еще не наложил своей руки—это совершенно неоспоримо и может быть,—как мы видели выше,—вполне удовлетворительно об'яснено и не прибегая к логически несостоятельной люксембургианской теории реализации. Но разве фактом неуклонного уменьшения свободных еще остатков некапиталистических гинтерляндов действительно исчерпываются причины необычайной взвинченности международных отношений в период империализма и разве можно серьезно утверждать, что вокруг этого факта вращается вся цепь политических столкновений и империалистических войн, под знаком которых живет уже несколько десятилетий человечество?

Где, прежде всего, подоснова новейшей империалистической политики—монополистическая структура современного капитализма и сращивание индустрии с системой банков? Где неизбежно вытекающая из обусловленных неравномерностью капиталистического развития по странам перегруппировок в соотношениях мирохозяйственных сил борьба за перераспределение уже захваченных колониальных областей? за раздел и передел сфер влияния, имеющих своим об'-ектом молодые капиталистические страны? за отторжение энергетических и сырьевых ресурсов, находящихся в распоряжении даже крупных самостоятельных капиталистических держав, «необходимых» их империалистическим соперникам для укрепления своей собственной индустриальной мощи и для подрыва экономической силы своих могущественных конкурентов? за взаимное овладение позициями на внутренних рынках высоко-развитых промышленных государств? И у Розы Люксембург и у Штернберга отсутствуют в теоретическом анализе все эти грани империалистического процесса, и проблема развернута в узком и одностороннем аспекте агрессивного наступления мирового капитала на свободную еще некапиталистическую среду и возникающих на основе этого взаимного соперничества внутренних трений и антагонизмов между отдельными национальными группировками буржуазии. В действительности система империалистических противоречий куда сложнее и серьезнее.

Капитал сам разносит по всему земному шару семена коллизий и потрясений. Но кто сеет ветер,—пожнет бурю. Страны, толчкообразно вовлекаемые в орбиту буржуазных отношений и добившиеся вслед за тем полной или относительной самостоятельности внутреннего развития, выступают рано или поздно грозными соперниками прежних устоявшихся центров капиталистического процесса с их рутинностью и косностью методов хозяйствования, сложившейся в результате длительного исторического накопления основного капитала, тормозящего осуществление радикальных технических преобразований. Они образуют новые узлы в организме мирового хозяйства и вносят коренные сдвиги в направление и распределение мирового товарооборота и мирового движения капиталов. Нивеллирующие тенденции капиталистического движения влекут за собою отнюдь не установление гармоничного сотрудничества равносильных экономических единиц, а роковые сдвиги перевеса одних индустриализо-

вавшихся округов мирового хозяйства над другими. Дробные национальные части мирового богатства являются динамическими элементами, в которых числители и знаменатели дают в промежутках десятилетий меняющиеся цифровые ряды. Плюсы на одной стороне сопровождаются минусами на другой, наступление—отступлением, развертывание—сжатием. Промышленная эмансипация земледельческих стран, вызывающая сокращение импортного спроса сначала на средства потребления, а затем на средства производства, перерастает при наличии достаточных собственных энергетических и сырьевых ресурсов в победоносное соперничество на мировом рынке.

Как же влияет развитие капитализма вширь и вглубь на внешнерыночные отношения капиталистической страны, включающиеся необходимым элементом в общественный процесс накопления?

Сочетание экономических последствий скачкообразной индустриализации мирового хозяйства с модифицирующими факторами углубляющегося внутреннего процесса воспроизводства национального капитала воздействует на внешний товарооборот страны в отношении:

I. Варьирования процентной доли ее абсолютно растущего внешне-торгового оборота в общей сумме мировой торговли. Экстенсивный рост индустриализации,—т.-е. пространственное расширение капитализма—сам по себе должен вызвать перегруппировку относительного участия отдельных стран в совокупном межгосударственном товарообороте. Но эта перегруппировка становится особенно интенсивной в связи с неравномерностью территориальном развертывающегося процесса индустриализации.

II. Изменения соотношения размеров экспорта и импорта товаров (активность и пассивность торгового баланса), обусловленного ролью данной страны на мировом рынке капиталов.

III. Передвижки удельного веса отдельных групп товаров внутри каждого из двух разделов торгового баланса—вывоза и ввоза. Общая закономерная линия в экспорте—оттеснение продуктами тяжелой индустрии продуктов легкой, а в импорте—параллельный процесс относительного сокращения ввоза средств производства и расширения ввоза предметов питания и индустриального сырья.

IV. Перенесения рынков экспорта и импорта (в большей или меньшей мере) из одних областей и стран в другие. Деевропеизация мирового рынка является выражением этого процесса в огромных, еще никогда невиданных, масштабах.

Варьирование долевого участия, перегруппировка предметного состава и смещение направления внешнего товарооборота страны, как необходимый результат постепенно нарастающего изменения фактического соотношения сил между сосуществующими хозяйственными комплексами, наталкивается на сложившийся в предшествующий период экономический status quo мирового хозяйства и прокладывает себе дорогу методом политических и военных столкновений. «Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет

и не может быть иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушаемого равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» [1]). Если неравномерность развития различных отраслей внутри капиталистической страны—в первую очередь диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью—обуславливает двустороннюю необходимость внешних рынков, то неравномерность развития отдельных стран вызывает вытеснение с мирового рынка одних национально-государственных комплексов другими и чрезвычайно обостряет социальную борьбу рабочего класса, понижением жизненного уровня который буржуазия пытается компенсировать чувствительную потерю прежних доминирующих позиций. Если неравномерность первого типа создает тенденцию превращения национального хозяйства в мировое, то неравномерность второго типа вызывает во всех капиталистических странах обратное стремление к замыканию совместно со своей аграрно-колониальной периферией в самодовлеющую экономическую организацию. Мощное возрождение агрессивного протекционизма рассекает и разрывает единство мирового хозяйства, создает разграниченные высокими бар'ерами таможенных пошлин территориально-государственные комплексы, необычайно затрудняет процесс движения мирового товарооборота и неслыханно обостряет и без того ожесточенную борьбу между отдельными капиталистическими державами.

Подведем итоги.

Сокращая экспортные способности эмансипирующихся земледельческих областей, в которых напряженный рост промышленности сначала оттягивает на внутренний рынок вывозной фонд сельских продуктов, а затем создает прогрессирующую потребность в импорте последних, и уменьшая ограниченное число не захваченных еще крупными капиталистическими единицами источников энергетических и сырьевых ресурсов—с одной стороны, суживая в силу увеличения количества государственно-организованных участников ожесточенного интернационального соперничества прежние широкие возможности бесконкурентного сбыта товаров на внешних рынках и вызывая в результате неравномерности темпов развития перемещение центра тяжести мирового хозяйства—с другой, исторический процесс экстенсивной и интенсивной индустриализации непрерывно умножает противоречия, конфликты, потрясения, препятствия воспроизводства и накопления общественного капитала.

В исторической перспективе развертывающийся процесс мирохозяйственной индустриализации имеет своим об'ективным резуль-

---

[1]) И. Ленин, т. XIII. „О лозунге С. Штатов Европы", стр. 132.

татом превращение интернациональных контрагентных отношений промышленных и аграрных стран, производящих разнообразные продукты, в интернациональные конкурентные отношения самостоятельных промышленных стран, производящих однородные фабричные продукты и борющихся друг против друга—оставляя в стороне соперничество в области приложения капитала и стремление к захвату невоспроизводимого сырья—как по линии вытеснения и уничтожения на мировом рынке сбыта (бросовой экспорт—преимущественный метод подобной борьбы), так и по линии обеспечения наиболее выгодных источников снабжения недостающими сельскими продуктами.

Абсолютно безвыходной ситуации нет. Гигантские противоречия переиндустриализованного в рамках капиталистических отношений собственности мирового хозяйства выльются, скорее всего, в форму организованной насильственной дезиндустриализации одних стран другими. Но это вызовет такую грандиозную борьбу, перед которой бледнеют современные империалистические конфликты. Острые грани грядущей борьбы намечают предельно мыслимые исторические границы капитализма. Буржуазный способ производства терпит крушение не на абсолютной экономической невозможности продолжить с определенного фатального момента расширение процесса воспроизводства. Только в плане обострения социальной борьбы, обусловленного в последнем счете углублением и расширением внутренних противоречий движения производительных сил на капиталистической основе, отчетливо видна неизбежность краха капитализма. Прогрессивно возрастающие с развитием мирового капитализма коллизии и потрясения, делающие невыносимым для огромной массы трудящихся его дальнейшее существование, неотвратимо толкают пролетариат к радикальной социалистической революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие редактора 5

От автора 7

Глава I. Проблема рынка 9

1. Определение понятия рынка. 2. Соотношение между производством и рынком в капиталистическом хозяйстве. 3. Составные части проблемы капиталистического рынка. 4. Необходимость точки зрения целостного общественного хозяйства. 5. Методологическое значение марксовых схем.

Глава II. Простое воспроизводство . . . 21

1. Сущность простого воспроизводства. 2. Стоимостные и вещественные элементы общественного продукта. 3. Ошибки экономистов до Маркса в анализе состава общественного продукта. 4. Размер рынка, емкость рынка и соотношение производства и потребления в условиях простого воспроизводства общественного капитала. 5. В чем специфические трудности реализации товаров при накоплении капитала?

Глава III. Отрицание возможности накопления . 46

1. Общность теоретической позиции всех скептиков. 2. Сисмонди, Мальтус, Кирхман, Воронцов и Николай —он. Роза Люксембург. 3. В чем пункты сходства и отличия конпепции Р. Люксембург от конпепций мелкобуржуазного скептицизма?

Глава IV. Реализация при расширенном воспроизводстве. 65

1. Связь между расширением производства и расширением рынка. 2. Точка зрения Ф. Штернберга на „нереализуемый остаток" средств потребления. 3. Теория рынка классиков—Сэ, Рикардо, Джемс Милль и Джон Стюарт Милль. Двоякий характер их аргументации и ее логическая ошибочность. 4. Три конкретизирующие схему фактора процесса реализации товаров: a) деньги и кредит, b) торговый капитал, c) основной и оборотный капитал. 5. Резюме.

Глава V. Накопление и потребление . . . 117

1. Анализ влияния различных условий расширенного воспроизводства на общественное потребление. Критика М. Туган-Барановского и

Стр.

С. Булгакова. 2. Является-ли прогрессирующий рост производительного потребления средств производства экономическим отражением социального антагонизма капиталистической системы? 3. Внутренний смысл противоречия между производством и потреблением. 4. В чем состоит относительная независимость производства от личного потребления при капитализме? 5. Статистическая поверка изложенного.

Глава VI. Капитализм и внешний рынок . . 154

1. Определение понятия „внешний рынок". 2. Движущие факторы внешнерыночного кругооборота товаров. 3. Три фазы в процессе развития внешнерыночных отношений индустриализирующейся страны. 4. Анализ неравномерности капиталистического развития внутри страны: диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью и диспропорции внутри промышленности. 5. Ввоз и вывоз товаров, как две стороны одного явления. 6. Ошибочность точки зрения Р. Люксембург на роль внешнего рынка. 7. Зачем капитализму нужна некапиталистическая социальная среда? 8. Колониальная политика при торговом, промышленном и финансовом капитализме. 9. Закон неравномерности капитализма в мировом хозяйстве: механизм процесса нивеллировки „национальных уровней" производительных сил и процесса периодического срыва этой нивеллировки. 10. Военно-политические конфликты между империалистическими державами, как необходимое следствие закона неравномерности. 11. Крушение капитализма.

И К А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ при ЦИК СССР

МОСКВА, 19, Волхонка, 14. Тел. 1-25-81, 5-71-38.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

СЕРИЯ

„КРИВЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА"

В. ВЕЙЦ

Потенциальные и кинетические производительные силы мирового хозяйства

Кн. I. Индустрия средств производства

Стр. 312. Ц. 3 р.

М. Н. СМИТ

Динамика кризисов и положение пролетариата

Стр. 126. Ц. 2 р.

Н. ОСИНСКИЙ

Мировое хозяйство и кризисы

Пересмотренное издание

Стр. 97. Ц. 60 к.

П. ЛЯЩЕНКО

Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства

К изучению основных тенденций мирового хозяйства

Стр. 376. Ц. 4 р.

И
К А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ при ЦИК СССР
МОСКВА, 19. Волхонка, 14. Тел. 1-25-81, 5-71-38.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Н. ОСИНСКИЙ

АМЕРИКАНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

по новейшим исследованиям

Стр. 162. Ц. 75 к.

Н. ОСИНСКИЙ

По сельско-хозяйственным штатам С. Америки

Экономический дневник

с приложением Л. С. МАРГОЛИНА. Материалы по сельскому хозяйству зап. шт. Америки.

Стр. 264. Ц. 2 р. 25 к.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ:

М. ЮНОВИЧ

Литература по мировому хозяйству и мировой политике за 10 лет

(1917—1927 гг.)

Стр. 88. Ц. 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ при ЦИК СССР
МОСКВА, 19. Волхонка, 14. Тел. 1-25-81, 5-71-38.

Е. Б. ПАШУКАНИС

ИМПЕРИАЛИЗМ
И
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ч. I. Экономика империализма

Курс лекций, читанных в 1 МГУ

Стр. 113. Ц. в папке 1 р. 20 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Ч. II. Колониальная политика
Ч. III. Социально-экономические и политические проблемы империализма

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ:

БЛЮМИН

Суб'ективные школы политической экономии

Т. I и II.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Изд-ва Коммунистической Академии

Москва, 25, Моховая, 26. Тел. 2-38-97.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ при ЦИК СССР
МОСКВА, 19, Волхонка, 14. Тел. 1-25-81, 5-71-38.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ СССР

В ТАБЛИЦАХ
И ДИАГРАММАХ

КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ на 1927—28 год

И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

за 1913 | 1925/26
1924/25 | 1926/27
ГОДЫ

Составил
Б. А. ГУХМАН

Редакция
В. Г. ГРОМАНА

58 отдельных таблиц, отпечатанных на картоне, в прочной папке, цена 1 р. 40 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Изд-ва Коммунистической Академии
Москва, 25, Моховая, 26. Тел. 2-38-97.

Д. Брегель Москва 1929.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А. ГЕРЦЕНШТЕЙН

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ КОНЪЮНКТУРЫ?

КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ
Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

Типография и офсет-печатня
Издательства
„КРЕСТЬЯНСКАЯ
ГАЗЕТА“
Москва, Сущ., 21.
Главлит А—23875.
Тираж 4.000.
Догов. 11320
И К А
395.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вместо предисловия 5

1. В чем оригинальность научной позиции проф. Кондратьева? . . . 7

2. Фактический ход экономической истории опрокидывает идею длительных циклических колебаний общественного производства 16

3. Неповторимые исторические периоды или периодически повторяющиеся циклы? Растворение эволюции капитализма в конъюктурном процессе. Смешение ф о р м ы динамики капиталистического процесса с э т а п а м и мирохозяйственного расширения капитализма и эвслюторного изменения темпов его динамики 46

4. Попытка теоретического обоснования идеи «больших циклов» и ее внутренняя несостоятельность 56

5. Некоторые «частные» дефекты новой концепции. Резюме 80

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Проф. Н. Кондратьев уже не в первый раз отдает свою оригинальную концепцию конъюнктурного процесса на суд научной критики. Впервые он наметил ее общее и беглое изложение в книге «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922 г.). Попытался углубить и расширить проблему отдельной статьей в сборнике «Вопросы конъюнктуры» (т. 1, 1925 г.), повторил выдвинутую идею в дискуссии о современном состоянии мирового хозяйства (см. книгу «Мировое хозяйство 1919—1925»), и, наконец, в наиболее развернутом виде предлагает ее вниманию читателя в недавно вышедшей книге «Большие циклы конъюнктуры», в которой, помимо его статьи, представляющей несколько исправленный и дополненный доклад, зачитанный им на эту тему два года назад в Ранионе, имеется еще обширный контр-доклад Д. И. Опарина и речи выступавших оппонентов. Для нас, марксистов, несомненно, что любая научная трактовка капиталистического процесса уходит своими конечными корнями — подчас невидимо даже для самого ее автора — в материальную подкладку классовых интересов. Сознает ли проф. Кондратьев или нет, — объективно его концепция «больших циклов» затушевывает современный исторический кризис капитализма, представляя его как простую конъюнктурную депрессию длительного порядка. Но если даже оставить в стороне последнее обстоятельство, взгляды проф. Кондратьева не могут не привлечь к себе пристального внимания всякого, серьезно занимающегося вопросами теоретической экономии. Ведь в концепции больших циклов дан не какой-либо очередной оригинальный вариант объяснения обычных ритмических приливов и отливов капиталистического хозяйства. Здесь сделана крупная попытка пересмотреть установившиеся взгляды на форму динамики капиталистического процесса и наметить ряд новых типовых закономерностей этой динамики. А раз так, то приходится еще раз проверить правильность марксистских представлений о закономерностях капиталистического процесса, взвесить и оценить положительное научное значение того, что нам предлагают.

В этом оправдание появления настоящей работы, тем более, что систематической марксистской критики концепции больших циклов конъюнктуры еще не имеется. Нам известны лишь две марксистские работы, специально посвященные критическому разбору этой идеи — Н. Суханова, Большие циклы конъюнктуры («Плановое хо-

зяйство», 1925, IV) и С. Губермана, Проблемы малых и больших циклов («Социалистическое хозяйство», 1927, I). В этих работах имеется ряд правильных замечаний, но нет системной критики «учения» Кондратьева. Подобной критики не могло быть и потому, что обе указанные статьи опубликованы до выхода последней книги, в которой проф. Кондратьев впервые делает попытку построения теории большого цикла, тогда как до этого времени он ограничивался лишь статистическим анализом и некоторыми эмпирическими обобщениями в защиту своей концепции[1]. Задачей настоящей работы является возможно более полный марксистский разбор идеи больших циклов в том специфическом выражении, которое она получила в трудах Кондратьева. Вот почему центр тяжести работы лежит не в положительных построениях. Он сознательно смещен в область критического анализа.

Автор

[1] Отдельные критические замечания по поводу построений Н. Кондратьева см. еще Осинский, Н. Мировое хозяйство в оценке наших экономистов. «Красная Новь», 1923 и Мировое хозяйство и кризисы, Изд. Комм. академии, 1925. Базаров, В. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР, 1926. Троцкий, Л. в книге «Мировое хозяйство 1919—1925» (стенограммы дискуссии) ЦУП ВСНХ, 1926. Вержбловский, Д. Пути индустриализации, 1928. № 2. Первушин, С. Хозяйственная конъюнктура. «Эконом. Жизнь», 1925. Диманштейн, М. «Хозяйство Украины», 1926, № 5—6, Новожилов, С. «Вестник Финансов», 1926, № 3. Фалькнер, С. и Спектатор, М.— выступления по докладу в книге «Большие циклы конъюнктуры». Наша работа печаталась, когда в «Под знаменем марксизма» (№ 6) появилась большая статья Богданова, В. К вопросу о закономерности исторического развития капитализма, посвященная разбору теории «больших циклов». С чувством удовлетворения констатируем совпадение ряда основных критических соображений.

I

Капиталистическое хозяйство живет закономерным внутренним ритмом. Своеобразной *формой* движения процесса воспроизводства и накопления совокупного общественного капитала является трехфазный в своей основной структуре экономический цикл. Сама эта форма с типичной для нее сменой эпох подъема, кризиса, депрессии складывается лишь исторически, на определенной ступени охвата капиталистическими отношениями собственности общественного производства. В начальных этапах перехода от торгового капитализма к промышленному имеются нередко кризисные срывы и эпизодические локальные трудности сбыта тех или иных товаров. Эти кризисы не носят однако еще *регулярного* характера: им не предшествует всеобщий подъем хозяйственной системы, за ними не следует закономерное сокращение воспроизводства общественного капитала. Но раз отлившись в форму цикла, динамика капиталистического процесса ее уже постоянно сохраняет. Периодическое возвращение однозначных конъюнктурных ситуаций автоматически предопределено всей системой современного капитализма. В ходе его дальнейшей исторической эволюции многосторонне изменяется и в количественном и в качественном отношениях *стиль* хозяйственного цикла. Однако, пока капитализм существует, общественное хозяйство имманентно воспроизводит волнообразный тип колебаний его различных составных элементов.

Проф. Кондратьев утверждает, что обычные периодические циклы еще не исчерпывают всех тех *повторных* колебаний хозяйственной жизни, которые внутренне и органически свойственны динамике капиталистического процесса. Наряду с этими известными и относительно широко разработанными в политической экономии типами колебательных процессов, необходимо признать наличие «длительных, очень глубоких и значительных по своему влиянию колебательных процессов в народно-хозяйственной динамике» [1]. Эти длительные циклы охватывают циклы обычного типа, вернее, последние укладываются в них так, что на каждую подъемную и падающую волны

[1] Помимо этих «больших» циклов Кондратьев склоняется к точке зрения некоторых буржуазных экономистов о существовании еще совсем малых циклов продолжительностью в 3—3½ года. По нашему мнению, эти «малые» циклы являются «ущемленными» в силу некоторых определенных причин обычными периодическими циклами. В дальнейшем мы будем называть эти обычные циклы «малыми» в противоположность выдвинутым Кондратьевым «большим» циклам.

большого цикла приходится обычно несколько сомкнутых друг с другом фаз малых циклов. В чем же находит проф. Кондратьев фактическое оправдание этой новой точки зрения на закономерность динамики капиталистического процесса? Какова морфология подобных длительных колебательных волн в их натуральном и ценностном выражениях? Наконец, если даже дана историческая обоснованность больших циклов и описана их структура, то в чем заключается теоретическое объяснение наблюдаемого явления?

Внешним рыночным выражением циклической динамики капиталистического процесса является регулярное волнообразное движение общего уровня товарных цен. Но исследовательская мысль уже давно подметила тот, в высшей степени интересный, факт, что помимо подобных коротких ритмичных колебаний ценового уровня существовали еще более крупные и длительные колебания цен, охватывавшие несколько десятков лет. В одни исторические периоды общий уровень цен обнаруживал устойчивую понижательную тенденцию, в другие — наоборот. Если для каждого из этих периодов элиминировать колебания цен, обусловливаемые динамикой обычных торгово-промышленных циклов, то полученные дециклированные ряды индексов цен с полной определенностью выявят эти волнообразные тенденции. До сих пор нет сколько-нибудь убедительного и общепризнанного объяснения этого явления. Нет даже серьезного специального исследования, в котором был бы дан последовательный систематический анализ крупных исторических движений цен на протяжении, по крайней мере, двух веков существования промышленного капитализма. Отдельные экономисты частично касались этого вопроса, сосредоточивая свое внимание на том или другом историческом периоде, но не давая завершенного исследования и объяснения. Так, например, Туган-Барановский[1] в своей известной работе «Периодические промышленные кризисы» ставит эти колебания в связи с крупными структурными изменениями в мировом хозяйстве, а в другой работе «Бумажные деньги и металл» склоняется к тому, что экономическая природа длительных ценовых колебаний аналогична природе обычных торгово-промышленных циклов. Лескюр[2] видит причины этого явления в скачкообразных изменениях техники, появлении новых потребностей, возникновении новых крупных отраслей промышленности, что в совокупности перемещает центр тяжести общественного хозяйства, сообщает ему мощный толчок и обусловливает широкую полосу всеобщего экономического оживления, постепенно сменяющегося длительным застоем. Каутский[3] подошел к проблеме с целью выяснить причины предвоенной дороговизны. Основным фактором продолжитель-

---

[1] Туган-Барановский М., Периодические промышленные кризисы, 1923, гл. II, IV и VI. Он же, Бумажные деньги и металл, 1916, гл. III.

[2] Лескюр Ж., Общие и периодические промышленные кризисы, а также статья — Всеобщее повышение и понижение цен, в сборнике «Новые идеи в экономике», № 4.

[3] Каутский, Золото, деньги и дороговизна, «Книга», 1917.

ных волнообразных движений цен он считает изменения в способах добычи золота. При этом он подчеркивает, что подобные движения по своему происхождению носят иной характер, чем циклические колебания цен, вытекающие из внутренних условий процесса воспроизводства капитала, но что они взаимно переплетаются и влияют друг на друга самым различным образом. Парвус в ряде своих блестящих статей[1], в которых рассыпано множество очень метких и глубоких мыслей по интересующему нас вопросу, отмечает крупные различия темпа экономического развития капитализма в различные исторические эпохи и сводит их в конечном счете к изменению общих условий мирового рынка, завершению одного периода эволюции мирового хозяйства другим. Близко соприкасается с этим взглядом точки зрения Л. Д. Троцкого[2]. Он указывает, что обычные торгово-промышленные циклы в разные периоды носят различный характер. Основной чертой этого различия является количественное соотношение между фазами подъема и депрессии в пределах каждого цикла. Одни периоды дают нам «серию» таких циклов, в которых подъемы настолько сильны, а депрессии скороперехолящи и слабы, что общая результирующая линия характеризуется резко выраженной подъемной волной. В другие периоды рост производительных сил при подъеме уравновешивается в среднем сжатием их при депрессии, что дает застойное равновесие общественного хозяйства. Наконец, в третьи периоды депрессии на много длительнее и интенсивнее подъемов, и, следовательно, итоговая линия будет линией упадка. Смены этих больших периодов не носят ритмического характера, так как само наступление их вытекает не из внутренней динамики капитализма, а из тех общих условий, в которые он попадает в ходе своего исторического развития. Ирвинг Фишер и Густав Кассель[3] пытаются объяснить проблему, исходя из количественной теории денег, выдвигая на первый план соотношение между размером золота в обращении и суммой обращающихся товаров. В. Зомбарт[4] приходит к выводу о смене длительных периодов оживления (лирико-драматический тон жизни) длительными же периодами застоя (скептико-критическое настроение). Разграничивая хронологически эти периоды за последние полтораста лет, он не дает какого-либо законченного объяснения действующего здесь механизма и склоняется к тому, чтобы приписать решающую роль неравномерному росту

---

[1] Некоторые из этих статей собраны в сборнике «В рядах германской социал-демократии», изд. Глаголева.

[2] Стенографический отчет III Конгресса Коминтерна. «О кривой капиталистического развития». «Вестник Коммунистической академии», 1923, кн. IV; заключительное слово в дискуссии о состоянии мирового хозяйства, «Мировое хозяйство 1919—1925». ЦУП ВСНХ, 1926 г.

[3] Фишер И., Покупательная сила денег, 1925. НКФ. Cassel G. Theoretische Socialökonomie, 1927, Drittes Buch «Das Geld».

[4] Sombart W., Die deutsche Volkswirtschaft, 1909, IV Kapitel. Он же, Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, S. 567—583. Он же, Referat в Schriften des Vereins fur Socialpolitik, B. 113.

добычи «желтого металла». Не останавливаясь на других авторах[1], упомянем еще о двух новых работах в этой области. Мы имеем в виду статьи де-Вольфа в сборнике, посвященном семидесятилетию со дня рождения Каутского и В. Мильдшу[2] в Archiv für Socialwissenschaft.

Де-Вольф не предлагает объяснения проблемы, но лишь систематизирует показатели цен и некоторых других элементов хозяйственного процесса с целью обосновать мысль о смене крупных эпох «бури и натиска» капитализма эпохами упадка и медленного развития. Мильдшу предварительно строит своеобразную теорию кредитной инфляции, опираясь на которую он пытается осмыслить вековую кривую динамики цен. Сущность этой теории сводится к следующему. Если государство находится в таком финансовом состоянии, что оно вынуждено целиком или отчасти покрывать свои обязательства по выпущенным займам новыми займами, то это необходимо поведет к инфляции и вызовет подъем цен. Прослеживая крупные изгибы кривой цен, Мильдшу выдвигает на первый план то обстоятельство, что периоды быстрого роста цен характеризуются заметным скоплением войн, а войны именно и вынуждают государство прибегать обычно в широких размерах к добавочным выпускам новых займов с целью покрытия обязательства по прежним. Таким образом, авторы различных направлений неоднократно подчеркивали, что капиталистическое хозяйство в своем среднем, как бы освобожденном мысленно от обычных циклических зигзагов, течении не знает плавности и ровности поступательного движения, но в смежные исторические эпохи дает неодинаковый темп динамики. При этом одни авторы ставили ударение на ценностных моментах, сосредоточивая свое внимание на крупных поворотных изгибах в кривой уровня цен и не пытаясь проследить

---

[1] Из специальных работ, посвященных анализу цен за тот или иной период, см. помимо известной работы Тука и Ньюмарча: Spiethoff, A. Krisen, Handwörterbuch der Staatwissenchaften, B III. Helferich, K., Das Geld, Kap. 13. Hooker, K. Journal of the Royal Statistical Society, 1911, December p.p. 1—50. Wicksell, K. Geldzins und Güterpreise, 1898. Kap. XI. Moore, H. Generating Econ. Cycles, 1923 ch. III. Silberling, N, Review of Econ. Statist, suppl. October, 1923. Röpke, W, Kredit und Konjunktur, yahrbuch fur Nationalökonomie und Statistik, 1926 Marz—April, S-252 etc. Nasse E., Das Sinken der Warenpreise während der letzten fünfzehn Jahre, «Conrad's Jahrbuch», 1888, Bd. III. Schellwien J., Ergebnisse einer Untersuchung über die Tendenz der Warenpreise, «Conrad's Jahrbuch», 1911, August. Lexis W., Die Währungsproblem und die englishe Untersuchungscomission, «Conrad's Jahrbuch , 1888, Bd. III. Eggenschwyler W., Ueber die Ursachen der Teuerung, «Conrad's Jahrbuch», 1913; III Folge, 46 Band, Bauer O., Die Teuerung, 1911. Karski J., Teuerung, Warenpreise und Goldproduktion, 1913. Спектатор М., Мировое хозяйство до мировой войны, т. I. 1924, стр. 100—149. Опарин Д., Контр-доклад, помещенный в книге «Большие циклы конъюнктуры» и работа «Конъюнктура и рынки», 1928. Изд-во «Техника управления».

[2] de Wolf S. — Prosperitäts- und Depressionsperioden в сборнике «Der lebendige Marxismus», Jena, 1924. и Mildschuh W. — Kreditinflation und Geldtheorie. Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik, 1924, Bd. 51 и 52.

связи между направлением динамики цен и интенсивностью процесса накопления общественного капитала. Другие опирали свою мысль на материальный процесс роста производительных сил и заостряли идею неравномерности темпа накопления капитала в большие исторические периоды. В чем же оригинальность позиции проф. Кондратьева в этом сложном и новом вопросе?

Прежде всего Кондратьев стремится наметить точные хронологические границы максимумов и минимумов длительных волн цен, имевших место в течение последних полутораста лет развития промышленного капитализма. Фигура длительной динамики уровня товарных цен является в его концепции исходным пунктом всего дальнейшего построения и самым веским эмпирическим аргументом в защиту существования больших циклов конъюнктуры. Предлагаемая им периодизация, основанная на крупных изгибах кривой среднего уровня товарных цен по трем странам — Англии, Франции (по Франции цены только с 1855 г.) и Соединенным штатам, укладывается в следующую схему:

I. 1) Повышательная волна первого цикла с конца восьмидесятых — начала девяностых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг.
2) Понижательная волна первого цикла — с периода 1810—1817 до периода 1844—1851 гг.

II. 1) Повышательная волна второго цикла — с периода 1844—1851 до периода 1870—1875 гг.
2) Понижательная волна второго цикла — с периода 1870—1875 гг. до периода 1890—1896 гг.

III. 1) Повышательная волна третьего цикла — с периода 1890—1896 гг. до периода 1914—1920 гг.
2) Вероятная понижательная волна третьего цикла — с периода 1914—1920 гг.

Особенность точки зрения проф. Кондратьева может быть, по нашему мнению, сведена к двум следующим положениям.

Во-первых. Темп роста общественного производства закономерно колебался параллельно происходившим в течение истекших полутораста лет длительным колебаниям среднего уровня товарных цен.

Во-вторых. Являясь лишь внешним выражением ритмической смены темпа воспроизводства капитала, эти колебания цен, совместно с колебаниями натуральных элементов, представляют собою крупные периодические цикловые обороты капиталистического процесса, обусловленные его внутренней природой и существующие наряду с обычными торгово-промышленными циклами.

Иными словами: продолжительные волны повышения и понижения цен аналогичны по своей структуре обычным колебаниям уровня цен в пределах нормального капиталистического цикла и, подобно тому как фазы последнего необходимо сменяют друг друга, так автоматически чередуются через двадцатипятилетние в среднем интервалы конъюнктурные полосы оживления и застоя капитализма.

Удалось ли, однако, Кондратьеву доказать, что последовательные крупные волны цен отражают ритм материального процесса накопления? Не дает ли змеевидная кривая вековой динамики цен лишь внешнюю обманчивую видимость цикличности? — Вот первый основной вопрос, который мы выдвигаем в центр нашего критического анализа концепции больших конъюнктурных фаз. — Посмотрим прежде всего, что предлагает нам в этой области Кондратьев, а затем попытаемся, со своей стороны, сопоставить его утверждение с фактической эволюцией промышленного капитализма.

Проф. Кондратьев был ограничен в своем исследовании, с одной стороны, относительной краткостью исторического существования промышленного капитализма, а с другой — досадной неполнотой статистического материала, не позволившей ему: 1) охватить все капиталистические страны; 2) проследить движение основных натуральных и ценностных элементов для каждой страны; 3) дать исчерпывающий анализ даже небольшой части включенных им в круг своего анализа элементов и категорий. В этих ограниченных рамках он выдвигает фактической опорой своей концепции происходившие изменения общего уровня цен, процента по долгосрочным помещениям капитала, размера номинальной заработной платы, объема внешней торговли, добычи и потребления угля, наконец, производства чугуна и свинца. Дает ли исследование хотя бы этого небольшого количества показателей право с полной категоричностью и безусловностью настаивать на существовании больших конъюнктурных циклов? Интересно, что проф. Кондратьев сам не решается стать на такую безоговорочную точку зрения и облекает свои выводы в следующую достаточно осторожную формулировку:

«По имеющимся данным можно предполагать, что существование больших циклов весьма вероятно» [1].

Но это еще не все. Оказывается, что в капиталистическом хозяйстве существуют «такие элементы, в динамике которых больших циклов нет» (36). К этим элементам, по словам Кондратьева, относятся, например, потребление хлопка во Франции, производство шерсти и сахара в Соед. штатах и «некоторые другие элементы».

«Однако, — заявляет Кондратьев, — признание существования больших циклов вовсе не предполагает *(?—А. Г.)*, что они обсолютно всеобщи и обнаруживаются в динамике всех элементов» (36).

Убедительно? Нисколько! Если проф. Кондратьев признает, что капиталистическое хозяйство представляет систему спаянных между собою элементов, то совершенно абсурдно считать, что одни части этой системы могут закономерно описывать измеряемые десятилетиями «глубокие и значительные по своему влиянию колебания», а другие — подобных колебаний совершенно не обнаруживают. Насколько нам известно, обычные промышленные циклы характеризуются

[1] «Большие циклы конъюнктуры», 1928, стр. 57. Впрочем, в дальнейшем при построении теории больших циклов, проф. Кондратьев забывает об этом ограничении и рассуждает так, как будто бы существование больших циклов не подлежит никакому сомнению.

согласованным ритмическим колебанием (не одинаковой, конечно, интенсивности) всех элементов хозяйственного процесса. Однако более внимательный разбор тех методов, которыми оперирует Кондратьев для выявления цикличности проанализированных им элементов и тех выводов, которые он получил, заставляет нас сказать, что попытка фактической констатации больших циклов даже в отношении тех элементов, которые, по уверению Кондратьева, обнаруживают длительную колеблемость, терпит решительную неудачу.

Начнем с методов обнаружения длительных колебаний в исследованных экономических элементах и показателях. Так как движение эмпирического ряда показателей какого-либо явления за данный промежуток времени выражает собою, по мнению Кондратьева, не только длительную цикличность, но и другие динамические процессы — вековую тенденцию, обычные циклы и различные виды иррегулярных отклонений, то проф. Кондратьев стремится, прежде всего, элиминировать все эти компоненты и получить такой статистический ряд, который выражал бы собою исключительно конъюнктурные колебания длительной продолжительности. Как же он этого достигает? В общих чертах его метод сводится к следующему. Сначала находится так называемая вековая тенденция ряда, т. е. тенденция, выражающая просто общий поступательный ход данного экономического явления и по своей природе лишенная цикличности. Эту вековую тенденцию (secular trend) необходимо извлечь из эмпирических данных (путем вычитания из последних) и тем самым оставить в ней лишь элементы чистой конъюнктурности. Над полученным после такого извлечения статистическим рядом производится операция выравнивания по методу подвижной средней, дабы элиминировать искривляющее влияние обычных циклов продолжительностью в 7—10 лет и сезонных колебаний. Полученный итог — с точки зрения Кондратьева — количественно отображает искомые длительные волнообразные колебания экономических элементов. Отклонения составных звеньев очищенного этим сложным методом ряда от плавного векового уровня дает нам представление о степени амплитуды этих колебаний. Дефектность этого формально-математического монтажа статистических данных заключается прежде всего в том, что ровно ничем не гарантируется соответствие выбранного типа вековой кривой имеющегося эмпирического ряда действительной тенденции движения данного элемента хозяйственного процесса. Произвольность в выборе теоретической кривой настолько велика, что проф. Кондратьев сам не решается сказать [1], где, собственно, кончается реальность поступательного движения, которую эта кривая, по замыслу исследователя, должна репрезентировать, и начинается простая математическая фикция, не имеющая ровно никакого экономического смысла. Подробную и убедительную критику концепции Кондратьева со стороны формально математической техники ее построения дали Д. Опарин и В. Базаров [2]. Мы целиком присоединяемся

[1] «Большие циклы конъюнктуры», стр. 186.

[2] Опарин Д., Контр-доклад, помещенный в той же книге. Базаров В., Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР, 1927, гл. VI.

к веской отрицательной оценке примененных автором теории больших циклов методов нахождения длительной колеблемости экономических элементов. Но дело не только в трудностях нахождения оптимально репрезентативной кривой. Совершенно несомненно, что в зависимости от того, кривая какого порядка будет применена для выравнивания ряда, изменяется и высота волны и хронологическая граница ее перегибов. Однако, повторяем, проблема «плавного уровня» не исчерпывается трудностями отыскания кривой вековой динамики, предполагающего (отыскания) своеобразную «экономическую интуицию» исследователя. Она имеет и принципиально теоретическую сторону. А именно: чем, собственно говоря, обусловливается постепенный ход динамики роста свинца, угля или чугуна, отклонения от которого измеряет Кондратьев, и существует ли этот п л а в н ы й уровень вообще? Иными словами, вопрос не только в том, насколько найденные математические формулы отображают реальность вековой кривой эволюции, но и в том, существует ли вообще фактически эта эволюторная кривая в форме п л а в н о й линии, или же ее плавность искусственно скомпанована как цепь последовательно сомкнутых статистических средних? Этого вопроса принципиальной важности проф. Кондратьев даже не поставил. А между тем здесь скрывается большая и спорная проблема. Надо ли считать, что циклические колебания представляют собою зигзагообразные отклонения от какой-то плавной линии, или никакого плавного уровня реально нет, ибо даже очищенная от искривляющего влияния циклических колебаний линия развития производительных сил капиталистического хозяйства характеризуется с п е ц и ф и ч е с к о й н е р а в н о м е р н о с т ь ю и, следовательно, дециклированный темп роста того или другого элемента фактически н е о д и н а к о в или н е р а в н о м е р н о у с к о р е н (т. е. не плавен!), в зависимости от 1) изменения естественно-географических условий хозяйственной жизни страны (напр., истощение минеральных ресурсов); 2) ступени ее общего промышленно-организационного развития (при монополистическом капитализме, напр., условия темпа эволюции иные чем при «классическом» капитализме); 3) деформирующего влияния внешне-противостоящего данной стране мирового хозяйства. Предлагаем проф. Кондратьеву несколько подумать, насколько верна идея плавного уровня в процессе развития хотя бы английской каменноугольной промышленности с характерным для нее в настоящее время состоянием глубокого упадка (далеко не конъюнктурного порядка) и насколько правильно вырывать динамику этого элемента из общего комплекса мирохозяйственных связей и рассматривать ее как исторический продукт внутреннего развития английского народного хозяйства, как такового. А ведь именно такой, в к о р н е н е п р а в и л ь н ы й, методологический подход составляет основу всего статистического анализа Кондратьева. Но в какой мере убедительны однако те выводы эмпирического порядка, к которым пришел проф. Кондратьев, оперируя подобного рода методом выявления длительной цикличности? Увы, полученные выводы очень мало говорят в защиту существования больших циклов конъюнктуры.

как в этом может убедиться всякий, кто даст себе труд внимательно ознакомиться с работой Кондратьева.

В самом деле. Длительные волнообразные колебания, границы которых фиксированы вышеприведенной схемой, существуют действительно в сколько-нибудь ясной форме лишь в динамике общего уровня товарных цен и отчасти процента по долгосрочным помещениям капитала. Иное приходится сказать об остальных показателях, проанализированных Кондратьевым. По своему характеру они подразделяются на две группы — ценностные и натуральные. К ценностным относятся — номинальная заработная плата и обороты внешней торговли в Англии и Франции, а к натуральным — рост добычи угля в Англии и потребление его во Франции, а также производство чугуна и свинца в Англии. Так вот, если хотя бы с маленькой дозой скептицизма отнестись к тем результатам, которые получил Кондратьев, то оказывается следующее. Динамика номинальной заработной платы и суммарных оборотов торговли дает параллельные направлению движения уровня товарных цен длительные колебания лишь до того момента, пока мы не вносим поправку на индекс цен. Но стоит лишь проследить эти явления в их собственном внутреннем движении, освободив элементы заработной платы и внешней торговли от ценовой оболочки, то окажется, что они описывают ту или иную своеобразную кривую, но какого-либо совпадения с границами намеченных Кондратьевым больших циклов абсолютно не имеется. К этому моменту мы еще вернемся в дальнейшем. Что же касается динамики натуральных показателей, то и здесь нет опоры для территории больших циклов. Помимо того, что здесь мы опять сталкиваемся с произволом при выборе теоретической кривой, форма которой меняет направление «вековой тенденции» и сдвигает пределы повышательных и понижательных волн, сама амплитуда колебания настолько незначительна, что легко укладывается в рамки простой арифметической ошибки. В точках максимумов и минимумов масштаб колебания вещественных элементов составляет 3—7%, в то время как — по признанию самого Кондратьева — амплитуда отклонений вверх и вниз для соответствующих элементов в границах обычных торгово-промышленных циклов больше в 2½ раза. Но если исчислить колебания натуральных показателей не в точках максимума и минимума, а по годовым периодам (как это сделал Д. Опарин), то получится следующая крайне любопытная картина[1] (см. след. стр.).

Иными словами: годовая амплитуда колебания натуральных показателей в обычных циклах в несколько раз выше, чем в «циклах длительной продолжительности». Чтобы учесть все уничтожающее для идеи Кондратьева значение этого факта, необходимо конечно иметь в виду (ниже мы остановимся на этом подробно), что по его теории подъемные волны больших циклов характеризуются радикальным массовым обновлением производительных сил народного хо-

[1] «Большие циклы конъюнктуры», стр. 223.

Процент годового прироста или понижения

	Полуволна 1857—1884	Полуволна 1885—1909
Потребл. минеральн. топлива во Франции:		
а) колебания малых циклов . . .	+ 7,5	— 3,0
б) » больших циклов . .	+ 0,4	— 0,2

	Полуволна 1857—1884	Полуволна 1885—1900
Добыча угля в Англии:		
а) колебания средних циклов . .	+ 4,0	— 7,5
б) » больших циклов . .	+ 0,4	— 0,4

	Полуволна 1845—1866	Полуволна 1867—1887	Полуволна 1888—1907
Производство чугуна в Англии:			
а) колебания средних циклов .	— 6,0	+ 9,5	— 9,0
б) » больших циклов . .	— 0,4	+ 0,4	— 0,5

зяйства и созданием новых крупных кадров основного капитала. Если это в действительности так, то остается совершенно непонятным, почему в эти периоды более чем скромен рост основных натуральных элементов общественного производства. — Мы видим, таким образом, что несмотря на огромную аналитическую работу, выполненную Кондратьевым с целью обосновать существование длительных конъюнктурных изгибов динамики совокупного общественного хозяйства, остается прежде всего недоказанным наличие главного момента конъюнктурности — согласованного ритмического колебания натуральных и ценностных категорий. В то время как факт существования обычных торгово-промышленных циклов воспринимается путем непосредственного наблюдения над экономической жизнью капиталистических стран, для отыскания «больших циклов» приходится прибегать к изощренным методическим операциям, в результате которых этот тип цикличности остается под некоторым вопросом даже для самого Кондратьева и под большим вопросом для других. И мы утверждаем, что слабость и неубедительность фактических выводов, к которым пришел Кондратьев, объясняется не относительной скудостью имеющегося цифрового материала и не недостаточной установленностью приемов обработки статистических рядов, но неправильностью самой идеи больших циклов. Эта идея в качестве ориентирующей предпосылки навязчиво владеет мыслями Кондратьева и сообщает искривленную установку всем его экономическим работам. Приглядимся поближе к существу вопроса.

II

Что является совершенно бесспорным в построениях Кондратьева? Это—четкая статистическая и диаграммная констатация неоднократно отмеченного в литературе длительного волнообразного движения общего уровня товарных цен (в Англии, Соед. штатах и частично во Франции),

начиная с конца XVIII столетия. Зигзагообразная фигура кривой динамики цен с пятью крупными поворотами за истекшие полтораста лет: а) после наполеоновских войн; б) с начала второй половины XIX века; в) с середины семидесятых годов; г) у порога XX столетия; д) с 1920 г.—соблазнила проф. Кондратьева *приписать ее внутреннему строению механизм периодической цикличности* и самое ее рассматривать как внешне рыночное выражение регулярной длительной ритмичности общественного производства. Но именно эта точка зрения глубоко неверна! Направление движения общего дециклированного уровня цен является функцией *нескольких* переменных: 1) стоимости товаров; 2) стоимости золота; 3) пертурбирующих факторов, отклоняющих спрос от предложения (ценность от ценности) при неизменной производительности общественного труда и в производстве золота и в производстве товаров (войны, революции, таможенная политика, структурные сдвиги в мировом хозяйстве и т. п.). Изменение индексов цен само по себе ничего не говорит о причинах, вызвавших подобное изменение, ибо один и тот же результат (повышение или понижение) может быть следствием различных причин. Поэтому необходим *конкретный анализ* условий развития общественного хозяйства в каждый данный ограниченный исторический период, чтобы вскрыть, какие именно факторы и в каком направлении воздействовали на уровень товарных цен. И чем длиннее промежуток времени, на протяжении которого мы рассматриваем динамику уровня цен, тем обязательнее такой анализ. Имеется ли у Кондратьева хотя бы намек на конкретный анализ повышательных и понижательных ветвей в динамике цен в различные исторические периоды? Нет, не имеется. По принципу аналогии он просто отождествляет типичный конъюнктурный ритм цен, обусловленный периодически изменяющимся соотношением между общественным спросом и общественным предложением, с теми крупными волнами динамики цен, которые имели место за протекшие полтораста лет. Но действительно ли понижательное движение общего уровня цен после наполеоновских войн и вплоть до начала второй половины XIX века вызывалось *теми же* причинами, как и понижение цен с семидесятых годов этого века? С другой стороны, действительно ли подъемы цен 1) в двадцатилетний период конца XVIII и начала XIX века, 2) в третью четверть XIX века и 3) в предвоенную эпоху обусловливаются совершенно однородными комплексами факторов, автоматически воспроизводящихся все снова и снова внутренней динамикой процесса накопления общественного капитала? Наконец, можно ли говорить, что исторические периоды экономически *различны* по направлению своего развития в силу противоположности движения среднего уровня цен в эти периоды (например, противопоставлять 30—40-е годы 50—60-м годам XIX века на том основании, что в первый отрезок времени уровень цен имел тенденцию к понижению, а во второй к повышению), и, наоборот, экономически *однородны* в силу того, что цены двигались в одном и том же направлении (например, объединять в один период эпоху с 1896—1914 и 1914—1920, или считать одинаковыми

по направлению экономического развития двадцатилетие, охватывающее эпоху наполеоновских войн и двадцатилетие третьей четверти XIX века, потому что в оба эти периода цены повышались)? Все эти вопросы даже не возникают у проф. Кондратьева, ибо он молча постулирует постоянную однозначность и тождественность причин, вызвавших смену длительных волн цен, исходя из внешней видимости цикличности фигуры вековой динамики цен в ее крупных поворотных моментах. Нам необходимо теперь совершить небольшой экскурс в историю экономического развития капитализма и убедиться, в каком кричащем противоречии находится надуманная идея больших циклов с фактическим ходом динамики материальных производительных сил.

Повышательную волну **первого** большого цикла проф. Кондратьев относит к промежутку времени от начала девяностых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг. Он делает это на том основании, что в указанный период происходил рост уровня товарных цен. Но что представляла собою Англия этой эпохи в экономическом отношении? Это была в основном земледельческая страна с значительно развитым мануфактурным производством, которое было механизировано лишь в области бумагопрядения. Смежная область хлопчатобумажной промышленности — ткачество — начинает сколько-нибудь широко механизироваться лишь во втором десятилетии XIX века. Крупная машинная капиталистическая промышленность и железнодорожный транспорт появляются **после** наполеоновских войн, **задержавших** процесс капиталистической эволюции страны. На этот период времени не приходится еще и малых циклов. Кризисы 1810, 1815 и 1818 гг. носят на себе отчетливый отпечаток влияния внешних пертурбационных факторов военно-политического характера. Страна находилась в переходном периоде к фабрично-заводской системе промышленного капитализма. С точки зрения Кондратьева материальной подкладкой подъемной волны большого цикла служит создание крупных масс долгосрочного основного капитала — фабрик, заводов, портов, каналов, железных дорог и т. п. Но разве что-либо подобное происходило в Англии в рассматриваемую эпоху? Пусть Кондратьев попытается это доказать! **Мантуа**, автор замечательной монографии о промышленном перевороте в Англии, останавливается подробно на истории хозяйственной жизни страны во второй половине XVIII века и отмечает как крупное событие эпохи — создание внутренней судоходной сети. Но он относит широкое строительство системы крупных водных путей отнюдь не к периоду войн, а к предшествующему тридцатилетию (1760—1790)[1]. В действительности своим построением Кондратьев совершенно **извращает** реальный ход экономического развития. Из его точки зрения вытекает, что в тридцатилетний период, следовавший за наполеоновскими войнами и квалифицируемый им как понижательная волна большого цикла, темп промышлен-

[1] **Мантуа** П., Промышленный переворот в Англии, Гиз, 1926, стр. 74—92. **Brentano** L., Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands, 1927, Band II Кар. 37.

ного развития Англия был н и ж е, чем в предшествовавшее двадцатилетие. Между тем, все крупные и самостоятельные историки английского народного хозяйства — Г о б с о н, Г и б б и н с, Л е в и, Т у г а н - Б а р а н о в с к и й, К л а ф а м, Н о у э л с, Б р е н т а н о и др. — в один голос утверждают, что период после наполеоновских войн характеризуется мощным и ярким развитием туземного капитализма. Приводимая нами таблица, составленная на основании данных, заимствованных из различных источников, убедительно говорит против странного представления Кондратьева о соотношении темпов экономического развития Англии в период 1790—1850 гг. [1].

	Годы	Выплавка чугуна		Добыча угля		Ввоз хлопка		Тоннаж судов во внешней торг.		Обороты внешней торговли на тысячу душ населения, деленные на индекс товарных цен при основании 1900—1910	Коэффициент прироста или упадка
		Тыс. метр. тонн	Коэффициент прироста или упадка	Млн. метр. тонн	Коэффициент прироста или упадка	Млн. фунтов	Коэффициент прироста или упадка	Млн. тонн	Коэффициент прироста или упадка		
I	1785 . .	—	—	8,5	—	18,4	—	1,2	—	—	—
	1790 . .	68	—	—	—	31,4	+1,7	1,1	−0,9	—	—
	1800 . .	190	+2,8	10,1	+1,18	56,0	+1,8	1,0	−0,9	1,8	—
	1810 . .	250	+1,3	—	—	91,6	+1,6	1,5	+1,5	1,7	−0,9
II	1820 .	400	+1,6	12,5	+1,2	129,0	+1,4	2,0	+1,3	2,1	+1,2
	1830 . .	680	+1,7	16,1	+1,3	280,5	+2,2	2,7	+1,3	3,7	+1,8
	1840 . .	1390	+2,0	30,0	+1,9	489,9	+1,7	3,1	+1,5	4,5	+1,2
	1850 . .	2250	+1,6	49,0	+1,6	760,1	+1,6	6,0	+1,9	9,7	+2,1

Рассматривая эту таблицу, легко убедиться, что приведенные в ней данные о п р о к и д ы в а ю т весь первый большой цикл проф. Кондратьева. Ни о каком снижении темпа роста материальных производительных сил в период 1820—1850 гг. по сравнению с периодом 1790—1810 гг. не может быть и речи. Наоборот, до прозрачности ясно, что после наполеоновских войн средние ежегодные масштабы расширения общественного производства в ы ш е, чем в предшествующее двадцатипятилетие. Динамика добычи угля, тоннажа судов во внешней торговле и оборотов внешней торговли особенно ясно говорит об этом. Коэффициенты прироста угля устойчиво повышаются в «понижательную волну» большого цикла. Кривая оборотов внешней торговли

[1] Данные об угле и чугуне взяты у M u l h a l l'a M., The dictionary of statistics, f o u r t h e d i t i o n, 1909; о хлопке — A b b o t U s h e r, An introduction to the industrial History of England, London, 1921, p. 305; о тоннаже судов — A b. U s h e r, The growth of English shipping 1577—1922, «The Quarterly Journal of Economics», May, 1928; о внешней торговле — О п а р и н, Д., см. его контр-доклад.

также очень интересна. Кондратьев допустил элементарнейшую ошибку, оперируя ценностной суммой внешней торговли и не переводя ее на индекс товарных цен. Именно поэтому он получил некоторую корреляцию между динамикой оборотов внешней торговли и динамикой цен: первый показатель, взятый в ценовой оболочке, просто воспроизводил второй. Картина резко изменяется, если рассматривать динамику внешней торговли в ее натуральном аспекте. Тогда окажется, что в период 1793—1815 гг. обороты внешней торговли сокращались, а в последующие десятилетия значительно возросли. Ценностные показатели в двояком отношении исказили картину: в период наполеоновских войн ценность внешнего оборота велика не потому, что расширялся ее материальный об'ем, а потому, что ненормально росли цены; в период же после наполеоновских войн ценность оборота относительно незначительна не потому, что слабо рос этот объем, а потому, что цены падали. Коэффициенты прироста хлопка показывают некоторое снижение лишь во вторую половину военной эпохи. В первую половину они растут, но рост этот не превышает в среднем того роста, который происходил в период 1820—1850 гг. В интервале 1790—1820 гг. ввоз хлопка возрос в четыре раза, а в интервале 1820—1850 гг. почти что в шесть раз. Выплавка чугуна дает, правда, сильный скачок (почти в три раза) за первое десятилетие XIX века, что несомненно стоит в связи с военными потребностями страны. В следующее десятилетие темп роста значительно замедляется. Период 1800—1820 гг. вновь иллюстрирует очень интенсивный рост, несколько спадающий в темпе к 1850 г. Чтобы отчетливо выявить динамику темпа чугуна за этот период, произведем еще следующий расчет. Конец повышательной волны первого цикла Кондратьев относит к 1810—1817 гг. Приурочим его к 1815 г. — году окончания войны. Тогда окажется, что коэффициент прироста чугуна в двадцатипятилетие 1790—1815 гг. совпадает с соответствующим коэффициентом в двадцатипятилетие 1815—1840, составляя 4,5. Значит, о замедлении роста выплавки чугуна во всяком случае не может быть и речи.

Динамика материальных производительных сил говорит против Кондратьева. Надо упомянуть еще, что именно на «понижательную волну» большого цикла приходится начало (1825) энергичной постройки железных дорог в Англии. Рост железнодорожного строительства, которое особенно в сороковых годах играет выдающуюся роль в общем ходе экономического развития страны, характеризуется следующими данными (линии, открытые к 31 декабря соответствующего года, в тыс. миль) [1]:

---

[1] Knowles L. C. The Industrial and Commercial Revolution in Great Britain during the nineteenth century, London, 1927, p. 270. Детальное освещение периода 1820—1850 гг. дано в капитальной работе Clapham'a J. H., An Economs History of modern Britain, 1926. Здесь особенно интересно описание развития железнодорожного дела, начало которого приходится на «понижательную волну» большого цикла. См. также Brentano L., Loc. cit., Band III, Кар. 45 и 46.

1842	1,9	1846	3,0
1843	2,0	1847	4,0
1844	2,2	1848	5,3
1845	2,4	1849	6,0

Отметим, наконец, еще один момент, свидетельствующий против Кондратьева. По его мнению, понижательная волна большого цикла характеризуется ощутительным недостатком свободных ссудных капиталов, которые накапливаются лишь постепенно в течение ряда десятилетий, и вслед за тем устремляются в промышленность, питая очередную повышательную волну большого цикла. Насколько подобный взгляд правильно отражает ситуацию английского денежного рынка после наполеоновских войн, можно видеть из соответствующих мест книги Гобсона [1].

Точно также в корне противоречит действительности идея больших циклов и по отношению к экономическому развитию Соединенных штатов за рассматриваемый период времени. Никакого усиленного расширения воспроизводства и накопления основного капитала в период 1790—1815 гг. не происходило, а тем менее еще оправдания думать, что в последовавшее тридцатипятилетие темп роста капиталистического производства был относительно ниже. Не считая нужным подробно останавливаться на доказательстве этого положения, отсылаем к авторам лучших работ по экономической истории СШ — Богарту и Фолкнеру, которые сходятся на том, что состояние промышленности в период 1790—1815 гг. характеризуется зарождением фабричной системы, а последующие десятилетия — ее быстрым ростом [2].

Правда, в связи с военными действиями в Европе, ввоз хлопчатобумажных и железных изделий (особенно после 1808 года) был сокращен, что дало толчок значительному росту туземной хлопчатобумажной промышленности. Значительно возросло потребление хлопка (с 500 кип в 1800 г. до 90.000 в 1815 г.), расширилась выработка железных продуктов, появились индустрии скобяных товаров и разных напитков. Война стимулировала также рост земледелия и внешнеторговых операций. Фолкнер подчеркивает значительное расширение судостроительства, как основы внешней торговли [3]. Все это бесспорно. Но думать, что последовавшие десятилетия дают более низкий темп промышленного строительства, значит переворачивать истинное положение вещей. Именно со второго десятилетия XIX века открывается эпоха значительного индустриального развития С. штатов. Об этом свидетельствуют две основные отрасли — хлопчатобумажная и железоделательная. Фабричный способ производства хлопчатобумажных

---

[1] Гобсон Ч. К., Экспорт капитала, 1928, стр. 105—115. См. также Jenks L., The migration of british Capital., 1927, Ch. II.

[2] Богарт Н., Экономическая история С. штатов, «Экономич. жизнь», 1927, и Faulkner H., American Economic History, 1927, p. 246 и далее.

[3] Кароль Райт, Промышленная история С. штатов, СПБ, 1903, стр. 103—112 и Hugo Rabbeno, The American commercial Policy, London, 1895.

тканей получил сильный толчок, благодаря введению в 1814 г. механического ткацкого станка. Наряду с хлопчатобумажной промышленностью — как мы сейчас увидим — интенсивно развивалось и железоделательное производство. На этот же период падает и крупная реорганизация в области американского транспорта. Выше мы говорили, что в Англии с третьего десятилетия XIX в. разворачивается железнодорожное строительство. В Соед. штатах эпоха энергичного железнодорожного строительства приходится преимущественно на время гражданской войны. В рассматриваемый период процесс радикальной реорганизации транспорта происходил в форме массового строительства каналов, вытеснявших прежние способы сообщения по почтовым трактам. В 1807 г. был изобретен пароход и вскоре введен в употребление, что дало сильный толчок устройству упорядоченных водных путей. Вот что пишет в связи с этим Богарт:

> «Эпоха каналостроительства действительно началась после (слышите, профессор?) войны 1812 года. Размер работы по внутреннему строительству, предпринятой Штатами, может быть лучше всего доказан ростом задолженности Штатов. До 1820 г. Штаты на деле не прибегали к обязательствам, но начиная с этого года их долги растут: в 1820 г. они составляли 12,8 млн. долл., в 1830 г. — 26,5 млн., а в 1835— 66,5 млн. В течение ближайших трех лет они почти утраиваются, достигая более 170 млн. в 1838 г. и 200 млн. в 1840 г. Все эти деньги фактически шли на внутреннее строительство — дороги, каналы, железные дороги — и банки»[1].

Отметим, наконец, что в 1828 г. между Балтиморой и Огайо прокладывается первая железная дорога. К концу 40-х годов железнодорожная сеть достигает 3 тыс. миль. Однако, революционизирующее влияние парового транспорта на народное хозяйство страны сказалось лишь в следующий период.

В заключение приводим соответствующую таблицу[2]:.

Нетрудно убедиться, действительно ли темп хозяйственного процесса со второго десятилетия XIX века падает по сравнению с темпом предшествующих десятилетий. И вполне справедлива та оценка, которую дает Богарт периоду 1815—1860 гг., рассматриваемому им

---

[1] Богарт Н., Экономическая история С. штатов, стр. 164. Разрядка наша. См. описание периодов 1793—1815, 1815—1850, еще Callender G., The economic history of the United States, ch. VI—IX. Cotah K., The industrial history of the United States, 1923, ch. VI и VII и Jennings W., A history of Economic Progress in the United States, 1926, ch. X, XIV и XVII.

[2] Данные об угле и чугуне взяты у Mulhall'a M., The dictionary of Statistics. Все приведенные по этим показателям средние за десятилетия являются арифметической средней за начало и конец соответствующего десятилетия. Данные о хлопке — Богарт Э., Экономическое развитие С. штатов. Эти данные приходятся на следующие годы: 1805, 1815, 1831, 1840, 1850. Обороты внешней торговли по «Statistical Abstracts». Они переведены нами по индексам Кондратьева.

Годы (среднее за десятилетие)	Выплавка чугуна		Добыча угля		Потребление хлопка		Обороты внешней торговли	
	Тысячи метрических тонн	Коэффициент прироста или упадка	Млн. метрических тонн	Коэффициент прироста или упадка	Млн. фунтов	Коэффициент прироста или упадка	Млн. долл., переведенные на средн. индексы за десятилетие при основании 1900—1910	Коэффициент прироста
1790—1800 .	35,0		0,2	—	—	—	63,9	—
1801—1810 .	47,5	+ 1,4	—	—	11,8	—	96,8	+ 1,5
1811—1820 .	82,2	+ 1,7	0,5	+ 2,5[1]	27,0	+ 2,5	74,3	+ 0,8
1821—1830 .	145,0	+ 1,8	0,9	+ 1,8	77,8	+ 2,9	117,7	+ 1,6
1831—1840 .	235,0	+ 1,6	1,6	+ 1,8	126,0	+ 1,6	192,2	+ 1,6
1841—1850 .	425,0	+ 1,8	4,9	+ 3,0	288,4	+ 2,3	228,4	+ 1,2

как некоторая целостная эпоха в экономической истории Соед. штатов. «В общем — пишет он — это был период необычайного материального развития, когда разработка естественных богатств стала определенной целью для народа С. штатов» [2]. Вывод может быть только один: сконструированный Кондратьевым первый большой цикл является пустой фикцией под углом зрения реальной динамики материальных производительных сил за соответствующий исторический период. Если автор больших циклов еще раз попытается с помощью своего насквозь произвольного метода нахождения длительных колебаний показать — привлекши к анализу большее, чем до сих пор число элементов, — что в период 1790—1815 гг. процесс воспроизводство общественного капитала в Англии и Соед. штатах протекал круче и интенсивнее, чем в период 1815—1850 гг., то это метода самопроизвольно создавать то, чего в экономической действи-
метода самопроизвольно создавать то, чего в экономической действи-
тельности никогда не было.

Но чем об'яснить две отчетливые крупные волны в динамике общего уровня товарных цен за рассматриваемый период времени? Почему до 1818 года в Англии и до 1815 г. в Соед. штатах цены повышаются, а вслед за тем до конца сороковых годов падают? Оставляя за собой право вернуться в другом месте к более детальному анализу индексов цен за XIX столетие, мы дадим лишь основные элементы ответа на этот вопрос, дабы показать, что никакой цикличности в строении этих двух волн не имеется.

[1] Отношение 1811—1820 гг. к 1790—1800 гг.

[2] Богарт Н., Экономическая история С. штатов, стр. 225.

[3] Несомненно, что как бы ни относиться к построениям Кондратьева, факт нерегулярных длительных сдвигов цен в прошлом капитализма остается еще далеко не объясненным. Нисколько не претендуя дать в этой критической работе полный ответ на этот вопрос, мы лишь пытаемся наметить тот путь конкретно-исторического анализа, вне которого немыслимо правильное объяснение данной проблемы.

Если проследить динамику индексов товарных цен в Англии до 1793 г., то какой-либо устойчивой тенденции мы не находим. Лишь с этого года цены начинают повышаться, несколько спадают только после 1810 г. и вновь дают скачок к 1818 году. Наибольшая разница максимума и минимума составляет 71 пункт. Детальное исследование конкретных факторов, управляющих движением товарных цен за этот период (как и в последующие периоды до 1857 г.), дано в замечательной работе Тука[1]. Как раз на этот период падает двойная полоса войн, вернее — это сквозной военный период: с одной стороны, войны Англии против французской революции и Наполеона (1793—1815), с другой — война Англии с С. штатами (1812—1815). Из специфических условий военной эпохи, в которых находилась Англия, — повышение издержек производства товара, прекращение свободного ввоза сырья и колониальных продуктов, передвижка капиталов в отрасли производства предметов военного снаряжения и относительное оголение потребительского рынка, сильные неурожаи, — естественно вытекал закономерный подъем цен, острая дороговизна жизни. Несмотря на то, что С. штаты вступили в войну позже Франции, общее повышение цен, вызванное англо-французской войной, сказалось и на американском континенте по той простой причине, что в то время хозяйство Заатлантической республики было географически отодвинутым сектором английского народного хозяйства, тесно связанным с ним торговыми отношениями, и не могло не отразить специфического состояния товарного рынка Англии. Но вместе с тем необходимо отметить, что особенно интенсивный подъем цен в С. штатах происходит в первой половине второго десятилетия XIX века, когда республика включилась в войну. Таким образом, резкий сдвиг вверх общего уровня товарных цен, растянувшегося и стабилизовавшегося на этой сильной приподнятости почти в течение четверти века, отражал не крутой темп динамики народного хозяйства Англии и С. штатов, но лишь ненормальные пертурбирующие условия сквозного военного периода.

Но почему на протяжении более чем трех десятилетий после окончания войн уровень товарных цен в этих двух странах понижался? Если внимательно проследить динамику цен в эту эпоху (см. диаграмму Кондратьева, стр. 16), то совершенно ясно видно, что мы имеем перед собой, собственно, два смежные периода: 1814—1815 гг. до 1820—23 гг. и с 1820—23 гг. до 1850 г. В первый период цены падают очень быстро (в Англии падение равняется 60, а в Соед. штатах — 120 пунктам), во второй — значительно медленнее (для Англии — 40, для Соед. штатов — 20 пунктов). Причины интенсивной ломки высокого уровня товарных цен в первый период объяснить нетрудно. Заключение мира не могло не вызвать сильного потрясения народного хозяйства. Цены, необычайно взвинченные специфическими военными условиями, были сбиты перестройкой хозяйственного процесса на позиции мирного времени.

[1] Tooke Th. and Neumarch W., Die Geschichte und Bestimmung der Preise, Dresden, 1859, стр. 42—172.

«Влияние всех войн, — пишет W. Page в своей капитальной работе, — сказывается в привлечении капитала в новые русла и тем самым вызывает замешательство в промышленности. Наполеоновские войны вызвали неестественное процветание, обусловившее затем внезапное потрясение этого процветания, создали временное расстройство, особенно в государстве столь сложном, как Англия. Неудивительно, что реакция не могла быть столь быстрой, как после других войн. Во-первых, длительна была продолжительность войны; во-вторых, чрезвычайно высоки были связанные с нею расходы; наконец, война оказала влияние на значительно большую часть населения и капитала страны, чем предшествовавшие войны» [1].

Послевоенный кризис охватил и сельское хозяйство и промышленность. В предшествовавшие войне десятилетия цены на сельскохозяйственные продукты устойчиво повышались в связи с медленным прогрессом сельскохозяйственной техники при растущем городском спросе на продукты земледелия [2]. Продолжительная война вызвала крутой подъем цен сельских продуктов в Англии и на европейском континенте и в Соед. штатах. Обработка земель в период войны сильно расширилась, в производство втягивались самые худшие земли, которые и определяли высоту цен в этих странах. Тяжело было в первые годы после заключения мира и положение английской промышленности. Это объяснялось рядом своеобразных условий того времени. Сейчас же после окончания войны английские товары хлынули в Европу и Соед. штаты, вызвав в последних падение внутренних промышленных цен. Но расчеты английских промышленников на широкую и свободную реализацию товаров не оправдались. Население большинства европейских государств сильно обеднело после разорительной войны. Вместе с тем, в течение военного периода развилась туземная, европейская и американская промышленность, с которой приходилось теперь конкурировать [3]. К началу двадцатых годов перераспределение производительных сил в связи с завершением длительной военной полосы заканчивается, и темп снижения уровня товарных цен становится значительно более медленным и спокойным. Но понижательная

---

[1] Page W., Commerce and Industry, An Historical Rewiew of the economic conditions of British Empire, London, 1919, p. 29. Knowles L. считает, что послевоенный период депрессии тянулся до 1830 г., но опирается в этой оценке собственно не на ход экономического развития, а на бедственное состояние массы населения (см. его «Industrial Revolution» pp. 121 etc). Ср. еще Fisher H., Then and Now, London, 1925. Gibbins H., The industrial history of England, London. Cunnigham W., The Growth of English Industry. Ch. III, 1925.

[2] Зеринг М., Аграрные кризисы, 1928, стр. 45 и далее; Булгаков С., Капитализм и земледелие, т. I и II.

[3] Page W. ibid., p. 8; Туган-Барановский, Промышленные кризисы, 1923, стр. 22; Богарт, Экономическая история Соед. штатов, стр. 131. Jenks L., The migration of British Capital, 1927. Последний автор также склоняется к тому взгляду, что весь период после наполеоновских войн и до середины века носит депрессивный характер. При этом он исходит исключительно из факта понижательной тенденции цен см. pp. 28 — 29.

тенденция ясно прокладает себе путь сквозь искривляющие ее направление чередующиеся циклические повышения и понижения. Конъюнктурные зигзаги цен, включенные в рассматриваемый период, характеризуются тем, что каждая предыдущая вершина подъемной фазы (1825, 1836, 1846) лежит в ы ш е последующей, а каждый последующий клин депрессии (1822, 1832, 1842) — н и ж е предшествующего. Но если крутое падение цен в первый период изучаемого тридцатипятилетия выравнивало то ненормальное повышение, которое питалось условиями войны, то что давило на уровень товарных цен вслед за окончанием послевоенного кризиса?

Основным фактором понижения уровня товарных цен и в Англии, и в Соед. штатах был радикальный технический прогресс в области промышленности и транспорта. Это обстоятельство отмечается в с е м и историками экономической эволюции обеих стран. Широкое практическое применение технических изобретений и усовершенствований началось еще в девяностых годах XVIII столетия, было несколько задержано войной и в крупных размерах развернулось в послевоенный период. В Англии на тридцатилетие 1820—1850 гг. падает основная часть исторического процесса замещения ручного труда машинным и крупное строительство в области транспорта (шоссейные дороги, речные системы, железнодорожная сеть), связавшие разрозненные районы страны в единый внутренний рынок. Насколько интенсивно шла механизация промышленности, видно из следующей таблички, показывающей соотношение между количеством рабочих, занятых на фабриках и в домашней промышленности [1].

	1820	1830	1845
На фабриках	10 000	50 000	150 000
В домашней промышленности .	240 000	225 000	60 000

На первом месте в отношении технического прогресса стояла хлопчатобумажная промышленность. В Англии цена ярда ткани падала таким образом: 1779 г. — 38 шилл., 1784 г. — 19 шилл., 1799 г. — 7 шилл. 2 пенса, 1812 — 5 шилл. 2 пенса, 1830 — 3 шилл. 4½ пенса, 1860 — 2 шилл. 4 пенса. Аналогичный процесс происходил и в С. штатах. «В 1815 г., — пишет Богарт, — когда хлопчатобумажные материи ткались еще главным образом ручным способом, семья ткача выделывала только четыре ярда ткани в день и цена обыкновенной бельевой ткани была сорок центов за ярд. В 1822 году цена упала до 22 центов, а в 1829 г. — до $8^1/_2$ центов. В 1850 году, когда фабричное производство совершенно отказалось от старинной системы, и когда механический ткацкий станок был применен всюду, цена, вследствие механического труда, была сведена к 7 центам за ярд» [2]. Действие технического прогресса сказалось и в железоделательной промышленности. Особенно важно подчеркнуть влияние радикальной реорганизации транспорта и средств связи на снижение издержек по перевозке товаров.

[1] По Elisson'y, взято у D e-W o l f'a, Prosperitäts- und Depressionsperioden.

[2] Б о г а р т Н., Экономическая история С. штатов, стр. 138, а также смотри Ab. Usher, An Introduction to the industrial Hystory of England, 1921, pp. 302—314.

«До проведения канала стоимость перевозки грузов от Буффало до Нью-Иорка была 100 долларов за тонну. С открытием канала стоимость фрахта упала в соответствии с категориями грузов до суммы между 15—20 долл. за тонну. Цены перевозки от Огайо до морского берега неизменно понижались, пока не достигли, примерно, одной десятой первоначальной цифры. Но влияние канала не ограничилось одним только штатом Нью-Иорка: вся область западных озер была обеспечена выходом для своих продуктов. И теперь больше грузов шло по сильно пониженным ценам через Буффало, чем раньше направлялось вниз по Миссисипи на Новый Орлеан»[1].

Итак, радикальный технический прогресс, в промышленности и транспорте далеко выходящий по своей силе за рамки обычных технических усовершенствований, являлся основным фактором понижательного движения цен во второй четверти XIX века. Наряду с техническим прогрессом уменьшение издержек производства товаров в Англии было обязано еще широким реформам в области раскрепощения внешней торговли страны от искусственных покровительственных мероприятий. После знаменитой петиции лондонских торговых кругов Гескисон открывает эпоху либеральной реорганизации таможенного тарифа. Не только был снят запрет ввоза различных товаров, но значительно снижены пошлины на некоторые важные для страны продукты: в среднем пошлины на сырье снижены с 20 до 10 проц. с цены товаров, а на промышленные изделия — с 50 до 20 процентов. Особенно важное значение имело уменьшение вдвое пошлины на хлопок (1833), что сильно стимулировало рост английской хлопчатобумажной индустрии. Наконец, отметим еще, что в начале тридцатых годов была отменена торговая монополия Ост-индской компании. Ликвидация этой монополии вызвала ощутительное понижение цен на колониальные продукты и расширение ввоза последних в страну. В сороковых годах Пиль завершил преобразование таможенной системы, добившись отмены почти всех пошлин на сырье для промышленности и на хлебные продукты. Но было еще одно обстоятельство, которое позволяет нам яснее понять характер динамики цен в Англии на вторую четверть XIX столетия. Рассуждая теоретически, сокращение стоимости производства товаров, обусловленное радикальным техническим прогрессом и снижением пошлин на промышленное сырье (Англия), могло не повести неизбежно к падению уровня цен, если бы общая конъюнктура мирового рынка была такова, чтобы общественный спрос устойчиво возрастал быстрее, чем стоимость массы производимой продукции. В этом случае повышение цен над стоимостью нейтрализовало бы понижательное действие на стоимость со стороны указанных факторов, и уровень цен мог бы не только остаться неизменным, но и повыситься. Но для Англии общие условия рыночной реализации прогрессивно растущих

---

[1] Богарт Н., Экономическая история С. штатов, стр. 161.

в силу технического прогресса товарных масс были во второй четверти XIX века особенно неблагоприятны. С одной стороны, покупательная сила населения внутри страны была ослаблена предшествующей длительной войной. С другой стороны—значительное организационное стеснение международной торговли несомненно влияло понижающим образом на товарные цены. Не надо забывать, что до пятидесятых годов протекционизм оставался характерной чертой экономической политики на европейском континенте. Мы только что упомянули об этом по отношению к Соед. штатам. Но и во Франции, Германии, Испании и др. государствах существовали суровые охранительные и даже запретительные тарифы, препятствовавшие вывозу английских товаров. — Вот почему мы вполне согласны с Туган-Барановским, который выдвигает этот момент как одно из обстоятельств, объясняющих, почему товарные цены испытывали снижение в рассматриваемый период.

Таким образом, крупный технический прогресс в области производства и транспорта составлял материальную основу понижательного движения цен, происходившего одновременно и параллельно с р о с т о м (этого именно не понимает Кондратьев!) материальных масс народнохозяйственной продукции. В Англии это понижательное движение усугублялось широкой либеральной реорганизацией таможенной системы и общими неблагоприятными условиями реализации товаров на внутреннем и внешнем рынках [1].

Присматриваясь ближе к кривым динамики суммарного уровня цен за вторую четверть XIX века в Англии и С. штатах, замечаем, что английская кривая находится все время в ы ш е американской. Чем объяснить это различие? Сказанное выше о ситуации английского народного хозяйства позволяет, скорее, ожидать противоположного соотношения кривых. Не вдаваясь сейчас в детальный анализ наблюдаемого различия, выскажем следующее соображение. Падение промышленных цен в Англии отчасти уравновешивалось относительно стабильным

---

[1] О значении и характере технического прогресса см. K a m m e r e r O t t o, Ueber den Einfluss des technischen Fortschrittes auf die Produktivität, Schriften des Vereins für Socialpolitik. G o t t l-O t t l i l i e n f e l d Wirtschaft und Technik (Grundriss der Socialökonomie, Abteilung II, S. 47 etc.). S c h m o l l e r G., Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 1923, I Teil, S. 214 etc; S o m b a r t, Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert, 1903. S. 153 etc; К о г а н-Б е р н ш т е й н С., Экономия промышленности, ЦУП ВСНХ, 1925. Ш у л ь ц е-Г е в е р н и т с, Крупное производство, 1900. В е й ц В., Потенциальные и кинетические производственные силы мирового хозяйства. Книга I, 1927. В новой большой статье «Die Preisdynamik der industriellen und Landwirtschaftlichen Waren» (Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik, 1928, Band 60, Heft 1) Кондратьев подчеркивает огромное значение технического прогресса для понимания динамики уровня товарных цен, но относит действие этого фактора к «вековой тенденции» цен и ищет отклонения от этой вековой линии, рассматривая их как конъюнктурное выражение больших волн цен. Этот подход к проблеме внутренне не оправдан: непонятно, почему технический прогрес сопределяет лишь форму в е к о в о й кривой, и почему конкретно-исторически изменением условий техники нельзя объяснить те или иные значительные с д в и г и (волны) цен, наблюдавшиеся в прошлом капитализма.

состоянием сельскохозяйственных цен, в результате чего итоговый индекс товарных цен лежит все время в более высокой плоскости, чем в Соед. штатах. Если обратиться к движению цен в Англии на пшеницу, то картина окажется следующей (цена за квартер)[1]:

Годы	Шилл.	Пенсы
1767—1800	50	6
1801—1813	90	1
1814—1849	61	2
1850—1874	53	0

В период войн уровень цен был на 80% выше среднего уровня за последнее тридцатилетие XVIII века. После войн цена пшеницы падает. К началу тридцатых годов депрессивное состояние цен преодолевается. В среднем в интересующий нас период времени с момента окончания войны до начала второй половины XIX века цена стоит на 20% выше уровня конца XVIII века, в то самое время как цены на промышленные продукты, в особенности хлопчатобумажные ткани, — испытали значительное снижение. Почему же сельскохозяйственные цены в Англии не обнаруживали падения в связи с общим техническим прогрессом народного хозяйства? Объясняется это следующим обстоятельством. В рассматриваемый период Англия представляла собою плотно населенную страну с развитым мануфактурно-фабричным производством и сетью крупных промышленных центров. Широкая индустриализация хозяйства обусловливала быстрый и устойчивый рост спроса на сельские продукты. Но расширенное производство этих продуктов могло совершаться или за счет вовлечения в производственный процесс худших сортов земли, или за счет усиленной интенсификации сельского хозяйства. Prothero считает, что характерной чертой сельского хозяйства этой эпохи был именно первый метод увеличения продукции. «Период с 1812 до 1845 г., — пишет он, — является скорее предуготовительным к ведению интенсивного хозяйства, нежели периодом его осуществления. Во всех графствах интенсивное хозяйство (high farming) являлось скорее исключением, нежели общим правилом; в конце концов, половина фермеров сделала весьма мало успехов сравнительно со способом производства на общинных полях XVIII столетия»[2].

Понятно, что в этих условиях цена хлеба должна была сохраниться высокой. Вот почему государственная защита высоких хлебных цен являлась в эту эпоху составным слагаемым экономической политики Англии. Но, как известно, и отмена хлебных пошлин не повела за собой сколько-нибудь ощутительного снижения цен земледельческих продуктов. Паровой транспорт, появившийся к началу тридцатых годов в Англии, а в сороковые-пятидесятые годы на европейском континенте и в Соед. штатах, не мог повести сразу к радикальному изменению положения вещей в сторону усиленного подвоза хлеба из аграрных

[1] Eliaschewitsch A., Die Bewegung zugunsten kleinlandwirtschaftl. Gütern England, 1914. S. 202.

[2] Цитирую по Булгакову С., Капитализм и земледелие. Т. I, стр. 197.

стран в тогдашний индустриальный центр мира — Англию. И не только вторая, но и третья четверть XIX века идут под знаком устойчивого сохранения сельскохозяйственных цен на высоком уровне. При анализе следующего периода (1850 — 1896) мы увидим, что произошло после того, как стальная лента круто врезалась вглубь огромных аграрных районов, и как отразилось стихийное перераспределение производительных сил мирового хозяйства на динамике уровня товарных цен.

Таким образом, причины обеих крупных волн в динамике цен за период 1790—1850 гг. лежат вне специфического механизма конъюнктурного ритма. Они не вытекают из внутренних условий воспроизводства общественного капитала. Темп роста общественного продукта не соответствует направлению этих волн. О цикличности и ритмичности их внутреннего строения не может быть и речи.

Переходим к периоду 1849—1896 гг., к границам которого проф. Кондратьев приурочивает начало и конец второго большого цикла. Повышательная линия цен сменяется понижательной в 1873 году. В среднем высший гребень повышения для трех стран (Англии, Франции и Соед. штатов) составляет 45—50 пунктов, а низшая точка падения последних звеньев понижательной волны — 65—70 пунктов. Ставим вновь основной вопрос: происходило ли движение общественного производства параллельно отмеченным крупным колебаниям уровня товарных цен?

Начнем с Соед. штатов Северной Америки [1].

Годы	Выплавка чугуна		Добыча угля		Потребление хлопка		Длина жел.-дор. сети		Количество лошадиных сил в народном хозяйстве (1890 = 100)	Средний годичный прирост национальн. дохода в % на душу населения
	В тыс. метр. тонн	Коэффиц. прироста или упадка	В млн. метр. тонн	Коэффиц. прироста или упадка	В млн. центн.	Коэффиц. прироста или упадка	В тысяч. киллом.	Абсолютн. увеличч.		
1850	560	+1,9	8,0	+4,4	2,6	+2,1	9,0	—	25	0,14
1860	821	+1,5	13,0	+1,6	3,8	+1,5	30,6	+21,6	35	0,22
1870	1 665	+2,0	29,5	+2,3	4,6	+1,7	53,0	+22,4	45	3,12
1880	3 835	+2,3	66,8	+2,2	8,3	+1,8	93,2	+40,2	74	2,28
1890	9 203	+2,4	140,9	+2,2	11,6	+1,4	156,4	+63,2	100	3,30

[1] Данные о чугуне, угле и хлопке у Mullhal'a M., Dictionary of Statistics; о железнодорожной сети по Statistical Abstracts. Динамика лошадиных сил — у Carrol Daugherty, An Index of the Installation of Machinery in the United States since 1850 в «Harvard Business Review, April», 1928. Данные о доходе взяты из статьи Фалькнера С., Темп роста народного дохода важнейших стран, «Социалистическое хозяйство», 1928, и представляют средние за соответствующие десятилетия.

Приведенная таблица с абсолютной категоричностью говорит **против** проф. Кондратьева.

Мы прежде всего обращаем внимание на исключительный рост железнодорожной сети. По Кондратьеву, железные дороги относятся к тому виду общественного основного капитала, который создается преимущественно в подъемные волны больших циклов. Между тем, с конца гражданской войны и вплоть до начала девяностых годов XIX века идет поразительно быстрое развитие парового транспорта. В течение всего этого периода центр тяжести железнодорожного строительства все в большей мере передвигается к западу, откуда начинается широкий вывоз зерна на мировые рынки, а также на юг и восток Соед. штатов. Именно на семидесятые и восьмидесятые годы, квалифицируемые Кондратьевым как понижательная волна большого цикла, приходится процесс создания в С. штатах основного железнодорожного скелета. В 1869 году открываются две первые тихоокеанские линии (Union Pacific and Central Pacific), а в последующие 25 лет — еще четыре, каждая длиной в 15.000 клм. (Atchison, Topea and) Santa Fé и Southern Pacific в 1881.; Northern Pacific 1833 г. и Great Northern в 1892г. С тех пор открыта лишь еще одна такая линия. В период 1850—1875 гг. железнодорожная сеть выросла на 63, а с 1875 по 1896—на 106,6 тыс. миль. И только после кризиса 1893 года темп железнодорожного строительства начинает заметно падать в связи с тем, что железнодорожная сеть плотно покрыла страну и связала стальным узлом центральных линий все ее части в единое хозяйственное целое. В период начала семидесятых годов главные потоки товарных грузов переходят с каналов на железные дороги. Параллельно с капитальной реконструкцией и расширением сферы транспорта происходит после гражданской войны очень сильный рост промышленности. Данные о чугуне и угле — основных элементах современной индустрии — также согласно говорят, что темп роста тяжелой промышленности был в ы ш е в ту эпоху, которую Кондратьев относит к понижательной волне. Наконец, два таких обобщающих показателя, как количество лошадиных сил в народном хозяйстве и сумма национального дохода, в необычайно выпуклой форме подтверждает сказанное выше: нормы роста материальных производительных сил в семидесятых и восьмидесятых годах выше, чем в предшествующее двадцатилетие. «Этот быстрый промышленный прогресс, — пишет Богарт, — дал Соед. штатам возможность определить всех своих соперников в отношении объема своего производства. С четвертого места в 1860 году страна достигла к 1894 году первого положения и с этого времени стала главной промышленной страной в мире» [1]. Таким образом факты экономической эволюции Соед. штатов опять опрокидывают центральное положение концепции Кондратьева.

Обратимся теперь к Англии. С начала второй половины XIX века Англия переживает полосу блестящего экономического подъема вплоть

[1] Jennings W., A history of the United «States» 1926. Ch. XXII и XXV и Фалькнер С. Соединенные штаты в мировом хозяйстве, 1926, гл. II.

до 1873 года [1]. Торгово-промышленный кризис 1857 года, денежный кризис 1864 г. и кредитный кризис 1866 г. были сравнительно незначительными заминками в процессе энергичного и широкого поступательного движения английского капитализма. Начало семидесятых годов принесло длительный и тяжелый застой. После этого застоя английский капитализм уже никогда более не обнаруживал такого мощного и крутого темпа развития, как в предшествующие десятилетия.

Ритмическое колебание экономического процесса, неизменно чередующиеся смены периодов подъема и упадка хозяйства происходили и в последующую эпоху. Но коренное изменение соотношения мирохозяйственных сил навсегда лишило Англию возможности продолжать развертывать свое производство прежним темпом. Кризис 1873 года был поэтому не просто обычным периодическим переломом конъюнктуры, подобно кризисам 1825, 1837, 1847 и 1857 годов. Это был вместе с тем решительный поворотный момент в общих исторических условиях роста английского промышленного капитализма.

Годы	Добыча угля (млн. тонн)	Потребление хлопка (млн. кип)	Выплавка чугуна (в млн. т.)	Обороты внешн. торговли, деленные на общ. инд. цен (на тыс. душ населения)
1850	49,0	1,2	2,3	9,7
1860	80,0	2,3	3,9	8,9
1870	110,4	2,2	6,1	12,3
1875	131,9	—	6,4	13,4
1880	147,0	2,8	7,9	15,3
1890	181,6	3,4	8,0	18,7
1895	190,0	3,3	7,7	19,3

Уже с первого беглого взгляда на приведенную таблицу видно (даже без вычисления относительных коэффициентов), каким ползучим и слабым становится темп воспроизводства и накопления общественного капитала с середины семидесятых годов по сравнению с прежними мощными эпохами бури и натиска. Казалось бы, что на примере Англии последней четверти XIX века подтверждается, наконец, идея Кондратьева о смене длительных темпов колебания в общественном производстве. В действительности подобный вывод был бы насквозь ошибочен. Падение интенсивности производственного роста Англии после кризиса 1873 г. вытекало не из механизма конъюнктурного ритма, но из двух основных обстоятельств о б щ е э в о л ю ц и о н н о г о порядка: 1) достигнутого уровня развития, вслед за которым темп роста материальных производительных сил становится обычно менее напряженным, чем в более раннюю эпоху формирования национального промышленного капитализма; 2) давления со стороны молодых капиталистических стран, надламывавших фактом своего индустриального развития прежнее непоколебимое господство Англии. Подробный анализ указанных обстоятельств не входит сейчас в нашу задачу. Он может быть развернут лишь в связи с обоснованием закона неравномерности развития капитализма, охватывающего (закона) два процесса: 1) неодинаковость темпа роста капитализма в различные периоды в одной и

[1] K n o w l e s L. C., The Industrial Revolution, pp. 136—171.

той же стране и 2) неодинаковость темпа роста капитализма в один и тот же исторический период в различных странах. Ниже мы остановимся еще на этом обобщающем законе капиталистической эволюции. Здесь мы подчеркнем еще раз, что именно под углом зрения закона неравномерности может быть понят длительный застой в Англии в то самое время, как Германия и С. штаты переживали период бурного экономического подъема. Кондратьев проявил удивительное непонимание сущности происходивших во второй половине XIX века событий экономического порядка. Анализируя этот период, он ни одним словом не обмолвился о тех радикальных структурных изменениях в системе мирового хозяйства, которые окончательно оформились в эпоху 70—80-х гг. и первичная завязь которых была создана в предшествующий исторический период глубоким внедрением капитализма в страны Западной Европы и Северной Америки.

Колебания хозяйственных элементов английского капитализма исследуются им при полном игнорировании обратного трансформирующего влияния индустриализации аграрной периферии и достигнутого Англией уровня экономического развития, вслед за которым (уровнем) темп роста должен замедлиться по сравнению с темпом предшествующих исторических периодов. Пример, на котором, казалось бы, оправдывается, наконец, его идея — хозяйственная ситуация Англии 70—80-х гг. — служит превосходным доказательством ложности этой идеи. Комбинированный результат отраженного влияния перемещения центра тяжести мирового хозяйства от Англии к другим странам и органического замедления внутреннего роста английского капитализма легкомысленно воспринимается Кондратьевым как простое проявление длительной понижательной волны большого цикла.

Но чем, однако, была вызвана крупная подъемная волна цен, охватившая третью четверть XIX столетия, и почему она сменилась ощутительным понижением общего уровня товарных цен в последующие десятилетия? Оговариваясь вновь о сознательном самоограничении положительного анализа в связи с общей критической установкой статьи, попытаемся наметить лишь контуры ответа на этот вопрос.

Если проследить движение индекса цен по Англии, несомненно наиболее репрезентативного и качественно-высокого (для Франции данные только с 1855 года, а для Соед. штатов индекс не является единым за весь рассматриваемый отрезок, но представляет результат соединения нескольких разрозненно построенных для различных периодов показателей), то оказывается, что общая подъемная волна цен характеризуется следующими особенностями. Резкий взлет цен приходится только на первое пятилетие пятидесятых годов (1850—1855). Если в период 1840—1850 гг. индекс колебался в пределах 120—100, то к середине пятидесятых годов он скачкообразно достигает сразу 140. После этого крутого сдвига вверх индекс в течение последующих пятнадцати лет стабилизуется в общем и целом на достигнутом уровне, колеблясь между 140 и 130. Ниже

130 он опускался лишь в 1857—58 году, а выше 140 поднимается лишь в 1853—1855 гг. и 1864—1866 гг. Наконец, с 1870 года относительно стабильный уровень вновь срывается крупным скачком, достигающим 155, вслед за чем идет длительное крутое снижение. Французский индекс дает в общем аналогичное движение, образуя заметную выпуклость в первой половине шестидесятых годов, уклоняясь вниз во второй половине и сильно повышаясь с начала семидесятых годов. Предельные границы колебаний совпадают с английскими, по крайней мере, начиная с зафиксированного 1855 года. Несколько иную картину мы видим в Соединенных штатах. Индекс Faulkner'a, приведенный Кондратьевым, вызывает сомнения в том, отношении, что для периода 1850—1860 гг. он даст лишь очень незначительную приподнятость[1]. Если же взять данные о движении цен по другому источнику, —Harward Business Review — то окажется, что резкий скачок цены обнаруживают в то же пятилетие пятидесятых годов, что и английские, однозначно падают вместе с последними в течение последующих двух-трех лет, дают чрезвычайно высокий (почти достигающий 230 пунктов—уровень, существовавший в 1815 г.), шпиц к середине шестидесятых годов и затем — обрывистое снижение с некоторой незначительной задержкой с 1871 по 1873 г.

Подъемная равнодействующая общего уровня товарных цен за период 1850—1873 гг. может быть разложена на следующие основные факторы: 1) превращение интенсивного развития капитализма, который до того времени свил себе прочное гнездо в одной Англии, в экстенсивное развитие, выразившееся в скачкообразном увеличении объема международной торговли и географическом расширении территориальной базы капиталистической индустриализации; 2) внезапное открытие богатейших золотых россыпей в Калифорнии и Австралии; 3) серия крупных войн, дезорганизовавших экономику различных стран и сложившиеся мирохозяйственные связи.

Начнем с первого фактора.

Конец сороковых и начало пятидесятых годов хронологически отмечают поворотный этап в развитии мирового хозяйства. Железнодорожный транспорт переносится из Англии на европейский и американский континенты. Именно в этот период Brassey разворачивает свою титаническую работу по сооружению железнодорожных магистралей в Германии и Франции, Италии и Бельгии, Австрии и Соед. штатах. Крупные районы некапиталистической хозяйственной среды Европы и Америки втягиваются в мировой товарооборот и развивают в своих пределах капиталистическое производство. До конца шестидесятых годов интенсивный рост парового транспорта в других странах оказывал мощное оживляющее влияние на все стороны хозяйственной и социальной жизни Англии. Английский капитализм дает в эту эпоху (1850—1873) рекордные масштабы роста, и никто

[1] На это указывает и Губерман С., Проблема малых и больших циклов, «Соцнал. хозяйство», 1927, т. I.

не предчувствует, что для Англии это уже последний блестящий период Sturm und Drang. В тесной связи с этим территориальным раздвижением границ роста капитализма происходит радикальный сдвиг в области таможенной политики европейских государств. Ликвидацией хлебных законов Англия завершила цикл реформ, направленных к полному освобождению своей внутренней и внешней торговли от прежних искусственных мероприятий. Политика Англии была подхвачена на европейском континенте. Крупнейшее значение в интересующей нас связи имеют несомненно таможенные реформы Франции. В эпоху войн с Наполеоном страна выдвинула запретительную таможенную систему с целью подорвать английскую промышленность и торговлю. Лишь в пятидесятых годах эти запрещения постепенно уничтожаются, и в 1860 г. на основе договора с Англией все запрещения на ввоз товаров снимаются, и пошлины значительно снижаются (30% ad valorem). Бельгия и Италия, Германский таможенный союз и Австрия, Швейцария и Голландия, а также ряд других европейских государств стали на путь отказа от протекционизма и существенного понижения таможенных ставок. Европа на короткое время перешла к относительно широкой свободе торговли. — Нетрудно понять, как это радикальное изменение организационных условий международной торговли должно было в т у эпоху повлиять на ситуацию мирового товарного рынка и динамику цен. Выше мы говорили, что сильные стеснения в области внешнерыночных отношений в предшествующие десятилетия были одним из условий понижательного движения цен в Англии. Либеральная реорганизация таможенной политики европейского континента вызвала внезапное расширение внешнерыночного спроса на английские экспортные товары и действовала в сторону повышения цен на последние. Основная же импортная группа товаров в Англию из европейского континента — хлебные продукты — не только не понизилась в цене, но, наоборот, обнаруживала в течение рассматриваемого двадцатилетия устойчивую тенденцию к росту, в связи с прогрессирующей индустриализацией Англии и широкой урбанизацией Зап. Европы.

Эта общая тенденция товарных цен к повышению была поддержана и усилена мощным переворотом в золотопромышленности. В начале 1848 г. были открыты калифорнийские россыпи, в 1851 г. не менее богатые австралийские в Виктории и Новом Южном Уэльсе, в конце 50-х годов — местонахождения в Новой Зеландии, в 1860 г.— в западных штатах Северной Америки, наконец, в конце 60-х годов — в Квинслэнде (Австралия). За десять последовавших с 1848 года лет количество вновь добытого золота составило около 30% всего имевшегося до того времени мирового запаса (Th. Tooke, т. II, 405). С середины века до 1873 г. было извлечено из россыпей столько золота, сколько было добыто за двести пятьдесят предшествующих лет. Вот табличка, составленная по данным Annual Reports of the Director of the Mins Washington [1].

[1] См. также «The Mineral Industry during 1922». Edited by R. G. Roush, vol. XXXI.

Годы	В среднем в год (тыс. кг.)
1801—1850	23,7
1851—1860	200,6
1861—1870	190,0
1871—1880	173,2

Если мы ставим крупные исторические движения товарных цен в связь с радикальными изменениями размеров и способов добычи золота, то это вовсе не значит, что мы принимает количественную теорию денег даже в наиболее модернизированной формулировке Ирвинга Фишера. Механическое противопоставление золотого фонда товарной массе принципиально неверно. Речь идет не о пропорциональном изменении цен всех товаров под влиянием увеличения количества денег в обращении, а о своеобразных последствиях внезапного появления новых масс всеобщей покупательной силы на товарном рынке.

Предположим, что в стране начинает расти какая-либо новая отрасль промышленности на основе происшедшего существенного технического изобретения. Рост новой отрасли создает добавочный спрос на различные товары и вызовет тенденцию повышения цен на товарном рынке. Но несравненно более эффективное влияние должно оказать скачкообразное увеличение добычи золота. Это объясняется особым положением последнего в системе современного капитализма. Во-п е р в ы х, золото, как материал всеобщих мировых денег, обладает беспрепятственной повсеместной реализуемостью; в о - в т о р ы х, процесс его реализации совершается в форме непосредственного противопоставления спроса товарному предложению, в силу чего действие э т о й новой покупательной силы на рынок будет сильнее, чем в том случае, если бы она была воплощена в меди, чугуне или текстиле, которые сами должны предварительно превратиться в деньги, прежде чем выступят на стороне общественного спроса. Но чем вызывается быстрое увеличение добычи золота?

Увеличение добычи золота может происходить или в силу экстенсивного расширения объема золотопромышленности при неизменной производительности труда (ценность весовой единицы желтого металла остается стабильной), или в силу повышения производительности труда — все равно связано ли это повышение с изменением естественных или с изменением технических условий, — или, наконец, в силу комбинированного действия обоих моментов. В каждом из этих случаев весовая масса желтого металла увеличится и окажет оживляющее влияние на товарный рынок, хотя в первом и во втором случае (третий случай является лишь производным первых двух) повышательный процесс ценообразования и обратное отражение этого процесса на золотопромышленность далеко не тождественны. Нас интересуют, однако, в данной связи не различия [1] в общественном механизме подъема цен при каждом из мыслимых вариантов расшире-

ния объема золотопромышленности, а общий рыночный результат этого расширения — повышательная тенденция товарных цен. На основе изучения скачкообразного увеличения добычи золота в середине прошлого века, Ньюмарч дал классическое описание действия этой тенденции.

«Первоначально, — обычно в течение короткого времени, — это расширение (расширение спроса со стороны золотопромышленности, вызванное увеличением ее продукции. — *А. Г.*) ограничено лишь странами, производящими золото. Затем оно охватывает специальные области, как, например, Ланкашир или Бирмингам, производство которых имеет наиболее близкое отношение к удовлетворению сильно расширившегося спроса. Далее оно распространяется на районы, которые поставляют сырой материал для этих фабрикантов. Двигаясь подобным образом, круг, внутри которого возрастает спрос на товары, должен из месяца в месяц расширяться» [2].

---

[1] Эти различия несомненно должны иметь место. В первом случае (расширение добычи при стабильном уровне производительности труда) масса прибыли увеличивается, но норма ее не изменяется. Поэтому воздействие крупных добавочных количеств золота сказывается лишь путем простого расширения спроса на товары со стороны золотопромышленности. Иначе складывается ситуация во втором случае. При повышении производительности труда в золотопромышленности сокращается стоимость желтого металла и, следовательно, уровень товарных цен должен измениться в противоположном направлении. Конечно, технические сдвиги в условиях производства желтого металла должны быть достаточно велики, чтобы вызвать переворот в уровне товарных цен приведением его к новому масштабу мерила ценности. Но само это приведение совершается не вне рынка, а через механизм спроса и предложения. В противоположность первому случаю реализация золота вызовет здесь не только оживление цен на рынке, но и отлив нового капитала в золотопромышленность, так как теперь золотопромышленность получает добавочные прибыли. Более подробный анализ всех этих процессов не входит в нашу задачу. См. в связи с этим — Каутский К., Золото, деньги и дороговизна, 1917; статьи Варга Е., Каутского К., Бауэра О. и Людвига в сборнике: «Основные вопросы полит. экономии»; Келлер, Стоимость золота с последнего рудника, Вестник Ком. академии, 1927; Ф.-Енотаевский, Ценность золота и его покупательная сила, «Социал. хозяйство», 1927, № 1.

[2] Tooke and Neumarch, Die Geschichte und Bestimmung der Preise, Dresden, 1859, стр. 395—443. Аналогичным образом объясняет механизм влияния роста добычи золота на конъюнктуру товарного рынка и Вибе в своей известной работе «Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI и XVII Jahrhunderts». Он пишет: «Простое увеличение золотых запасов не может само по себе влиять на повышение цен. Вновь добытое золото должно вызвать на рынке покупательный спрос. Здесь — первое ограничение, которое испытывает эта (количественная. — *А. Г.*) теория. Однако, и это действительно эффективное влияние количеств нового золота вовсе не повышает пропорционально цены. Все ценоповышающее влияние увеличения денег покоится исключительно на том, что оно вызывает спрос. Способ, размер и интенсивность этого спроса зависят в основном от того, кто собственник этих новых масс золота» (Ibid., 1895, стр. 318). Карл Диль в своей книге «Ueber Fragen des Geldwesens und der Valuta» сочувственно цитирует Тука и Вибе и присоединяется к их точке зрения (Ibid., Jena, 1921. Кар. V). Ср. Маркс. К. «К критике l. t. c.», 1896, 125—137.

Таким образом, внезапный крупный рост добычи золота был одной из конкретных исторических причин повышательного движения цен на мировых рынках в третьей четверти XIX столетия. Но в этом пункте Кондратьев делает следующее контр-возражение. Не отрицая оживляющего влияния скачкообразного роста золотой продукции на ситуацию товарного рынка и производства, он считает, однако, что исторически зарегистрированная резкая неравномерность добычи золота сама является функцией больших циклов конъюнктуры. Она — не внешний пертурбирующий фактор, а лишь одно из следствий внутренних условий движения капиталистического процесса.

«Допустим, что увеличение добычи золота в конечном счете влияет на повышение цен конъюнктуры. Но это ни в какой степени не обязывает признать верность тезиса, что изменения в добыче золота имеют привходящий случайный характер, и, следовательно, такой же характер имеют порождаемые ими волны цен и конъюнктуры. Именно этот тезис мы считаем не только недоказанным, но и неверным... Если увеличение добычи золота и может быть предпосылкой роста товарных цен и повышения конъюнктуры, то, в свою очередь, сама добыча золота подчинена ритму больших циклов конъюнктуры и, следовательно, не может рассматриваться, как привходящий случайный фактор» [1].

Свое контр-возражение Кондратьев обосновывает следующими доводами. Подобно всякому товару, золото получается с определенными издержками производства. Поэтому извлечение золота даже на вновь открытых россыпях может значительно возрастать лишь при условии благоприятного соотношения ценности золота и уровня необходимых для его добычи производственных расходов. Но, очевидно, наиболее благоприятная для добычи золота ситуация складывается в период понижательной волны большого цикла и особенно к концу этого периода, когда общий уровень товарных цен предельно низок. Именно в этом предельном интервале большого цикла должна — теоретически рассуждая — наиболее интенсивно возрастать добыча золота. Однако, указанная зависимость колебания продукции золота от движения фаз большого цикла несколько осложняется воздействием технических изобретений в золотопромышленности и открытием новых россыпей. И усовершенствования техники и открытия россыпей закономерно включаются в динамику большого цикла. Оба эти явления — по существу лишь факторы понижения издержек производства золота. Поэтому «напряженность потребности в технических усовершенствованиях золотопромышленности и в нахождении более богатых россыпей» должна прогрессивно обостряться на подъемной волне большого цикла. Можно думать, что наивысшие количества открытий новых россыпей и технических изобретений в области золотопромышленности падает «на середину (?? *А. Г.*) понижательной (?? *А. Г.*) волны» большого цикла. В итоге: если бы не было открытия новых россыпей и введения технических усовершенствований, то рекордные нормы прироста золотой продукции падали бы на конец понижательной волны. Но благо-

[1] Ibid., стр. 54—56.

даря этим двум обстоятельствам начало роста добычи золота имеет тенденцию отодвигаться к более верхним ступеням понижательной волны, хотя основной подъем в добыче золота начинается лишь после (?? *А. Г.*) наступления периода наиболее высокой покупательной силы его. Мы не станем подробно рассматривать это новое откровение Кондратьева. Сообразительный читатель сразу заметит, какими удивительными белыми нитками шито все это громоздкое построение. Если выдвигать положение, что крупные колебания добычи золота подчинены ритму больших циклов конъюнктуры, то не правильнее ли было бы сначала доказать внутреннюю неизбежность больших циклов и лишь после этого рассматривать их функциональные проявления, а не постулировать автономность длительных волн цен, которые, по Кондратьеву, должны происходить ведь независимо от того, имеются ли изменения в сфере золотодобывания или нет (вспомните 1-й цикл), и трактовать неравномерность добычи золота как следствие смены этих волн? Далее, если соотношение между ценностью золота и издержками его производства становится неблагоприятным с начала повышательной волны большого цикла, то почему технические усовершенствования и новые россыпи должны сгущаться на середине понижательной волны, т. е., примерно через 25—30 лет после наступления неблагоприятной ситуации? Где здесь логика? Если, наконец, выгодная конъюнктура добычи золота складывается с начала понижательной волны, то почему «основной подъем» в золотопромышленности отодвигается на четверть столетия позже, лишь «после наступления периода наиболее высокой покупательной силы его», т. е. лишь тогда (этот вывод поистине замечателен!), когда вновь становится невыгодным производить золото, так как ведь после этого периода цены товаров опять относительно повышаются.

Эта внутренняя неувязанность всего построения является результатом стремления примирить идею обусловленности имевшегося в прошлом мирового хозяйства резкого скачкообразного увеличения добычи золота ритмом «больших циклов» с противоречащим ей фактическим ходом вещей в золотопромышленности. Вся суть дела в том, что исторические эпохи крупных увеличений добычи золота происходили параллельно периодам длительных повышений (а не в периоды понижений) товарных цен, о чем ясно свидетельствует нижеследующая таблица (см. стр. 40) [1].

Кондратьев несомненно прекрасно знает, что фактически крутые увеличения мирового производства золота совпадали не с периодами, отнесенными им к понижательным волнам, а с теми двумя последними периодами, которые отнесены к повышательным волнам. Между тем, согласно его теории обусловленности расширения добычи золота ритмом больших циклов, производство золота должно ведь увеличиваться именно на понижательной волне цен, когда для золотопромышленности складывается благоприятная ситуация. Это вывод,

---

[1] Cassel G. Theoretische Socialökonomie, 1928, S. 638.

	Годы	Среднее за год (в тыс. унций)
Понижательная волна цен	1811—1820	368
	1821—1830	457
	1831—1840	652
Повышательная » »	1841—1850	1 760
	1851—1860	6 445
	1861—1870	6 610
	1871—1875	5 591
Понижательная » »	1876—1880	5 543
	1881—1890	5 127
	1891—1895	7 882
Повышательная » »	1896—1900	12 447
	1901—1910	18 770

который необходимо сделать при наличии хотя бы самой элементарной логической последовательности мысли. Но подобным выводом Кондратьев пришел бы, конечно, в прямое противоречие с действительностью. Вот почему, желая спасти с этой стороны от крушения свою попытку включить исторические случаи резкой неравномерности роста золота в динамику «большого цикла», он выдвигает неувязное с его исходным тезисом положение, что «основной подъем» добычи золота начинается лишь через четверть века после того, как становится выгодно его производить, и разворачивается уже тогда, когда его производить невыгодно. Простите, но это значит за счет примирения с действительностью стать в кричащее противоречие с собственными отправными посылками! Больше того. Это значит, по существу, сдать свою позицию, ибо подобным выводом уничтожается идея зависимости скачкообразного расширения добычи золота от понижения уровня цен и акцентируется идея зависимости повышения уровня цен от внезапного сильного расширения добычи золота. А между тем вся суть дела состояла ведь в том, чтобы доказать первое, поскольку защищалось положение о подчинении мощных колебаний в производстве золота ритму «большого цикла» и, наоборот, отвести второе, поскольку молчаливо постулировалась автономность механизма длительных подъемов цен, связанного не с эпизодическими скачками в производстве золота, а с внутренней природой капиталистического процесса как такового. И если Кондратьев не сознает всей курьезности создавшегося в «золотом пункте» его теории положения, то тем хуже конечно для него самого[1].

В действительности, совершенно несомненно, что в рассматриваемый нами период середины XIX столетия, мощное скачкообразное увеличение добычи золота было экзогенным фактором, действующим извне на капиталистический товарный рынок, и не зависило от предшествующего состояния уровня товарных цен на мировых рынках.

«Мы не даром употребляем, — пишет проф. Л. Яснопольский, — в применении к эпохе до 90-х годов термин «добыча»,

[1] См. интересные критические замечания по поводу взглядов Кондратьева на связь между добычей золота и «большими циклами» в рецензии проф. Новожилова («Вестник Финансов», 1926, 3).

а с этой даты — термин «производство». Там мы имеем золотые россыпи, случайные открытия, разработка которых составляла случайную игру кустарных золотоискателей, дело счастья, удачи, не требовавшей почти никаких технических устройств. С 90-х годов преобладание получает разработка кварцево-жильного золота, — правильно организованная капиталистическая промышленность, в которой удача и новые открытия отступают на второй план и расширение и сокращение производства зависят только от цен на золото на мировом рынке... Золото перестало быть предметом редкости, находка его не есть даже дело случая и поддается правильным коммерческим расчетам и планомерной организации» [1].

---

[1] Яснопольский, Рынок золота в России и за границей, Киев, 1923, стр. 4. См. Lehfeldt R. A. Gold, Prices and Witwatersrand, 1921, ch. V. В забытой в настоящее время, интересной и содержательной книжке старого русского экономиста Н. Горлова дано очень красочное описание открытия золотых россыпей Калифорнии и Австралии и условий тогдашнего добывания золота. Вот как он описывает это открытие: «В углу, который образует Вила при своем соединении с Сакраменто, заведена была одним колонистом Суттером обширная запашка, защищаемая крепостцею от нападения дикарей, живущих или бродящих в окрестности. Этот колонист, имея нужду в досках, вознамерился устроить пильный завод в некотором расстоянии от своего форта, в месте, которое отличалось превосходным лесом. Когда плотина была построена, заготовлены и поставлены все части заводского механизма и, наконец, пущена вода, то оказалось, что русло для провода воды на колесо узко относительно массы воды, которая в него входила. Механик, взявшийся устроить завод, чтобы не рыть русла вновь, решился пустить в него воду, предполагая, что она своим действием его размоет и расширит до требуемой величины. Вода, устремившись с быстротою сквозь оставленное ей отверстие, увлекла много земли и образовала внизу плотинного русла довольно приметный осадок. Итак, когда механик стал осматривать, с каким успехом производится расширение русла, то увидал кучу намытой земли и в ней множество блесток, которые сначала принял было за слюду. Но всматриваясь внимательнее, он был поражен очень близким сходством блесток с золотом и скоро вместе с хозяином убедился, что находка была действительно золото. Это открытие металла не могло долго оставаться втайне. Колонист и его механик стали в разных местах делать осмотры и пробные промывки земли и среди этих розыскных занятий были подсмотрены любопытными наблюдателями: тогда открытие вдруг разгласилось. Но сначала мало верили слухам о найденных сокровищах; даже рассказы индейцев и колонистов, которые приходили из суттерова укрепления и с пильного завода в С.-Франциско для закупки орудий, необходимых при промывке золота, не обращали большого внимания. Только некоторые жители города, видя само найденное золото, показываемое счастливыми искателями и подстрекаемые обольстительною надеждою найти сокровища, отправились для поисков; после первых опытов промывки новые золотоискатели были так поражены и восхищены обилием добываемого металла, что, возвратившись домой, забрали с собой все вещи, которые только можно употреблять для промывки земли, и тотчас же отправились назад к золотым россыпям. Видя такую необычайную поспешность и догадываясь об ее причинах, многие другие жители также решились испытать на россыпях свое счастье, и эти частые примеры и всеобщие удачи, наконец, свойственная людям auri sacra fames — увлекли и остальных, так что в Сан-Франциско и его окрестностях почти не осталось никого. Правитель Калифорнии, полковник Мезн, через 3 месяца (в июле 1848 года) после открытия златоносных россыпей ездивший их осматривать, в отчете северо-американскому правительству говорит, что когда он приехал в Сан-Франциско, то нашел, что почти все взрослые

Большее или меньшее влияние оказало крупное расширение добычи золота в середине прошлого века на подъем товарных цен — это вопрос специального исследования. Важно то, что такое влияние несомненно имело место и явилось привходящим в капиталистический процесс производства и обращения фактором.

Третьей конкретно-исторической причиной взвинченного уровня товарных цен в промежутке 1850—1873 гг. были крупные военные события эпохи: 1) крымская война (1853—1856), гражданская война в Америке (1861—1864) и франко-прусская война (1870—1871). Эти войны объясняют нам ту форму резких скачков и острых щипцов,

---

мужчины выехали и жили на золотых промыслах. Город, до того времени полный деятельности, сделался почти пустынным. На дороге из города в суттерово укрепление правитель повсюду встречал опустелые дома, брошенные фермы и мельницы; в полях бродили скот или звери. У самого укрепления, напротив того, царствовало чрезвычайное движение: разгружали суда, наполненные товарами, перевозили на телегах клад в укрепление, где уже были магазины, гостиницы и другие заведения. Отсюда правитель отправился в находившиеся недалеко Мормонские копи, где до 200 человек занималось промывкой с помощью грубого снаряда, называемого cradle; даже кастрюли и корзины были употреблены в дело. В отчете сказано, что уже в то время, то-есть через 3 месяца по открытии золота, на всех золотых промыслах работало с лишком 4000 человек. Однако, несмотря на это быстрое сосредоточение народа на приисках, скоро в местах, которые были покинуты и запустели, возникла новая жизнь, исполненная, сравнительно с прежним, еще большей деятельности. Сан-Франциско, в котором правитель почти не встречал мужчин и в котором, впрочем, не было более 600 жителей, года через полтора после того, в январе 1850 г., имел уже до 5000 домов, большею частью деревянных, в которых считалось до 40000 жителей. Потребность строиться была сопровождаема таким нетерпением и соединена с такими денежными способами, что совсем готовые деревянные дома были привозимы из очень отдаленных мест, например, из Китая. Несколько досчатых разборчатых домов послано было в Сан-Франциско Российско-американскою Ко. Верфи, биржа, театр, цирк, гостиницы и многие другие здания и учреждения общественной пользы возникли мгновенно и как-будто волшебством. Для удобнейших сношений с золотыми россыпями устроено было правильное пароходное сообщение из Сан-Франциско в суттерово поместье, или Новую Гельвецию. Но не только Сан-Франциско возродился, или, правильнее сказать, переродился в другой лучший вид, много совсем новых городов возникло в местах, недавно еще представлявших совершенную пустыню, так что вся долина реки Сакраменто с притоками была занята многолюдным народом и сделалась оживленною сценою самой неутомимой деятельности. После суттерова укрепления были основаны города Суттервиль, Сакраменто, Колома, Джоржтаун. При впадении в Сакраменто реки Пера основаны Вернон и Фремонт; на правом берегу ее — Эльдорадо и Плюмар; на реке Юба — Мериовиль и Юбавиль; на Медвежьей реке — Керни и Оро. На притоках реки Св. Иоакима основаны Монтезума, Калверас, Стактон, Товалермнес и Маризопа. Вместе с этими успехами заселения водворялся порядок, приняты были строгие меры для восстановления ниспровергнутого уважения собственности и изданы законы, обеспечивающие каждому плоды его трудов на золотых промыслах». («О новых открытиях золота», СПБ. 1854, стр. 7—10). Поистине нелепо думать, будто этот мощный скачкообразный рост кустарной добычи золота с помощью кастрюль и корзин находился в какой-либо связи с понижением индекса товарных цен. Мы нисколько не отрицаем того тривиального положения, что добыча золота тем выгоднее, чем ниже (при прочих равных условиях) уровень товарных цен. Но мы лишь протестуем против наивно-прямолинейного понимания характера этой обратной зависимости особенно для рассматриваемой нами эпохи кустарной добычи золота.

которую временами принимает уровень цен различных стран в рассматриваемый период.

Переходим к динамике товарных цен в период 1873—1896 гг. Кривые Англии и Франции замечательно коррелируют в течение всего двадцатилетнего интервала, образуя, по существу, одну кривую с гораздо более четко выраженным (в Англии) понижательным наклоном, чем в предшествующую понижательную волну после наполеоновских войн. Кривая цен Соед. штатов проделывает совершенно согласное с обеими этими кривыми движение.

Кризис 1873 года подвел итоги предшествовавшему развитию капитализма в Европе и Америке, открыв вместе с тем *новую* полосу в развитии мирового хозяйства. Эпоха семидесятых и восьмидесятых годов характеризуется окончательным оформлением крупных *структурных изменений* в системе мирового хозяйства. В конечном счете эти изменения были обусловлены широким предварительным проникновением капитала (промышленного и торгового) в некапиталистическую среду, вызвавшим рассеяние капиталистического производства и образование новых крупных узлов национальной промышленности — с одной стороны, географическое смещение аграрной базы промышленного капитализма — с другой. Технической подосновой этих экономических процессов был, как известно, радикальный переворот в сфере транспорта. Развитие мирового товарообмена втянуло в орбиту западно-европейского хозяйства обширные земледельческие и скотоводческие районы России, Канады, Аргентины, Северных штатов Америки и Индии. В силу целого ряда условий естественного и социального порядка издержки производства сельских продуктов сложились здесь ниже, чем в капиталистических центрах Западной Европы, а мощное развитие парового транспорта, приблизив друг к другу материки и сильно сократив расходы по перевозке товаров, создало объективную возможность развернуть крупный сельскохозяйственный экспорт на западно-европейские рынки. Внутренней основой падения цен на сельские продукты было коренное изменение в технике производства и транспорта последних (преимущественно, пшеницы), сократившее *стоимость* наводнивших европейские страны хлебов. Открытие Суэцкого канала, замена деревянных судов железными, другие существенные улучшения в постройке судов — все это падает на рассматриваемый нами период. Фрахт пшеницы из Чикаго в Нью-Йорк к концу 80-х годов понизился по сравнению с 1869 г. на одну треть, а с 1873 г. — на одну четвертую [1]. В острой

[1] *Nasse* E., Das Sinken der Warenpreise während der letzten fünfzenh Jahren, Conrad's Jahrbuch, 1888, B. III. *Laurence Lauglin*, Gold and Prices since 1873, Quarterly Journal of Economic, Boston, 1887. *Wells* D., The Great Depression of Trade, Contemporary Review, August 1887. *Jeans* J. England's supremacy, 1885 pp. 35—53; *Report* of the R. Comm. of Agric., Lond., 1897. *Conrad*, J. Agrarkrisis, Hand. der Staatw., B I S. 206—220. Levy, H. Zur Geschichte der Agrarkkrisen, Jahrb. f. Nat. únd Stat., 1904. Bd. 28. S. 471—487. *Ritter*. K, Die binwirkung des Verkehrs, Berlin, 1921. *Каутский* К., Аграрный вопрос, 1923. Ч. I, гл. X. *Зеринг*, Аграрные кризисы, Гиз, 1927. *Павус*, Мировой рынок и сельско-хоз. кризис. *Конюс*

насильственной форме длительного аграрного кризиса стихийно прокладывал себе дорогу закон общественно-необходимых затрат труда, ломая высокий уровень цен сельских продуктов через конкуренцию со стороны молодых стран, к которым переместился новый центр аграрной базы. Сдвиг в величине стоимости сельских продуктов явился составным слагаемым понижательного движения цен последней четверти XIX столетия. Всеобщность же испытанного Зап. Европой потрясения в сельском хозяйстве обязана была существованию частной земельной собственности на землю, обусловившей закрепление рент на определенном уровне и препятствовавшей (в лице класса землевладельцев) снижению этого уровня, несмотря на падение величины стоимости соответствующих продуктов. Нивелирующее давление новых условий производства и сбыта сельской продукции вызвало деформацию европейского сельского хозяйства (во Франции — переход к более интенсивным культурам, к росту садоводства и огородничества; в Англии — сокращение зерновых площадей и расширение пастбищного фонда; в Германии — усиленный аграрный протекционизм, стимулировавший рост сельского хозяйства).

Но аграрный кризис не был бы так силен и длителен, если бы ему не предшествовал тяжелый мировой промышленный кризис 1873 года, последовавший за подъемом производительных сил во всех капиталистических странах. Сгущенная острой конкуренцией между старыми и молодыми индустриальными странами промышленная депрессия форсировала наступление аграрного кризиса и резко заострила внутренне присущие ему проявления и результаты. Промышленный кризис не вызвал аграрного[1]. В основе последнего лежали радикальные изменения издержек производства весовой единицы сельскохозяйственной продукции. Но сокращение единицы товарной стоимости аграрной продукции в обстановке суженного предшество-

---

ков, Сельско-хоз. кризис «Новая Деревня», 1925. Булгаков С., Капитализм и земледелие, т. I и II, СПБ 1900. Зотов, Очерки землевладения и земледелия в современной Англии, гл. I, 1909. Лященко П. Русское хозяйство в системе хозяйства мирового, 1927. В работе «Сущность аграрного и сельскохозяйственного кризиса», 1927 г. А. Котов, хотя и рекомендует себя учеником Кондратьева, но гораздо правильнее подходит к механике длительных повышательных и понижательных цен, чем сам учитель. Устойчивую тенденцию продолжительного роста цен в различные периоды он связывает с фактом присущего капитализму отставания сельского хозяйства от промышленности. Но все это — лишь один из моментов в динамике больших волн цен. На других моментах Котов не останавливается. Впрочем, на ряду с правильными мыслями у него встречаются и курьезные утверждения, например, предположение о том, «что, кроме волн больших циклов, существуют волны еще большего размаха, которые завершают свой цикл примерно в сто (Sic! *А. Г*). лет». Здесь он, несомненно, значительно превзошел самого учителя!

[1] На такой точке зрения стоит Спектатор М. в своих работах: «К теории аграрных кризисов», «Вестник Комм. Академии», 1928, 26(2), и предисловие к книге М. Зеринга Аграрные кризисы, Гиз, 1928. В действительности сдвинутый вниз уровень сельскохозяйственных цен означал не только понижение цены ниже общественной стоимости, но и сокращение величины общественно-необходимой стоимости аграрных продуктов.

вавшим промышленным кризисом общественного спроса на эту продукцию выразилось в особенно интенсивном падении цен и в охвате понижательной волной сельскохозяйственных цен даже самих Соед. штатов. И если промышленный кризис заострил наступление и действие аграрного, то последний, в свою очередь, вызвал широкое обнищание сельского населения Европы и отразился гнетущим образом преимущественно на английской промышленности, и без того стиснутой победоносной конкуренцией поднимающихся индустриальных государств. Это напряжение состояния вызвало к жизни широкую полосу мощных технических усовершенствований, на основе которых в ряде крупных капиталистических стран (за исключением Англии) происходил сильный рост материальных масс продукции с значительно пониженными издержками производства. Понижение издержек производства, в свою очередь, сдвигало вниз уровень товарных цен. Эрвин Нассе, исследовавший влияние изменения условий техники производства и транспорта в период после семидесятых годов, говорит: «В различных отраслях прогресс последнего времени так сильно бросается в глаза, что едва ли нужно особенное доказательство этого. Я упомянул лишь об индустриях железа и стали, бумаги и сахара, красящих веществ и стекла. Понижающиеся цены и хозяйственное давление накопленных масс капитала действовали так, что изобретения не только были открыты, но также применялись быстрее и шире, чем в какой-либо другой период» [1]. Впрочем, более подробный положительный анализ динамики цен выходит за пределы настоящей статьи.

На примере Соед. штатов и Англии мы показали, что «второй большой цикл конъюнктуры» является с точки зрения темпа динамики материальных производительных сил такой же фикцией, как и первый. Мы попытались вместе с тем наметить общие контуры причин крупных сдвигов цен во второй половине XIX века и подчеркнуть их нециклический характер. К статистическому анализу третьего «большого цикла» мы в данной работе обращаться не будем, тем более, что надуманность двух предшествующих «больших циклов» выяснилась достаточно определенно. Приведем лишь следующее мнение Фалькнера С. о темпе динамики производительных сил в предвоенное двадцатилетие («повышательная волна» — по Кондратьеву):

«Наибольшей быстроты и напряженности экономическое развиво-
военное двадцатилетие («повышательная волна» — по Кондратьеву):
«понижательная волна» А. Г.). Наоборот, со второй половины 90-х гг. темп экономического развития испытывает резкое замедление, причем в европейских странах коэффициент роста народного дохода на душу населения падает столь низко, что общий уровень народного благосостояния приближается к стационарности... Но не противоречат ли эти наши положения всем общепризнанным и общепринятым представлениям о бурном темпе экономического развития как раз накануне

[1] Nasse E., Das Sinken der Preise. «Conrad's, Jahrbuch», 1888, B. III.

мировой войны? В значительной мере, конечно, противоречат. Однако заслуживает быть отмеченным, что некоторые наиболее вдумчивые исследователи приходили уже накануне мировой войны к выводам, которые в большей или меньшей степени аналогичны нашим»[1].

Фалькнер ссылается на работы Коррадо Джини, Артура Боули и Рэне Пюшена, которые единогласно приходят к выводу, что в материальном аспекте предвоенные 10—15 лет дали меньший рост, чем предшествующий период, и что эта замедленность реального темпа развития замаскировывалась высокими ценностными показателями[2]. На каком же основании Кондратьев так уверенно утверждает, что в период 1895—1913 гг. темп расширения производительных сил в старых странах капиталистической культуры был выше, чем в предшествующее двадцатилетие?[3].

III

До сих пор мы занимались разбором построений проф. Кондратьева в узких пределах выяснения, насколько фактически правильна идея, что большие и длительные волны цен отражали последовательную регулярную смену темпов динамики капиталистического производства. Оказалось, что сконструированные Кондратьевым 2½ цикла, периоды фаз которых приурочены к моментам перегибов больших волн цен, являются фикцией. Рост материальных масс общественного продукта не только не происходил всегда параллельно направлению уровня цен (напр. 1783—1815 гг.), но совершался иногда в противоположном направлении (особенно ярко это сказалось для Англии в 1820—1850 гг. и для Соед. штатов в 1875—1890 гг.). Мы убедились, что крутые и стойкие подъемы среднего уровня цен в одни периоды и снижения в другие, осложняющие обычную волнообразную динамику цен, обусловленную ходом малого цикла, вызывались всякий раз различными причинами (войны и революции, вовлечение новых хозяйственных районов, открытия золотых россыпей, переворот в технике), и в зависимости от этого всякий раз различно влияли на мировое хозяйство, а в рамках мирового хозяйства различно на его составные единицы. Проф. Кондратьев знает, конечно, об этих конкретно-исторических причинах. Но он стремится доказать, что эти причины не являются чем-то внешним и пертурбирующим по отно-

---

[1] Фалькнер С. Темп роста народного дохода важнейших стран. «Соц. хозяйство», 1928, т. I.

По вопросу о «предвоенной дороговизне» см. Bauer O., Die Teuerung. Каутский К., Золото, деньги и дороговизна. «Книга», 1917. Спектатор М., Мировое хозяйство т. I, 1925 Бухарин Н., Мировое хозяйство и империализм.

[2] Но если даже темп роста производительных сил в предвоенное двадцатилетие был действительно выше темпа предшествующего двадцатилетия в той или иной стране (или в ряде стран), то это обстоятельство еще не говорит, конечно, в защиту Кондратьева, ибо суть дела вообще как мы сейчас увидим, не в цикличности, а в явлениях иного экономического порядка.

шению к циклическим колебаниям капиталистического процесса, но, наоборот, *сами включены в механизм конъюнктурного ритма больших циклов*.

«Указывают иногда, что в то время, как средние (т. е. обычные. — *А. Г.*) циклы вызываются внутренними причинами динамики капиталистического хозяйства, большие волны динамики вызываются случайными привходящими условиями и событиями, напр.: 1) изменениями техники; 2) войнами и революциями; 3) вовлечением новых территорий в орбиту мирового хозяйства и 4) колебаниями в добыче золота. Эти соображения весьма существенны. Но тем не менее и они не состоятельны. Слабость их состоит в том, что они или повертывают причинную связь и принимают следствие за причину, или видят случайность в том, где имеет место закономерность» [1].

Изменения в области техники? Но ведь эти изменения не случайны и привходящи, — поясняет Кондратьев. Направление и интенсивность технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической деятельности. А запросы эти достигают особого напряжения в период понижательных волн большого цикла.

Войны и революции? Но и эти события закономерны. Войны возникают на основе борьбы за новые рынки и за источники сырья. А когда потребность в последних особенно велика? Ясное дело, что в период повышающейся конъюнктуры. Точно так же революции «возникают легче всего в период бурного натиска новых хозяйственных сил». Значит, войны и социальные потрясения являются всего лишь формой проявления динамики больших циклов, а отнюдь не первичными силами этой динамики.

Вовлечение новых районов и стран? Но разве это может явиться привходящим фактором? «При капитализме вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой культуры в новых рынках сбыта и сырья». Следовательно, освоение новых хозяйственных областей само служит функцией состояния конъюнктуры, а не наоборот.

Открытие золотых россыпей? Но и этот момент, как мы видели выше, включен, по мнению Кондратьева, в динамику большого цикла.

И Кондратьев иллюстрирует, как у границ и на протяжении каждого цикла совершались те или иные крупные события в области технического прогресса, радикальные сдвиги в мировом хозяйстве, вовлечение новых стран, войны и революции.

Все эти рассуждения покоятся, с одной стороны, на элементарном petitio principii, так как предполагается доказанным то, что еще только требуется доказать — органическая неизбежность больших циклов, симптомами и следствиями которых являются будто бы эти события, а с другой стороны — на «экспроприации» комплекса

---

[1] Ibid., 50.

экономических закономерностей, обусловленных нормальным чередованием конъюнктурных фаз (усиление технического прогресса в период обычной депрессии, обострение борьбы за источники сырья в подъеме и за рынки сбыта — после кризиса и т. д.) и произвольным включением в динамику надуманного «большого цикла».

Но нам интересно сейчас не столько выяснение внутренней дефектности этих рассуждений, бросающейся в глаза уже с первого взгляда[1], сколько то, что подобные рассуждения с некоторой новой стороны освещают научную позицию проф. Кондратьева. Внимательный читатель работ Кондратьева, посвященных большим циклам, не может не заметить, между прочим, одной замечательной особенности: куда, собственно, исчезла в его построениях эволюция капиталистического хозяйства? Эволюция капитализма происходит в двояком направлении: во-первых, совершается органическое интенсивное развитие системы в форме перерастания ее из одной исторической фазы в другую (торговый капитализм, ранние стадии промышленного капитализма, его развернутые отношения, финансовый капитализм); во-вторых, совершается экстенсивное расширение господства капиталистического способа производства (превращение натурального хозяйства в простое товарное, последнего — в капиталистическое, образование новых крупных капиталистических центров в мировом хозяйстве, их взаимодействие с уже сложившимися узлами капиталистической культуры). Обе эти линии эволюции взаимно переплетаются между собой и в каждый данный период резюмируют некоторую качественно определенную ступень развития капитализма. Если взглянуть на этот процесс под углом зрения нормальных цикловых оборотов общественного капитала, то окажется следующее. Непосредственно сомкнутые ходом исторического развития хозяйственные циклы дают с внешней стороны лишь однообразное — в общем и целом — повторение экономических и социальных явлений. Но это периодическое воссоздание формально сходных комбинаций и аналогичных конъюнктурных ситуаций всякий раз застает капитализм уже на ином этапе его общей эволюции. Регулярное возвращение однозначных фаз отнюдь не говорит о монотонном вращении капиталистического хозяйства в круге одного и того же диаметра. Воспроизводится в каждое следующее десятилетие не та же ступень капиталистического развития, но лишь подобный прошлому десятилетию тип колебания экономических элементов на новой высшей ступени исторической динамики. Каждый цикловой оборот повторяет одни и те же фазы на неповторимом уже больше уровне общего развития системы. Форма внутреннего ритма процесса сохраняется, но ступень развития самой формы хозяйства уже не возвращается никогда. Больше того. Если форма динамики постоянно сохраняется, то означает ли это, что она сама не претерпевает

[1] Хорошо показана дефектность этой части конценции Кондратьева в статье Богданова В., К вопросу о закономерности капиталистического развития («Под знаменем марксизма», 1928, № 6).

никаких количественных и качественных изменений в своей структуре? Конечно, нет. Циклическая фигура движения капиталистического процесса не означает: 1) ни полной всесторонней схожести в строении всех циклов; 2) ни одинаковой интенсивности течения однозначных фаз; 3) ни равной продолжительности времени завершения циклового оборота.

Если бы Кондратьев поставил своей целью исследовать, каким образом в различные исторические периоды в одной и той же стране или в один и тот же период в различных странах меняется в количественном и качественном отношениях структура цикла под влиянием общей поступательной динамики капитализма данной страны и отражения на ней хозяйственного развития других стран — это была бы крайне благодарная научная задача [1]. Но он делает нечто иное. Он не интересуется влиянием общей динамики на конъюнктуру, как форму динамики. Он группирует крупные поворотные моменты в историческом развитии мирового хозяйства, приурочивает их (подчас совершенно искусственно, что облегчается крайней растяжимостью переходных периодов между фазами больших циклов, исчисляемых (периодов) средним числом в 5—7 лет) хронологически к длительным волнам цен и рассматривает все эти эволюционные сдвиги и радикальные исторические зарубки как простые симптомы колебания больших циклов. Эпохальные рубежи в истории капиталистического общества он выдает за периодические переломные моменты длительных конъюнктур. Полная несостоятельность подобного взгляда очень недурно видна из следующего. Кондратьев считает, что капитализм до настоящего времени проделал 2½ цикла. Но о каком территориальном масштабе здесь идет речь? Совершалось ли это циклическое колебание в целом мирового хозяйства, как единый конъюнктурный процесс, или мы имели ряд параллельных конъюнктур в сосуществующих капиталистических странах с известными совпадениями и отклонениями сходных фаз? Насколько можно понять проф. Кондратьева, он склоняется ко второму варианту.

[1] Интересную попытку выяснить влияние общей динамики капитализма на характер и продолжительность цикла сделал американский экономист Frederick Mills. В результате изучения опубликованной американским Бюро экономических исследований капитальной работы, в которой обобщен огромный материал по истории кризисов в семнадцати странах (Thorp and Mitchell «Business Annals», 1927), он приходит к следующему выводу: «Продолжительность промышленных циклов является функцией ступени индустриального развития страны. Характер этой функциональной связи таков, что на ранних ступенях промышленного движения страны средняя продолжительность циклов относительно велика, в период усиленного индустриального и общеэкономического развития она обнаруживает тенденцию к сокращению и, наконец, в период относительной стабильности, которая наступает за эпохой быстрого развития, средняя продолжительность циклов вновь возрастает». Мы далеки от того, чтобы во всех пунктах согласиться как с этими выводами, так и с тем теоретическим объяснением, которое он им дает. Но несомненно, что установка Мильса совершенно правильна: рассматривать изменение характера цикла как функцию общих условий динамики капитализма. Mills F., An Hypothesis concerning the duration of Business Cycles, «Journal of the American Statistical Association», 1926, vol. XXI, pp. 447—457. См. также Mitchell W., Business Cycles, 1927, pp. 412—416.

«Установленные выше большие циклы важнейших элементов экономической жизни имеют международный характер, причем в отношении европейских капиталистических стран периоды этих циклов близко совпадают. На основании приведенных данных можно утверждать, что последнее имеет место и для Соед. штатов. Однако это не мешает думать, что в динамике развития капитализма этой страны и, в частности, в периодах колебания ее динамики, имеются и свои особенности»[1].

Но если большие циклы (подобно малым) неизбежно переживает всякая капиталистическая страна, то непонятно, почему необходимыми предпосылками этих циклов должны быть внешние по отношению к данной национально-капиталистической системе крупные изменения в мировом хозяйстве (усиление роли новых стран, открытие золотых россыпей и т. п.), что констатирует Кондратьев, устанавливая морфологию 2½ циклов. Предпосылки длительных подъемных волн должны ведь автоматически и спонтанейно воспроизводиться все снова и снова внутренним ходом экономического развития каждой страны, поскольку эти волны являются наряду с малыми циклами органической формой динамики капиталистического процесса. Если бы даже страна была совершенно изолирована от мирового хозяйства, то кругооборот воспроизводства общественного капитала не мог бы не создавать периодически внутренней игрой собственных сил условий смены фаз большого цикла, так как подобная смена имманентно вытекает, по Кондратьеву, из природы капиталистического хозяйственного процесса. Раз Индия, напр., решительно вступила на путь капиталистического развития, то она с естественной закономерностью должна переживать большие циклы конъюнктур, хотя никогда уже больше не повторится та цепь явлений, которая сопутствовала динамике «длительных циклов» Англии, Франции и Соед. штатов — промышленный переворот, постройка железных дорог на европейском континенте, открытие мощных золотых россыпей в Австралии и Южной Африке и т. п. И если внимательно продумать концепцию Кондратьева, то видно, что он, сам того не сознавая, колеблется между двумя полюсами. С одной стороны, он рассматривает большие циклы как органическую форму динамики капиталистического процесса и — как мы увидим ниже — пытается обосновать ее закономерность теоретическим анализом абстрактной модели капиталистического хозяйства. С другой, он представляет их как последовательные главы процесса исторического расширения мирового рынка, не понимая, что речь должна итти, следовательно, не о регулярно повторяющихся колебаниях, не о цикличности, как форме динамики, а о крупных этапах динамики капитализма в процессе его неравномерного распространения на всю поверхность земного шара.

На этом последнем обстоятельстве необходимо несколько остановиться, ибо здесь завязан корень всех ошибок проф. Кондратьева.

[1] Ibid., p. 37.

Н. Суханов в своей беглой критике концепции больших циклов совершенно правильно подчеркнул путь, по которому должно направиться исследование проблемы. Надо ставить вопрос не о «больших циклах», а о том, «какие темпы развития производительных сил были свойственны отдельным периодам развития капитализма» [1].

Крайне интересен ответ Н. Кондратьева на это замечание.

> «Но позвольте, ведь смена темпов по вашему же определению и есть смена конъюнктур? Значит, вы не только не отрицаете, а даже сами рекомендуете поставить проблему о смене конъюнктур по различным периодам и притом не оговаривая длительности последних? И если ограничиться пока постановкой вопроса и не касаться методов исследования и выводов, то чем же ваша постановка отличается от моей? Ведь я именно и исследую смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма» [2].

Это маленькое «контр-возражение» очень ясно оголяет корень ошибок автора теории больших циклов.

В самом деле. Ведь спор идет вовсе не о том, одинаков ли в капиталистической стране за каждое десятилетие средний темп расширения производительных сил, выведенный путем сглаживания подъемных и депрессивных темпов приходящегося на это десятилетие обычного торгово-промышленного цикла. Нет никакого сомнения, что эти выглаженные средние десятилетние темпы не однозначны и дают в одни исторические периоды более высокую норму, в другие — менее высокую. Вся суть проблемы в следующем: является ли это изменение средних десятилетних темпов циклическим процессом, в котором длительные повышательные и понижательные волны автоматически сменяют друг друга в каждой капиталистической стране, или же экономическая сущность наблюдающейся неравномерности развития носит совершенно иной характер? Мы утверждаем следующее: не в том центральная ошибка Кондратьева, что он выставил положение о неодинаковости темпа роста производительных сил капиталистических стран в различные исторические периоды. Ошибка его в том, что он думает, будто эта неодинаковость выражает собою регулярную смену длительных конъюнктурных фаз. Задавшись целью «исследовать смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма», он, исходя из обманчивой циклической видимости движения «больших волн цен», приписал неодинаковости темпа динамики материальных производительных сил механизм конъюнктурного ритма. Но тем самым он — как это ни покажется странным — полностью прошел мимо действительно существующей проблемы, разрешение которой надо искать в иной плоскости и связать с специфическим законом неравномерности капиталистического развития.

[1] «Плановое хозяйство», 1926, № 4, стр. 160—161.

[2] «Плановое хозяйство», 1926, № 8, стр. 169.

В другом месте[1] мы попытались вскрыть основные факторы закона неравномерности капиталистической динамики, проявляющегося в неодинаковости темпа роста общественных производительных сил. Здесь не место останавливаться на положительном анализе этой сложной теоретической проблемы. Важно лишь подчеркнуть следующее. В свете этого закона становится абсолютно ясным, что речь идет не о «полувековой смене конъюнктур», не о циклах, а об *этапах* скачкообразного распространения капитализма в целом мирового хозяйства и образования новых центров капиталистической промышленности, деформирующих фактом своего появления и роста характер и темп развития прежних хозяйственных центров капиталистической культуры. Но Кондратьев совершенно не понимает всей сложности действия механизма закона неравномерности экономического развития при капитализме. Смутно сознавая, что существует какая-то неравномерность роста капиталистического производства в различные периоды для одной и той же страны и в одинаковые периоды для различных стран, он в насквозь искривленном виде отображает этот факт своей идеей регулярной ритмической смены темпов хозяйственной динамики через двадцатипятилетние в среднем интервалы. Структура неосознанного им явления носит совершенно иной характер. В действительности происходит не циклическая повторная *смена* высоких и низких темпов динамики через многолетние промежутки времени, а последовательное *изменение* быстроты капиталистического развития страны, по мере достижения определенного уровня промышленного роста и модификации характера связи с мировым хозяйством. Но так как Кондратьев рассматривает этот процесс *по аналогии* с процессом чередующихся нормальных фаз кон'юнктуры, то вся его концепция становится — как мы видели выше — в безвыходное противоречие с фактами при попытке доказать согласованную мирохозяйственную смену темпов динамики материальных производительных сил[2] в разграниченные им исторические периоды. Не умея правильно проанализировать экономического содержания того впечатления неравномерности темпа развития производительных сил, которое непосредственно складывается у исследователя в процессе изучения истории капитализма, он ошибочно *подставляет* под это впечатление круг идей, отражающих совершенно *иные* по своей природе экономические явления.

Извратив действительный ход вещей, Кондратьев не только *отрывает* процесс циклических колебаний от общей динамики капитализма, но превращает крупные *ступени* этой динамики, резюмирующие поворотные моменты процесса неравномерного расширения капитализма, в переломные грани длительных фаз конъюнктуры. К сожалению, история не расположила этих моментов настолько

[1] Герценштейн, А. «Теория капиталистического рынка», 1928 г., гл. VI.

[2] На это обстоятельство *несовпадения* колебания мирового производства с колебанием длительных волн цен указывает и В. Базаров в своей книге «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР». 1927 г., гл. VI.

симметрично, чтобы они несколько больше напоминали правильность периодических циклов. Но здесь Кондратьеву на помощь приходит факт неодинаковости периодов длительности малых циклов и косвенно облегчает задачу представить различные этапы эволюции мирового хозяйства, как симптомы больших цикловых оборотов.

В своей остроумной статье по поводу «больших циклов» Н. Суханов отчасти уже указал Кондратьеву на эту принципиальной важности ошибку. Кондратьев тогда же возражал Суханову и в вышущенной новой книге авансом парирует удары критиков. Он пишет:

> «...В условиях капиталистической системы хозяйства динамика этого хозяйства вовсе не исчерпывается ни теми колебательными процессами, о которых я буду говорить, ни теми колебательными процессами, о которых существует уже обширная литература, т.-е. торгово-промышленными циклами, сезонными колебаниями и т. д. Я знаю, что динамика этого хозяйства проявляется также в процессах эволюционного хозяйства. Кажется, в прошлом году здесь же в Институте (Ранион'е. — А. Г.) мне пришлось делать доклад на тему «Понятие экономической статики, динамики и конъюнктуры». Тогда уже я пытался провести разграничение между процессами развития, обладающими известным направлением, и процессами колебательного конъюнктурного характера, не обнаруживающими какого-либо определенного направления... В данном докладе я вовсе не рассматриваю вопроса о соотношении между указанными двумя типами процессов. Это не значит, будто я думаю, что процессы развития идут сами по себе, и колебательные процессы сами по себе, что они даны в действительности раздельно и независимо. Моя мысль иная. Процесс реальной динамики один. Но он не прямолинеен, он не представляет из себя простой восходящей линии. Наоборот, он совершается неравномерно, толчками, колебаниями. Только в порядке исследования и анализа мы можем, идя по пути, обычному для науки (если она задается аналитической задачей), сосредоточить свое внимание или на процессах общего развития, или на стадиях и формах этого развития, или, наоборот, на колебательных процессах. Став на этот методологический путь, в дальнейшем мы можем, уже не оговариваясь всякий раз о существовании эволюционных тенденций, исследовать колебательные процессы... Я думаю, что эти оговорки в достаточной мере избавят меня от недоразумений в дальнейшем» [1].

К сожалению, мы не можем оправдать этой приятной надежды проф. Кондратьева, прежде всего потому, что само его заявление является «недоразумением» в центральной своей части. А именно: принципиально неправильно исследовать **только** колебательные процессы, **только конъюнктуры**, независимо от процессов общей динамики в их эволюционных трансформациях. Дело не в том, что проф. Кондратьев должен на каждом шагу повторять, что он

---

[1] Ibid., стр. 6.

помнит об эволюционных процессах. Этого от него никто не требует. Дело в том, что, помня об общей эволюции капитализма, необходимо исследовать цикловые обороты, на оси органического трансформационного процесса в развитии современного капитализма. Сознательное ограничение тематики научного анализа выявлением ритмических зигзагов различных элементов и категорий нисколько не освобождает исследователя от необходимости постоянно протягивать нити к структурным этапам капитализма в каждый данный период. На недопустимость одностороннего изолированного анализа конъюнктурных колебаний вне связи с общей динамикой Кондратьеву указывал уже по другому поводу Н. Осинский [1]. Но Кондратьев предпочитает и в настоящее время продолжать свой порочный методологический путь. Неудивительно, что общая эволюция капитализма частью вообще вычеркнута из его построений (ранние ступени промышленного капитализма, развернутый промышленный капитализм, монополистический капитал), частью (мирохозяйственная экспансия) растворилась в ритмических конъюнктурных изгибах хозяйственного процесса. Вместо того, чтобы исследовать, как менялся эволюторный темп развития капитализма в смежные исторические периоды и как влияют последовательные стадии вековой динамики капитализма на характер его обычных конъюнктур в разных странах, он рассматривает генеральные вехи эволюции капиталистической экономики, как внешние показатели периодической смены многолетних фаз цикла. Неповторимые исторические комбинации (промышленный переворот в Англии, прорыв индустриального капитализма в европейский континент, выступление Соед. штатов, России и Индии, как основных поставщиков аграрных продуктов, открытие мощных золотых россыпей и т. п.), знаменующие собою коренные изменения в общих условиях мирового рынка и соотношениях между его составными территориальными секторами, отражаются в концепции Кондратьева как проявления больших циклов конъюктуры, управляемых, как мы увидим ниже, особым внутренним механизмом накопления и истощения ссудных денежных капиталов [2].

Исторические периоды он классифицирует, как периодические циклы. Но в действительности структурные мирохозяйственные сдвиги, приходившиеся на разграниченные им интервалы различным — подчас противоположным — образом отражались на росте материальных масс продукции разных стран, и, следовательно, движение капиталистического процесса воспроизводства в соответствующие отрезки времени ни с национальной, ни с мировой точки зрения не обнаруживало типичной для конъюнктурной динамики смены темпов. Действительная

[1] Осинский, Н. Мировое хозяйство и кризисы, 1925, стр. 12 и далее.

[2] Прямо удивительно, как Кондратьев не замечает всего этого. С одной стороны, он заявляет, что в своем анализе «больших циклов» он отвлекается от явлений эволюционного порядка. Но, с другой стороны, он рассматривает эти явления, как выражение «больших циклов». Ибо что такое, в самом деле, все отмечаемые им факты технического переворота, роста мирового рынка, появления новых капиталистических стран и т. п., как не феномены общеэволюционного порядка?

проблема неравномерности развития капитализма и отражения этой неравномерности на хозяйственной динамике различных стран оказалась даже незатронутой в построениях Кондратьева. Зато капитализм как растущая, трансформирующаяся и отмирающая система исчез: осталась периодическая смена больших циклов наподобие вращения махового колеса в безвоздушном пространстве.

Вот почему на всей концепции Кондратьева так ярко лежит печать апологетизма. Если исследователь не только изучает конъюнктуру *вне* влияния на нее последовательных ступеней общей эволюции капитализма, но пытается представить различные эпохи эволюции мирового рынка, как простые фазы циклов, то для него капитализм всегда останется абсолютно тождественным самому себе, неизменным, качественно одинаковым, не знающим ни структурных организационных перерождений, ни усложнения препятствий для своего движения по мере разрастания в масштабе мирового хозяйства. Быть может, нигде этот апологетический подход не сказался так сильно, как на оценке современного состояния мирового хозяйства. Научная щепетильность проф. Кондратьева настолько велика, что он не решается заявить сколько-нибудь определенно об *упадке* капитализма. Он квалифицирует переживаемую нами стадию в мировом хозяйстве как «вероятную (!) понижательную волну». Но это пустая фраза, в которой молча постулируется продолжение нормального капиталистического развития. В чем качественная особенность, своеобразие, неповторимость *современного* этапа эволюции капитализма? Отличается ли чем-либо *эта* понижательная волна от той, которая, по мнению Кондратьева, имела место с 1873 по 1896 г., или от той, которая приходилась на эпоху 1815—1850 гг.? Как в аспекте больших циклов понять, например, современное экономическое положение Англии, которая ущемлена могучим натиском Соед. штатов на арену мирового хозяйства, прогрессивной индустриализацией колониальной периферии и обособлением СССР как самостоятельного хозяйственного комплекса? Если Англия свыше ста лет назад (после наполеоновских войн) также стояла под знаком депрессивной волны — «большого цикла», как думает Кондратьев, — то означает ли это, что общее хозяйственное положение и перспективы индустриального движения этой страны *одинаковы* в обе эти эпохи? Ведь колебания индекса товарных цен и процента по долгосрочным помещениям ссуд, отклонения добычи угля и производства чугуна от сконструированного плавного уровня происходят в настоящее время *аналогично* — в общем и целом — тому, как это происходило сто лет назад. Но можно ли, за этим внешним *сходством* геометрической расположенности точек конъюнктурных кривых, не видеть диаметрального качественного *различия* экономической ситуации страны тогда и теперь? Проф. Кондратьев ответит нам: он знает, что мирохозяйственные позиции Англии глубоко иные сейчас, чем в начале прошлого века. Еще бы! Кто этого не знает? Но ведь, исходя из его концепции, надо делать тот вывод, что мы имеем не бесповоротный надлом и органический кризис всей системы английского капитализма, а просто периодически наступившую депрессивную

полосу конъюнктуры, которая автоматически сменится мощной очередной подъемной волной большого цикла...

Под углом зрения концепции больших циклов конъюнктуры никогда не видно итогового уровня развития капитализма к концу одного периода и началу другого. Капитализм не имеет возраста[1]. Не чувствуется, как прошлое капитализма давит на его настоящее, затрудняет и осложняет всякий раз ход поступательного движения. Подъем цен означает высокую волну, падение — низкую, хотя в действительности один и тот же индекс цен в различные эпохи может репрезентировать разные экономические ситуации. Изощренным методом математической статистики измеряется степень отклонения производства различных продуктов от плавного векового уровня, независимо от ступени промышленного роста данной страны и ее положения на мировом рынке. Совершенно вычеркнуты процессы нивеллировки уровня экономического развития различных стран, периодического срыва этой нивелировки стихийным установлением нового соотношения мирохозяйственных сил, прогрессивного умножения противоречий, конфликтов, потрясений, препятствий воспроизводства и накопления общественного капитала, сужения мирового рынка по мере разрастания капитализма. Всей войны и революции рассматриваются как функции конъюнктуры и вынесены за одни скобки, независимо от того, идет ли речь о национальных или империалистических войнах, буржуазных или социалистических революциях. Особенность, своеобразие, специфичность последовательных периодов эволюции капитализма стерты. Спектор качественно различных эпох превращен в цепь автоматических цикловых оборотов полувековой продолжительности. Система каждые полвека благополучно завершает свой крупный цикловый оборот и регулярно возвращается к исходным пунктам следующей длительной подъемной фазы. Структурное развитие растворилось в автоматическом конъюнктурном колебании между высшими и низшими точками индекса цен, производства угля и добычи... свинца.

Выше мы видели, в каком антагонизме находится концепция Кондратьева с указанными нами фактами капиталистической эволюции. Но Гейне был, конечно, тысячу раз прав, когда он говорил, что фактами можно только сражаться, но не побеждать. Попытаемся поэтому взвесить и оценить то теоретическое объяснение, которое выдвигает Кондратьев в защиту своей идеи больших циклов конъюнктуры.

IV

В своих предшествующих работах проф. Кондратьев ограничивался статистическим анализом и эмпирическими обобщениями, но не развивал теории больших циклов. Лишь в этой последней книге

[1] См. в связи с этим очень интересную статью В. Зомбарта «Wandlungen des Kapitalismus» в Weltw. Archiv, 1928. October.

он пытается, наконец, сообщить своей научной конструкции логическую законченность, замкнув ее теоретическим звеном. Теперь мы крайне заинтересованы в том, каково предполагаемое Кондратьевым объяснение несуществующих в экономической действительности конъюнктурных колебаний длительной продолжительности.

Уже самое поверхностное знакомство с выдвинутой теорией жестоко нас разочаровывает. Совершенно несомненно, что теория конъюнктуры, объясняющая объективную закономерность ритмического движения капиталистической кривой, должна иметь своей необходимой научной основой теорию воспроизводства совокупного общественного капитала. Теория воспроизводства общественного капитала сводит к простейшему выражению те отношения и зависимости, на основе которых происходит возмещение и расширение составных частей производственного капитала, с одной стороны, возмещение и расширение потребительского фонда различных классов капиталистического общества — с другой. Вне теории воспроизводства нет обоснованной теории цикла. Теория воспроизводства формулирует: 1) основные типовые связи между составными элементами хозяйственного процесса и 2) обусловливающие возможность равновесия центральные пропорции в их строгом количественном выражении. В свою очередь теория цикла рассматривает процесс воспроизводства общественного капитала в его спиралевидной динамике и стремится установить, каким образом автоматически повторяющиеся внутренние изменения в соотношении хозяйственных пропорций необходимо обусловливают периодическую смену однозначных конъюнктурных фаз. Величайшая заслуга Маркса в области теоретической экономики заключается, между прочим, в том, что он с исключительной силой творческой сосредоточенности развернул теорию воспроизводства общественного капитала, исходя из основных посылок своей научной системы. Конечно, проф. Кондратьев вовсе не обязан опираться в своем анализе именно на марксову теорию воспроизводства. Он мог воспользоваться какой-либо другой теорией воспроизводства, если таковая, конечно, где-либо имеется. Он мог, наконец, выдвинуть свою собственную теорию. Вся беда заключается в том, что он вообще о б х о д и т центральную проблему воспроизводства капитала и строит теорию цикла без предварительного уяснения законов кругооборота, возмещения и накопления общественного продукта. Правда, как бы чувствуя всю шаткость теории цикла, воздвигнутой без крепкого фундамента теории воспроизводства, он заимствует несколько тощих идей хозяйственного равновесия из научной сокровищницы А. Маршалла. В своих Principles. Маршалл, объясняя процесс ценообразования в капиталистическом хозяйстве, подчеркивает необходимость учесть длину периода, в течение которого устанавливается цена на данный товар. Он выдвигает идею трех периодов: 1) очень короткие (напр., один день), когда рыночное равновесие устанавливается мгновенно, и предложение товаров неспособно к расширению, так как товарный запас представляет собой устойчивую величину; 2) периоды средней продолжительности, когда производство может

несколько расширяться в ответ на возросший спрос, но границы этого расширения связаны старым фондом основного капитала и наличной квалифицированной рабочей силы; 3) длительные периоды, в течение которых производство данного продукта может значительно расширяться с помощью создания нового основного капитала и новых кадров квалифицированной рабочей силы. Исходя из того, что эластичность производства в различные периоды неодинакова, Маршалл стремится определить влияние спроса при каждом из трех вариантов на складывающийся уровень цен. Нам сейчас нисколько не интересны выводы Маршалла в области теории цен. Нам важно лишь выяснить, какое значение имеет эта идея в общей теории цикла проф. Кондратьева. Насколько можно понять (см. стр. 57—61 его книги), эта скудная конструкция призвана заменить в его учении теорию воспроизводства общественного капитала. Но подобная замена по меньшей мере смешна. В маршалловской конструкции мысль совершенно не проникает в круг функциональных зависимостей между различными элементами общественного производства (производство и потребление, товарный продукт и деньги, внутренняя структура пропорциональностей капиталистической системы и т. п.), но ограничивается лишь внешними поверхностными связями в их непосредственном рыночном выражении. Мы вскоре увидим, как отрицательно отражается на всей цепи построений проф. Кондратьева этот кардинальный изъян его концепции — отсутствие обобщающей теории воспроизводства и накопления общественного капитала.

Предлагаемая проф. Кондратьевым теория большого цикла (он называет ее «первой гипотезой») состоит из двух центральных идей: 1) идеи периодического накопления и истощения свободных ссудных капиталов и 2) идеи своеобразия кругооборота различных видов общественного основного капитала. Какое содержание вкладывает он в каждую из этих составных идей, и в какой связи находятся они в его теоретическом представлении?

Материальной подкладкой повышательной волны большого цикла является радикальное обновление и расширение тех частей общественного основного капитала, которые, в силу своей массовидной конструкции и длительной службы, должны воспроизводиться лишь через очень значительные промежутки времени. Сюда относятся каналы, железные дороги, мелиорации, очень крупные постройки и т. п. Действительно ли относительная продолжительность кругооборота этой части основного капитала по сравнению с более быстро обращающейся частью — машинами и инструментами — создает необходимость движения капиталистического процесса в форме больших циклов, существующих на ряду с малыми, — это мы проверим в дальнейшем при анализе второй составной идеи концепции больших циклов — своеобразия воспроизводства различных видов основного капитала. На данной ступени нашего критического анализа займемся разбором того двигательного механизма, который, по мнению Кондратьева, управляет динамикой большого цикла, то создавая возможность

расширенного воспроизводства крупных масс основного капитала (повышательная волна), то ставя этому процессу воспроизводства объективные предельные границы (понижательная волна). Таким общим механизмом ритмической динамики капиталистического процесса является периодическая смена накопления и истощения ссудных капиталов.

В период понижательной волны большого цикла «в различных слоях» капиталистического общества накапливаются (под влиянием различных причин, о которых речь ниже) многочисленные мелкие сбережения. При деятельном посредстве кредитной системы (банки и биржи) преодолевается рассеянность этих накоплений и постепенно осуществляется необходимая для их активного производительного использования компактная централизация. Прогрессивное движение этого процесса оказывает понижательное влияние на норму заемного процента и стимулирует тем самым предпринимательство. Достигнув через 15—20 лет «значительных размеров», накопленный денежный капитал устремляется в производство в качестве расходного фонда по сооружению крупных и длительно-функционирующих материальных сооружений. Однако, с начала повышательной волны постепенно ослабевает действие тех причин, которые в предшествующие десятилетия способствовали успешной аккумуляции несвязанных денежных ресурсов. Таким образом, в то самое время, как стремление предпринимателей к инвестированию безгранично, фонд, за счет которого совершается инвестирование, внутренне ограничен. Спрос на ссудный капитал имеет неотвратимую тенденцию обгонять предложение.

«Кривая этого спроса по своему уровню чем дальше, тем более начинает приближаться к уровню кривой накопления и затем превышать последний... Тем самым создаются необходимые предпосылки для общего перелома кривой конъюнктуры к понижению. Прежний темп инвестирования в капитальные сооружения падает. Активность всей хозяйственной жизни сокращается, цены понижаются» [1].

Всякий, сколько-нибудь знакомый с историей разработки проблемы кризисов, уже вспоминает, конечно, кому действительно принадлежит авторство этой теории. Перед нами — механически перенесенная на «большие волны» конъюнктур известная концепция Туган-Барановского о движущих силах циклического процесса. С легкой руки проф. Кондратьева эта концепция празднует сейчас свою вторую молодость. Но, имеющая хотя бы тень внешней убедительности в применении к обычным колебаниям капиталистического хозяйства, эта теория поистине достигает гротеска при попытке обосновать с ее помощью неизбежность циклических оборотов полувековой продолжительности.

В основе этой теории лежат две принципиальные ошибки. С одной стороны — непонимание механики образования ссудных капиталов, с другой — неправильное представление о взаимоотношении ссудного

---

[1] Ibid, стр. 63.

и производительного капиталов в процессе их движения. В связи с этими двумя ошибками мы выдвигаем два вопроса.

1. Действительно ли именно в период депрессии совершается особенно напряженное массовое образование свободных капиталов, годами резервирующихся в каналах кредитной системы, образуя необходимый предпосылочный фонд разворачивания подъемной волны, на протяжении которой нового формирования ссудных капиталов в основном уже не происходит?

2. Действительно ли кризисный перелом капиталистического цикла обусловлен обнаруживающимся будто бы к концу подъема исчерпанием предварительно аккумулированных ссудных ресурсов?

Начнем с первого вопроса. Он распадается на следующие три подвопроса: 1) за счет каких источников происходит, по мнению Кондратьева, усиленное накопление денежного капитала, превращаемого в ссудный в период депрессии; 2) действительно ли в период промышленного подъема предложение ссудного капитала ограничено накопленным в период депрессии фондом, и новых ссудных капиталов за счет тех или иных источников не создается; 3) где хранятся в течение 20—25 лет понижательной волны огромные массы свободных капиталов, должные достигнуть будто бы таких «значительных размеров», чтобы создать возможность перехода к расширенному материальному воспроизводству?

По мнению Кондратьева, усиленная аккумуляция капитала в период депрессии большого цикла идет, «во-первых, за счет тех слоев и групп населения, которые имеют фиксированные доходы и выигрывают на понижательной тенденции цен. Она идет также за счет сельского хозяйства»... в силу того, что обычно «сельское хозяйство испытывает более глубокую депрессию, сельскохозяйственные товары быстрее падают в цене, чем промышленные, и их покупательная сила относительно понижается. Это служит благоприятным условием для относительного усиления процессов накопления и аккумуляции капитала в руках промышленности, торговли и банков» [1].

Итак, речь идет о вызванном ценовыми сдвигами *перераспределении* различных видов дохода в пределах относительно уменьшающейся по своей величине (об этом Кондратьев не упоминает ни слова) в силу сокращения масштаба воспроизводства общей суммы национального дохода. В дальнейшем мы укажем, насколько вообще принципиально ошибочно связывать границы расширения общественного производства фондом предварительно накопленных ссудных капиталов. В настоящий момент, однако, нас интересует исключительно проблема образования ссудных капиталов в народном хозяйстве. И мы утверждаем, что надо иметь крайне странное представление о размахе процесса перераспределения общественного дохода и никакого представления о других источниках образования ссудных капиталов, чтобы выдвинуть этот процесс на первый план и приписать

---

[1] Ibid., 64—65.

ему решающее значение в динамике капиталистического цикла. Почему Кондратьев думает, что образование ссудных капиталов идет исключительно за счет процесса перераспределения доходов, и что это образование совершается в основном только в процессе депрессии, а не в процессе подъема? [1].

Если схематически зафиксировать источники образования ссудных капиталов в общественном хозяйстве, то получится следующая таблица:

I. Капитальные суммы, временно высвобождающиеся из кругооборота промышленного и торгового капитала в силу тех или иных причин:

а) амортизации основного капитала;

б) изменения периода обращения;

в) капитализации прибыли в целях последующего расширения производства.

II. Различные виды доходов, выпадающие за пределы кругооборота капитала, уходящие или в сбережение или в текущее потребление, по времени принимающие форму ссудного капитала:

а) прибыль различных групп капиталистов;

б) заработная плата;

в) доходы «третьих лиц» (рантье, служилый класс и др.).

III. Кредитная эмиссия банков, создающая добавочные покупательные средства сверх имеющихся у них пассивов.

IV. Доходы некапиталистических производителей, либо временно помещенные в капиталистической кредитной системе, либо притекающие в нее в силу многосторонней эксплоатации капиталом некапиталистической среды [2].

---

[1] В заключительном слове по докладу проф. Кондратьев упоминает совершенно мимоходом и о банках как источниках накопления ссудного капитала. Однако, это банковское накопление он мыслит себе как результат того, что процент понижается медленнее, чем уровень цен, т. е. как один из видов процесса перепроизводства. Иных методов банковского накопления не видит. С другой стороны, он считает, что процесс накопления свободных ссудных капиталов захватывает и начальный период повышательной волны. Но это указание не имеет в его концепции какого-либо существенного значения, ибо дело опять-таки сводится к перераспределению доходов в пользу класса предпринимателей, постепенно замирающему с ростом уровня цен.

[2] Ср. Трахтенберг И., Теория современного кредита, «Социал. хозяйство», 1927, кн. V—VI. Несомненной заслугой Гана и Шумпетера мы считаем то, что они основательно потрясли установившиеся традиционные предрассудки, будто банковский кредит ограничен размером предварительно привлеченных банками средств. Но это не значит, конечно, что кредитный номинализм сам не должен быть подвергнут по целому ряду пунктов принципиальной критике. Последняя только начинает разворачиваться в марксистской литературе. См. Козлов Г., Реальный и денежный капитал, «Плановое хозяйство», 1926 г., № 9. Атлас, З. Роль кредита и границы кредитной экспансии при капитализме, «Под знаменем марксизма», 1928 г., № 2 и 3. Михалевский Ф., Теория кредита Шумпетера и Гана, «Вестник Ком. академии», 1928 г., 26 (2). Выгодский С., Теория кредита Гана, «Социал. хозяйство», 1928 г., кн. II.

Здесь не место анализировать изменение силы действия каждого из перечисленных источников в различных фазах капиталистического цикла. Важно следующее: если даже оставить пока в стороне тот безусловно неправильный взгляд, что возможность расширения производства зависит от наличия ссудного капитала, то ведь Кондратьев не доказал, что в период подъема образование ссудных капиталов не может происходить быстрее, чем в период депрессии, и тем самым обусловить (с его точки зрения) безграничность расширенного материального воспроизводства. Больше того. Он не только не доказал этого, но, сведя весь многосторонний процесс образования ссудных капиталов к относительно второстепенному процессу перераспределения доходов при депрессии, вообще представил дело так, будто в фазе подъема нет формирования ссудных капиталов, поскольку повышение уровня цен постепенно ликвидирует действие указанного источника «свободного» капиталообразования. Но такой взгляд крайне неправилен. В основе процесса образования ссудного денежного капитала лежат различные по своей природе явления. «Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд» (Маркс). Но экономические процессы, в результате которых деньги временно принимают форму ссудного капитала, носят самый разнообразный характер. И если неправильно думать, что образование ссудного капитала всегда совпадает с накоплением производительного капитала, то столь же неправильно представлять, будто эти два процесса лишь противоположны по своему направлению.

Но может быть проблема образования ссудных капиталов в различных фазах промышленного цикла разрешается просто ссылкой на то, что спрос на ссудный капитал при подъеме имеет тенденцию обгонять предложение, а при депрессии — обратную тенденцию? Это положение представляется на первый взгляд очень убедительным, но в действительности оно не выдерживает критики по двум причинам.

Во-первых. Мы ставим вопрос не об изменении соотношения спроса и предложения на денежном рынке в различных фазах цикла, а об изменении интенсивности образования ссудных капиталов в динамике цикла. Если интенсивность спроса на ссудный контроль в выше в фазе подъема, то отсюда еще не следует, что в этом интервале интенсивность притока новых ссудных капиталов на денежный рынок ниже, чем при депрессии, или что этот приток, как думает Кондратьев, прекращается.

Во-вторых. Неправильно думать, будто обнаруживающаяся к концу подъема и особенно в период кризиса тенденция спроса на ссудный денежный капитал обгонять предложение является следствием исчерпания накопленных фондов ссудного капитала. Причиной этой тенденции служит, как мы увидим, совсем иной комплекс экономических явлений.

Таким образом, проблема механики образования ссудных капиталов в различных фазах цикла не раскрыта Кондратьевым. Он совер-

шенно не понял всей сложности этой механики. В его концепции процесс ссудного капиталообразования представлен так : 1) что объем банковского кредитования связан суммой предварительно накопленных пассивов (а кредитная экспансия?); 2) что само это предварительное накопление совершается лишь за счет весьма второстепенного по существу процесса перераспределения доходов (а другие источники?); 3) что формирование ссудных денежных средств имеет место лишь в период депрессии (а при подъеме?).

Но при внимательном критическом анализе оказывается, что и в отношении отмеченного Кондратьевым процесса перераспределения доходов им допущены несомненные ошибки: 1) чрезвычайно преувеличен размах этого процесса; 2) неправильно приравнены результаты перераспределения увеличению аккумуляции ссудных денежных капиталов. В самом деле. Как мы уже говорили, основные источники ссудного капиталообразования по Кондратьеву, это 1) сельское хозяйство; 2) служилый класс; 3) рантье. Но, во-первых, неверно, что покупательная сила продуктов сельского хозяйства всегда относительно сокращалась в зафиксированные Кондратьевым понижательные волны «больших циклов». Покажем это на двух примерах. В течение понижательной волны второго «большого цикла» относительная покупательная сила сельских продуктов в Англии изменялась следующим образом (на 100 единиц сел.-хоз. продуктов приходилось промышленных) 1880—1889 гг. = 100.

Годы [1]	Среднее за год	Годы	Среднее за год	Годы	Среднее за год
1873—1876	95,4	1889—1892	97,1	1905—1908	81,8
1877—1880	105,7	1893—1896	98,7	1909—1912	85,1
1881—1884	102,6	1897—1900	91,7	1913—1916	84,8
1885—1888	96,5	1901—1904	85,9	1917 - 1920	85,6

Мы видим нечто в значительной степени противоположное тому, что утверждает Кондратьев. С 1873 до 1883 года относительная ценность сел.-хоз. продуктов повышается. Она падает устойчиво лишь со второй половины восьмидесятых годов и, что особенно интересно, интенсивность падения усиливается с начала третьей повышательной волны большого цикла (1896 г.). По Кондратьеву же «по крайней мере в п е р в ы й период большой понижательной волны, сел.-хоз. товары сильнее падают в цене, и их покупательная сила относительно понижается» (65).

Возьмем другой пример — Соед. штаты с 1922 года. Mills произвел интересное исследование о динамике послевоенных цен в Соединенных штатах. Его основной вывод следующий: «Цены на сел.-хоз. продукты (в целом) росли в течение шести лет — 1922—1927 гг. — в среднем на 0,73% ежегодно. Цены на сел.-хоз.

[1] Вычислены по данным, приведенным М. Спектатором в статье «К теории аграрных кризисов», «Вестник Ком. академии», 26(2), 1918.

продукты понижались в среднем на 1,77 ежегодно. Чистый результат тот, что покупательная сила сельских продуктов в отношении к несельскохозяйственным повышалась в среднем на 2,55% в год. Эти цифры интересно сравнить с тем, что в период 1896—1913 гг. покупательная сила сельских продуктов возрастала ежегодно на 1%».

Если мы от сельского хозяйства обратимся к другим источникам «усиленной аккумуляции», то окажется следующее. Что касается служилого класса, то вряд ли можно придавать серьезное значение тем накоплениям, которые отпочковываются у этой социальной группы в связи с падением товарных цен. Так как в предшествующий период подъема цен потребление этой группы уменьшалось, и структура его ухудшалась (сокращение потребления эластичных продуктов),

---

[1] Mills F. C., Post War Prices and Pre War Trends, «Journal of the American Statistical Association», March. 1928.

См. также статью Alvin Hansen'a, исследовавшего для С. штатов динамику сельскохозяйственных цен за период 1791—1923. Данные Hansen'a категорически говорят против положения о закономерном падении покупательной силы сельских продуктов в периоды, отнесенные Кондратьевым к понижательным волнам больших циклов (Hansen A., «The Journal of Political Economy», 1925, April.), Опарин Д. также критикует это положение Кондратьева. См. «Большие циклы конъюнктуры», стр. 128—133.

Наша работа уже печаталась, когда в «Archiv fur Socialwissenschaft und Socialpolitik»(60,B.II) появилась новая статья Кондратьева «Die Preisdynamik der industriellen und landwirtschaftlichen Wahren». В этой статье он пытается, между прочим, дать детальный анализ динамики покупательной силы сельских продуктов. Но результат для его теории получается очень неблагоприятный. В самом деле. Оказывается, что тут что ни шаг, то исключение из установленного им закона движения покупательной силы сельских продуктов в различных фазах «большого цикла». Так, например, в Англии эти исключения таковы: а) с 1822 по 1834 г. с.-х. цены относительно повышались, в то время как по теории они должны были понижаться, поскольку этот период времени идет под знаком «понижательной волны большого цикла», b) с 1850 по 1862 г.покупательная сила сельских продуктов понижается, хотя весь этот двенадцатилетний промежуток включен в «повышательную волну второго большого цикла», с) с 1890 по 1900 г. покупательная сила вновь понижается, хотя по теории она должна повышаться. Еще интереснее положение вещей в Соед. штатах. Здесь, по Кондратьеву, отступления от «закона» таковы: 1) с 1802 по 1810 г. понижение покупательной силы с.-х. продуктов; 2) с 1825 по 1838 г. — повышение; 3) с 1870 по 1890 г. опять повышение, хотя все эти двадцать лет продолжается «большая депрессивная волна». Таким образом форма кривой покупательной силы с.-х. продуктов настолько резко (особенно в Соед. штатах) противоречит построениям Кондратьева, что он вынужден специально остановиться на объяснении этого досадного обстоятельства. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на этом объяснении, но суть дела сводится к тому, что Кондратьев ищет в конкретно-исторических условиях соответствующей эпохи те или иные факторы, парализовавшие действие установленного им «закона». Что в тех или иных конкретно-исторических факторах надо искать объяснения динамики уровня цен — это несомненно. Но вся беда в том, что Кондратьев даже не ставит вопроса: каким же образом могли напр. в тех же Соед. штатах происходить «большие циклы», если кривая динамики покупательной силы сельских продуктов становится поистине мертвой петлей для выдуманного им механизма накопления и истощения ссудных капиталов, приводящего будто бы в движение весь большой цикл.

то в период понижения товарных цен эта группа не столько сберегает, сколько расширяет размеры и улучшает качество своего потребительского бюджета. Несколько иначе обстоит дело с рантье. В период подъема цен реальное значение возвращаемой им ссуды с начисленными на нее процентами падает и может даже оказаться ниже первоначально кредитуемой суммы. В период падения цен реальное значение одной только возвращаемой ссуды даже без процентов может превысить номинальный размер ссуды с начисленными на нее процентами. В силу этого в первый период совершается перераспределение дохода с плюсом для класса предпринимателей, а во второй период — с плюсом для класса рантье. Но одновременно с этим действует и другая тенденция, которая ослабляет результат первой. А именно: понижение реального дохода рантье в период подъема цен идет рука об-руку с повышением денежного процента. Наоборот, повышению реального дохода рантье в период падения цен противодействует понижение процентной ставки.

Так обстоит дело с магическим процессом перераспределения дохода в период понижательной волны большого цикла. Впрочем, мы не хотели бы создать впечатления, что центр спора лежит в плоскости этих противоречивых тенденций перераспределения доходов. Если бы мы даже допустили, что процесс перераспределения имеет такой широкий размах и, действительно, влечет за собой превращение всех сумм в резервируемый ссудный капитал, то и тогда, лишь утеряв всякое чувство меры и научного такта, можно было приписать этому процессу такое исключительное значение, как это сделал Кондратьев.

В заключение этой части нашего разбора укажем на одно крайне «пикантное» обстоятельство. Помимо отмеченных выше принципиальных ошибок Кондратьева, имеется еще и такое существенное сомнение: где, собственно говоря, консервируются в течение 20—25 лет образовавшиеся массы ссудного денежного капитала? Неужели они лежат неприкосновенными в банках и сберегательных кассах, дожидаясь, пока накопление достигнет «значительных размеров»? Если это сомнение возникает в отношении к малым циклам, то тем более оправдано оно по отношению к большим. Ни в докладе, ни в заключительном слове Кондратьев не сумел дать сколько-нибудь ясного ответа на этот вопрос. Зато он заявил, что считает «плодотворной» мысль Туган-Барановского о накоплении «свободного» капитала и роли этого накопления. Но вот случилось так, что несколько лет назад автор теории больших циклов написал книжку, посвященную биографии и оценке научного значения Туган-Барановского. В этой книжке он проявил предельную степень пиэтета по отношению к покойному учителю. Однако, изложив тугановскую концепцию накопления «свободных» капиталов, он нашел нужным сделать следующее заявление:

«Спорным представляется одно из самых основных положений теории кризисов М. И., это — учение о накоплении какого-то с в о б о д-

ного, непомещенного капитала: как будто такой капитал когда-либо бывает»[1].

Позвольте! Но как же тогда с убеждением в плодотворности этой идеи? Считаем излишним продолжать комментарии к данному пункту.

Переходим ко второму из поставленных вопросов. Здесь ошибочность концепции Тугана — Кондратьева выступает еще яснее. Действительно ли кризисный перелом промышленного цикла и последующее сокращение масштаба материального воспроизводства обусловлены завершающимся будто бы к концу подъема израсходованием ссудно-денежного капитала? Ни в коем случае. Подобное представление покоится на двух глубоко неправильных положениях: 1) предельные границы расширения общественного производства определяются размером предложения ссудных капиталов и 2) нарастающее стеснение в получении кредита означает постепенное исчерпание резервов денежного рынка.

В самом деле. Даже оставляя пока в стороне второе из этих положений, не является ли насквозь ошибочной мысль о зависимости расширения материального производства от наличного предложения ссудных капиталов, расходуемых промышленными капиталами на производственные цели? Разве процесс превращения ссудно-денежной формы капитала в форму капитала производительного не ускоряет лишь действительно лежащего в основе расширенного материального воспроизводства процесса превращения вещественных элементов прибавочной стоимости в новый реальный капитал? Включение натуральных ингредиентов капитализируемой прибавочной стоимости в производительный оборот составляет внутреннюю сущность роста производительных сил капиталистического хозяйства. Кредит многосторонне форсирует процесс подобного включения путем активизации имеющихся производственных возможностей (отпадение денег для части сделок, замена золотых денег суррогатами, ускорение обращения товаров, антиципация спроса путем кредитной экспансии и т. п. Но не кредит определяет границы расширения производства, а, наоборот, наличные объективные возможности расширения производства (достигнутый уровень роста производительных сил, норма накопления прибавочной стоимости, пропорциональное размещение ее по отдельным отраслям) определяют рациональные границы самого кредита. К этой проблеме мы еще вернемся ниже несколько в иной связи.

Но что означает нарастающее в процессе завершения подъема стеснение получения ссудного капитала?

В общих чертах экономический смысл этого явления заключается в следующем. В начальных стадиях промышленного подъема спрос на ссудный денежный капитал относительно слаб. Это обстоятельство, опрокидывающее, между прочим, взгляд на внутреннюю активную роль

[1] Кондратьев Н., М. И. Туган-Барановский, Пр. 1923. «Колосс», стр. 82 (разрядка моя).

Нетрудно заметить, что продукты, входящие в две последние группы, составляют в совокупности основной капитал[1] народного хозяйства: вторая группа (машины, технические оборудования, инструменты, силовые установки) имеет непосредственное производственное значение, так как принимает прямое участие в материальном процессе производства, а третья — вспомогательно обслуживающее значение, так как лишь косвенно и пассивно участвует в процессе труда.

Первую группу продуктов мы можем сейчас оставить в стороне, так как центр внимания переносится исключительно на фиксируемые Кондратьевым различия условий воспроизводства в пределах общественного основного капитала. Вся оригинальность позиции проф. Кондратьева по данному вопросу заключается в том, что он связывает динамику малых циклов с воспроизводством одних частей основного капитала (вторая группа продуктов), а динамику больших циклов с воспроизводством других частей основного капитала (третья группа продуктов). Предоставим слово самому профессору.

«Конечно, между этими группами товаров и благ нельзя установить точных и неподвижных границ. Это несомненно. Но столь же несомненно и то, что такие группы, хотя бы и с растяжимыми границами, существуют. И если Маркс утверждал, что материальной основой периодически повторяющихся в каждое десятилетие кризисов или средних циклов, является материальное изнашивание, смена и расширение массы орудий производства в виде машин, служащих в среднем в течение десяти лет, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идет не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны кон'юнктуры»[2].

Такова одна из центральных идей концепции проф. Кондратьева. Со своей стороны, мы ставим следующий принципиальный вопрос: дает ли фактическая неодинаковость времени кругооборота составных частей общественного основного капитала материальную опору для двух различных по продолжительности типов циклических колебаний конъюнктуры? Иными словами: действительно ли различие воспроизводства отдельных натуральных элементов общественного основного капитала внутренне обусловливает необходимость двуциклической формы движения капиталистического процесса?

Мы утверждаем, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Кондратьев довел до абсурда очень ценную мысль Маркса о значении основного капитала в динамике капиталистического

---

[1] За исключением конечно рабочей силы, которая по непонятным причинам вынесена за одни скобки с основным капиталом.

[2] Ibid., стр. 61. (Разрядка автора).

цикла. Вдумаемся несколько в существо возникшей здесь теоретической проблемы.

Принципиальная ошибка, допущенная проф. Кондратьевым, заключается в самой попытке доказать имманентную неизбежность д в у ц и к л и ч н о с т и, исходя из различия в периодах кругооборота составных видов основного капитала. В действительности, диапазон сроков службы технического оборудования настолько велик и многообразен, что устанавливать различные типы циклов, опираясь на дифференциацию продолжительности существования различных групп материальных производительных сил, абсолютно неправильно. Нижеследующая таблица достаточно убедительно подтверждает верность высказываемого нами положения [1].

Срок службы различных частей основного капитала

Наименование	Срок службы в годах	Наименование	Срок службы в годах
Массивн. фабричн. здания	от 50 до 100	Машины распилочные	14
Различные постройки	» 50 » 60	» сушильные	25
Трубопроводы	» 30 » 60	» прядильни ткацкие	25
Плотины	» 40	» книгопечатные	40
Кабели	25	Сахарные заводы	5
Паровые котлы	от 15 до 20	Химич. заводы	16
Колодцы и водомеры	20	Машины сельскохоз.	10
Гидравлические прессы	12	Деревообрабат.	33
Железнодорожные пути	6	Металлообрабат.	20
Турбины	50	Пивоваренные	25
Трансмиссии	50	Инструменты	5

Мы видим, что продолжительность существования элементов основного капитала очень разнообразна, и что в своем среднем выражении (15—30 лет) она не соответствует длительности ни больших, ни малых циклов. Далее, оказывается, что некоторые виды машин и орудий служат двадцать—тридцать и более лет, а некоторые крупные сооружения (железные дороги) — значительно меньше. И еще: некоторые виды основного капитала (напр., машины) состоят из неоднородных частей, которые снашиваются в различные сроки и в связи с этим восстанавливаются далеко не одновременно. Наконец, если бы можно было даже установить строгую д в у х ч л е н н у ю схему сроков службы основного капитала, в которой по одну сторону находился бы крупный п р о и з в о д с т в е н н ы й а п п а р а т, а по другую м а ш и н н о-и н с т р у м е н т а л ь н а я с и с т е м а, то и в этом случае оказалось бы, что в различных отраслях народного хозяйства, а в пределах этих отраслей в различных предприятиях каждая из двух групп основного капитала существует на различных ступенях отмирания и, следовательно, неодинаково нуждается в реконструкции. Фактическое многообразие продолжительности существования составных групп материальных производительных сил, совпадение сроков хозяйственной службы различных по своему промышленному назначению видов основ-

[1] В о й т е х о в П. Г., Нормы амортизации и оценка имущества. Гиз. 1923.

ссудного денежного капитала в динамике цикла, подчеркивают не только Маркс и Гильфердинг. На него указывают в своих работах Митчель и Кассель. Основой расширения кредитных сделок является не банковский, а коммерческий кредит.

> «Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны. Ссуженные капиталы суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления, или для возмещения постоянных элементов производительного капитала... Легкость и правильность, с которыми совершается обратный приток капитала в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усиливавшийся спрос, достаточное предложение ссудного капитала и предшествует повышению размера процентов» [1].

Растущий спрос на коммерческий кредит прямо выражает расширение спроса на товары. Границы этого кредита раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства. Балансирование кредитных сделок совершается, с одной стороны, без помощи наличных денег, поскольку агенты процесса воспроизводства взаимно покупают друг у друга товары, и долговые требования движутся, так сказать, по кругу, с другой — при помощи наличных, своевременный приток которых обусловлен беспрепятственностью реализации товаров. Опосредствование коммерческого кредита банковским относительно невелико. В процессе дальнейшего разворачивания цикла банки широко финансируют своими средствами биржевые операции, принимают деятельное участие в расширении производства и обычно интенсивно поощряют грюндерство путем кредитной экспансии. Взглянем теперь на ситуацию денежного рынка к концу подъема и в период разворачивания всеобщего торгово-промышленного кризиса. Несколько схематизируя события, можно формулировать положение вещей следующим образом: a) постепенно проступающее наружу несоответствие между произведенными товарными массами и реальным платежеспособным спросом; b) замедление и осложнение обратного притока авансируемых капитальных сумм; c) обострение необходимости в сводных денежных средствах отнюдь не для новой инвестиции, но для 1) погашения платежей, 2) поддержания производства на ходу, 3) отсрочки продажи товаров по начинающим падать ценам; d) потрясение всей широко развернувшейся в предшествующий период кредитной системы; e) всеобщий натиск на банки в целях получения ссудного денежного капитала не в качестве покупательного, а в качестве платежного средства; f) кредитная рестрикция, обусловленная необходимостью сохранить ликвидность банков удержанием кассовых резервов. Кондратьев утверждает, что на денежном рынке нет средств для дальнейших капитальных инвестиций. Неправда! Это утверждение совершенно расходится с действительно складывающейся к концу подъема ситуацией. Весь торгово-промышленный мир нуждается не в ресурсах для

---

[1] «Капитал», II, стр. 27.

дальнейшего расширения производства, а в наличных деньгах, необходимых для выполнения платежей и обязательств и не могущих быть полученными путем нормальной реализации товаров. Об исчерпании ссудного рынка не может быть и речи, ибо как раз в эпоху кризиса и последующей депрессии совершается усиленное помещение денежных капиталов в твердопроцентные бумаги. Суть дела не в истощении фондов денежного рынка, а в перераспределении ссудных денежных средств из одной формы приложения (акции) в другую (облигации, муниципальные займы). Насколько относителен *избыток* товарного капитала («избыток» не в абсолютном смысле, а лишь по отношению к *данному* состоянию платежеспособного спроса при *данном* уровне товарных цен), настолько же относителен *недостаток* ссудно-денежного капитала («недостаток» в связи с изменением условий помещения ссудного капитала в промышленность и торговлю). *Превышение общественного спроса на свободный денежный капитал как платежное средство над его предложением есть оборотная сторона превышения предложения товарных масс как потенциального денежного капитала над платежным общественным спросом.*

Идея накопления и истощения ссудных капиталов образует один из двух компонентов теории большого цикла. Другой ее компонент — идея о своеобразии воспроизводства и расширения различных составных частей общественного основного капитала. Присмотримся поближе, какую роль играет эта идея в общей конъюнктурной концепции проф. Кондратьева.

Различные составные части общественного продукта значительно отличаются друг от друга как по промежутку времени, требуемого для их производства на данном уровне техники, так и по длине периода, в течение которого они потребляются и снашиваются в хозяйственном процессе. Проф. Кондратьев устанавливает деление вещественных элементов совокупного общественного продукта на три группы: 1) продукты, быстро производимые, скоро потребляющиеся и не требующие значительных капитальных инвестирований для своего созидания (основная масса предметов личного потребления, сырье, вспомогательные материалы); 2) продукты, воспроизводство которых предполагает сравнительно более длительный промежуток времени и связано с более крупными единовременными затратами капитала (преимущественно — различные средства и орудия производства); 3) продукты, характеризующиеся с интересующей нас точки зрения особенно длительным интервалом между двумя смежными периодами радикальной реконструкции, требующие наибольшего по сравнению с предшествующими группами продуктов количества времени для своего созидания и относительно наибольших единовременных инвестиций капитала (крупные постройки, сооружения значительных железнодорожных линий, проложение каналов, фундаментальные мелиоративные сооружения, подготовка кадров квалифицированной рабочей силы и т. п.).

торой является уже не реорганизация старого (как это происходило на последних ступенях депрессии), а создание добавочного основного капитала. Если депрессия характеризуется постепенным уменьшением разности между степенью производственной способности хозяйственного аппарата и степенью его реального использования, то подъем происходит обычно под знаком стремительного увеличения суммы производительных сил народного хозяйства. Возвращаясь к критике Кондратьева, мы повторяем: ударение необходимо ставить на том, что всякий очередной кризис круто ускоряет процесс морального снашивания технических конструкций, дает насильственный внешний толчок переоборудованию, а затем и расширению основного капитала во всех его без исключения составных вещественных частях.

> «Благодаря прогрессу промышленности в средствах труда обыкновенно совершаются постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому являются помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заставляет заменять средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе»[1].

Несмотря на то, что основной капитал еще материально жизнеспособен и технически прочен, он становится в большей или меньшей мере морально негодным и экономически нецелесообразным. Многочисленная шкала нормальных сроков службы и сложившихся к моменту кризиса степеней фактического износа материальных производительных сил принудительно нивелируется мощным действием конкурентного винта, вызывающего процесс всесторонней реконструкции производственного скелета общественного хозяйства. В зависимости от сложившейся ко времени кризиса конкретно-исторической ситуации данной капиталистической страны (достигнутый уровень развития промышленности, положение в мировом хозяйстве, возможность раздвинуть границы спроса путем захвата внешних рынков, конъюнктура в других странах и т. п.), размах и глубина этой реконструкции могут значительно варьировать. Но само явление массовой реконструкции целиком укладывается в динамику обычных перио-

---

[1] «Капитал», 1923, т. II, стр. 143.

дических циклов и вызывается к жизни поворотным моментом цикла — всеобщим торгово-промышленным кризисом[1]. Теоретическая попытка проф. Кондратьева искусственно разорвать единый процесс обновления основного капитала и отнести массовое единовременное воспроизводство одной его части (постройки, транспорт, каналы) к одним периодам, и другой (машинная и инструментальная система) — к другим, должна быть решительно отвергнута по трем причинам: 1) различие сроков службы функционально однородных видов основного капитала не меньше, в общем и целом, чем совпадение сроков службы функционально разнородных видов основного капитала; 2) общественный основной капитал представляет собою не механическую сумму различных групп вещей, а органическую систему, имеющую свою объективную техническую логику, сказывающуюся в том, что воспроизводство одних ее элементов не может происходить независимо от воспроизводства других элементов; 3) послекризисная реконструкция охватывает с большей или меньшей интенсивностью весь производственный аппарат общества, несмотря на многообразные различия в существующих к моменту кризиса масштабах его фактической амортизации.

Но у проф. Кондратьева имеется еще одно ответвление теоретической аргументации в отношении основного капитала. Он считает, что материальной опорой больших циклов является не только восстановление длительно-функционирующих производительных сил за счет накопленных амортизационных сумм, но и создание новых фундаментальных элементов общественного производственного аппарата. Однако, здесь у нас возникает совершенно естественный вопрос: почему эти добавочные производительные фонды долгосрочного характера не могут сооружаться в период подъемов малых циклов? Оказывается потому, что подобного рода процесс требует накопления каких-то «значительных средств» (212).

«Это накопление может иметь частью натуральную форму, частью денежную форму в самом широком смысле слова» (62). Однако, такой ответ абсолютно не выдерживает критики. Очевидно, подобный взгляд связан с общим неправильным представлением проф. Кондратьева о каком-то многолетнем и широком собирании свободных денежных капиталов, которые несколько десятилетий неизвестно где аккумули-

---

[1] В одном месте Кондратьев несколько «смягчает» свою точку зрения. Возражая В. Богданову, он в заключительном слове говорит: «Я утверждаю, что существуют длительно-функционирующие материальные производительные силы. Я утверждаю, что радикальное обновление и расширение их требует значительных средств. Я утверждаю, что это радикальное обновление и расширение идет неравномерно... Наоборот, я не утверждаю, что смена и расширение этих сил идет ровно и только через пятьдесят лет, что в промежуток этого периода нет никакого строительства в этой области»... (Ibid., 212).

Простите, уважаемый профессор, но эта оговорка совершенно не спасает вашей позиции. Частичный ремонт и эпизодическое обновление основного капитала во всех его элементах происходят всегда. Но радикальная смена происходит именно после кризиса, а не после того, как материальные силы отслужат свои пятьдесят лет!

ного капитала и, наоборот, расхождение в сроках службы однородных по своим производственным функциям частей технического оборудования народного хозяйства, наконец, неодновременность степени изнашивания комбинирующих данный вид основного капитала (напр., машину) отдельных натуральных элементов,— все это свидетельствует о том, насколько неправильно на подобном фундаменте строить теорию больших конъюнктурных циклов. Если исходить из различий во времени кругооборота вещественных элементов основного капитала, то нужно было бы говорить не о двуцикличности, а о многоцикличности, приурочивая интервалы каждого типа циклов к периодам средних сроков служб соответствующих частей материальных производительных сил общества. Но такая точка зрения была бы неверна просто потому, что она (как и точка зрения двуцикличности) предполагает, будто общественный основной капитал представляет не единую технически связанную систему, а сумму сосуществующих элементов, движение которых независимо друг от друга в том смысле, что воспроизводство одних (машин и орудий) не предполагает воспроизводства других (железные дороги, постройки, массивные сооружения).

Мы утверждаем, что своеобразие производства и снашивания основного капитала по сравнению с кругооборотом других форм общественного производственного капитала действительно играет существенную роль в динамике капиталистического цикла. Но Кондратьев совершенно не понял сущности связанных с кругооборотом основного капитала экономических процессов в ходе развития цикла и в перевернутом виде представил положение вещей. Обратимся к тому месту «Капитала», на которое ссылается Кондратьев.

«Итак, в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования применяемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом, в десятилетнюю жизнь. Но если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается постоянными переворотами в средствах производства, — переворотами, значительность которых с развитием капиталистического способа производства все возрастает. Отсюда возникает и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному снашиванию задолго до того, как физически отживут свое время. Можно думать, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь в среднем десять лет. Однако здесь дело не в определенном числе. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» [1].

[1] «Капитал», Гиз, 1923. II, стр.158.

Имеется ли в этих словах Маркса реальная опора для той своеобразной позиции, которую занял Кондратьев? Ни в коем случае! Что подчеркивает Маркс в этой цитате? Он утверждает, что периодичность повторяющихся промышленных кризисов связана с воспроизводством общественного основного капитала. Но при этом оказывается: 1) что суть дела вовсе не в определенной цифре, выражающей среднюю продолжительность работы основного капитала; 2) что, несмотря на пестрое многообразие периодов вложения капиталов, связанное, очевидно, с различием длительности воспроизводства составных элементов основного капитала и несовпадением масштабов снашиваемости оборудования в отдельных отраслях и предприятиях, кризис как бы нивелирует эти различия, являясь исходным пунктом нового реконструкционного процесса; 3) что, наконец, ни из чего буквально не видно, будто бы Маркс связал периодичность малых циклов исключительно с условиями воспроизводства машин и орудий труда, как утверждает Кондратьев, а не с условиями кругооборота всего основного капитала общества в целом. Кондратьев умудрился коренным образом исказить мысль Маркса и с поразительной близорукостью прошел мимо самого важного и решающего в динамике промышленного цикла под углом зрения движения материального основного капитала. Ударение надо ставить вовсе не на том, что различные части основного капитала имеют различные сроки продолжительности своего жизненного существования. Важна не техническая многочленность периодов кругооборота различных типов основного капитала, а экономическая однозначность действия всеобщего промышленного кризиса (обычного цикла) на общественное хозяйство.

Именно этого не видит Кондратьев. Всеобщее понижение товарных цен в послекризисный период взвинчивает конкуренцию внутри капиталистического класса и с естественной необходимостью вызывает в среде предпринимателей курс на широкую организацию и рационализацию условий общественного производства. Устарелые части производственного аппарата разрушаются и выбрасываются как негодные. Производство локализируется на наиболее усовершенствованной и передовой группе предприятий. Повышается организация трудового процесса путем усиления интенсивности деятельности рабочей силы. Ускоряются процессы вертикального и горизонтального объединения. Детальным образом выясняются всевозможные улучшения в производстве и нащупываются новые методы технического процесса. Сумма всех этих реорганизационных воздействий создает объективную возможность приспособить издержки производства товаров к пониженным ценам. В дальнейшем ходе депрессии путем сознательного частичного снижения цен в соответствии с сократившимися издержками производства постепенно раздвигаются границы суженного платежеспособного спроса. Опираясь на сдвинутый вверх уровень производительности общественного труда, капиталистам удается оживить рыночный оборот и вслед за тем через механизм цепной связи между отраслями развернуть новую подъемную волну промышленного цикла, материальным стержнем ко-

волны наблюдается широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное с реорганизацией производственных отношений»[1].

Стоит несколько вдуматься в смысл этой формулировки, чтобы обнаружить, что в той своей части, в которой она верна, она нисколько не связана с большими циклами; в той части, в которой проф. Кондратьев стремится связать ее с большими циклами, — она неверна.

Действительно. Эмпирически установлена н е р а в н о м е р н о с т ь прогресса капиталистической техники, обусловленная циклическим характером динамики хозяйственного процесса. Эта неравномерность выражается в относительном повышении эффективности изобретательской мысли и скоплении разнообразных технико-организационных открытий и усовершенствований в депрессивные годы хозяйственной жизни. История технического прогресса и история торгово-промышленных кризисов тесно связаны между собою. Ритмическая динамика конъюнктурных колебаний происходит на оси попеременных толчкообразных изменений социальной техники в широком смысле этого слова. Крутые сдвиги уровня цен вниз сгущают напряженность реконструктивных процессов в послекризисный период и повышают интенсификацию внутренних усовершенствований хозяйственной системы. Это не значит, конечно, что каждая очередная хозяйственная депрессия дает одинаковый прирост технико-организационных улучшений в количественном и качественном отношениях. Элемент случайности в области открытий и усовершенствований остается, несмотря на то, что давно миновала эпоха автономной работы одиноких мыслителей-изобретателей и ход технической мысли характеризуется системностью, упорядоченностью и внутренней дисциплинированностью научно-исследовательских коллективов (лаборатории, институты и т. п.). Вот почему в одни исторические периоды мы имеем более, в другие менее радикальные и ценные технические открытия. Известная периодичность в динамике технических изобретений не исключает крупных поворотных скачков, открывающих новую эпоху в сфере общественного производства, тем более, что эти мощные революционизирующие скачки являются в большинстве случаев комбинированным результатом многочисленных мелких технических усовершенствований, накопленных предшествующими десятилетиями. И можно согласиться с Зомбартом, предлагающим деление эволюции техники за последние полтораста лет на три этапа: 1) с конца столетия до 1870 г. — распространение паровой машины, механизация транспорта, промышленности и сельского хозяйства; 2) в девяностые годы XIX века — электричество, железное и стальное судостроение,

---

[1] Наиболее ярко развил этот момент В. Б а з а р о в в своей книге «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в хозяйстве СССР», Гиз, 1927. См. также интересные соображения у L i e f m a n R., Grundzätze der Volkswirtschaft, Band II, Кар. III.

газовые машины в горной индустрии; 3) с 1907 г. — автомобилизм, воздухоплавание, мотор Дизеля[1].

Но что получается у Кондратьева? Зерно истины в его положении заключается в подчеркивании неравномерности технического прогресса в движении капиталистического цикла. Но попытка притянуть этот несомненный факт к оправданию закономерности больших конъюнктурных циклов приводит в полном смысле этого слова к курьезам. В самом деле.

«В период 20—25 лет до начала большого цикла и в 5 лет после начала волны большого цикла наблюдается наибольшее количество технических изобретений, которые получают действительное осуществление в начале большого цикла, способствуя тем соответствующему экономическому подъему важнейших экономических элементов на длинный период времени»[2].

Иными словами: на понижательную волну приходятся открытия крупных технических изобретений и усовершенствований, которые, подобно хорошему вину, выстаиваются многие годы, а затем широким потоком реализуются у порога в начальных звеньях последующей повышательной волны длительного порядка. Но неужели технический прогресс капиталистического хозяйства совершается в такой странной форме, что между открытием и применением этих открытий происходит з а к о н о м е р н ы й (а отнюдь не случайный!) массовый разрыв, измеряемый несколькими десятилетиями? Если мы обратимся к тем данным, которые привел Кондратьев в подтверждение своей странной мысли, то ничего оправдывающего ее не найдем. Кондратьев просто перечисляет радикальные технические изобретения, которые приходятся на понижательные волны больших циклов. Но, во-первых, он не упоминает о тех технических усовершенствованиях, которые имели место в исторические эпохи, отнесенные им к подъемным волнам долгосрочного порядка, и, во-вторых, — что особенно существенно — он не доказывает, что действительно, как закономерное массовое явление существуют многолетние периоды разрывов между появлением крупных изобретений и их широким практическим применением в общественном производстве.

Если мы бегло просмотрим историю технических усовершенствований, то заметим, что почти каждая депрессия нормального капиталистического цикла независимо от того, приходится ли она на повышательную или понижательную волну сконструированных Кондратьевым больших конъюнктурных волн, отмечается каким-либо крупным техническим усовершенствованием, которое реализуется или во второй половине депрессии, или в самом начале подъема. Такого закономерного явления, чтобы депрессии малых циклов, замкнутые снижающейся волной длительной конъюнктуры, характеризовались лишь с к о п л е н и е м массовых усовершенствований, а депрессии малых циклов,

[1] S o m b a r t W., Das Wirtschaftsleben im Zeithalter des Hochkapitalismus, Zweiter Halbband, 1927, S. 571.

[2] Ibid. стр. 117.

руются и затем внезапно устремляются на сооружение портов, каналов, железных дорог, фабричных корпусов и других видов массивных производительных сил.

Как это ни покажется странным, но проф. Кондратьев просто не понимает сущности материального процесса накопления капитала как особой исторической формы роста производительных сил общества. Так как расширение производства требует значительного количества «капитала», то Кондратьев бессознательно отождествляет производительный капитал с *денежным* капиталом, выдвигает последний на передний план и забывает, что с точки зрения *общественного* хозяйства суть дела отнюдь не в денежных капиталах, превращающихся каким-то образом в производительные силы, а в *направлении* (производительном или непроизводительном) совокупного общественного процесса производства. Решающим обстоятельством служит не многолетнее аккумулирование денежных капиталов, что вообще является совершенно надуманным процессом, а *характер потребления* производимой прибавочной стоимости. Именно в *это* упирается темп движения общественного хозяйства и достижение *высшего* по сравнению со сложившимся к данному моменту уровнем. Рост портов, каналов, массовых построек и железных дорог связан не величиной *денежного* капитала (это точка зрения *частного* предпринимателя), а наличной массой произведенного угля, добытой железной руды, изготовленных строительных материалов, рельсов и предметов потребления рабочего класса. Последнее обстоятельство не имеет, конечно, ничего общего с предварительным долгосрочным накоплением «натуральных запасов», как это мыслит себе Кондратьев. Многолетнее накопление запасов угля, железа, рельс является такой же фикцией, как и многолетняя аккумуляция денежных капиталов. Общественная прибавочная стоимость является единственным материальным фондом, из которого отдельные отрасли путем менового оборота извлекают элементы расширенного воспроизводства. Поэтому кардинальное значение имеет то обстоятельство, в *каких вещественных формах* появляется прибавочная стоимость на свет, выходя непосредственно из годового процесса труда. Ведь материальным условием накопления является не просто превышение всей суммы произведенных в предшествующий период продуктов над всей суммой как индивидуально, так и производительно потребленных продуктов, но такое превышение, которое создавало бы объективную возможность начать следующий цикл общественного воспроизводства в расширенных масштабах. Последнее требует не только наличия непотребленной прибавочной стоимости вообще, но наличия ее в вполне определенных по своей физической природе товарных продуктах, т. е. такого предварительного распределения производительных сил в целом народного хозяйства, чтобы определенная часть совокупного прибавочного труда уже *наперед* овеществлялась не в предметах капиталистического потребления, а в добавочных средствах производства и добавочных средствах рабочего потребления. Не процесс длительной аккумуляции денежных капиталов,

а процесс перераспределения производительных сил лежит в основе повышения темпа накопления и расширения материальной базы общественного хозяйства. Если, например, в стране развертывается крупное железнодорожное строительство, то это резко сдвигает общественное производство в сторону создания прибавочной стоимости в иных вещественных формах, чем прежде: открывается период интенсивного роста тяжелой индустрии. Продукты тяжелой индустрии находят себе широкий рынок в железнодорожном строительстве, последнее оплачивает их из доходов, выручаемых от перевозки грузов и пассажиров, и вместе с тем материально растет за счет производственного превращения угля, железа и цемента в стальные рельсы, вокзалы и подвижной транспортный состав. Неверно, таким образом, что сооружение новых фундаментальных производительных сил не может входить составным материальным слагаемым в подъемную волну нормального трехфазного капиталистического цикла. Выше мы убедились, что в те исторические эпохи, которые Кондратьев относит к понижательным волнам больших конъюнктурных циклов, в различных странах происходил радикальный сдвиг в области средств сообщения и сооружались центральные сквозные магистрали огромной протяженности. Под этим углом зрения нам станет понятной внешне парадоксальная мысль известного экономиста статистика Густава Энгеля, что железные дороги сами себя выстраивают. С помощью относительно небольшой суммы денег можно постепенно развернуть тысячи километров железных дорог, ибо внутренней основой этого процесса является не сосредоточение огромных масс денежного капитала, а механизм расширенного воспроизводства и перераспределения производительных сил народного хозяйства в сторону усиления производительного потребления создаваемого общественного продукта.

Таким образом, обе линии аргументации проф. Кондратьева «от основного капитала» — а) восстановление длительно-функционирующих средств и б) создание новых фундаментальных производительных сил — в защиту внутренней необходимости периодического повторения больших конъюнктурных циклов явно несостоятельны. Попытка искусственно обособить составные натуральные элементы общественного основного капитала и расчленить их воспроизводство и расширение многолетними интервалами принципиально неверна и эмпирически не оправдана. Ни различия во времени кругооборота уже имеющихся в общественном хозяйстве частей основного капитала, ни различия в масштабе стоимости вновь создаваемых масс основного капитала не обусловливают двуциклической формы движения совокупного капиталистического процесса.

В заключение критического разбора теоретических построений проф. Кондратьева остановимся еще на следующем эмпирическом обобщении, которое является одним из дополнительных элементов концепции больших циклов.

«В течение примерно двух десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла начинается оживление в сфере технических изобретений. Перед началом и в самом начале повышательной

волны, когда еще имеются крупные резервы движущих общественное производство свободных капиталов, могут происходить кризисы и депрессия циклов малого порядка? И наоборот, если понижательная волна большого цикла обусловлена истощением мобильных капиталов, то каким образом в понижательную волну большого цикла включаются подъемы малых циклов? Одно из двух: или проф. Кондратьев должен стать на ту точку зрения, что повышательные волны больших циклов охватывают только подъемные фазы малых циклов, а понижательные волны больших циклов — только депрессии малых циклов, или же он должен доказать, что надуманное им накопление и истощение ссудных капиталов обусловливает лишь динамику больших циклов, и что движение малых циклов совершенно независимо от этого механизма денежного рынка. Только эти два пути имеются у проф. Кондратьева. Но не трудно заметить, к чему приводит каждый из этих путей. Первым вариантом ответа Кондратьев купит внешнюю последовательность мысли фактической и логической нелепостью самого допущения. Вторым вариантом он придет к внутреннему противоречию с самим собою. Действительно, ведь он сам признал, что ритм как больших, так и малых циклов отражает ритм воспроизводства различных вещественных частей основного капитала. Но если это так, то законы элементарной логики приводят к выводу, что и те и другие циклы а н а л о г и ч н ы по своей экономической природе, что они различаются лишь своей продолжительностью, и что их внутренняя динамика управляется не д в у м я самостоятельно существующими механизмами, а е д и н ы м механизмом — механизмом денежного рынка. Таким образом, отвергая монистичность двигательного механизма конъюнктурных колебаний, Кондратьев впадает в противоречие с самим собою, ибо он признал внутреннюю однородность (восстановление и создание основного капитала) тех и других типов конъюнктуры [1]. Принимая же эту монистичность, он окажется не в состоянии объяснить, каким образом возможно п р о т и в о п о л о ж н о е д в и ж е н и е ц е н в фазах всякого законченного малого цикла (повышения при подъемах и снижения при депрессиях) на оси каждой из двух волн большого цикла, когда механизм денежного рынка гонит уровень товарных цен или только в в е р х (длительный подъем) или только в н и з (длительная депрессия). Безвыходность создавшегося положения достаточно ярко характеризует «познавательную ценность» всей теории.

В о - в т о р ы х. Остается неясным ф о к у с н ы й м о м е н т в структуре большого цикла — его переломная фаза. А именно: характеризуется ли состояние капиталистического хозяйства в критический период спадения высокой конъюнктурной волны длительной продолжи-

---

[1] Впрочем ясности у него нет даже в этом вопросе. В другой своей работе он заявляет: «Экономисты сосредоточили преимущественное внимание на изучении малых циклов конъюнктуры и отчасти на сезонных колебаниях... Необходимо подвергнуть тщательному анализу также и большие циклы. Мы не говорили, что большие циклы имеют ту же природу, что и малые циклы. Мы утверждаем лишь, что и эти колебания конъюнктуры должны быть изучены». («К вопросу конъюнктуры». «Соц. хозяйство», 1924, кн. II, стр. 371).

тельности всеобщим товарным перепроизводством, или экономическая ситуация этого периода проходит под знаком частичного перепроизводства в одной какой-либо отрасли, превращающегося (как думал Туган-Барановский) через посредство денежного обмена в особую форму всеобщего перепроизводства, или же, наконец, состояние какого бы то ни было типа перепроизводства принципиально исключено из структуры большого цикла в противоположность обычным торгово-промышленным циклам? При установлении морфологии большого цикла проф. Кондратьев вообще не ввел в свою схему идеи товарного перепроизводства. Он очень скупо и явно недостаточно характеризует состояние общественного хозяйства в период перехода от повышательной волны конъюнктуры к понижательной волне. Вот соответствующее место в его книге.

«Так как повышательная волна ее (конъюнктуры. — *А. Г.*) возникает на основе высокого напряжения накопления и долгосрочных помещений капитала в фундаментальные и дорогостоящие сооружения, то проходит весьма значительный период, прежде чем эта повышательная инерция преодолевается и начинается понижательная волна. Но тем не менее она начинается с неизбежностью. Прежний темп инвестирования в капитальные сооружения падает. Активность всей хозяйственной жизни сокращается, цены понижаются»[1]. Но подобная характеристика совершенно не вскрывает внутренней природы тех экономических явлений, которые имеют место в критический период большого цикла, а затем развиваются в следующую за ним эпоху длительной хозяйственной депрессии. Обойден молчанием самый «пикантный» момент в динамике конъюнктурного цикла — кризисный сдвиг. Не сформулировав таким образом своего понимания связи между условиями реализации товарного продукта и понижательным движением цен, проф. Кондратьев оставил в своей внешне-стилизованной схеме зияющий пробел и тем самым вызывает у всякого, мало-мальски мыслящего, читателя ряд недоуменных вопросов. В самом деле. Если состояние какого бы то ни было типа перепроизводства вообще исключено из внутренней природы автоматически развивающегося большого цикла, то чем объясняется понижение уровня товарных цен? Ведь снижение темпа накопления вовсе не должно само по себе обязательно приводить к падению товарных цен. Непонятно, почему это снижение не может отразиться на ценах товарного рынка просто замедлением и приостановкой их дальнейшего роста? Далее. Если в основе перелома большого цикла лежит частичное перепроизводство в одной какой-либо отрасли, то почему связанное с ним понижение цен не локализируется, а неизменно развивается в общее устойчивое понижение цен на все без исключения группы товаров? Известная попытка Туган-Барановского разрешить этот вопрос для малых циклов должна быть признана явно неудачной. И если Кондратьев попытается воспользоваться соответствующим построением Туган-Барановского, он должен будет

[1] «Большие циклы конъюнктуры», стр. 64.

приходящиеся на большую повышательную волну, — просто отсутствием крупных технических открытий, — такого явления в действительности не существует.

Так, после кризиса 1825 года в Англии широко распространилось употребление механических ткацких станков, которые до того времени имели лишь небольшое применение, и были произведены значительные улучшения в выплавке железа (Нельсон вводит горячее дутье). Помимо этого: фабрикация стальных перьев, первая железная дорога с конной тягой для перевозки пассажиров от Дарлингтона до Стоктона (1825) и другая железная дорога с паровой тягой от Ливерпуля до Манчестера (1830). Период депрессии, наступивший вслед за кризисом 1836 г., также отмечен введением в производство ряда технических изобретений. С помощью минерального топлива развивается выплавка чугуна; паровой молот применяется для выделки крупных механических частей, особенно двигательных валов для больших машин; улучшается конструкция прокатных станков; формовка чугуна усовершенствуется в такой степени, что его употребление становится возможным в целом ряде новых областей (мосты, железнодорожные постройки). Железо применяется для судостроения (1842). Вводится на пароходах винт Архимеда. Первый пароход пересекает Атлантический океан. После кризиса 1847 г. промышленность переходит на работу с коксом вместо древесного угля. Заметим, что все три кризиса приходятся, по Кондратьеву, на понижательную волну «большого цикла» и что, следовательно, сколько-нибудь значительные технические усовершенствования не должны были вводиться в производственный процесс. Для того, чтобы показать, насколько подобное допущение неверно, мы укажем еще на один яркий пример, относящийся к понижательной волне второго «большого цикла». Это — изобретение Томаса Джилькрайста (в 1879 г. взят патент), давшее возможность использовать (главным образом, Германии и Франции) богатый фосфором чугун. Действительно ли великое открытие Томаса должно было ожидать десятилетий (лишь с 1896 г., по Кондратьеву, начинается очередная повышательная волна большого цикла), чтобы реализоваться в производстве? Следующая табличка, в которой иллюстрирован рост продукции железа, выплавленного томасовским процессом, отвечает на этот вопрос (в тоннах).

1878 г.	20	1885 г.	336 000
1879 «	2 982	1890 «	2 603 000
1880 «	50 000	1893 «	3 638 000

Отметим, наконец, что на тот же период «понижательной волны» большого цикла приходится еще практическое использование способов добывания сахара из свекловицы и извлечения красок из каменноугольной смолы. Кто знаком с историей Германии, тот знает, какое значение имели два последних момента для подъема немецкой промышленности в семидесятые и восьмидесятые годы XIX века. До сих пор речь шла о реализации технических усовершенствований. Не более правдоподобно выглядит конценция Кондратьева и в отношении по-

явления новых крупных изобретений. В дополнение к тому списку изобретений, возникновение которых относится к «понижательным волнам больших циклов», мы упомянем о новых крупных изобретениях, падающих на «повышательные волны», когда, согласно Кондратьеву, наступает относительный технический застой. Для первого цикла (1793—1818): гидравлический пресс Брамака (1805); первый опыт электрического телеграфа Земмеринга в Вене (1809); скоропечатный станок Кенига и Бауэра (1810—1814); стальное литье Круппа (1815); дрезина в качестве велосипеда в Париже (1817); портландский цемент Aspdin (1818). Для второго цикла: получение Бунзеном алюминия при посредстве гальванопластики (1854); бессемеровская сталь (1855); патент на аппарат горячего дутья Коупера (1857); паровой плуг Фаулера в Англии (1856); фиолетовая анилиновая краска Перкинса (1856); искусственный ализарин Грэба и Либермана (1868); искусственное индиго Байера (1850); телефон Рейса в Германии (1868); ротационная машина в Соед. штатах (1862); древесная бумага Унгера (1869); открытое почтовое письмо Стефана (1865); динамит Нобеля (1865—1868). Для третьего цикла (1896—1920): изобретение подводных лодок (1895—1900); беспроволочный телеграф, колебание электрических волн, открытое Гертцем; беспроволочный телеграф Маркони; управляемые воздушные аэростаты и аэропланы — Парсиваль, Цеппелин, бр. Райт, Лилиенталь и др. Так обстоит дело с имеющей близкое отношение к проблеме воспроизводства основного капитала курьезной идеей проф. Кондратьева о закономерном массовом скоплении технических изобретений в период понижательной волны и относительной стабильности технического прогресса в период повышательной волны несуществующего в реальной действительности «большого конъюнктурного цикла».

V

Выше мы убедились, что попытка исторической констатации периодически сменяющихся больших конъюнктурных волн терпит крушение на фактах экономической действительности. Теперь несомненно, что и теоретическое обоснование внутренней необходимости двуциклической формы динамики капиталистического процесса не выдерживает критики. Но для того, чтобы несостоятельность quasi научных построений проф. Кондратьева была раскрыта до конца, остановимся на некоторых «частных» дефектах его теории. Нетрудно убедиться, что достаточно уже хотя бы одного из этих дефектов, чтобы порочной оказалась вся концепция. А у Кондратьева их не один.

Во-первых, как, собственно, экономически укладываются малые циклы в рамки больших? В самом деле. Если продолжительность повышательной волны большого цикла внутренне предопределена величиной питающего ее свободного ссудного капитала, то совершенно непонятно, каким образом, на протяжении этой подъемной

преодолеть все те критические замечания, которые были сделаны по ее поводу [1]. Наконец, — это было бы для нас неожиданным сюрпризом, — если проф. Кондратьев считает, что поворотный сдвиг в динамике большого конъюнктурного цикла вызван не частичным перепроизводством, случайно фиксирующимся то в той, то в другой отрасли хозяйства, а всеобщим товарным перепроизводством, имеющим всегда определенную направленность, обусловленную в конечном счете заложенным в основе капитализма противоречием между безграничным стремлением капитала к расширению и ограниченностью массового потребления общества, то как увязать такой взгляд с центральной идеей Кондратьева, что подъемная волна большого цикла разбивается о недостаток свободных капиталов, а не об избыток товарных продуктов? Проф. Кондратьев не сознает, что здесь имеется очень сложная проблема, и думает, что он разрешил все вопросы ссылкой на истощение ссудных капиталов к концу подъемной волны.

В-третьих, крайне характерно для концепции проф. Кондратьева, что в своей теории большого цикла он обошел абсолютным молчанием проблему общественного потребления и значение последнего в движении конъюнктуры. Мы очень далеки от сисмондистски-народнической трактовки роли потребления в процессе реализации общественного продукта и объяснения периодически промышленных кризисов примитивной теорией недопотребления. Емкость капиталистического рынка не исчерпывается суммой общественного дохода, ибо одновременно и параллельно с потребительским спросом, создаваемым элементами национального дохода *(V + M)*, — существует устойчивый и прогрессивно растущий спрос, создаваемый элементами национального капитала *(C)*. Размер товарного предложения в целом капиталистического хозяйства никогда не совпадает и не должен совпадать с суммой потребительского спроса, как это представляла сисмондистская школа. Но несмотря на то, что размер капиталистического рынка не только не равен величине потребительского спроса, но последняя величина становится все меньше в отношении к размерам совокупного общественного спроса, личное потребление имеет вполне определенное значение в капиталистическом процессе, поскольку капиталистическое производство, как и всякое общественное производство, должно в конечном счете контролироваться личным потреблением, хотя контроль этот носит не прямой и непосредственный, а косвенный и обратный характер. Однако, проф. Кондратьев вообще не находит нужным каким-либо образом включить в свою теоретическую схему момент личного потребления. Последнее ни с какого конца не увязано с выдвинутой им концепцией больших циклов конъюнктуры. Проблема, над которой научная мысль бьется уже более столетия, и о которую спотыкаются лучшие умы политической экономии, просто игнорируется

---

[1] См. Шапошников Н., Теория ценности и распределения, Москва, 1912, стр. 12 и далее; Первушин С., Хозяйственная конъюнктура, 1925, стр. 43 и дальше.

Кондратьевым. Туган-Барановский имел, по крайней мере, мужество открыто защищать идею принципиальной независимости расширяющейся капиталистической промышленности от размеров личного потребительского спроса общества. В концепции Кондратьева производство вещественных элементов основного капитала также является замкнутым самодовлеющим процессом, границы движения которого совершенно не связаны с уровнем общественного потребления, но он предпочитает не рекламировать своей парадоксальности в этом вопросе, а попросту замалчивает самый вопрос, несмотря на его огромную важность для построения теории цикла. — Пора подвести итоги.

1. Структура крупных и длительных сдвигов цен, имевших место в прошлом капитализма, не носит регулярного циклического характера. Темп динамики материальных производительных сил не соответствовал направлению этих колебаний в противоположность несомненной корреляции ценностных и натуральных элементов в ходе обычных торгово-промышленных циклов.

2. Неповторимые исторические периоды эволюторного порядка Кондратьев произвольно выдает за периодические цикловые обороты полувековой продолжительности. Эволюция капитализма растворена в кон'юнктурном процессе. Совершенно не понята действительно существующая неоднозначность темпа развития производительных сил в различные исторические периоды, так как этой неоднозначности ошибочно приписан автоматический механизм конъюнктурного ритма.

3. Попытка теоретического обоснования неизбежности двуциклической формы динамики капиталистического процесса насквозь дефектна в обоих ее составных звеньях — ссудном капитале и основном капитале.

Идея больших циклов конъюнктуры в целом должна быть решительно отвергнута, как фактически неоправданная, теоретически несостоятельная и социально апологетичная.

явления новых крупных изобретений. В дополнение к тому списку изобретений, возникновение которых относится к «понижательным волнам больших циклов», мы упомянем о новых крупных изобретениях, падающих на «повышательные волны», когда, согласно Кондратьеву, наступает относительный технический застой. Для первого цикла (1793—1818): гидравлический пресс Брамака (1805); первый опыт электрического телеграфа Земмеринга в Вене (1809); скоропечатный станок Кенига и Бауэра (1810—1814); стальное литье Круппа (1815); дрезина в качестве велосипеда в Париже (1817); портландский цемент Aspdin (1818). Для второго цикла: получение Бунзеном алюминия при посредстве гальванопластики (1854); бессемеровская сталь (1855); патент на аппарат горячего дутья Коупера (1857); паровой плуг Фаулера в Англии (1856); фиолетовая анилиновая краска Перкинса (1856); искусственный ализарин Греба и Либермана (1868); искусственное индиго Байера (1850); телефон Рейса в Германии (1868); ротационная машина в Соед. штатах (1862); древесная бумага Унгера (1869); открытое почтовое письмо Стефана (1865); динамит Нобеля (1865—1868). Для третьего цикла (1896—1920): изобретение подводных лодок (1895—1900); беспроволочный телеграф, колебание электрических волн, открытое Гертцем; беспроволочный телеграф Маркони; управляемые воздушные аэростаты и аэропланы — Парсиваль, Цеппелин, бр. Райт, Лилиенталь и др. Так обстоит дело с имеющей близкое отношение к проблеме воспроизводства основного капитала курьезной идеей проф. Кондратьева о закономерном массовом скоплении технических изобретений в период понижательной волны и относительной стабильности технического прогресса в период повышательной волны несуществующего в реальной действительности «большого конъюнктурного цикла».

V

Выше мы убедились, что попытка исторической констатации периодически сменяющихся больших конъюнктурных волн терпит крушение на фактах экономической действительности. Теперь несомненно, что и теоретическое обоснование внутренней необходимости двуциклической формы динамики капиталистического процесса не выдерживает критики. Но для того, чтобы несостоятельность quasi научных построений проф. Кондратьева была раскрыта до конца, остановимся на некоторых «частных» дефектах его теории. Нетрудно убедиться, что достаточно уже хотя бы одного из этих дефектов, чтобы порочной оказалась вся концепция. А у Кондратьева их не один.

Во-первых, как, собственно, экономически укладываются малые циклы в рамки больших? В самом деле. Если продолжительность повышательной волны большого цикла внутренне предопределена величиной питающего ее свободного ссудного капитала, то совершенно непонятно, каким образом, на протяжении этой подъемной

преодолеть все те критические замечания, которые были сделаны по ее поводу [1]. Наконец, — это было бы для нас неожиданным сюрпризом, — если проф. Кондратьев считает, что поворотный сдвиг в динамике большого конъюнктурного цикла вызван не частичным перепроизводством, случайно фиксирующимся то в той, то в другой отрасли хозяйства, а всеобщим товарным перепроизводством, имеющим всегда определенную направленность, обусловленную в конечном счете заложенным в основе капитализма противоречием между безграничным стремлением капитала к расширению и ограниченностью массового потребления общества, то как увязать такой взгляд с центральной идеей Кондратьева, что подъемная волна большого цикла разбивается о недостаток свободных капиталов, а не об избыток товарных продуктов? Проф. Кондратьев не сознает, что здесь имеется очень сложная проблема, и думает, что он разрешил все вопросы ссылкой на истощение ссудных капиталов к концу подъемной волны.

В-третьих, крайне характерно для концепции проф. Кондратьева, что в своей теории большого цикла он обошел абсолютным молчанием проблему общественного потребления и значение последнего в движении конъюнктуры. Мы очень далеки от сисмондистски-народнической трактовки роли потребления в процессе реализации общественного продукта и объяснения периодически промышленных кризисов примитивной теорией недопотребления. Емкость капиталистического рынка не исчерпывается суммой общественного дохода, ибо одновременно и параллельно с потребительским спросом, создаваемым элементами национального дохода *(V + M)*, — существует устойчивый и прогрессивно растущий спрос, создаваемый элементами национального капитала *(C)*. Размер товарного предложения в целом капиталистического хозяйства никогда не совпадает и не должен совпадать с суммой потребительского спроса, как это представляла сисмондистская школа. Но несмотря на то, что размер капиталистического рынка не только не равен величине потребительского спроса, но последняя величина становится все меньше в отношении к размерам совокупного общественного спроса, личное потребление имеет вполне определенное значение в капиталистическом процессе, поскольку капиталистическое производство, как и всякое общественное производство, должно в конечном счете контролироваться личным потреблением, хотя контроль этот носит не прямой и непосредственный, а косвенный и обратный характер. Однако, проф. Кондратьев вообще не находит нужным каким-либо образом включить в свою теоретическую схему момент личного потребления. Последнее ни с какого конца не увязано с выдвинутой им концепцией больших циклов конъюнктуры. Проблема, над которой научная мысль бьется уже более столетия, и о которую спотыкаются лучшие умы политической экономии, просто игнорируется

[1] См. Шапошников Н., Теория ценности и распределения, Москва, 1912, стр. 12 и далее; Первушин С., Хозяйственная конъюнктура, 1925, стр. 43 и дальше.

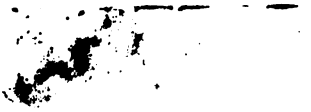
Кондратьевым. Туган-Барановский имел, по крайней мере, мужество открыто защищать идею принципиальной независимости расширяющейся капиталистической промышленности от размеров личного потребительского спроса общества. В концепции Кондратьева производство вещественных элементов основного капитала также является замкнутым самодовлеющим процессом, границы движения которого совершенно не связаны с уровнем общественного потребления, но он предпочитает не рекламировать своей парадоксальности в этом вопросе, а попросту замалчивает самый вопрос, несмотря на его огромную важность для построения теории цикла. — Пора подвести итоги.

1. Структура крупных и длительных сдвигов цен, имевших место в прошлом капитализма, не носит регулярного циклического характера. Темп динамики материальных производительных сил не соответствовал направлению этих колебаний в противоположность несомненной корреляции ценностных и натуральных элементов в ходе обычных торгово-промышленных циклов.

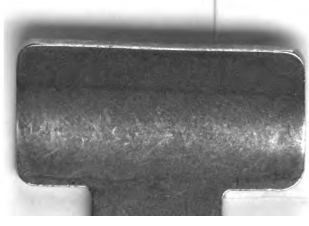
2. Неповторимые исторические периоды эволюторного порядка Кондратьев произвольно выдает за периодические цикловые обороты полувековой продолжительности. Эволюция капитализма растворена в кон'юнктурном процессе. Совершенно не понята действительно существующая неоднозначность темпа развития производительных сил в различные исторические периоды, так как этой неоднозначности ошибочно приписан автоматический механизм конъюнктурного ритма.

3. Попытка теоретического обоснования неизбежности двуциклической формы динамики капиталистического процесса насквозь дефектна в обоих ее составных звеньях — ссудном капитале и основном капитале.

Идея больших циклов конъюнктуры в целом должна быть решительно отвергнута, как фактически неоправданная, теоретически несостоятельная и социально апологетичная.



DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET



ALF Collections Vault
3 0000 113 894 533